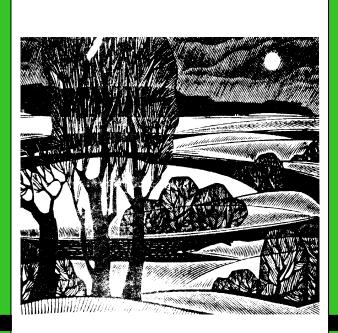

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

16+

PUOKSKUS 30PU

ОРДЕНА Г.Р. ДЕРЖАВИНА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1

2015

ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:

Орден Гаврилы Романовича Державина — знак литературнообщественной премии «Живи и жить давай другим...» (Г. Р. Державин «На рождение царицы Гремиславы» Л. А. Нарышкину)

Медаль «300 лет
Михаилу Васильевичу Ломоносову»—
в честь 300-летия со дня рождения
великого русского ученогоэнциклопедиста и основоположника
современной русской поэзии

Медаль к 190-летию со дня рождения великого русского поэта Николая Алексеевича Некрасова — знак лауреата Некрасовской литературной премии

IPHOKSKUS 30PH

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ ЖУРНАЛ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ 2015 — 1(38)

СОДЕРЖАНИЕ

У НАС В ГОСТЯХ БЕЛОРУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ СОЮЗ «ПОЛО РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА	ОЦКАЯ ВЕТВЬ»
Беларусь литературная: взгляд изнутри (Олег Зайцев)ПРОЗА	
пгоза Александр Рей. Отрывок из мистической повести «Клубок 31»	
Вадим Яр. ОзероАлена Занковец. Осень настоящая	
Александра Ковалевская. Вавилон номер восемь	
Александр Мазуренко. ОсвобождениеВасилий Миронов. Велосипед	
василии миронов. велосипед	
Михаил Шнитко. Три рассказа	
михаил шнитко. три рассказаПЬЕСЫ	43
Анна Авота. Пуговка	50
Анна Авота. 11уговка	
ПОЭЗИЯ	
Олег Бородач. Я сократил разрыв	90
Олет вородач. Я сократил разрык	
Кихаил Борожцов. Оползнем. Вдреости, падаю Екатерина Дабкене. Таньке	
Владимир Демидов. Сага	
Дарья Дорошко. В начале	
Олег Зайцев. Как белка набираю оборот	
Тамара Ковалева. Родина	
Рита Круглякова. Из кокона	
Татьяна Мацевич. На изломе мая	
Василий Мельников. Мне не хватит чернил	
Александр Раткевич. Триединство	
Олег Сешко. Отражение	
Александр Супей. Ночное окно	
Владимир Шаронов. Стихи о любви	
Татьяна Шеина. Ex thoracis	
ПЕРЕВОЛЫ	
Александр Гугнин. Герман Гессе	140
Наталья Иванова. Уильям Шекспир	
ЮМОР	
Ася Михайповская Байки про журнаписта Гришу	148

Виктор Рябинин. Древние греческие сказки	157
СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ	
Людмила Яськова. Дружба	163
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	
Юрий Клеванец. Драматургия рубежа веков: Антон Чехов и Андрей Курейчик	165
Родион Александров. По направлению к катарсизму	170
МАЛ ЗОЛОТНИК ДА ДОРОГ: ПРОИЗВЕДЕНИЯ РОССИЙСКИХ АВТОРОВ	
Тимур Зульфикаров. Апокалипсис XXI века (начало)	175
Вячеслав Михайлов. Сказ о новом правителе и старом советнике	182
Геннадий Маркин. Отцовское завещание	184
Александр Сорокин. Этюд о неразделенной любви	187
Маргарита Дзодзикова. Фамильное святилище Дзодзиковых в Северной Осетии (очерк)	
Игорь Лукьянов. Новые стихотворения	194
Игорь Нехамес. Стихи к 70-летию Победы	201
Анатолий Болутенко. Далекая Родина (пер. Якова Шафрана)	210
Ольга Борисова. Это Русь	215
Ирина Кедрова. Итоги литературной дискуссии 2014-го года	219
Сергей Крестьянкин. Удержать равновесие над пропастью!	226
Алексей Яшин. Поэт из Тольятти	
Рудольф Артамонов. К прошедшей годовщине А. П. Чехова	231
Ирина Николаева. Что наша жизнь?	235
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ	240

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на CD-RW-диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы принимаются: проза — markingennady@yandex.ru; поэзия — struna43@yandex.ru

Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 920; e-mail и телефон главного редактора: *priok.zori@mail.ru*; (4872)25-47-42

Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула), член Правления Академии российской литературы Первый зам. главного редактора Виктор ПАХОМОВ (Тула) Зам. главного редактора — ответственный секретарь Яков ШАФРАН (Тула)

Редколлегия:

Людмила АВДЕЕВА (Москва) Людмила АЛТУНИНА (Тула) Вячеслав БОТЬ (Тула) Тамара БУЛЕВИЧ (Красноярск) — зав. отделом Тамара ВУЛЕБИЧ (красноярск) — зав. отде международных связей Ефим ГАММЕР (Иерусалим, Израиль) Валерий ГАНИЧЕВ (Москва), председатель Правления Союза писателей России Виктор ГРЕКОВ (Белев) Ирина КЕДРОВА (Москва) — зав. отделом критики и литературоведения Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула) Сергей ЛЕБЕДЕВ (Тольятти) — зав. отделом литературы Поволжья Геннадий МАРКИН (Щекино) — зав. отделом ПРОЗВИ ПОСТВЕНИИ ПОСТВЕНИ Сергей ПРОХОРОВ (Красноярский край) — зав. Серген ПГОЛОГОВ (краспоярский краи) отделом литературы Сибири Владимир САПОЖНИКОВ (Тула) Валентин СОРОКИН (Москва) — проректор Литинститута им. А. М. Горького по ВЛК Константин СТРУКОВ (Тула) — зав. отделом Александр ХАДАРЦЕВ (Тула) Леонид ХАНБЕКОВ (Москва), президент Академии российской литературы

Зав. редакцией Марина БАЛАНЮК (Тула) Художник Олеся ЯНГОЛ (Юрмала, Латвия) WEB-мастер Виктор ХРОМУШИН (Тула) Секретарь Игорь МЕЛЬНИКОВ (Тула)

Информационная поддержка:

- Литературное агентство «Московский Парнас»
- журнал «Голос эпохи» (Москва)
- «Литературная газета»
- газета «Российский писатель»
- «Общеписательская литературная газета»
- (Москва)
- газета «Слобода» (Тула)
- газета «Тульская правда»
- газета «День литературы» (Москва) журнал «Золотая Ока» (Калуга)

Журнал издается при организационной поддержке Академии российской литературы, Тульской писательской организации Союза писателей России и Тульского госуниверситета.

Учредитель: ООО Издательство «Неография». Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ 71-00079 от 05.03.2009 Управления ФС по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций по Тульской области

Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте Интернета: www.pz.tula.ru (в PDF формате) См. также на сайте «Русское поле»: priokskie.ruspole.info

© «Приокские зори», 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА*

БЕЛАРУСЬ ЛИТЕРАТУРНАЯ: ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

Нынешнее литературное пространство Республики Беларусь смахивает на пестрое «лоскутное» одеяло. С одной стороны мы имеем три общереспубликанских писательских союза. С другой — множество местных полулюбительских литературных объединений при редакциях районных и городских газет, домах и дворцах культуры, высших учебных заведениях и центрах социальной защиты. С третьей — не одну сотню писателей-одиночек, не входящих ни в одно из творческих сообществ. Если собрать воедино всю эту «армию» поклоняющуюся изящной словесности люда, то получается, что в Беларуси занимается литературным творчеством около двух тысяч человек.

Но обо всем по порядку. Старейшим в стране литературным союзом выступает Союз белорусских писателей. Считающий себя правопреемником Союза писателей БССР, созданного еще в 1932 году с подачи партийных органов. Именно под его знаменами пребывает сегодня костяк наиболее известных еще по школьных и вузовским учебникам писателей, в числе которых остаются и авторы с титулом «народные». Остаются, потому что в стране уже более двадцати лет никому не присваиваются подобные почетные звания. Только в нынешнем году из жизни ушел народный поэт Беларуси Рыгор Бородулин и еще один известный всей стране поэт, бывший даже постпредом БССР в ООН, Геннадий Буравкин. Нынче в рядах СБП насчитывается около 500 авторов. Союз издает литературно-художественные журналы «Дзеяслоў» и «Верасень», газету «Литературная Беларусь», информационный бюллетень «Книганоша». Из наиболее известных имен можно назвать Нила Гилевича, Владимира Некляева, Василия Зуёнка, Ольгу Ипатову, Леонида Дайнеко, Андрея Хадановича, Владимира Орлова. Раису Боровикову...

Вторым по времени создания можно считать **Белорусский литературный союз** «**Полоцкая ветвь»**. Он возник на волне растущего национализма в стране и стал альтернативой тогдашнему «нацдемовскому» Союзу писателей Беларуси. У создателей новой организации просто не было иного выхода: русскоязычных авторов на тот момент в Союз писателей Беларуси (с 1991 до 1996 года он назывался именно так) принимать практически прекратили. Так, автору этих строк удалось в те годы найти следующую статистику по приему в ряды тогдашнего СПБ. В 1991-м году туда было принято три русскоязычных автора, в 1992-м — два, в 1993 — один! Если бы не появление альтернативной организации, то пишущим на русском в Беларуси, похоже, места не нашлось. Но, как говорится, спасение утопающих — дело рук самих утопающих. И хотя за двадцать лет существования Беллитсоюз «Полоцкая ветвь» так и

^{*} Настоящий номер «Приокских зорь» задуман как «белорусский», в котором представлено творчество авторов — членов Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», дружественного нашему журналу. Поэтому вместо традиционной «Колонки главного редактора» номер открывает «Редакционная колонка», написанная Олегом Зайцевым.— Прим. главного редактора.

не получил официальной государственной поддержки, но и особо палки в колеса (за исключением кампании гонений на членов того и этого союзов в начале 2010-го года с подачи руководства провластного СПБ) ему никто не вставлял. Сегодня Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь» имеет 12 региональных отделений, объединяющих в своих рядах чуть более 140 авторов. Кстати, 14 из них проживают за рубежом. «Полоцкая ветвь» издает газету «Слово писателя» (с 1996 по 2011-й годы выходила газета «Вестник культуры») и литературно-публицистический журнал «Западная Двина» (с 2011 по 2014 в связи с отсутствием средств не выпускался, сейчас предпринимается попытка возобновить выход раз в полугодие, в основном, в электронной версии). Среди наиболее известных имен прозаик Федор Конышев, писатели Павел Низковский, Геннадий Римский, поэт Евгений Матвеев (ушли из жизни), драматург и киносценарист Андрей Курейчик, поэты Олег Зайцев, Александр Раткевич, переводчик Александр Гугнин, литературный критик и писатель Вадим ЯР (Салеев).

Третьим союзом можно смело назвать Союз писателей Беларуси, возникший в 2005 году после раскола в рядах Союза белорусских писателей. Раскол произошел не на литературной, а на политической почве: вышедшая из старого союза часть писателей (чуть больше ста человек) стояла на позициях действующей власти. За верность власть передала им все имущество и периодические литературные издания, отобранные у оппозиционного Союза белорусских писателей, положила приличные оклады активу. На данный момент Союз писателей Беларуси, которому президент разрешил вернуть прежнее название, чего лишил в 1996-м году Союз белорусских писателей, насчитывает более 500 авторов, объединенных в шесть областных и Минское городское отделения. В распоряжении (совместном с Министерством информации) у СПБ находятся такие литературно-публицистические журналы как «Маладосць», «Полымя», «Нёман», газета «Литаратура и мастацтва» (литература и искусство). Из наиболее известных имен следует вспомнить Николая Чергинца, Владимира Гниломёдова, Владимира Липского, Николая Метлицкого, Елену Попову, Александра Мартиновича, Георгия Марчука, Андрея Скоринкина, Татьяну Шамякину, Геннадия Пашкова, Михаила Башлакова, Владимира Глушакова, Ивана Чароту, Владимира Каризну, Алеся Мартиновича.

Отношения между всеми тремя союзами весьма и весьма натянутые, имеет место тотальное недоверие и взаимная беспощадная критика. Все три союза состоят в Международном сообществе писательских союзов, но СБП его деятельность в последние пять лет игнорирует (не присылает делегатов даже на съезды).

К числу прочих литературных и окололитературных объединений, распространяющих свою деятельность на всю республику, можно с некоторой долей натяжки отнести **белорусский ПЭН-клуб**. С некоторой долей, потому что организация эта объединяет не только писателей, но и журналистов, и представителей некоторых других видов искусства. Количество литераторов в ней ограничено двумя-тремя десятками человек. При этом членство в ПЭН-клубе чаще всего дублируется с членством в СБП. В последние годы о его деятельности почти ничего не слышно.

Еще одной из прочих организаций можно назвать **Союз литературно-худо-жественных критиков**, в котором также осела некая толика писателей, не чуждых художественной критике и литературоведению. СЛХК «окопался» на базе Белорусской академии искусств, возглавляет его искусствовед, профессор Ричард Смольский. Его литераторы также практически все состоят в одном из трех вышеперечесленных союзов: СБП, Беллитсоюзе «Полоцкая ветвь», СПБ.

Кроме писателей, охваченных тремя вышеперечисленными республиканскими союзами, еще около двухсот-трехсот авторов пребывает в многочисленных городских и районных литобъединениях, народных и образцовых коллективах, вне корпо-

ративных объединений, не будучи принятыми в ряды основных литсоюзов либо предпочитая «одиночную ходьбу». Среди таких есть и те, кто имеет определенную популярность в стране и за ее пределами. Эти авторы работают, в основном, в жанре фэнтези или т.н. женского романа.

Часть писателей из СПБ, СБП и Беллитсоюза «Полоцкая ветвь» имеет также членство в Союзе писателей России, Союзе российских писателей, Российском союзе профессиональных литераторов, Союзе писателей XXI века, Международной федерации русскоязычных писателей, Международной гильдии писателей и публицистов и т.п. международных писательских организациях.

Государственные премии Беларуси присуждаются один раз в два года (каждый четный год) в следующем количестве:

- за произведения поэзии и драматургии одна премия имени Янки Купалы;
- за произведения прозы, работы в области литературоведения и критики одна премия имени Якуба Коласа;
- за произведения литературы и искусства для детей и юношества одна премия;
- за работы в области художественной публицистики (литература, искусство) одна премия имени Кастуся Калиновского.

В 2004 году такая премия составляла 350 базовых величин или в пересчете на «вражеские» — 4 162 доллара США по курсу Национального банка.

Все три республиканских союза имеет собственные литературные премии и конкурсы с денежным содержанием или без оного. И хотя «провластный» Союз писателей Беларуси позиционирует свои областные премии, как общелитературные, так как проводятся они на казенные деньги, которые выделяют облисполкомы, побеждают в этих премиях, традиционно, члены самого СПБ. Так, Литературная премия им. П. Бровки учреждена Витебским облисполкомом в текущем году. Ее размер составляет 352 доллара в эквиваленте. Литературная премия Брестского областного исполнительного комитета имени В. Колесника, учрежденная в 2007 году, составляет еще меньше — 294 доллара США в эквиваленте. Есть еще универсальная премия имени Александра Дубко, чей премиальный номинал составляет столько же, сколько и у брестчан. Единственной литературной премией, которая учреждена районными властями, является Литературная премия имени А. Капустина в области публицистики и прозы. Она учреждена Жлобинским райисполкомом в 1999 году. Премия имеет статус областной. Союзом писателей Беларуси присуждаются также премии имени Ивана Мележа, Владимира Короткевича, Янки Мавра. Размер их, разумеется, значительно ниже, чем размер госпремии. Может быть, поэтому премиальный фонд вышеозначенных наград остается тайной за семью печатями.

Союз белорусских писателей также «разродился» несколькими литературными наградами. Но, ввиду отсутствия господдержки, не самостоятельно, а «вскладчину». В одном случае это Литературная премия имени Максима Богдановича «Дебют», учрежденная СБП, Белорусским ПЕН-центром и Литературным музеем имени Максима Богдановича. Во втором — Литературная премию имени Ежи Гедройца, основанная совместно посольством Республики Польша в Беларуси, Польским институтом в Минске, Белорусским ПЭН-центром и Союзом белорусских писателей (наградой которой являются возможность издать книгу в Польше, литературные стипендии и приглашения в европейские дома творчества). Понятно, кто в определении лауреатов этой награды играет «первую скрипку».

Недавно основал собственную литературную премию имени Симеона Полоцкого и Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь». Вернее, основал-то он ее давно, а вот вручать стал только с 2011 года. Финансовой составляющей не имеет.

В республике имеется также Литературная премия имени Ф. Богушевича, учрежденная белорусским ПЭН-центром. Есть Премия «Гліняны Вялес», созданная незарегистрированным Товариществом вольных литераторов (ТВЛ) и персонально Алесем Аркушем. Фигурируют в списках и литературная премия «Золотой апостроф» литературно-публицистического журнала «Дзеяслоў», премия «Залатая літара», учрежденная Адамом Глобусом. Но все эти премии не имеют финансовой составляющей. И совсем уж «смешной» на ниве отечественной изящной словесности выглядит литературная премия Центра Реабилитации Инвалидов ОО «БелОИ» имени Григория Галицкого для членов этого общества. Ее размер составляет не много ни мало две (!) минимальные базовые величины. На сегодняшний момент это что-то около 28 долларов США. С 2012 года вручается частная белорусская премия для поэтов пишущих по-русски «Под знаком Трех+», учредители которой выступили поэты О. Зайцев, А. Ивчик, А. Шуханков. Ее призовой фонд (1—3 места) в 2013 году составил 560 долларов США.

Многочисленность корпоративных писательских союзов до 2010 года давала возможность некоторым из представителей писательского корпуса манипулировать своим членством, перебегая из одного союза в другой, или сидеть на двух, а то и трех «стульях» сразу. Первым о «двойной бухгалтерии» в союзах писателей в СМИ заявил председатель СПБ Н. Чергинец. В 2010-м с этим было покончено: союзы запретили своим членам иметь двойное или тройное членство. Запрет не коснулся членства в местных и международных организациях. Но иногда отдельные прецеденты имеют место.

До 2014 года в стране отсутствовали по-настоящему международные литературные фестивали. Первой ласточкой стал Международный литературный форум «Славянская лира», организованный Беллитсоюзом «Полоцкая ветвь» совместно с Полоцким райисполкомом. Вместе с тем, в республике уже более двадцати лет празднуется двухдневный День белорусской письменности.

С 2010 года в республике начали готовить специалистов по профессии «литературная работа (творчество)» на базе кафедры литературно-художественной критики Института журналистики БГУ. Пока о новых «звездах» среди студентов-писателей этого вуза ничего не слышно. Но в следующем году ожидается первый выпуск. А вдруг?

Олег ЗАЙЦЕВ,
Председатель Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», писатель,
публицист, издатель

ПРОЗА

Александр Рей (г. Гомель, Белоруссия)

ОТРЫВОК ИЗ МИСТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ «КЛУБОК 31»

Александр Рей (Евгений Иващенко) родился в 1986 г. в г. Орджоникидзе. Бакалавр психологии, гештальт-терапевт, арт-терапевт. Научно-популярные статьи и короткие рассказы публикуются в периодике Беларуси и России. В 2011 году в издательстве «Вектор» (СПБ) выходит книга «Жизнь на грани взлета, или как перестать пережевывать и начать жить». В 2013 г. в издательстве «Гисфир» выходят три книги: «Пустышка. Исповедь, человека, которого нет», переиздание «Жизнь на грани взлета», и детская сказка с авторскими иллюстрациями «Сказки детям индиго». От украинской киностудии film.ua поступает предложение экранизировать «Пустышку», а от «Творческой мастерской современных форм искусства «ОБОИ» — поставить спектакль. Готовятся к изданию мистический роман «В поисках настоящего», повесть «Клубок 31», фантастический роман «Буквоед» и сборник рассказов «Сочинение на свободную тему» в книжной серии «Эзотерический бестселлер». Живет в г. Гомеле.

* * *

Скорее всего, в каждом городе есть «территория юности» — место сбора молодежи. Просто когда-то кем-то (конечно же, городскими властями) ставится памятник кому-нибудь, какой-либо известной личности общенационального или конкретно локального масштаба. Или же это может быть небольшой скучный скверик гденибудь в центре. В общем, это должна быть чем-то выделяющаяся территория, чтобы ее нельзя было ни с чем спутать, где можно шумно посидеть и обязательно в центре города.

Поначалу это самое место наводняют все, кому не лень. Но затем оно начинает набирать баллы среди молодежи. И вот уже по вечерам все близлежащие скамейки и парапеты оккупированы юнцами от пионерского до комсомольского возраста. Проходит еще немного времени — и такой пятачок переходит из разряда обычного «места встреч с друзьями» во что-то большее — в знак. В символ свободы, раскованной молодости, опьянения и потешных сексуальных игрищ. В общем, всего, что так важно и дорого для людей с ветром в голове, шилом в заднице и достоинством в состоянии вечной боевой готовности.

Скорей всего, в каждом городе есть «территория молодости». Мой город — не исключение. Такое место-символ все называли коротко и просто — фонтан.

— Ты идешь сегодня на «фантик»? — можно услышать слова, произнесенные разукрашенным подростком, буквально в любой точке города.

Почему именно фонтан стал местом дислокации юной поросли в попугайных одежках, понять несложно. Во-первых он находится в самом центре, с одной стороны упираясь в круглое здание цирка, похожее на созданную воображением бесталанного фантаста летающую тарелку, и торчащую над всем городом тощую телерадиовышку, а с другой — в так называемый танк — памятник, воздвигнутый на здоровенном куске бетона и служащий напоминанием о событиях далекой войны. Присутствие человека среди такого скопления знаковых объектов действует гипнотически. По крайней мере, на меня.

Во-вторых, сам водомет представляет собой зрелище впечатляющее, особенно для не привыкших к спецэффектам и качеству русских людей. На то и молодость, чтобы удивляться. Чем старше человек, тем меньше диковин способны вызвать у него это чувство. Фонтан, поражая, притягивал младое племя. Пляска кружащихся в хороводе струй, всполохи ярких цветов и сверкающие тяжелые капли — все это завораживало. А если к этому добавить гомон падающей воды, вводящий в транс спокойствия, то становится вполне возможным понять еще одну причину выбора молодняком именно этого места.

Красный... И дерзкие струи возносятся к небу, забывая о силе тяжести и, в наказание за это, с грохотом обрушиваются, шумно ударяясь о зеркальную твердь в большом прямоугольном бассейне.

Зеленый... И танец, напоминающий о новогодней елке, пошел кружить вальсом, перекрещивая, как шпаги, тонкие нити воды.

Желтый... И пик праздника обрывается тишиной, которой здесь явно не должно быть. Все замирают. Все ждут. Вот оно!

И полифония цветовой стихии вновь играет на полную мощь, раскрасив напрасное молчание всей палитрой радуги. Феерия вмиг воскрешает гул веселья. Веселья, вечного спутника юности.

Так надо. Именно за этим сюда пришел каждый.

* * *

Осень никогда не наступает сразу. Не бывает так, что, засыпая летним вечером, проснувшись, наутро видишь за окном сентябрь. Всегда видна борьба — когда сезоны, заклятыми врагами вцепившись друг в друга, сражаются за право на жизнь. Битва может продолжаться целый месяц, а может всего лишь неделю. Только зачем? Ведь все равно побеждает тот, которому суждено.

Осень благородна...

Каждый раз, из года в год, она блюдет традицию — предупреждать, намекая людям, живущим с надеждой, что лето еще хоть чуть-чуть продержится, о своей окончательной победе. Она повсюду оставляет сигналы, предупреждающие, что лето выбилось из сил, ослабло и готово пасть смертью храбрых.

Чтобы увидеть эти симптомы, достаточно открыть глаза, прислушаться, втянуть обновленный воздух — и сразу становится ясно — пора доставать свитер и шарф.

Собираясь на фонтан, я напялил на себя побольше вещей. Под кожаной курткой, доставшейся от отца, потрепанной, но вполне сносной, тело защищал теплый, связанный мамой, свитер, а шею укутывал, не давая вероятному ветру добраться до нее, шелковый шарф. Оделся я специально потеплее. Не зная, зачем мне нужно быть на фонтане в восемь, но слушая внутренний голос, шептавший, что это ОЧЕНЬ

ВАЖНО, я решил сделать все возможное, чтобы уйти оттуда только по собственному желанию.

До пункта назначения остается всего пару минут.

В ушах играло именно то, что максимально подходило к выбранному месту, времени и ощущениям. Кажется, это был Софикс.

Я глубоко вздохнул, набрав тяжелый, мокрый воздух в грудь, будто затянувшись сигаретным дымом. Пахло осенью.

Через дорогу стояли четырехэтажные «сталинки» (громоздкие, с высокими окнами) тонущие в облаках с третьего этажа. Куда ни посмотри — над городом белесой шапкой завис то ли дождь, то ли туман. Весь воздух состоял из воды. Из-за этого дышать становилось тяжело и свежо одновременно. Тяжелая свежесть заполонила все. Красные огни телевышки тонули в тумане.

Влага, собираясь на волосах и одежде в холодные капли, говорила, что она — знамение, символ побежденного лета.

Почему именно такой день стал спутником той встречи, мне было непонятно. Хотя... Когда еще может произойти что-то важное, кроме как в день падения лета, в день абсолютного торжества осени?

Пройдя, наконец, здание цирка, я достиг цели — мне открылся вид на фонтан. Невластный над собой, я замер. Алая кровь вместо воды била со дна каменного бассейна. Как же это красиво...

Несмотря на прохладу, почти перешедшую в холод, народа на тусовке было много. Видимо, еще не постигнув или не желая понимать, что пришла осень, а вместе с ней — и пора работы-учебы, люди моего города продолжали жить летом.

Скоро иссякнет водомет, и накроют опустевший кратер тяжелыми досками, готовя к зиме. Тогда только до них и дойдет, что ушло что-то важное...

Завянет водяной цветок...

* * *

Я не без труда нашел свободный кусочек парапета — буквально все кишмя кишело людьми. В этом маленьком оазисе, среди уставшего за день города, царила фиеста — богиня праздника и веселья. Все, буквально все на этом островке, совершенно не вписывающемся в общую картину вечно туманного города, жили. Или только начинали жить... Я чувствовал, как, войдя на эту территорию «неконтролируемой радости и вечной молодости», вся моя сущность (тело и душа, мысли и желания) противятся, не желают находиться здесь. Не знаю даже почему. Но интуиция или какая-то глубинная память подсказывала, что на этом самом месте есть что-то важное и я должен ЭТО найти. Конечно, глупо — «пойди туда — не знаю куда, найди то — не знаю что».

Как когда-то сказал брат, когда я не смог купить вовремя билеты на концерт моей любимой группы и, сидя в квартире, мучился, не зная, как поступить: «Если останешься дома, то тогда, сто процентов, на концерт не попадешь...». Тот урок мне запомнился надолго, наверное, потому, что концерт был обалденный, особенно когда я смог на него попасть даже без билета, всего лишь оторвав зад от насиженного дивана.

Усевшись, я первым делом достал из пачки сигарету и, прикурив, начал, от нечего делать, смотреть на шевелящийся внизу муравейник. Глаза рыскали, перепрыгивая с одного лица на другое, в поисках... М-м-м... В поисках впечатлений... Я просто был уверен, что найдя то, что ищу, сразу же это почувствую.

Так, проведя в безуспешных потугах некоторое время, я решил положиться на

судьбу и больше не прикладывать никаких усилий. И, чтоб закрепить свое решение, залез в пакет с провизией, предусмотрительно захваченный с собой. Пачка чипсов, три банки «Туборга» и интересная книжка — вот и все необходимое. С таким запасом я могу пережить хоть потоп. Нащупав прохладную банку, я достал ее и вскрыл, с удовольствием отхлебнув. «Все одно, с пивом время течет быстрее», — поймал я себя на мысли.

Не знаю, сколько прошло времени, пока, переводя взгляд на очередное (по идее ничего не значащее) лицо, я не наткнулся на глаза, упорно меня изучающие. Взгляд принадлежал молоденькой девушке. Вокруг нее гудела очередная шумная компания. Но она тихонько сидела на ступеньках сцены, обняв колени руками. Смотрела и улыбалась... Мне.

Рыжие волосы, скрывающие плечи, синие, потертые джинсы, рюкзак по левую сторону и улыбка как неотъемлемые черты ее имиджа.

Я встал, подобрав пакет, и направился к ней. По пути, пока я приближался, к ее образу добавлялись все новые черты: румяные, будто накачанные алкогольным весельем, щеки, усыпанное веснушками лицо и глаза, то ли зеленые, то ли карие. А еще — улыб-ка... Оказалась с чувственностью юношеской наивности и верой в хорошее.

- Я бы даже сказал, что девушка была красива.
- Привет, приблизившись к ней, поздоровался я.
- Привет, улыбнулась она мне сияюще, смешно прищурив глаза.

И я, как дурачок, стоял и улыбался ей в ответ, наверное, потому что был счастлив. Ведь я все-таки нашел...

Так начался в моей жизни год «разума и сердца» — осознания и чувств. И в этот год я совсем забыл о красном клубке, закинув его под кровать.

Я погрузился в настоящее и начал неосознанно искать себя в НАС.

Даже спустя целый год, а затем — и всю жизнь я так и не разобрался, какого цвета у нее глаза. Видимо, все зависит от настроения. Когда ей хорошо, они становятся зелеными, а когда плохо — карими.

Наверное, так...

യുതൽ

Вадим Яр (г. Минск, Белоруссия)

03EPO

Вадим Яр (Вадим Алексеевич Салеев) родился 27 мая 1939 г. в г. Ленинграде. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета (со специализацией по искусству — 1962 г.). В 1967 г. поступил в аспирантуру кафедры эстетики философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, которую окончил в 1970 году. В ученом совете МГУ защитил кандидатскую — «К проблеме формирования художественной оценки» (1972 г.) и докторскую — «Аксиологические основания национальной художественной культуры» (1992 г.) — диссертации. С 1970 по 1996 работал на кафедре философии БПИ (ныне БНТУ) преподавателем, ст. преподавателем, доцентом, профессором.

В 1990 году избран первым вице-президентом Белорусской эстетической ассоциации. В 2000 году присвоено почетное звание «Заслуженный деятель культуры РБ». С 2002 по 2004 год был главным редактором журнала «Мастацтва» Министерства культуры РБ. Является членом Международной Академии технического образования, Белорусской Академии архитектуры, Московской академии гуманитарных исследований, членом-корреспондентом Петровской академии науки и искусств (г. Санкт-Петербург, РФ), членом 4-х творческих союзов.

— Вставай, вставай, Паша,— толкала в бок Анка.— Ну, вставай, правда, какой ты соня! Посмотри, как красиво!..

Романович с трудом разлепил глаза, осмотрелся. Одеяло байковое надвинуто аж до горла, а на нем еще ватное, и все равно сверху и слева дуло. Справа, где лежала Анка, было, конечно, жарко...

— Ну, давай же, соня,— теребила Анка. Ее карие с янтарным оттенком глаза смеялись уже в такую рань.

Романович подтянулся, опершись на обе руки, рывком вскочил. Холод сразу окутал с головы до пят.

- Чего радуешься, дева? С чего у нас поутру веселия глас?
- Ну посмотри! Анка подбежала к окну и рывком отодвинула занавеску. Заиндевевшее стекло едва пропускало бледный безжизненный свет и, сквозь щели, мелкие снежинки.
  - Господи, сказал Романович, белые мухи... Вот радость-то...
- Да, радость,— энтузиастично подтвердила Анка.— Да посмотри же хорошенько!..
  - Все такое чистое, белое...

Вздохнув, Романович стал одеваться. Пока надевал трусы, холод, казалось, опоясал его в три слоя. Спасение, пожалуй, было в гимнастике. По-мельничному мельтеша руками и наклоняясь вправо-влево, Романович добрался, наконец, до окна.

- Ну, видишь? от нетерпенья глаза Анки расширились и вся она, как ракета, готова была в следующую секунду взметнуться ввысь.
- Какие узоры! А там, вон, посмотри, на пригорке елка, верхушка припушена, как короной накрыта...

Вид и вправду впечатлял. Не только узоры на окне, не только корона на елке. Снег — новенький, первозданный ноябрьский снег — блестел на солнце, искрился. Усилием воли Романович подавил вздох восхищения и, как только мог солиднее, изрек:

— Узоры как узоры. Елка как елка.

Анка кулачками забарабанила по его спине.

— Сухарь противный! А еще писатель...

Романович сделал пробежку — назад к кровати. С еще большей серьезностью молвил:

- Мисс, я просил бы Вас так меня не называть. Я не волшебник, еще учусь. И потом, я не писатель, я...
  - Драматург, драматург, драматург!
- Я с Вами, мисс, поговорю об этом в следующий раз. И позвольте заметить, так вольничать, как Вы позволяете себе сейчас, Вы не имеете морального права... Во всяком случае, на этот час...

Он накрылся с головой одеялом, чтобы не слышать Анкины возражения. Но доспать все равно не удалось. Раздался стук и сразу же — сиплый бас Авхимыча:

- Гэй, маладыя! Бабка Михеиха клича, сняданне паспела!
- Сняданне паспела...— нежно пропела Анка.— Вставай же, наконец, тунеядец! Романович со стоном отбросил одеяло и стал натягивать брюки и свитер. По окончании этой непростой в холоде! процедуры обнаружились новые сложности.
  - Физию-то ополоснуть...
- Вот-вот! мстительно прокомментировала Анка.— Настоящий кавалер первым делом заботился бы о даме!

У двери Романович перехватил ее, сжал в объятиях и протащил два-три метра по комнате к зеркалу. Зеркало висело около двери скособоченно-перекошенно, было старое и покоробленное, однако, кое-как, сквозь паутину старости, отражало поясничный, так сказать, портрет. Романович и Анка стояли и смотрели в зеркале друг на друга. Он — светловолосый, сероглазый, чуть выше среднего роста, она — стройная, ладная, темноволосая, с живыми янтарными глазами. Паутинки-трещины несколько удлиняли уши и носы.

- Хороши...— Анка улыбнулась.
- Хороши не все,— подчеркнуто рассудительно сказал Романович.— Вы, девушка, после завтрака изготовьтесь у нас будет серьезный, очень серьезный разговор.
  - И на какой предмет? открытая улыбка делала Анку почти неотразимой.

Романович не ответил, но погрозил пальцем и исчез за дверью. В узком коридорчике был умывальник, под ним стоял таз. Романович несколько раз плеснул себе в лицо, нажимая снизу на пипочку умывальника, потом прополоскал рот и, тихо поскуливая от холода, ринулся назад в комнату, где на него с осуждением посмотрела Анка:

- Культурный человек никогда не преминет утром почистить зубы,— наставительно сказала она.
- Ну, разве не видно, что я не совсем культурный? отозвался Романович, вытирая лицо шершавым полотенцем. Уши он протер тоже и теперь с неудовольствием морщился.
  - Видно, видно, утешила его Анка.

В коридоре послышалось громыханье — припадая на одну ногу, снова шел звать «снедать» Авхимыч. Просунул в дверь кудлатую голову:

- Кольки можна кликать...
- Идем, идем, в один голос откликнулись Романович и Анка, а Романович добавил:
  - Сей секунд, отец!

Он натянул куртку на свитер. Анка давно уже была одета почти аналогично, только свитер у нее был голубой с белыми оленями, скачущими по груди, а у Романовича — однотонный бутылочного цвета.

Вслед за Авхимычем они вышли из коттеджа и направились в столовую — домик в трех шагах. Снег под ногами искрился, скрипел. Все пространство дышало какой-то позабытой уже городским человеком первозданной свежестью. Не хотелось идти в помещение: стоял бы и смотрел на могучие ели меж нескольких домков, конфетти инея на ветках, расходящиеся вдаль заснеженные тропки.

— Дакудава ж вас чакаць? — укоризненно скрипел Авхимыч, стоя на приступке столовой. Большой, несграбный, кудлатый, он вызывал ощущение чего-то родного, хотя знакомы с ним Анка и Романович были всего один день.

...Именно накануне, 5 ноября, они решились — как головой в прорубь — на поездку в Острошицкий городок. Через две недели там же должен был начаться семинар, посвященный итогам конкурса по драматургии. Приглашение хранилось у Романовича в портмоне вместе с членским билетом Белорусского театрального общества (БТО). Было известно, что на семинар приедут маститые драматурги из Москвы, распределенные руководить группами «семинаристов», молодых драматургов. Среди имен самые звучные — Арбузов, Розов, Володин, Салынский. С белорусской стороны в помощь им тоже был выделен живой классик — Андрей Макаенок. Вот перед этой, по-своему судьбоносной, встречей Романович и решил провести некий дополнительный, так сказать, самотренинг: побыть на природе, собраться внутренне.

Раньше Романович ни о чем подобном не мог и мечтать. Жизнь, можно сказать, пока не задалась. В свои двадцать шесть лет перепробовал многое: окончил университет, работал методистом по народным театрам в Министерстве культуры, потом преподавал в техникуме предмет «Эстетическое воспитание», потом какое-то время провел в республиканской молодежной газете, затем подвизался в райкоме комсомола сначала инструктором, потом зав. отделом. Потом снова сделал кульбит: очутился в одной из наиболее влиятельных республиканских газет, «третьим» в отделе культуры. Отдел возглавлял Круглик — строгий мужчина лет пятидесяти, в очках, с сигаретой в углу рта, крайне лаконичный, методичный, с негромким внятным голосом, отдававшим распоряжения так, что делать ничего не хотелось. Обстановку в отделе смягчала Римашевская — полноватое, певучее, синеглазое существо. Ей было лет тридцать, она закончила Литинститут и очень положительно влияла на Романовича. В частности, не жалела времени на редактуру его небольших корреспонденций («Краткость — сестра таланта, — изрекал Круглик, поднимая вверх указательный палец.— Тот, кто пишет доходчиво тридцать строк, сможет потом написать все, от правительственной телеграммы до эпопеи»). Римашевская разделяла взгляды Романовича на литературу и даже иногда прибирала в его комнатке, которую он снимал с помощью матери, присылавшей деньги из Витебска (отца у Романовича не было).

Плохо было то, что эта добрая душа была замужем за капитаном, которого Романович про себя называл «толоконный лоб». У них была пятилетняя дочь. Иногда капитан на «Москвиче» приезжал в редакцию и ждал супругу, нахмурив брови. Об отношениях с ним Римашевская не распространялась, но Романович чувствовал, что ей нелегко тянуть семейную лямку. Римашевская часто приходила на работу с припухшими от слез глазами и тогда Романович полдня надрывался по части юмора, чтобы снять ее напряжение.

С Анкой они познакомились в райкоме комсомола в прошлом году. Она была из

сектора учета на часовом заводе. Одновременно училась на вечернем отделении иняза. Во время одного из частых пленумов райкома Романович заметил темноволосую головку, округлое, светящееся весельем лицо и чуть раскосые янтарные глаза. В перерыве, когда она живо обсуждала что-то со своей непосредственной начальницей,
зав. финансовым отделом райкома, Романович возник перед ними и как ни в чем не
бывало произнес:

— Можно тебя на минуточку?

Когда они отошли, уже заметно волнуясь, сказал:

- Меня информировали, что ты новенькая зав. сектором учета часового, а мы как раз тут планируем одно мероприятие культурно-массового характера...
  - Скажите честно, вы это только что придумали?

Романович почти с облегчением рассмеялся:

- А как ты догадалась?
- Ну разве не видно? Издалека видно,— в открытой улыбке лицо девушки еще больше округлилось, на левой щеке появилась ямочка. Улыбка была такой заразительной, что и Романович не удержал серьезную мину тоже улыбнулся.
- «...Как эта круглая луна на этом круглом небосводе»,— не совсем кстати процитировал он. Анка усмехнулась и отошла. Так они познакомились.

Неожиданно, уже месяц спустя, стали встречаться. Сначала раза два на неделе, потом каждый день. Постепенно Романович осознал, что любое более-менее значащее для него событие он подсознательно стремится обсудить с Анкой, посмотреть, как сузятся или распахнутся ее глаза. Странно — ведь, как полагал Романович, по сути она была совсем еще не знавшее жизни дитя. В апреле нынешнего 1966-го ей только исполнилось девятнадцать.

Сам Романович со всей своей биографией казался себе матерым волком, самоуверенность которого мог поколебать разве что авторитет Круглика.

- ...В домик-столовую вместе с ними ворвался морозный воздух, запах инея, ощущение юности и свежести. Михеиха женщина неопределенных лет, толстая, добродушная поставила на стол огромную сковородку, где шкварчало сало и оранжевыми всполохами торжественно сияли четыре огромные глазуньи.
  - Куда нам так много?! ужаснулась Анка.
  - Ничога! Вы, маладыя, такия ужо здыхли, падъесци трэба!
- Ничога не здарыцца, усе дабром абернецца,— поддержал хозяйку Авхимыч, усаживаясь за соседний столик. Всего столов в столовой было четыре. «Для семинара явно маловато»,— словил себя на мысли Романович. Пока, однако, было очень уютно и славно. Невесть откуда появился серый кот и устроился возле Авхимыча тоже, видно, хотел поучаствовать в трапезе. Судя по довольному урчанию, желание его сбывалось...
- Ну,— Анка почти с отчаянием посмотрела на Романовича.— Ну, что делать?.. Я ведь не ем свинину. Посмотри, какое толстое сало... Бр-р-р!..
- Что делать, сеньорита, что вы оказались такой твердой приверженкой иудейского вероучения...
  - —Я?..
- Именно вы, раз отказываетесь потреблять этот чудодейственный продукт наших мест... Я, например, с превеликим удовольствием...
- Врешь, все ты врешь! Даже ты не проглотишь этот (она показала вилкой) кусман. Вот видишь, не ешь!..
- Это вы убедили меня. Днями перехожу в иудаизм... Но яйцо-то, мадемуазель можно скушать, восстановить угасшие за ночь силы...
  - А кто виноват?..

Романович не дал ей договорить:

Об этом — после, как и было обещано. Подробно, обстоятельно... Не сейчас...

Поев кое-как и наскоро хлебнув какао, они вышли во двор. Солнце уже окончательно пробилось сквозь облака, снежок поблескивал слюдой. Морозец вливал свежесть, разгонял ее по жилам, здоровил и крепил тело — Романович очень остро это ощущал. «Тело, — подумал он. — Только ли тело?..» Анка опять тянула его за руку, норовила еще и еще ускорять шаги.

- Куда несемся, мадемуазель? На экспресс опаздываем?
- Опаздываем, эхом откликнулась Анка, но тянуть за собой Романовича все же перестала.

Под уклон они все же почти промчались, потом, заново набрав ход, мигом взобрались на пригорок. Здесь перед ними открылось озеро. Оно матово поблескивало серебристой голубизной — первый ледок сковал воду у берега, но вблизи видно было, что на середине вода еще борется с течением пытается преодолеть оковы, а они все равно приближаются... Солнечный блик, гарцуя, перемещался по всей озерной глади...

- Как хорошо!
- Хорошо-то хорошо,— банально начал обещанное нравоучение Романович,— да ничего хорошего. Гармония в природе, учили предки, должна совпадать с благоволением в человеках...

Почти без перехода, резко, надрывно, испугав себя самого, выдохнул:

— Обидела ты меня, Анка, крепко обидела...

Анка будто ждала и мигом отозвалась:

 — Прости, Пашенька... я не виновата, ты видел сам — я не могла, вернее, не смогла...

Романович криво усмехнулся

- Ну, конечно же, мадемуазель честная девушка. А принцип честных девушек ни за что не отдаваться гнусным животным-мужчинам в первую же ночь.
- Нет, не так, Паша,— быстро и горячо ответила она. Помолчав, добавила: Но, Пашенька, я не могу... ты же видел не могу...

Она заглядывала Романовичу в глаза, в янтарном взгляде мешались сомнения, колебания, вопросы... Романович смотрел в сторону.

Они подошли к самому берегу озера и медленно пошли вдоль кромки льда, под которой просматривалось желтоватое дно. Романовичу даже показалось, что там мелькают маленькие тени — рыбки.

— Ты видела? — спросил он Анку. — Рыбок видела?

Она отрицательно качнула головой, потом отбежала на бугорок, подобрала небольшой крепкий прутик и начала протыкать им лед. Возник своеобразный эффект шампанского: вода всплескивалась снизу пузырьками, проливалась на лед, ртутью блестела на солнце.

- Анна, мы должны уточнить наши отношения,— сказал Романович. Казалось, слова металлом звенели в морозном воздухе.— Ты уже не маленькая, все ты понимаешь, притворяться нам, я считаю, стыдно, а ночь мы провели безобразно. Твое конкретно поведение я определяю как садистское... И, отчасти, как актерское, то есть лицемерное... честные женщины так себя не ведут...
- Пашенька,— снова жалобно сказала она. По невидимому желобку голос ее тонким ручейком восходил в морозную высь.— Пашенька, миленький, я же не нарочно... И потом, зачем ты меня назвал женщиной...

Романович не слушал ее и с болью вспоминал прошедшую ночь. Как исступленно целовались при тусклом свете бра, как он оказался на Анке и всей длиной своего тела ощущал ее хрупкую фигурку — всю, целиком. Как блестели ее глаза, как круглились грудки и руки, прикрывавшие низ живота... Вспоминал сложное чувство нежности и злости, охватившее все его существо, когда к середине ночи выяснилось, что

Анка не собирается уступать... Так это и отпечаталось в мозгу: тусклый свет, ее блестящие глаза, в этом свете почти черные, вся ее хрупкая фигурка, которую он как щупальцами охватил своими конечностями, верхними и нижними... Холод сверху и жар снизу, родное дыхание — такое же прерывистое, как и его собственное...

— ...И потом, Паша,— вдруг твердо и внятно сказала она,— я вообще не могла. Мужчины бывают такими глупыми. Ну... элементарного не понимают...

Она засмеялась. Будто звонок колокольчика пронесся вдоль берега над застывающей водой, вдоль прибрежного ледка, вдоль... вдаль... Романович будто очнулся. Поднял голову, выдохнул воздух и тоже улыбнулся. Тонкая струйка пара растаяла в морозном воздухе. Вслед за ней хотелось подняться, ввысь, вдаль...

- Вот бы, Аннушка, взлететь...— обняв за плечи подругу, сказал Романович.— Представь, что мы над этим самым озером на воздушном шаре... Представь, закрой глаза, скажи, что ты чувствуешь... Представь, что под нашим шаром разгорается огонь, представь, что мы поднимаемся все выше...— Сам он открыл глаза, но еще крепче обнял подругу.— Не подсматривай. Говори, что ты видишь?..
  - Вижу внизу, далеко—далеко лес, а за лесом поля... Совсем белые...
  - Смотри вниз. Видишь наше озерцо?
  - Оно маленькое-маленькое... Как блюдце...
  - Ах, Аннушка, вот и мы с тобой такие маленькие! А мир огромный и белый...
- Пашенька,— сказала Анка,— я так верю в тебя. Ты все преодолеешь и будешь настоящим драматургом...
- Не знаю, Аня, не знаю,— серьезно сказал Романович.— Но знаю, что хочу этого. Еще хочу, чтобы ты была со мною рядом.
- Я буду, Пашенька,— так же серьезно сказала она,— только ты не должен так переживать. А то вчера ты аж в лице переменился...
- Переменишься тут,— усмехнулся Романович.— Все отдал девушке, а она нет, и все...
  - Ну, Паша...
  - Ладно, замнем для ясности. ... А что теперь видно с нашего шара?
  - Даль... дали...
- Точно,— подтвердил Романович, кружа ее в объятиях.— На востоке видишь? много дыма и много-много маленьких кубиков... Это дома и это Москва... А теперь посмотри на юг там тоже кубики и кубики... Это Киев... А на севере корабли, море, тоже кубики Рига... На западе тоже дымы, только их вязь поизящнее, это Варшава...

Закружившись, они упали на снег.

- Всегда так, сказала Анка. Вознесешься и упадешь...
- Да... А как ты хотела в СССР накануне 50-летия Великого Октября?..
- Прорвемся, Паша, прорвемся!
- Комсомолка ты моя...

Тесно обнявшись, они лежали на земле и смотрели в небо, на белые облака.

- Смотри,— встрепенулась Анка,— между облаками просвет точь-в-точь как наше озеро. Будто оно отразилось в небе... А теперь оно уменьшается... Облака затягивают его... Неужели пропадет? Смотри, смотри кусочек все равно остался!
- Ну, хоть кусочек, да наш.— Романович еще крепче обнял ее.— Есть, значит, надежда. Хоть надежда-то есть!

Резко поднявшись, Романович потащил за собой Анку, снова схватил в объятия, закружил что было силы. Пошел снежок. В кружении снова были видны все стороны света — дачи на юге, лес на севере, пригорок на западе и — озеро на востоке, снова и снова — их озеро...

Алена Занковец (г. Минск, Белоруссия)

ОСЕНЬ НАСТОЯЩАЯ

Родилась в 1981 году в Минске. Окончила БГУ по специальности «международная журналистика». Работала спецкором отдела культуры газеты «Знамя юности», шеф-редактором газеты «Вестник культуры», главным редактором рекламного журнала «Что почем». Автор сборника стихов «Такой же свет» (2001). Стихи и рассказы публиковались в журналах «Немига литературная», «Женский журнал», альманахах «Интерлит», «Полоцкая ветвь-2014», антологии «Современная русская поэзия Беларуси» и др. Член Беллитсоюза «Полоцкая ветвь» с 2010 года.

Не было никакой озябшей сирени. Не было его рук. Вернее, все это было, но только в моем воображении. А на самом деле — пьяновато-веселый голос в трубке: «Наконец-то ты дома! Я так соскучился. Приезжай ко мне побыстрее!»

Конечно, конечно...

Конечно, нет.

Я была обижена и расстроена. Почему меня нельзя встретить по-нормальному? Он же знает, как я не люблю, когда он пьет.

И я не поехала.

Я приехала к нему только на следующий день. Он лежал на расстеленной кровати. Вчера я думала, что за ночь все изменится. Он встретит меня, улыбаясь, сгребет в охапку: «Почему не раньше?» А все оказалось еще хуже, чем было. Он едва ворочал языком. Я с трудом разбирала слова.

- Приехала?
- Да. Знаешь, я никогда не видела тебя в таком состоянии.
- Я... никогда и не был... в таком состоянии. Вчера у соседей... был День рождения. Я выпил немного. Ты обещала, что приедешь... Я всю ночь ждал. А ты... ты не приехала.

Он всхлипывал. Его плечи вздрагивали, как у ребенка.

Я опустилась на колени и стала целовать его лицо.

- Ты... не приехала... Как ты могла? Почему... Мне было так плохо. Ты забрала у меня полжизни... Я ждал...
- Солнце, я не буду так. Извини. Извини меня, Солнце. Я не знала... Я люблю тебя.

На следующий день я написала в деканате объяснительную записку. Отдыхала на Черном море. Билетов на конец августа не достать. Опоздала на три дня. Sorry. А еще через несколько часов вместе с Лерой, моей одногруппницей, выехала в районный центр — город Воложин — отбывать практику.

По идее, наша командировка оплачивается. Суточные, правда, смешные: 500 рублей. Но за месяц «набегает» две стипендии.

Воложин, как Воложин. Пятнадцать минут ходьбы из одного конца города в другой. Пятиэтажные домики, где под окнами растет картошка и свекла. Козы, жующие травку. Груши, падающие прямо под ноги. Люди, сплошь одетые в черные кожаные куртки.

В редакции районной газеты вытаращили глаза: «Двое практикантов?» Нет, ни из какого деканата не звонили (еще бы!). И в документах в названии газеты вместо «слава» написали «слово».

- Задания будете придумывать себе сами. Может, кое-что подскажем. А пока полистайте газету, скажите, чего нам не хватает.
- Материалов на международную тему,— сообщила я через пять минут. Это как раз совпадало с заданием журфака составить за практику международный дайджест.
  - Нет, народ. Нас интересуют только новости района.
  - Сегодня придется переночевать здесь, в квартире у моей бабушки.

Я поежилась от холода:

- А иначе никак нельзя?
- Никак. Завтра утром сходим в местную гимназию, спросим, что надо, и домой.
- А это серьезно, что у них здесь в квартирах не бывает горячей воды?
- Серьезно.
- Лера, хочешь «Тузика»?
- Нет. Я вообще не понимаю, как можно целыми днями есть сладости.
- А я не понимаю, как их можно целыми днями не есть.

Погуляли по городу, купили вино, чтобы скоротать вечер, а заодно и не замерзнуть. Когда наступили сумерки, зажгли на кухне лампу, прикрыли ее чем-то, чтобы было не так светло. Заварили зеленый чай. Болтали до самой глубокой ночи. Было уютно и не холодно.

Наши кровати стояли в разных концах комнаты. Мы накрылись одеялами, а покрывало положили посередине, на полу. Кто первый замерзнет, тот его и возьмет. Но ночью стало холодно настолько, что никому и в голову не пришло вылезать из-под тепленького одеяла за покрывалом.

- Жасмин, мы вчера пластмассовый абажур от лампы спалили.
- Я-то думала, что за запах...

Создания на заднем сидении автобуса гигикали, мешали читать. Когда один из них сильно толкнул Лерино кресло, она обернулась и отчетливо попросила его, лоха, заткнуться.

— Лошица, — ответил он.

Минск. Когда я спускалась вниз по горочке, проходя последние сто метров до моего подъезда, меня кто-то окликнул. Я обернулась. Передо мной стоял так хорошо знакомый мне доктор-офтальмолог из санатория, где я отдыхала этим летом.

— А ты идешь, ветер волосами лицо закрыл, я и не узнал тебя сразу.

Силюсь улыбаться. Это огромный минус моего воспитания: улыбаться людям, которые мне неинтересны, несимпатичны и которым я ничего не должна.

- Так ты живешь где-то близко?
- Нет-нет. Очень далеко. Просто иногда приезжаю сюда к родственникам.
- Понятно. А мое общежитие здесь, за домом. Знаешь, нам надо обязательно встретиться. Ты же обещала мне свой сборник стихов.
  - Ну конечно!
  - Я позвоню тебе.
  - Только через полтора месяца. Я уезжаю на практику в другой город.
  - Ничего, я здесь долго пробуду.

На прощание наклоняется, чтобы меня поцеловать, я отворачиваюсь:

До свидания.

Хватит с меня его «порывов».

Кажется, через полгода мы отпразднуем новоселье. Анюта и я будем жить в разных комнатах. Заранее начинаем понемногу друг без друга скучать. Поэтому мы предложили внести в планировку будущей квартиры новый конструктивный элемент — окошко в стене между нашими комнатами. Просьбу, естественно, отклонили.

Вечером я была в гостях у Солнца. Он смотрел телевизор и все время мешал мне писать статью.

— Хватит переводить бумагу... Посмотри: они же не танцуют, а изображают сельскохозяйственные работы.

Он заболел, и у него температура.

Звонила Юлька, моя бывшая одноклассница.

— Звезда моя, я написала еще один рассказ. Прочитаешь? Приходи в гости. Я куплю арбуз.

По телевизору:

— ...если кто-то в нашей стране заболевает, то это навсегда.

Солнце, чихая:

— Все. Мне конец.

Роман, мой случайный друг. Я давно прекратила с ним всякие отношения, но постоянно встречаю его в городе. На этот раз он выловил меня на троллейбусной остановке

- Ты самая красивая Бьерк на свете. Я говорил тебе это?
- Несколько сотен раз.

Воложин. Ненавижу этот холод.

Решили с Лерой провести опрос населения на тему: «Хотели бы жители города Воложина жить в столице, если бы представилась такая возможность?»

В общем, оказалось, что все довольны своими грядками и козами. А если кто-то и хочет в Минск, то только потому, что там больше магазинов.

В редакции:

— Придумали вам задание. Сделайте опрос по городу: употребляют ли жители Воложина наркотики. Если употребляют, то какие. И где их можно достать.

Мы переглянулись. Я тихо откашлялась.

— Вообще-то, мы уже над столькими темами работаем... Но обязательно будем иметь это в виду.

Когда спрашиваем, где находится какая-либо улица, обычно отвечают: в другом конце города. И ждут: не передумаем ли в такую даль тащиться. И только потом уточняют: возле рынка, возле магазина и т. д.

Оказывается, здесь ходят городские автобусы!

В редакции:

- Скажите, пожалуйста, а интернет у вас есть?
- Есть...

Буря эмоций: статьи можно будет присылать из Минска по электронной почте.

— ...есть один. Для бездомных детей.

Пауза.

- Нет, мы имели в виду не интернат, а интернет.
- Ну, у вас и вопросы! У нас и компьютеров-то нет.

Минск. Пешком от его дома до моего — два с половиной часа. Солнце сказал, что теперь, если мне понравилось, мы все время будем ходить ко мне домой пешком, и каждый раз — новыми дорогами.

Мне понравилось.

Солнце работает. Я не вижу его целыми днями. Утром приезжаю к нему в пустую квартиру, читаю его стихи. Потом становится тоскливо, и я иду гулять. Брожу по желтым листьям и мокрому асфальту. Вышагиваю по малюсеньким улочкам и шумным улицам. Остановки прохожу пешком, жуя какие-нибудь конфеты. Мерзну и мокну. Но у меня столько счастья из-за всего этого, столько восторга!.. Потом я возвращаюсь, и приходит Солнце.

Опять встречаю на улице Романа:

— Что-то мне в любви не везет. Сначала из-за работы не было на девушек времени. Потом бегал за разными Жасминами (укоризненный взгляд). А потом все какието недолговременные женщины попадаются. Вчера одну бросил. Говорит: «Какая же я дура!» Вот я и подумал, зачем мне такая дура нужна...

 $\mathfrak X$ очень редко разговариваю с папой. Наверное, поэтому его слова так сильно отзываются во мне.

— Мелочи — это очень важно. Поправить любимому человеку галстук, достать откуда-нибудь каталоги, если он собирается делать ремонт.

Чувствую, что мой голос начинает дрожать:

- Папа, я вот думаю, для меня кто-нибудь будет отыскивать каталоги, когда я вырасту?
  - Обязательно. Тебя есть за что любить.

Я ощущаю, что моя младшая сестренка растет, только тогда, когда мы с ней деремся. С годами она набрала вес.

Солнце опять уставился в телевизор. Поет какая-то поп-группа:

— Я не могу на это смотреть. Это не звезды, а «черные дыры»!

Воложин.

Они говорят, что мы замечательные, талантливые (правда, всегда начинающие) журналисты. У нас огромный потенциал, но мы ведем себя так, как будто знаем все. Неправда! Мы ведем себя так, как будто знаем больше их.

Мы пошли в местный ресторан, который когда-то пользовался бешеной популярностью. Говорят, в прошлом, чтобы пройти в него, надо было дать взятку. Но нас он встретил абсолютной тишиной. В меню мы отыскали четыре грамматические ошибки. Посуда оказалась побитой, скатерть в крошках. Драники соленые, хлеб черствый, явно был нарезан для вчерашних посетителей. Правда, цены меньше, чем в любой захудалой столичной столовой. Об этом мы честно и написали в газету.

Да, у нас на все взгляд жителей столицы.

Да, мы привыкли к другим ресторанам.

Да, мы понимаем, что для вас это и так выше крыши.

В общем, делайте с нашей статьей все, что хотите. Только напечатайте, пожалуйста. Нам в универ для отчета надо.

Минск. У меня эйфория. Настоящая, глубокая. И я знаю, что она может продлиться долго. До тех пор, пока у меня все будет получаться.

Слишком много поводов для счастья: я, он, ливень за окном (холодный, наверняка), зонты, мои фотографии, развешанные по его квартире, крепкий чай, сентябрь, открытая форточка... Я перечитываю то, что пишу, и думаю: разве это нормально?

Солнце приволок стопку журналов «Salon».

— У вас же будет новая квартира. Давай посмотрим, может, найдем что-нибудь интересное для твоей комнаты... И почему ты улыбаешься?

«Тебя есть за что любить».

Дома на столе записка. Звонил доктор. Что мне с ним делать? Ненавижу себя за то, что я вру, за то, что выкручиваюсь так гадко и неумело. За то, что продолжаю эту глупую игру, вместо того, чтобы сказать: во-первых, нет у меня никакого сборника стихов, а во-вторых, мне отвратительны посягательства тридцатипятилетних женатых мужиков, к которым я даже не могу себя заставить обратиться на «ты». Чего во мне не хватает, чтобы произнести эти слова?

Вечером ко мне в гости пришли друзья, а тут звонок в дверь — Роман.

— Не бойся, я к тебе ломиться не буду. Принес подарок. Настоящий зеленый чай из Перу. Мне его по дружбе дали немного. Здесь тебе хватит на две кружки. Заваривать его надо два раза. Первый раз — десять минут, второй раз — пятнадцать. Пить, только когда заваришь второй раз. Хватит улыбаться, я серьезно. Пей медленно. Каждый слой чая будет приносить тебе новые мысли и новый вкус. Вот тебе диск. Будешь пить под эту музыку. И чтобы никто тебе не мешал. Потом расскажешь, что получилось.

Я возвращаюсь в комнату, перекрикиваю «Savage Garden»:

— Ребята, кто хочет настоящего зеленого чая из Перу?

Юпька

— Звезда моя, у меня появились новые стишки. Куда мы их понесем?

Для решения этого вопроса я приехала к ней ночевать. Мы ели арбуз и пили вино, которое я привезла ей в подарок с Кипра (вино так себе). Она читала мне свои рассказы про одиноких и сильных женщин (про ее саму, как мне угадывалось), а я диктовала ей названия журналов, куда это можно отнести. К трем часам ночи я вспомнила, что мне недавно звонил мой бывший парень. Юлька тревожно посмотрела на меня: «Нет, только не это». Я ее успокоила, ничего у меня с ним заново не начнется. Но надо бы позвонить ему и сказать, какое он животное. Юлька закрыла телефон своим мощным бюстом и помешала мне совершить подвиг.

В пять часов утра я решила поехать к Солнцу. Но на улице меня озарило: автобусы еще не ходят. Возвращаться не хотелось. И я пошла к нему пешком.

Bce:

Тебя никогда нет дома.

Я написала письмо Ланцбергам и послала им фотографии.

Я не могу позволить себе утром не поспать даже лишней минуты. Поэтому собираюсь всегда с астрономической скоростью. Если надо чем-то жертвовать, то, естественно, не завтракаю.

Сегодня утром то же самое.

Влетаю на кухню, а там йогурт на столе греется после холодильника. И чашка чая стоит, прикрытая крышечкой, чтобы не остыла. Это все моя мама. (Честно, она такая нежная и хрупкая, что иногда мне хочется носить ее на руках).

Съедаю завтрак и отчаливаю в Воложин.

Сидели в кабинете у какого-то начальника. Он что-то рассказывал, рассказывал... А нам-то надо было у него узнать только два слова.

Я заметила, здесь вообще люди очень оживляются, когда им говорят, что пришли практиканты из районной газеты.

Я:

- Ну что, пойдем смотреть ту улицу, всю в цветах, про которую будем писать? Лера:
- Да не надо. Он же так подробно рассказал, как все выглядит. Пошли лучше пить чай. Горячий.

Мы откапали в подшивках статью о том, как несколько недель назад воложинский музей предлагал жителям района написать что-нибудь о местных традициях,

легендах и т. д. Отправились в музей выяснять результаты. У дверей паслись мои любимые козы. Нижний этаж был завален различным хламом. На верхнем из истории мы отыскали несколько папочек с какими-то схемами и таблицами. Вскоре явился сам дедушка и сказал, что никто ничего им не пишет. Но вдруг напишут? Поэтому мы можем прийти еще завтра и послезавтра...

Отвратительные здесь туалеты. Ну просто ужасные. Самые худшие. Особенно на вокзале. Я таких туалетов в жизни не видела. Но читала у Ерофеева: «...там, на огромной глубине, под круглыми отверстиями, плещется и сверкает эта жижа карего цвета».

Прощай, мой милый Воложин! Воду и газ закрыли. Мусор вынесли. Дверь захлопнули. Прощайте, дорогие козы! Не увижу я вас больше никогда! Даст Бог. Оставшиеся статьи и нужные документы нам пришлют с курьером. А я напишу в отчете, как много всего нового узнала, посвятив себя на месяц великому делу — практике в районной газете.

Вечер мешает краски.

Ночь в подворотне стынет.

Я повторю, как сказку,

Светлое — твое — имя...

Человек, написавший для меня такие строчки — Бог. И этого Бога я вижу пять часов в сутки.

Сейчас он уверяет меня, что «пять часов — это очень мало, именно из-за этого все наши проблемы»: я его не слушаю. Но если бы он знал, о чем я думаю, он бы не сердился.

В бухгалтерии командировочные нам выдать отказались, потому что в приказе название газеты было написано неправильно.

Получили мы деньги через несколько недель. На этот раз из расчета 200 рэ в сутки. Полшоколадки на 24 часа. По-моему, понятия студент и деньги не пересекаются ни в какой плоскости.

А завтра я отправлюсь в университет. В общем-то, это ничего не меняет. Но все равно начинается другая жизнь.

Предыдущая моя жизнь была коротенькой — в один месяц. В один сентябрь. Яркий и холодный. Следующая моя жизнь будет длиться вечно.

А вообще-то мой любимый месяц — ноябрь.

Правда, вот до него еще несколько сотен лет.

(38)(38)

Александра Ковалевская

(г. Речица, Белоруссия)

ВАВИЛОН НОМЕР ВОСЕМЬ

Александра Викентьевна Ковалевская. Родилась и проживает в г. Речица Гомельской области. Окончила Витебский педагогический институт им. П. М. Машерова, учитель. Живет в городе Речица (Беларусь). Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Автор четырех книг: роман «Полоз и Белокрылка» (2012), роман «Бод» (2013), повесть «Гуда» (2014), а также научно-фантастический роман «Война суши и моря» (2014).

Вместо предисловия

По той простой причине, что автор совершенно не умеет придумывать, этот рассказ правдив до последнего слова.

Электронная энциклопедия объясняет значение слова «Вавилон» разумно и внятно,— что само по себе редкое сочетание. Стоит пробить в поисковике ВАВИЛОН, и вы узнаете, что это «...большая группа людей, собравшаяся в некоем месте, обычно занятая какой-либо бурной, шумной деятельностью». «Что же,— вздыхаете вы, потому что тропа вашей повседневности пролегает рядом со школой,— очередной Вавилон явлен нам опять». Сюда каждое утро со всех сторон стекается две тысячи несовершеннолетних рабов с горбами-ранцами на спине и трудовыми мозолями на маленьких седалищах. Сюда же стоически вышагивает сотня взрослых. От вечной бестолковой возни глаза у них профессионально смотрят поверх всего мирского, а на лицах застыло приветливое выражение Буратино, которому папа Карло в созидательном порыве ковырнул стамеской в уголках рта чуть больше, чем требовалось.

Итак, в Вавилоне номер восемь наступил последний день четверти, за которой начинаются долгожданные зимние каникулы. Суета достигла апогея, разноголосый гомон мешался и плескался на всех четырех этажах, и Высочайшее Достижение — Образование Независимо-от-Способностей-и-Невзирая-на Потребности, вознесенное в наши дни на невиданную высоту, привычно-весело раскачивалось и сыпало штукатуркой. Завуч опять подставил свое плечо под эту махину, дабы конструкция из Положений, инструкций и рекомендаций не рухнула, но даже наоборот - выглядела бы вполне добротным сооружением.

Сейчас завуч был занят тем, что анализировал подписи членов родительского комитета под отчетом о распределении гуманитарной помощи. Гуманитарка гуманно прилетала лишь два раза в год, потому что вавилонская кладовая не резиновая, и не выдержала бы чрезмерного количества добра. Кроме того, гуманитарка вежливо до-

жидалась, когда воздушный коридор освободится от перелетных птиц, и потому осенняя успевала как раз в канун Нового года, а весенняя — летом, в пору поголовной сезонной миграции населения Вавилона в большой внешний мир.

Завуч читал подписи, и нашел, что они выглядят возмутительно неправдоподобными.

Тогда этот жрец учебного процесса повелел стать перед собой, как лист перед травой, классных руководителей одной параллели: от 7«А» до 7«З». И, набрав полный рот желчи, выплюнул:

- Можно подумать, у нас школа Петровых! Что за Ф. И. О.? Мы где живем? В Беларуси! на всякий случай напомнил он, потому что был географом, а остальные нет
- Петровых, их же поискать у нас не сыщешь! Нет, я все понимаю: вам некогда, вызывать родителей не стали, расписались сами левой рукой. Но где, где такие фамилии откопали? Укажите нормальные, чтобы выглядело все правдоподобно!

Классные руководители отнеслись к просьбе с пониманием. Они решили не лукавить и ничего не придумывать. Пораскинув мозгами, вспомнили адекватных родителей, которые в любом случае спокойно отнесутся к тому, что на наряды дикой расцветки пришили такие же немыслимые оборки, и теперь не только дети из малообеспеченных семей, но и дети зажравшихся нефтяников танцуют в гуманитарных юбках на большой вавилонской сцене.

Документ быстро обошел по кругу всех. Завуч выхватил его, глянул и, вдруг лишившись сил, опустился на стул.

Под документом красовались свежие подписи:

Щавлевский О.А.

Чеснокович Э.И.

Перченко Е.В.

Сметана А. Н.

Борщ Е. М.

Добила завуча фамилия, стоявшая последней:

Посный В.В.

В это время второй заместитель директора по учебной части, проклиная злую судьбу, в сотый раз правил расписание уроков на следующее полугодие. Расписание никак не укладывалось в прокрустово ложе требований санстанции и личных просьб классных дам.

Вот и теперь в кабинет ворвалась, не потрудившись закрыть за собой дверь, химичка, Катерина Степановна:

— Что это вы мне сделали? — с разбега напала она на завуча.

У того душа зашлась в предчувствии, что в очередной раз придется наступать на горло собственной песне, разостланной на столе в виде многоэтажного и многоклеточного чертежа.

— Вы мне смешали седьмые, десятые и одиннадцатые классы в один день? Вы моей смерти хотите?

Завуч не хотел смерти Катерины, найти замену химику — большая проблема.

— А по-другому не получается! — заявил он, изображая участие, но сам не без злорадства представил за спиной надежную стену в виде требований санстанции. И подумал: «Шиш! Не стану ничего переписывать!»

Но Катерину Степановну, как особый сувенир, муж не зря привез с хмельницкой стороны: молодица она была не только смачная, реактивная, но и уцепистая. И отступать не собиралась. Быстро окинув взглядом весь расклад, она просекла, что, если

перенести этот, этот и еще вон тот урок, то у нее получится вполне приличный рабочий график. И она произнесла приятным грудным тембром, тыча пальчиком в замусоленные правками клетки и уверенно глядя завучу повыше усов:

- Как это не получается?! Просто раздвиньте и вставьте мне!
- Так-так! громко пробасил завуч, дернул вторичным половым признаком пшеничного цвета и повторил на расписании путь, обозначенный маникюром Катерины Степановны. Шестеренки административного мозга судорожно взвизгивали, вращаясь на бешеной скорости. (А ведь рокировка действительно могла получиться очень удачная!)
- Действительно, почему бы и нет, Катерина Степановна? прогудел он удовлетворенно, взяв в руки ластик,— раздвину и вставлю вам... С превеликим удовольствием!

Возле открытой в коридор двери у зеркала громко прыснули старшеклассницы. В кабинет влетела директор:

- Почему дверь держите открытой? закричала она, потому что все слышала. Вид пошлых рожиц вавилонских барышень ее возмутил.
  - Мы тут с Катериной Степановной пришли к долгожданному консенсусу,

Светлана Венедиктовна! — ответил довольный завуч, так и не уловив причину шефского наскока.

Директор посмотрела на коллег и решила, что все это — не ее ума дело. Взрослые люди...

А в кабинет тем временем просунулись местные акселераты. Эти вычитали черновое расписание и решили по пути уточнить:

- У нас будет новый предмет? облепили они стол завуча, не слишком заботясь о политесе и по-молодецки попахивая подмышками.
  - Какой такой новый предмет? переспросил тот, озадаченный.
- «Механист» ответили детки.— В расписании написано. В понедельник первым уроком в одиннадцатом «А» «механист».

Завуч дернулся, стараясь держать лицо:

— MexAнис! Моя фамилия! Там вписаны не предметы, а фамилии учителей. Это учительское расписание. Я вместо Ирины Игоревны буду вести у вас историю.

Детки выдавились из кабинета, вытягивая себя, подобно Мюнхаузену, за молодую поросль на собственных подбородках.

А завуч подумал, что много недоразумений терпел из-за своего латышского Ф.И.О., но чтобы такое... Его отчество Геронимович в здешнем Вавилоне легко превратилось в Героинович. Ладно. Но чтобы умудриться прочитать нормальную человеческую фамилию как новый урок — это неслыханно! И завуч решил, что эра индиго с их парадоксами сознания, пожалуй, уже началась.

Вокруг расписания постепенно рассосался народ, лишь в сторонке, под стендом с рисунками пустили корни трудовик и физрук. Они пристально разглядывали что-то. Случай сам по себе нетипичный: особым интересом к молодой живописи эти педагоги никогда не отличались.

Когда в поле их зрения показалась местная стремительная торпеда,— учительница рисования,— трудовик и физрук коротким маневром остановили ее на полном ходу:

— А что это вы рисуете на уроках? — приступились они к художнице всея Вавилона, обрадовавшись встрече с ней, как дошколята сладкой вате.

Та вгляделась в рисунки. Чувство юмора у нее было абсолютное, а это значит, Алина Викторовна всегда находила повод посущить зубы. Теперь хохотали втроем, любуясь новогодним рисунком пятиклассницы. На листочке слегка перекошенная красавица с удивленным лицом взмахнула ручками, напоминающими гибкие шланги. Она как бы стряхивала с бального платья круживший вокруг серпантин. Вот только серпантин здорово напоминал этих... с головкой и длинным извилистым хвостиком. Все эти цветные живчики сверху, слева, справа из-за шторок, и — о, ужас! — даже снизу стремились к общему центру притяжения: к красотке, не знающей, как от них и отбиться. Трудовик заметил, что до сих пор великая сила искусства обходила его стороной, но отныне все изменилось, и он сам будет ходить к рисункам вавилонян каждый день с целью продлить себе жизнь, потому что обнаружил в этом месте бесконечно много поводов для веселья.

И в подтверждение его словам грянула жизнерадостная музыка.

Учительница изобразительного искусства заторопилась: в местном актовом зале начиналось новогоднее представление.

Вавилон номер восемь славился своими шоу по всему городу, потому что

Творец долго искал конченых энтузиасток, но когда нашел, сжалился, решил их не разлучать и отправил работать именно сюда. И вот на добровольных началах, не зная, куда деть талант, бивший ключом, подобно иракскому нефтяному фонтану, учительница музыки, а с ней хореограф и та самая смешливая художница лабали нешуточные представления. Юные вавилоняне, случайно затянутые в орбиту влияния этих дам, становились артистами, танцорами и певцами независимо от природных данных. У них вдруг обнаруживался и голос, и интонация, и пластика. А то, что родители приходили в десять вечера силой забирать своих чад с репетиций,— так это пустяк!

На сцене кружились в танце младшенькие: администрация потребовала от хореографа предъявить результаты работы. В унисон скрипя зубами, три креативные дамы согласились включить мелких в свое новогоднее шоу.

Один из танцоров, Марио, как всегда, не попадал ножкой на сильную долю.

Восемь лет назад мама Марио, решившая сообразить себе сыночка с подвернувшимся испанцем, не удосужилась спросить: «А как у вас, дон Педро, со слухом?» Но, видимо, дон Педро был если не в танцах, то кое в чем другом силен, и мальчик получился крупный, здоровый такой бутуз. И сейчас это испанское романтическое приключение с энтузиазмом скакало по сцене, ног не чуя под собой от счастливого возбуждения. В очередной раз не попав на сильную долю, Марио подбил свою партнершу: семилетнюю Мишель Викторовну. Надо сказать, что уж в этом случае инициатива принадлежала папе: будущий папа Витя так любил представлять себя на фоне Парижа, что решил воссоздать атмосферу Франции в своем доме. Он начал с поиска жены, согласной есть на завтрак исключительно круассаны. Чем дальше, тем последовательнее семья нагоняла ускользающую мечту, и в урочный час в Вавилон пришла в первый класс Коваленко Мишель Викторовна.

А сейчас Мишель летела, раскинув руки-ноги звездочкой, по низкой орбите над кувыркавшимся Марио. И каждый зритель чувствовал нечто символическое в полете интернациональной пары над самой что ни на есть белорусской сценой. Видеокамеры в руках родителей работали в режиме нон-стоп, вспышки цифровых фотоаппаратов слились в один сияющий всполох. И только заместитель директора по воспитательной работе, видавшая всякие виды, не поддалась очарованию момента и успела принять на грудь две шоу-звезды.

Звезды оказались тяжелы, но зам не привыкла отказываться от того, что само летит в руки. И устояла. Кстати, концерт продолжался как ни в чем ни бывало: Марио выгребся из рюшей Мишель, Мишель сняла ажурные ноги со спины Марио, а что

при этом на прыткой тетеньке пиджак закрутился в штопор и верхние пуговицы повели себя очень гламурно, все вежливо не заметили.

В другом, относительно тихом углу Вавилона, не в силах заполнять сводную ведомость успеваемости, общались по душам три коллеги: математик, биолог и физик. Физик получала квартиру в новом доме, и это нужно было непременно обсудить.

Математик ударилась в воспоминания:

- Когда строили мою пятиэтажку, я через день бегала посмотреть, сколько кирпича положили. Так хотелось поскорее свою крышу над головой! Пришла однажды, считаю кирпичи, и вижу: в одном подъезде по вертикали между оконными проемами восемь рядов кладки, а в другом целых двенадцать. Сначала думаю: «А, может, я в архитектуре ничего не смыслю?» Но тут же я представила, что архитектурные изыски хороши на картинках, а вот если мне попадется квартира с подоконником на уровне носа, то мне это вряд ли понравится. И я повела прораба считать. И на всякий случай сообщила ему, что я математик, а значит, в этом деле мне можно доверять. Прораб проникся, ряды кладки считал старательно, даже загибал пальцы. Помолчал. Потом наоборот: стал материться без пауз между предложениями и убежал к каменщикам. В итоге в нашем доме все окна одинаковые. С архитектурной точки зрения неоригинально, зато удобно.
- Это еще что! отозвалась биолог.— Я вытянула свой кооператив на себе в буквальном смысле. Помнишь, Таня, наш дом не хотели привязывать рядом с вашим?
- Да,— подтвердила математик.— Сначала сказали, что две пятиэтажки станут в ряд, потом сказали, что двум домам по стандартам мало места а, в конце концов, все-таки начали строительство.
- Вот-вот! Это я, да еще Леночка Александровна, да наши мужья нашли те недостающие по стандарту метры.
  - Это как? удивилась физика.
- Неевклидова геометрия, девочки. Ладно, так и быть, расскажу, только не советую повторять этот подвиг он по плечу не каждому. Дело было так. Я тоже прогуливалась там, где должны были строить мой кооператив. На восьмом месяце беременности, знаете ли, гулять полезно для здоровья. Однажды разговариваю с прорабом, он, видя мое интересное положение, решил ни в чем не отказывать, измерил при мне рулеткой расстояние от строительной ограды до ближайшего дома и говорит:
  - Здесь строить не будем, не вписываемся, для площадки не хватает трех метров.
  - И что же будет? ахнула я.
- Закажем новую привязку. Через полгода определимся с местом для вашего дома.

Мне стало обидно — эх, ведь все откладывается в долгий ящик!

На следующий вечер я сманила на вечернюю прогулку мужа, Ленка — своего благоверного, да еще брата позвала. И мы идем на то место, которое узкое для стройки. А дело было в ноябре: темень, холодно, грязь. Мы оглянулись, поднатужились, и давай с нашими мужиками толкать по жидкой грязи здоровенные бетонные стойки. Стойки держали деревянный забор строителей. Так до половины первого ночи и развлекались: дождемся, когда никого нет, и юзаем стойки. Нормально, у нас получилось! Еще и взбаламутили грязь, чтобы не было видно, где раньше стояла ограда.

- Аборигены острова Пасхи! умилилась физик, представив титанический труд в лицах.
  - Але, але! кивнула биолог.
- Утром мы с Леночкой Александровной подходим к инженеру и говорим невинно: «А как это вы участок измеряли? У нас другие размеры выходят!»

Он снова рулетку по пустырю растянул, озадачился. И, смотрим, уже для нашего дома готовят площадку. Вот так!

В отдалении стихла музыка.

— В зале вертеп закончился! — охнула физик,— ой, мне пора! У меня еще уроки во вторую смену, успеть бы суп сварить!

В коридор с той стороны, где отгремели танцевальные ритмы, стали вываливаться Куклы Барби, Принцессы, Феечки и Ведьмы примерно 2006-го года выпуска. Впечатление было такое, словно опрокинули гигантский ящик с игрушками и сейчас подарки разбегаются по домам своим ходом. Среди куколок в малиновых, салатовых, голубых платьицах изредка попадались немодные нынче Зайчики и Звездочеты. Было несколько Джеков-Воробьев, пара Человеков-Пауков и с десяток пацанских личностей просто в масках. Семенили, позвякивая стразами на худых синих мослах, миниатюрные Шехерезады, встряхивали завитыми локонами и таращили глаза, густо накрашенные ворованными у сестер тенями. Они были искренне уверены, что весь мир сейчас любуется их несравненной чарующей красотой. Отдельные Барби и Золушки, забывшие сменную обувь, старательно прикрывали пышными подолами зимние сапоги, будь они неладны...

В этот поток русых буклей, ворохов цветного капрона и почти настоящих пиратских шляп попала немолодая дама. И остановилась, мудро решив, что не стоит, подобно лососю, пробиваться против течения: тем более, для нереста еще не сезон.

— Алла Борисовна?! — крикнули в ее сторону двое: учительница музыки и учительница рисования, проплывавшие мимо.

Дама смущенно улыбнулась. Она зашла в Вавилон по своим делам, и вроде немножко надеялась, что после долгих лет отсутствия ее кто-то помнит, но, с другой стороны, не слишком на это рассчитывала.

— Зда-аствуйте! — сказала она, когда поредел поток и все трое сошлись вместе.

...В школьном и, как ни странно, очень радужном детстве учительницы музыки и учительницы рисования Алла Борисовна преподавала им алгебру и геометрию. Но музыка с рисованием вежливо назвали свои имена, прекрасно понимая, что для тех, кто долгие годы служил в любом из Вавилонов, все индивидуальные лица сливаются в одно условное «когда-то я его (ее) учила». Тем более, Алла Борисовна Вайнер эмигрировала с первой волной: тот достопамятный исход случился вскоре после Чернобыльского взрыва. Добрая четверть населения города дружно решила держаться подальше от радиоактивных элементов таблицы Менделеева, от лесов, в которые нельзя сунуться, и от экстравагантных политических решений, подписанных в воспетой рапсодами пуще.

А вот забыть Аллу Борисовну было совершенно невозможно!

Во-первых, учила она на совесть, и ее ученики действительно знали предмет.

А во-вторых...

Вот из-за этого «во-вторых» ее вспоминали также часто, как Чапаева и Петьку, Чукчу, Нового русского, а в последнее время — вездесущую Блондинку.

Дело в том, что в исполнении Аллы Борисовны половина алфавита неузнаваемо преображалась и, слушая ее объяснения, приходилось быть очень внимательным, чтобы понять: о чем идет речь? Особенно виртуозно изменялась коварная буква «р». А, надо сказать, в геометрии как нигде много слов с буквой «р», да и другие буквы встречаются нередко...

— Гая, иди отвехять! — говорила Алла Борисовна, и девочки Галя и Рая вставали из-за парты одновременно.

Быстро выяснялось, что отвечать зовут Раю.

Ая, пихи: дана тьяпеция А, Бэ, Цэ, Хэ...

Рука Раи уверенно писала на доске три буквы и останавливалась на четвертой. Что значит это «Хэ»? Алла Борисовна вставала и дописывала таинственную «Хэ». А слово «параллелепипед» в исполнении математички звучал почти как гавайские частушки: «Пай-яй ей-ей пипед».

Учительница музыки как-то, краснея, рассказала собственному мужу пикантную историю, случившуюся с ней в седьмом классе. Однажды, сидя в лаборантской и перебирая гербарии под надзором лаборантки, она впервые услышала от Аллы Борисовны теорему треугольников.

За перегородкой в классе педагогица умело вела свой урок. Сначала восьмиклассники закончили «йехать уявнения», потом записали в домашнее задание «четыйнаццатый паягхаф», а потом было объявлено, что вместо «ангебгы» сейчас займутся «геометйией». А дальше началось самое интересное — все разом были посвящены в невероятную тайну «тьеугойника».

В слове «ребро» первую букву Алла Борисовна проглотила как непроизносимую, а корневую «р» превратила в «л». «Ребра» во множественном числе по этой схеме зазвучали вообще шикарно, заставляя задуматься об экзотических свойствах скромной с виду фигуры и будоража фантазию...

Стоит ли удивляться, что у этого учителя запоминание теорем и аксиом было обставлено весьма интересно, и каждый урок дарил радость открытия? Так что Яна Борисовна была для учеников самым любимым воспоминанием отрочества. Вот и сейчас две бывшие бросились к ней с распростертыми объятиями.

...Но такое уж это место — Вавилон, время здесь бежит быстро.

Вдруг на карауле у главного входа раздался легкий звон, и местная кукушка в очередной раз попыталась вырваться на волю из дорогих, но опостылевших настенных часов. Грубо ломясь в дверцы домика, птичка совершила целых двенадцать попыток, истошно вскрикивая и требуя внимания к своей проблеме. Но заклятие часовщика оказалась сильнее: тюрьма захлопнулась, птичка затихла.

От этого неожиданного шума вахтерша Людвиговна вздрогнула. Вспомнила «холеру ясную», потому что ее мама и бабушка всегда упоминали эту польскую диковинку в минуты сильных потрясений. Дурацкая кукушка опять умудрилась напугать Людвиговну, умевшую дремать с открытыми глазами за очень скромную зарплату.

— Подожди, я тьебья выкручу! — пробурчала она с легким акцентом, погрозив в сторону часов пальцем, а сама окинула взглядом входную магистраль Вавилона.

Все разошлись.

Наступило недолгое затишье.

Но день еще в самом разгаре и, значит, через час Вавилон снова примет в себя больших и маленьких людей, влекомых в это место неведомой силой.

И так будет всегда, пока существует мир, и стоят в нем, каждый под своим номером, шумные Вавилоны,— средоточия больших и малых народов земли.

യായാ

Александр Мазуренко (г. Бобруйск, Белоруссия)

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Александр Мазуренко родился в 1949 году. Окончил Белорусский государственный университет, специальность филолог. Всю жизнь работает в газетах. Рассказы и повести публиковались в литературных изданиях Беларуси, в коллективных сборниках. С 1995 г.— член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», в котором возглавлял секцию художественной прозы, являлся заместителем председателя литсоюза. Живет в г. Бобруйске.

Марьян проснулся внезапно — от звенящей в ушах тишины... В доме не слышалось привычного говора жены Настасьи, вечно наставлявшей детей — двух девочек и двух мальчиков. Теперь, когда в комнате буйствовали яркие солнечные лучи в союзе с тишиной, не верилось, что страшная ночь осталась позади...

* * *

Накануне, еще днем, люди стали поговаривать, передавая друг другу: ночью «наши» будут брать город. Возможны бомбежки с воздуха, артобстрелы, бои. Поэтому сидеть в домах нельзя, надо перебираться в землянки. Эти земляные норы были в каждом дворе.

А еще говорили: нельзя в эту ночь спать, чтобы, не дай Бог, свои не приняли за немцев; да и с немцами, если те окажутся в этом тихом районе города, тоже лучше быть начеку.

Дети, конечно, спали, но Марьян с Настей старались больше разговаривать, чтобы не дремать. Ночь выдалась тревожной. В восточной стороне города с вечера усилилась стрельба, безостановочно ухали какие-то тяжелые орудия, где-то взрывались снаряды, летали и стреляли самолеты; ближе к утру во время очередного налета с воздуха раздалось несколько мощных взрывов. Марьян сказал жене, что это, скорее всего, наши или немцы бомбят железнодорожную станцию.

О самом страшном, что могло случиться в эту ночь, оба боялись не то, что сказать, даже подумать — что бой может развернуться здесь, что в их хлипкую землянку может угодить бомба или снаряд...

Уже когда стало светать, Настя словно выдохнула: «Скорее бы все закончилось».

Марьян промолчал, но в душе поддержал жену. Ровно три года продержались немцы в их небольшом городке: 27 июня 41-го заняли его, а в ночь на 29-е 44-го Красная армия должна овладеть вновь. Марьян вспоминал те страшные после начала войны дни. Суета, беспорядок, безвластие. 24 июня он пошел к военкомату. Но там творилось что-то невообразимое: огромная толпа народа окружила деревянное одноэтажное здание, люди в военной форме и гражданской одежде бегали, словно муравьи в развороченном муравейнике.

Уже через пять минут Марьян понял, что здесь не до него, и сам себе признался, что так лучше. А что, если бы его забрали на фронт? Он не о себе думал, а о жене и четырех крохах, мал мала меньше. Начиная с тридцать четвертого года, детишки появлялись на свет, словно по расписанию, ровно через два года — 34-й, 36-й, 38-й и 40-й. Ладно бы Настя была крепкой бабой, так нет, хрупкая, хилая (как только родила такую ораву?), она и слово-то крепкое никому не могла сказать, не то что другие: палец в рот не клади — откусят руку по локоть.

Уже потом, когда он сказал жене, что ходил в военкомат, Настя ничего не сказала, только горько заплакала, да так, что он насилу ее успокоил. А ночью, жарко обнимая его, Настя сквозь слезы шептала: «Никогда меня не оставляй, слышишь, никогда. Я без тебя умру. И они тоже...» Она имела в виду детей.

За женскую слабость он и любил свою Настю. Как будто и не дорожил ею. Но однажды она пошла в центр города на рынок, чтобы сделать кое-какие покупки, и вскоре пришла бледная, как полотно. Сказала, что на нее пристально смотрел немецкий офицер. Настя, жгучая брюнетка, испугалась, что немец принял ее за еврейку. И она, забыв о покупках, поспешила в какие-то дворы, чтобы неизвестно какими закоулками выйти из центра.

Тогда Марьян всерьез испугался за Настю, хотя успокаивал ее, как мог: мол, немцы здесь без женщин, а ты из себя видная дама, вот и засмотрелся товарищ фашист...

— Да какая я видная,— возразила Настя,— худоба, кожа да кости, груди — две тряпочки...

Больше Марьян Настю в центр, на рынок не пускал, ходил сам.

В эту последнюю ночь немецкой оккупации они много вспоминали. Припомнили, как сделали хороший запас продуктов, которых хватило до конца 41-го года на всю их семью. Когда люди стали грабить брошенные властями магазины и предприятия, они тоже не сидели, сложа руки: на маслозаводе взяли два ведра подсолнечного масла, в магазинах и на молокозаводе — сметаны, творога, сливочного масла. Масло Настя сразу же смешала с солью и опустила в бочку с водой. Перепало и колбас. Но все же им далеко было до соседа Михалка — тот, любитель дармовщины и выпивки, одолжил у кого-то лошадь и продукты, в первую очередь спиртное, вез в свой погреб телегами...

О самом трудном времени муж и жена не вспоминали. За три года оккупации Настя сделала два аборта — куда в такую нищету и неопределенность плодить детей! Соседка Паша, фельдшер по образованию, муж которой ушел с отступающей армией, принимала роды и делала аборты всем знакомым. Тем и выживала: кто-то приносил еду, порой и дойчмарки перепадали.

Первый аборт Настя перенесла легко, а второй Паша опасалась делать:

 Как же ты так прозевала? — возмущалась фельдшер. — Ребенок уже почти ногами бьет...

У Насти началось кровотечение. Паша делала, что только могла, и кровь удалось остановить. Но после этого несколько дней Настя пролежала в жару. И надежды, казалось, уже не было: и без того худая женщина вконец отощала, кожа словно просвечивалась, синие сухие губы потрескались...

Марьян без стеснения плакал над почти бездыханным телом. И Паша, зайдя в очередной раз, сказала ему несколько жестких слов:

— Надежд никаких. Готовься растить детей один. Но если Бог даст Насте жизнь, то ты не то, что к ней не прикасайся, вообще спи в другой комнате. Ты — животное, думающее только о собственном удовольствии...

Было и стыдно, и горько.

На следующее утро Настя на минуту очнулась и попросила пить, еще через час — есть. Она пошла на поправку. Марьян долго ждал, что она хоть словом его

упрекнет, но этого не случилось. Правда, он после этого стал другим. Больше Настя не «залетала»...

* * *

Голоса красноармейцев они услыхали, когда уже рассвело.

— Выходите из землянки! — раздался властный голос.

Они вышли, заслоняя руками глаза от утреннего солнца.

Где-то за несколько домов, раздался взрыв. Похоже, решил Марьян, граната.

- Еще кто-либо в землянке есть?
- Четверо детей. Спят.
- И все?
- Все.
- Иван,— майор обратился к солдату,— глянь туда, только осторожнее. Знаем мы их...
  - Все нормально, товарищ майор, через минуту отрапортовал солдатик.
- Нормально так нормально... Сколько лет? обратился офицер к Марьяну. В глазах его был неприятный прищур.
  - Сорок три мне.
  - Почему не на фронте?
  - Так немцы захватили город, никто и опомниться не успел.
- Мой город тоже захватили. И всю Белоруссию завоевали. Но я же пошел воевать.
- Я хотел... Только в военкомате была тьма-тьмущая народа... Это 24 июня. А 26-го утром военкомат уехал.
  - А ты часом не полицай?
- Что вы, товарищ начальник,— вдруг заступилась за мужа Настя.— Мы так вас ждали... Три года...
- Жаль, что нет мне времени, я бы тебя,— обратился к Марьяну,— проверил. Но ничего, будет кому тобой заняться.

Вновь страх, который жил в конце 30-х годов, вернулся в сердце Марьяна...

Но через минуту все забылось. Все, кончилась навала. Наши пришли. Теперь будет легче. Можно покинуть землянку и спать в доме.

Марьян и Настя быстро перенесли в комнаты спящих детей и когда уже собирались сами укладываться в постель, Настя вдруг сказала:

— Марьянушка, давай мы это дело, освобождение, значит, отметим. У меня припасена чекушка. Я тоже выпью с тобой, хотя не люблю эту гадость...

Дома через два раздалась автоматная очередь — как будто там, где минут тридцать назад прогремел взрыв. Настя испугалась.

— Это просто так,— успокоил жену Марьян,— кто-то нечаянно нажал на курок. Видишь, никаких немцев здесь нет...

* * *

«Где же это Настя запропастилась?» Марьян глянул на ходики — около одинна-дцати. Ого! Он спал часов пять.

На улице все изнывало от жары. Вдали он увидел возвращающуюся жену с детьми. В глазах Насти были слезы.

- Что случилось?
- Ванечку Портнова убили...
- Кто убил?
- Наши...

- Как это? Не может быть.
- Они, Портновы, утром уснули. Солдаты увидели лаз, кричат, чтобы выходили, а подойти боятся, вдруг там немцы... Ванечка с Машей не слышали, двое их деток тоже спали. Тогда один солдат туда гранату бросил. А Ванечка проснулся, толком не разобрался, да гранату назад выбросил. Она наверху и взорвалась. Кого-то ранило... После этого Ваню поставили к забору и... Так что взрыв и выстрелы, которые мы слышали, были не случайными...

Настя снова заплакала.

Эх, Ваня, Ваня. Сколько же ему было лет? Около двадцати пяти. Жить бы да жить. Двое деток, девочки, старшей три годика, младшей года нет, родилась во время войны

Настя с детьми пошла домой, а Марьян направился ко двору погибшего соседа. Там было человек десять. Маша, жена Вани, одетая в черное, вся отрешенная, сидела, к ней прижималась старшая дочь, в детской кроватке спала младшенькая. Иван лежал на каком-то накрытом покрывалом щите. Несколько незнакомых мужчин о чем-то тихо переговаривались, и Марьян сделал вывод, что это родственники, которые помогут в похоронах.

Когда Марьян вышел на улицу, то встретил Михалка.

- Ну вот, сказал сосед, ждал-ждал Ваня своих и дождался.
- Да, вздохнул Марьян. Тяжело теперь будет Маше одной с двумя детьми...
- Да уж. Ты-то знаешь, как с детьми врагов народа... Но тебе лучше о себе подумать, а не других жалеть... Неровен час тебя загребут, а у твоей Насти не двое детей, а четверо.
  - С чего это меня загребут? Кто? И куда?
- А с того. Когда коммунисты берут город, с населением особый отдел работает, смерч называется. Спросят: почему увильнул от призыва на фронт?..
  - Сегодня уже спрашивали. Я сказал, что в военкомат было не пробиться...
  - А они потом спросят: где работал, чем занимался?
- Так надо было где-то работать, четверо ртов да нас двое. И где я работал? На консервном заводе. Джем закатывал в бочки...
  - И потом этот джем немцам на фронт...
  - А ты, наверное, не знаешь, что шеф, немец, меня оттуда выгнал.
  - Ага, то, что тебя выгнали, это хорошо. А где потом работал?
  - Последние пару месяцев на железной дороге.
- Это тебе просто повезло. Потому что, скажу по секрету, всем железнодорожникам дают бронь. А так у освободителей разговор короткий: у кого грешок за душой в тюрягу, у кого нет на фронт.
- Я не против фронта. Теперь-то какая-то помощь женщинам, у которых мужья в армии, будет наверняка.
  - Да, разинь варежку шире... Никто никого кормить не будет...

От разговора с Михалком на душе остался неприятный осадок. И снова вернулось чувство страха...

Он опасался, что признают предателем. Ведь это так просто: кто-то оклевещет, кому-то не понравишься — и все. Как было в 38-м с его дедушкой, старым революционером. Тогда, чтобы уйти от пристального внимания «органов», вся семья и они с Настей из областного центра переехали в тихий районный городок, где взяли участок земли и построили дом...

* * *

В обед они ели свое традиционное в годы войны блюдо: вареный картофель с солеными огурцами и помидорами и со свежим луком. В лучшие времена Настя добы-

вала шкварки или здор (нутряной жир), делала подливу и сдабривала ею картошку или овсянку. Но сейчас в доме было хоть шаром покати.

Обед прервался шумом на улице. Настя поспешила из дому, чтобы выяснить, в чем дело. Через пару минут вернулась:

— Кобелиху собрались бить... Вот уж кому бы я оторвала голову... Немецкая подстилка...

Наталья Коблева появилась на их улице в конце 41-го года. Жила на квартире у Беловой, женщины престарелого возраста. Говорили, что Коблева служит в управе, что она в совершенстве знает немецкий язык.

Буквально с первых дней ее жизни на улице в доме Беловой по вечерам устраивались танцульки. Туда постоянно ходили немцы, среди которых нередко мелькали высокие чины.

Кличку Коблевой, Кобелиха, сразу как припечатали. На улице ее не любили, за глаза называли проституткой, немецкой подстилкой и другими неприятными словами.

У Марьяна была прекрасная швейная машинка — «Зингер». Благодаря ей, он поддерживал семью: какая ни нужда, а люди из остатков одежды шили пиджаки или жакеты, и Марьян считался неплохим портным.

По вечерам он, когда шил костюм или юбку, любил завести патефон и послушать пластинки. Кто поет, чья это музыка, не знал.

Однажды приблизительно в полдень к Марьяну в дом зашел немец. Марьян шил сорочку старшей дочери.

— Где есть мьюзик? — спросил немец.

Марьян пожал плечами, мол, не понимаю, хотя догадался, что немца интересовал патефон.

Я имейт в виду мьюзик, пластинка...

Марьян, чтобы отвлечь внимание немца от стоящего на виду патефона, стал показывать на швейную машинку и говорить, что он шьет одежду.

Но немец уже увидел предмет своего поиска.

- Патэфон, сказал он, вот он.
- Э-э,— возразил Марьян,— это не мое,— и попытался загородить дорогу немцу.

Однако тот не растерялся и сразу залепил Марьяну оплеуху. Марьян встряхнулся. Хотелось схватить этого плюгавого гансика и сразу же переломать шейные позвонки...

Но он вспомнил наставление Михалка: «Если когда придется спорить с немцем, соглашайся на все, чтобы тот ни потребовал».

— Данке шон, герр,— произнес он первое, что пришло на память,— бите, герр... Немец с минуту смотрел внимательно, не зная, как реагировать, потом улыбнулся:

— Зеер гут... Пошийт мне... как это... рубашка...

Он сорвал штору на окне, поднес Марьяну:

Сшейт мне рубашка... Я вечером прийти...

Марьян с улыбкой на лице, прилагая большие усилия, чтобы ничем не проявить свои истинные чувства, снял с немца мерку.

Тот с конфискованным патефоном и пластинками пошел к дому Кобелихи. Весь день Марьян слышал знакомую музыку. Надежда на то, что кто-то вернет патефон, не оправдалась. Зато вечером немец, как и говорил, зашел, примерил рубашку, посмотрел на себя в небольшое зеркало и довольно произнес:

— Гут. Харашо. Спасиб.

Денег он не дал ни копейки.

* * *

— Марьян,— обратилась к мужу Настя,— идем, там вся улица собралась бить Кобелиху. Идем, она этого заслужила.

— Да ну ее.

Но вместе с женой вышел на улицу.

Вообще Кобелиха никому на улице, если не считать «конфискованного» у Марьяна патефона, ничего плохого не сделала. Но ее не любили. За то, что гуляла с немцами.

На людской гомон из дому вышла старуха Белова:

- Чего вы собрались здесь? спросила она.
- Пусть выходит эта сучка. Или мы дом подожжем...
- Да что она вам сделала? не унималась Белова.
- Фашистская подстилка, мы ее разорвем... пусть выходит...

Наконец насколько мужчин рванулись в дом и через минуту за волосы выволокли Кобелиху. Молодая женщина закрывала лицо руками, а все, кто мог дотянуться, били ее, кто не дотягивался, плевал.

- Марьян, пойдем и мы дадим ей. Пусть запомнит наш патефон...
- Брось, сказал Марьян, патефон не вернешь, а ей и без нас хватит...

В этот миг на улицу въехал газик с открытым верхом, подъехал к людской толпе и остановился. Из машины вышел военный, властно развел толпу, оттеснив от избиваемой женщины, она бросилась военному на шею и забилась в истерике. Тот усадил ее на сиденье и увез.

Через час после этого стали говорить, что муж у Кобелихи летчик, а она тайком всю войну передавала важные сведения русским. Поди разберись, что правда, а что людские домыслы.

 Хорошо устроилась, — злорадствовали на такие слова соседки женщины, спала с фашистами, а на наших работала. И волки сыты, и овцы целы.

* * *

Еще одно значимое событие того первого дня освобождения — вскоре после полудня на улицу подъехала машина и военный, открыв дверцу, сказал:

— Мужики, идите в здание бывшей комендатуры, с документами. Явка обязательна.

Марьян на всякий случай попрощался с женой и детьми. К его удивлению, очереди там не было.

Когда он зашел в кабинет, капитан спросил фамилию, имя, отчество, потом полез в какие-то бумаги...

— Так, а чем вы немцам-то не угодили, что вас уволили?

Марьян удивился такой осведомленности новой власти.

- Не знаю. У нас находили бочки с дохлыми крысами, с плесенью, с грязными тряпками...
  - Перед уходом немцев где-нибудь работали?
  - Сцепщиком на железной дороге.
  - Ну, хорошо, работайте. Железнодорожников мы не трогаем. До свидания.

Настя со всех сторон обложилась детьми, словно иконами. Увидев Марьяна, она словно ожила:

— Ты пришел, ты пришел... Что, ты на фронт не идешь? Нет? Господи, пресвятая Дева Мария, спасибо, спаси, Господи.

И она заплакала. А Марьян, вместо того, чтобы успокоить жену, говорил совсем не то:

- Настя, рано радоваться, пойми, нам будет очень трудно: разруха, многие погибли, столько сирот осталось!... Нам, выжившим, придется работать за всех...
- Да разве это беда? Мы остались живы. Мы и наши дети. Теперь будет легче. Были бы мы....

Миронов Василий (г. Бобруйск, Белоруссия)

ВЕЛОСИПЕД

Миронов Василий Юрьевич родился в 1958 году в городе Нижний Тагил Свердловской области. Окончил Бобруйское художественное училище. Более тридцати лет отработал на старейшем бобруйском предприятии ОАО «ФанДОК» художникомоформителем, столяром-краснодеревщиком. В 2011 году принят в Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь». В том же году был избран председателем бобруйского отделения БЛС «Полоцкая ветвь» С 2012 года — член Международного Союза Писателей «Новый современник». Победитель международного литературного конкурса «Литературная Вена — 2011», проводимого Фондом РУССКИЙ МИР и Союзом русскоязычных литераторов Австрии, лауреат и победитель литературных конкурсов: международного фестиваля литературы и культуры «Славянские традиции — 2012», «Моя Беларусь», «Город мой, ты песня и легенда» и других, награжден Дипломом от мультимедийного Фестиваля «Живое слово». Автор трех сборников поэзии, прозы и публицистики. Живет в г. Бобруйке.

Кончилась война. Такое долгожданное и все равно неожиданное счастливое событие в деревню Коники принесла Настенька — молоденькая девочка-почтальонша из райцентра, сама некогда вышедшая из этих мест. Принесла с небольшим опозданием, но быстрее это и не могло произойти. Коники — самая дальняя деревня от райцентра, а точнее — двадцать семь километров глухих непроходимых лесов и болот, полное отсутствие мало-мальски пригодных дорог для проезда любого вида транспорта, кроме галош. Ну, а главной дорогой в Кониках считалась большая центральная тропа посреди деревни для выгона скота. Но это еще не самые важные «достопримечательности» многострадальных Коников, самая неприятная важность — это отсутствие радиоточки. Вся Белоруссия еще лежала в обожженных ручнах, тысячи людей в городах еще не вылезли из землянок и до такой мелочи, как восстановление радиолинии в деревню Коники — еще просто не дошли руки.

Встав ни свет — ни заря, Настенька прошла пешком все двадцать семь километров. Что ж, не впервые... Сколько раз приходилось ей делать это за годы войны! В нестерпимый зной летом, съедаемая гнусом, в лютый холод зимой через заснеженные полудикие тропы — пробиралась она раз за разом с тяжелой сумкой в родную деревню, постоянно рискуя попасть под нападение волчьей стаи. И часто только для того, чтобы принести горькие, сухие официальные строчки казенной бумаги почерневшим от горя матерям и женам — «погиб в бою за деревню такую-то...», или «пропал без вести...». А потом, виновато потупивши взгляд в землю, слушала пронзительный женский крик, поднимавший испуганное воронье над опушкой леса.

Много раз приходилось ей делать это. Шла война и снова и снова Настенька не-

сла в родную деревню последнюю страшную новость в обескровленные семьи, состоящие из одних баб и детишек. Как ни далеки и заброшены были Коники, но никакое бездорожье не уберегло кониковских мужичков. Ушли практически все, а вернулись единицы — поубивала война. Как горько усмехались над своей судьбой бабы — поубивала и добрых коньков и даже коньков-горбунков. Практически — подчистую поубивала.

Однако в этот раз дорога не казалась столь долгой и трудной — с горящими глазами от радостной вести, девочка даже не смогла в нетерпении дойти до домика своей бабушки, а просто забарабанила в первую же хату с края. И снова ее весть встретили слезами, но это уже были другие слезы — самые светлые и чистые слезы Победы!

А жил в крайней избе — дядька Илья. Он вернулся в деревню самым первым, еще год назад. Вернулся без ноги, на массивном огромного размера самодельном костыле и вернулся очень вовремя. Его жена, тетка Евпраксия, пожилая — (она была старше Ильи на добрый десяток лет), вечно замученная женщина с глазами — хоть иконы пиши, померла всего за неделю до его возвращения. Умерла тяжко от редкой тогда болезни, как говорят бабы — от сукОтки зачахла. Много позже ее крохотная дочь Анечка, которая нынче была едва выше табурета, станет заслуженным врачомэндокринологом, профессором, будет жить в столице и преподавать в медицинской академии. Однажды, приехав проведать застрявшего навсегда в дремучих Кониках старшего брата Павла, она поведает — это был диабет. Инсулина, необходимого для жизнедеятельности при такой болезни, как вы понимаете — тогда не было. Уж, больно диковинная на то время была болезнь.

Горевал Илья долго, запил по-черному. Сын-подросток был счастлив хоть какому отцу и не очень старался образумить родителя — да и невозможно было по тем понятиям домостроя перечить или наставлять старшего, да еще отца родимого. Но однажды утром Илья взглянул в большущие глазенки голодной дочери — и отрезвел надолго. Он огляделся на пришедшее в упадок хозяйство, взял в руки костыль и потекли ломашние хлопоты.

До войны дядька Илья был очень спорым на дела мужиком, крутой на нрав — он был крут и в работе. Его уважали, многие — боялись. Потеряв ногу, Илья не растерял свои навыки. Позже в Коники вернулись еще некоторые воины и деревня начала оттаивать, оживать. Одним из первых дядька Илья смог завести поросенка. Это был чуть ли не еще один член их семейства, такой любовью пользовался этот розовый пятак, что многие не понимали — что же будет, когда придет время его убивать к столу. Но не это было главным, что имелось в хозяйстве Ильи, главное — это железное чудо — немецкий трофейный велосипед. Вот это было чудо из чудес — не чета поросенку. Изредка, только за особые заслуги — дядька Илья давал какому-нибудь пацану свой трофей проехать по улице. А многие хлопцы только мечтали об этом — просто не умели ездить. Это казалось очень трудным — ехать на двух колесах и балансировать, словно в цирке. Тем поразительнее всему деревенскому люду казалось умение Ильи с одной ногой самому ездить на своем велосипеде. Он ловко приставлял велосипед к лавочке, привязывал к багажнику свой костыль, садился неспешно и, оттолкнувшись, крутил одну педаль уцелевшей ногой. Здорово!

Мечтал об этом и Колька — единственный сын вдовы Никитичны, чудом выходившей его в военное лихолетье, когда тифозный прозрачный скелет уже собирался в потусторонний мир на встречу с архангелами. Колька выжил непонятно каким чудом, но стал с тех пор невероятно худым, бледным и заимел привычку постоянно оглядываться, будто все время боялся, что архангелы еще вернутся за ним, чтобы исправить свою ошибку. Колька неслышно ходил вслед за деревенскими сорвиголовами на расстоянии нескольких шагов и постоянно озирался. Да, он точно также,

как и все пацаны, мечтал проехать на знаменитом немецком велике, но такая мелкота, как Колька — не имела практически никаких шансов не только проехать, но хотя бы подержать в руках эту чудо-машину.

Но однажды это случилось. Колька совершил поступок, заслуживающий награды по мнению дядьки Ильи — он спас их поросеночка. Тот просто подкопал дыру под хлипкой дощатой стенкой сарая и, отодвинув доску в сторону — удалился на вольные хлеба в поле. Стать бы ему волчьим обедом и не дожить до новогоднего стола, если бы не Колька. Бдительный мальчик первым обнаружил поросенка вдали от деревни и на пару с Пашкой — сыном Ильи, хлопцы пресекли попытку бегства и не без труда вернули вислоухого на законное место.

Дядька Илья был краток. Он скептически оглядел Колькину невысокую, худющую фигуру:

— На, бери... до околицы и назад.

Удивительно, но у невзрачного мелкого мальчонки это получилось с первого раза! Он летел по улице с выпученными глазами и, не доставая до сиденья, вилял пятой точкой с такой скоростью, что, казалось, тяжелая рама немецкого трофея взлетит вместе с ним, распугивая сумасшедших кур, вылетавших пулей из-под свистевших колес. Колька был счастлив!

Дядька Илья по-прежнему частенько выпивал и, бывало, даже забывал свой велосипед у лавочки на ночь, но никто из пацанов даже подумать не мог, чтобы воспользоваться случаем, взять железного коня и покататься без спросу, не то, что украсть — так его боялись. Боялись и его самодельного костыля, которым Илья на спор мог дыру в дубовой бочке пробить с одного удара. Надо сказать — и сад Ильи был, пожалуй, единственным в Коньках, в котором пацаны ни разу не побывали с ночной вылазкой. Одно его имя охраняло все, что ему принадлежало. К велосипеду не прикасались даже тогда, когда пьяного Илью приносили домой, а позабытый немецкий трофей так и оставался на ночь у любой другой лавочки деревни. Никто не смел взять, а Колька посмел!

Как это могло произойти — не смог бы объяснить никто. Не смог бы и сам Колька. Он просто подошел к забытому в очередной раз пьяным Ильей велосипеду, благоговейно погладил темно-зеленую раму, потрогал бережно, словно те были стеклянными — педали, а потом прыгнул, как сумасшедший на велосипед и погнал! И снова выпученные глаза от счастья полета, и снова неописуемая радость захлестывает разум...

Колька доехал до околицы, но ему показалось этого мало. Пацан, обезумевший от счастья, рванул дальше, дальше, дальше... и никакая сила не могла остановить этот виляющий тощий Колькин зад из стороны в сторону, словно заведенный маятник. Колька поехал в райцентр. Он был там всего один раз с матерью, когда та взяла его с собой, отгоняя подводу с молоком. И вот он здесь во второй раз. Один! Колька гордо колесил по мощеным булыжником улицам и, вдруг, остановился возле знакомого магазина в самом центре. Тогда с матерью они заходили сюда и Колька навсегда запомнил пьянящий запах свежевыпеченного хлеба, маковых булок и булочек, завернутых сахарными кренделями, особый запах висящих огромными связками крупных баранок. Все это было безумно вкусно и... недоступно. Но запахи подавались бесплатно и Колька решил повторить блаженство.

Он прислонил велосипед к массивным перилам у входных ступенек и вошел в торговое царство бакалейных запахов. Внутри по-прежнему пахло разными вкусностями — какие-то соления, какие-то приправы, бочковая селедка, толстые, присыпанные солью куски сала с темно-красными мясными прорезями по всей длине и с отрезанными на пробу тонюсенькими розовыми ломтиками, еще что-то... а вот и главный запах — запах свежего хлеба. Странно, но он никуда не улетучился с тех пор, и Колька

вдыхал его, пуская слюни, будто старался надышаться впрок, иной раз, жмурясь от удовольствия и оглядываясь по старой привычке за спину. Все было мирно и спокойно. Колька вышел, глянул на перила... и обомлел — велосипеда не было...

В деревню Колька вернулся уже затемно. Едва ступая от усталости, он крадучись пробрался к своему дому. Его никто не видел — деревня уже спала. Никитична все поняла по первому взгляду. Опустившись на колени перед Колькой и, обняв его трясущееся от ужаса тельце, она произнесла шепотом:

— Что же нам делать теперь?..

* * *

Прошло много лет. У Николая Степановича, пробиравшегося на горчичной «Победе» в Коники по узкой гравейке, играла улыбка на лице — как же долго не был он в родной деревне. Улыбка была с оттенком легкой грусти — сапожник без сапог. Крупный начальник дорожно-строительного комплекса так и не смог добиться, чтобы в его Коники провели нормальную дорогу с асфальтным покрытием. Бесперспективная — этим все сказано, хорошо хоть гравейку проложили в вымирающую деревню. Старушка Никитична после того, как чудом пристроила своего мальчика на учебу в город, практически больше его и не видела. Николай строил дороги чуть не по всем республикам возрождающейся огромной страны. Он мотался от Бреста до Дальнего Востока, без отпусков, а часто — и просто без выходных. Страна зализывала страшные раны и отдыхать было некогда. Вот и сейчас он ехал в родные Коники всего на пару дней из коротенького, наконец-то, выпавшего отпуска, проведать старенькую маму, и снова попытаться уговорить ее уехать отсюда к нему в столицу. А что я буду там делать — отвечала она, - тебя все равно там почти никогда не бывает.

По поклаже, крепко привязанной к багажнику на крыше «Победы», хлестнула ветка и дзынькнула по металлу. Николай Степанович снова улыбнулся — там был привязан новенький, еще весь в масле велосипед минского завода. Это для дядьки Ильи. Настоящая радость засветилась на лице Николая, когда он представил, как прикатит велосипед к его дому и скажет:

— А ну, дядя Илья, до околицы и назад...

Радость встречи с мамой была не долгой — она омрачилась тут же, едва он узнал, что дядьки Ильи больше нет. Николай Степанович все же взял новенький велосипед и медленно покатил его к крайнему дому. Пашка, жутко обрадовавшийся неожиданному гостю, поведал после рюмки неведомого коньяка, привезенного Николаем Степановичем:

— Папка замерз прошлой зимой. Выпил хорошо, присел на чужую лавку вечером — так и замерз...

Мужчины выпили, не чокаясь за упокой души, однажды отлетевшей тихим студеным зимним вечером от одноногого кумира мальчишек послевоенной деревни.

— Пошли...— крякнул Пашка после третьей.

Они вышли во двор. Калитка по-прежнему была настежь — она здесь никогда не закрывалась, одноногому Илье так было удобней. Николай Степанович молча вернулся, взял велосипед и покатил рядом.

Деревенское кладбище было не очень далеко, но посещалось так редко, что от узкой тропинки след только угадывался. Павел шел первым, отводя ветки. Сзади потихоньку, с трудом протаскивая прижатый к бочине велосипед, плелся Николай Степанович.

— Вот...

Пашка указал на осевшую после зимы могилу из желтого песчаника. Николай Степанович с болью перечитал несколько раз выцветшею фанерку. Ему стало действительно горько — несчастный Колька так и не смог вернуть свой священный долг дядьке Илье, и это уже никак нельзя было исправить. Ни-ког-да!

Он вспомнил, как шел тогда утром после страшной ночи, словно на эшафот, к крайнему дому, готовый умереть толи от удара тяжеленного костыля, толи от пронзительных глаз дядьки Ильи, когда тот посмотрит ему в лицо.

Дядька Илья тогда не сказал ни слова. Он действительно долго смотрел Кольке в глаза — и это было страшней любой порки. Когда Илья отвернулся, наконец, и поковылял в дом, Колька вышел на улицу, упал и проплакал полдня от горя и обиды, пока Никитична не забрала его.

Николай Степанович выдвинул велосипед вперед и прислонил к массивному некрашеному кресту. Павел только кивнул чуть заметно и промолчал. Они повернулись в обратную сторону.

* * *

Прошло еще много лет. Николаю Степановичу довелось-таки вести широкую дорогу в родные Коники. Это была не дорога даже, а новейшая международная трасса на Москву и велась она, конечно, не в Коники, а сквозь Коники. Да и Коников-то самих уже не было — к тому времени бесперспективная деревня вымерла окончательно. Не осталось ни одного человека.

По плану трасса проходила прямо через сердце заброшенной деревни — по тропе для выгона скота. Пока бульдозеры сносили последние покосившиеся черные хатки, Николай Степанович, неожиданно для всех назначивший оперативное совещание в передвижном вагончике прямо на участке строящейся трассы, молча выслушал доклады и, без ожидающихся разносов, криков, указаний — поручив продолжать совещание, также неожиданно исчез. Совещание бурно продолжалось, а Николай Степанович уже шел один на старое деревенское кладбище. Маму-то он забрал из деревни давно и похоронил ее на цивилизованном столичном кладбище в черте города. А на это кладбище тропа заросла окончательно. Николай Степанович пробирался с трудом, ветки пару раз больно хлестнули по лицу, сбивая стильную шляпу. Где же оно? Вот!

Как все изменилось... как быстро отступают все признаки человеческих усилий, когда люди навсегда оставляют то, к чему прикасались некогда. Николай Степанович с трудом пролез к могиле дядьки Ильи — боже... у большого черного, ни разу некрашеного креста по-прежнему стоял заржавленный, заплетенный в немыслимые травы и ветви — велосипед!

У Кольки сжалось сердце. Надо же — никто не тронул! Сколько лет — и никто не посмел. Колька склонил голову:

— Прости, дядя Илья.

К горящим прожекторам бульдозеров Николай Степанович вернулся уже затемно. Те еще копошились, пофыркивая дымом и выравнивая останки Коников. Работа шла слаженно, без остановок. Личный водитель, увидев подходящего к машине шефа, облегченно вздохнул и засуетился, выжидая команды — он уже давно привык не задавать начальству личных вопросов. Николай Степанович предсказуемо оглянулся по своей всем известной привычке, но на этот раз как-то по-особому — не коротко, взмахом головы, а долго и пристально на темнеющий край леса. Здесь и сейчас он навсегда прощался с самой драгоценной капелькой своей родины — со своим детством и будто старался запечатлеть этот миг навсегда в памяти. Хлопнула дверь черной «Волги», машина вырулила на дорогу и помчалась в сторону Минска.

А трасса пошла дальше — на Москву.

Валерий Туловский (г. Молодечно, Белоруссия)

Валерий Туловский родился в 1965 году в городе Молодечно, где и проживает по настоящее время. С 1983 по 1985 гг.— служба в армии. В 1989 году окончил Минский радиотехнический техникум. Женат с 1986 года. Две дочери. Работает по договорам.

Прозу начал писать в конце 80-х годов. Первый положительный отклик получил в 1992 году от журнала «Киви» (Казахстан) на сказки. В середине 90-х работал как «литературный негр» в жанре «женская проза». Точных записей о публикациях не ведет. Под своей фамилией работает как бытописатель.

КОМУ КАК

Почувствовал, что-то гложет внутри, и решил развеяться, выйти на прогулку. Конец августа, и в одиннадцать вечера уже темно; себя в такое время суток редко прогулками утруждал, но в этот раз тянуло особенно...

Час назад побаловался ливень, и теперь умытые улицы искрились глянцем, отражали ломаные городские огни. Обвислые старые листья деревьев ловили слабый ветерок и нечто ему шептали, секретно и с паузами.

Сам того не ведая почему, я поднялся на мост. Словно очнувшись, остановился и припал к узорчатым металлическим перилам.

Мост освещался слабо, оранжевые глаза ламп взирали тускло, скучно.

Я посмотрел вверх и замер.

«Почему никогда не замечал такого благолепия?» — подумал я, созерцая небесное полотно.

Видел... я безоговорочно, явственно видел, что оттуда, именно оттуда, из яркого желтого отверстия луны были разбросаны, рассажены и закреплены на небе золотые кнопки звезд. Вокруг изливалось матовое светло. Полученный фиолет царил вверху, нежил глаза, ласкал душу, навевал безмятежность.

Глубоко и жадно я зачерпнул легкими промытый, свежий влажный воздух.

Хотелось жить!!!

Приняв порцию целебного природного состава, перевел взгляд вниз, за перила, в шуршащую, чернильную, глазированную реку. Там было темно; лишь одиноко манило к себе отражение небесного светила...

Машины беспокоили нечасто в столь поздний час, поэтому неторопливое рваное цоканье женских каблучков заставило привлечь мое внимание.

Повернувшись, я увидел, как по мосту нетвердой походкой в мою сторону направляется девушка. В белом платье и распахнутом бледно-голубом плаще она представлялась мне предвестницей чего-то необычайно важного.

Однако — так хотелось жить!!!

И я улыбнулся девушке, когда она поравнялась со мной. Ее лицо внешне казалось радостным, но бледным, ухмылка настораживала... и не было здорового огонька: притушенные глаза тому причина.

- Привет! весело, игриво бросил я молодице.
- Привет, дядя, отозвалась девушка. Что? Жизни радуешься?
- Хочется жить! озвучил я мысль, довлеющую надо мной.
- И я... До свадьбы... До чужой свадьбы, ухмыльнулась девица.

Затем она, к моему изумлению, с трудом перелезла через перила и, обернувшись, блеснула темными очами — колючими злобными искрами. Внезапный порыв ветра распушил длинные светлые локоны, но девушка откинула рукой волосы с лица и неожиданно заливисто и звонко рассмеялась, рассекая городскую ночную тишину. А потом...

Это счастье — умереть вовремя, — шепнула она.

Мрачная чернильная река охотно приняла жертву, не дала право на последний вздох, поглотила сразу, накрывая девушку темными кольцами волн... Желтый месяц восторженно запрыгал в воде: ждал долго.

Впрочем, мне жить не расхотелось. Я огляделся украдкой и спешно покинул неприветливый мост.

ПОЖАР

Весь день было жарко, парило, ни единого вздоха ветерка, воздух насыщен зно-ем. Гнетущая тишина, даже птицы — и те молчали.

После полудня обитатели хутора собрались идти к родственникам в деревню. Решено было вернуться к утру.

Вечером, когда подходило время укрыться солнцу за горизонтом, внезапно подул ветер, настолько сильный, что принес вместо свежести только облако пыли вперемешку с прошлогодними листьями. Вдали, по всему небосклону, появилась темная полоса. Она приближалась быстро, стирая собой голубизну небес, расплывчатый круг солнца, опять голубизну... Через считанные минуты полнеба было окрашено в серые, синие и фиолетовые тона. Где-то посреди этой движущейся палитры выпорхнула молния; но грома еще не было. А тучи наступали, расплываясь, кружась и обгоняя друг друга. Под стать ветру пошел дождь — неожиданный... сильный и колючий. Наконец вздрогнул воздух.

В конюшне лошади почувствовали перемену в погоде. Вороной жеребец стоял вначале спокойно, но его уши чутко улавливали каждый звук, поэтому он слегка дернулся, услышав раскат грома. С этого момента у него появилась некоторая нервозность и настороженность. Тихо храпнув, он начал постукивать копытом об землю. Веревка, державшая его шею и привязанная к столбу, стала вороному противна как никогда; но боли он боялся, поэтому и не делал попытки оборвать ее.

В соседнем стойле находилась кобылица каурой масти и трехнедельный жеребенок. Кобылица также была привязана, но более плотным ремешком: хозяин так решил, когда она несколько раз сумела оборвать веревку и оказалась свободной, оставаясь при этом в стойле; в итоге ремешок помог одержать победу настойчивости хозяина над упрямством лошади. По натуре своей она была уравновешенной кобылицей; вот и теперь каурая стояла, понурив голову, и ни единый мускул не дрогнул у нее от взрыва грома.

Беззаботно вел себя и жеребенок, лежавший на сене в углу стойла. Эта гроза была первой в его жизни, поэтому он всего лишь поднял голову, когда почувствовал сотрясение воздуха, и вопросительно поглядел на мать.

А природа все больше разъярялась. Вспышки молний и удары грома становились чаще и сильнее, приводя в ужас хуторскую живность. Послышалось тревожное, осторожное похрюкивание и тоскливое мычание, беспокойно вели себя и гуси с утками.

Затем прошел затяжной ливень, пробивавший насквозь соломенные крыши хлева и конюшни. Во время его небо не посылало на землю ни грома, ни молний. Можно было подумать, что гроза отступила.

Но вдруг стало светло, как днем, последовал страшной силы удар, сотрясший воздух. Содрогнулась земля, а вместе с ней и постройки.

Во время ливня узкие струйки воды, найдя прорехи в крыше, падали на сено, и от этого в конюшне потянуло свежим ароматом. Вороному запах понравился, и он стоял смирно, вовсю раздувая мощные ноздри. Однако успокоившийся было жеребец вздрогнул от неожиданного раската грома. В его глазах, больших и влажных, пробежал страх. Каурая беспокойно переступала с ноги на ногу. Озабоченность матери передалась жеребенку. Он, не спеша, поднялся на свои неокрепшие, длинные, худые ноги, неуверенными шажками приблизился к кобылице и поглядел ей в глаза. Неопытный малыш ничего не смог прочесть в них, медленно повернулся и, найдя сосок матери, прильнул к нему.

Через минуту-другую лошадь внезапно дернулась. Подняв морду, она начала принюхиваться. Широкие ноздри уловили запах дыма. Небрежно оттолкнув жеребенка, каурая сделала попытку освободиться сильным движением шеи, но ремешок по-прежнему крепко удерживал ее на привязи. Упавший от толчка матери, малыш неторопливо поднялся, в недоумении поглядел на нее и обиженно отошел к своему уголку.

Беспокойство осторожной кобылицы передалось вороному. Он тоже почувствовал гарь и предпринял шаг к свободе, но безуспешно; боли он боялся.

Дождь прекратился совсем, удары грома становились глуше. Гроза уходила, оставляя о себе память — язык пламени на крыше. Не помог ливень. При каждом дуновении ветра огонь расширялся, найдя утеху на соломенной крыше и стенах конюшни.

Вороной первым заметил огонь, дым прибывал с каждой минутой. Запаниковав, жеребец дико заржал и пытался встать на дыбы, но веревка не позволила это сделать. Да, боли он боялся. Однако теперь, с круглыми от ужаса глазами, вороной, напрягая все свои мощные мускулы, в исступлении дергал головой. Раз, два... То, что связывало его со столбом, уже болталось на груди. Почувствовав свободу, он кинулся на дверь стойла, но засов оказался надежен. От безысходности жеребец сделал рывок к окошку и с размаху разбил стекло. Высунув окровавленную морду, он жадно глотнул свежего воздуха и вновь заржал

В это время каурая, глядя на бесившегося жеребца, боролась с ремешком. Наконец, измученная и потная, остановилась. Тяжело дыша задымленным воздухом, она набиралась последних сил. Огонь полыхал вовсю, начали трещать стропила. Каурая понимала, что у нее осталась лишь одна попытка. Собравшись, она резко рванула, становясь на дыбы. Ремень лопнул, оставляя кровавый след на шее лошади; но боли кобылица не чувствовала...

А малыш, растерянно глядя на взрослых лошадей, от страха забился в угол. Он лежал в сене, словно спрятавшись: только мордочка с огромными глазами и острые длинные уши виднелись в темноте.

Избавившись от ремешка, каурая заржала и, повернувшись задом, копытами лягнула по дверце. Затрещали доски и запор, но остались целы. Сделав два круга по стойлу, лошадь с разбега предприняла новую попытку разбить дверь. Ей это удалось. Открылась. Каурая стремительно побежала к воротам, которые были закрыты на одну жалкую палочку-засов.

Увидев, что подруге удалось, вороной также с разгона ударил по двери своего стойла. Тяжелых, мускулистых ног завесы не выдержали; жеребец, не глядя на бешено кипящий огонь, понесся к выходу.

Пламя уже давно перетекло с крыши на стены, постепенно слизывая их. А жеребенок, оставшись один, все лежал, тяжело вдыхая раскаленный воздух и густой дым.

Когда кобылица готова была протаранить собой ворота, она вдруг услышала писклявый крик жеребенка — крик боли. Это головешка, съеденная огнем, упала на него с крыши, опалив бок. Малыш от боли быстро, как сумел, поднялся и нетерпеливо затопал на месте худыми ножками. Дальше стойла он идти не решался, сено, где лежал, уже горело, и жеребенок прислонился к нетронутой огнем перегородке. Сквозь дым ему стало видно, как возвращается мать.

Каурая вернулась. Она лизнула своего малыша, успокаивая и прося прощения за побег. Затем, тыкая мордой, пыталась толкнуть его к проходу; однако жеребенок попрежнему стоял на месте, пугливо глядя на кобылицу. Она, решая подсказать путь к спасению, отбежала к сломанной двери. Малыш потянулся мордашкой в ее сторону, но не ступил и шагу. Каурая постояла минуту и вновь подошла к жеребенку — неторопливо, гордо. Она поняла, что малыш останется здесь. Лошадь не ощущала, как теперь на ее спину падали горящая солома, тлеющие куски досок, что ее шерсть и грива потрескивают от жары. Она с нежностью два раза лизнула жеребенка в обгоревший бок, затем прижалась к дрожавшему — может быть, от страха, может, от боли — тельцу малыша и стала ждать...

Спустя минуту обильно посыпались искры, что-то натянуто заскрипело, и крыша плавно осела, вздымая вверх огненный крутящийся столб.

Утром на хуторе стоял запах гари от пепелища. Но подальше, на лугу, было хорошо и красиво: воздух свеж, легок, прозрачен; влажная, молодая, яркая трава и солнечные одуванчики; а в конце луга, возле самого леса, мирно пасся жеребец-вороной, с опаленными гривой и хвостом.

യതയെ

Михаил Шнитко (г. Полоцк, Белоруссия)

Шнитко Михаил Федорович родился в 1948 году в дер. Круки Докшицкого района Витебской области. Окончил Витебский ветеринарный институт. После окончания института в 1972 году служил в СА на Дальнем Востоке. Первый рассказ «Отчего вымерли мамонты» о судьбе вымирающей деревни, проникнутый юмором и трагизмом, был напечатан в Витебской областной газете «Народное слово». Автор книги юмористической прозы «А еще был случай...» (2010). Живет в дер. Полота Полоцкого района.

БЕРЕЗКИ, БУДЬТЕ СВИДЕТЕЛЯМИ

В одном местечке Западной Белоруссии жили по соседству два брата, старший Иван и младший Кузьма. Жили по тому времени крепко. Оба занимались торговлей. Держали на двоих магазин, в котором хозяйничала жена старшего брата Авдотья.

За товаром ездили туда, где можно купить подешевле, а здесь продать подороже. Не брезговали они и контрабандой, благо местечко находилось в приграничной зоне. Переплыви мелководную речушку,— и ты уже в Советской России. Пограничники, как со своей стороны, так и с той, были прикормлены, и братьям ничего не стоило темной ночью перевезти тюки с товаром на ту сторону, где их по договоренности ожидали местные подельники, а оттуда,— на свою.

Польские власти «местечка», имея «на лапу», сквозь пальцы смотрели на все художества братьев.

Старший брат Иван по сравнению с Кузьмой был более домовитым и более жадным. У него и «понюшку табаку» мужик в долг не выпросит. Под стать ему была и его жена Авдотья. Может, поэтому Господь Бог не дал им детей. Младший брат Кузьма, напротив, был широк душой и веселый нравом. После почти каждой удачной сделки он по обыкновению приглашал соседей и друзей. И начинался пир горой!

Его ласковая и добрая жена Мария для вида ворчала, глядя на радостные проделки мужа, но с гостями была хлебосольна и приветлива.

Старший брат Иван считал Кузьму вертопрахом и, слыша веселье в его доме, презрительно плевался. Сам же трясся над каждой копейкой. Целью его жизни было стремление откупить у пана мельницу. Несмотря на хорошие барыши от торговли, денег на это в кубышке еще не хватало.

И вот однажды они с братом уехали с товаром далеко и надолго. Сделка получилась более чем прибыльной.

Возвращаясь домой в экипаже, запряженном парой лошадей, Кузьма, уже успев-

ший выпить, хохотал и, похлопывая по туго набитому кошелю, подмигивал Ивану. Тот сидел насупившись и думал: «И на кой черт такие деньжища этому ветрогону? Все равно промотает, а мне как раз бы хватило на покупку мельницы».

Решение пришло в густом лесу, уже на подъезде к дому. Он повернулся к задремавшему брату и сказал: «Просыпайся! Сейчас повернем на красивую поляну и отметим удачную поездку».

Через давно не езженную дорогу, поросшую молодыми березками, они съехали на открытое место. Уже наступила глубокая ночь. Кроваво-красная луна, зависшая над верхушками деревьев, неверным светом освещала поляну, поросшую кое-где молодым березнячком с только что распустившейся молодой листвой.

Расположились на бугорке с цветущим курослепом и едва пробившейся через прошлогоднюю насушь, молодой травкой.

Выпили по рюмке, потом по второй. И Иван, сославшись на то, что надо проверить, как привязаны лошади, пошел к экипажу. Там засунул руку под сидение, вытащил большой охотничий нож.

Спрятав его за голенище сапога, пошел к сидящему перед разостланной скатертью брату. Подойдя к нему со спины, он со всей силы ударил ножом под левую лопатку. Брат, захрипев хлынувшей горлом кровью, спросил: «За что, брат?», а потом, теряя сознание, прошептал: «Березки, будьте свидетелями...»

Иван схватил недопитую бутылку водки и, клацая зубами по горлышку, опустошил ее до дна. Потом, отдышавшись, зло прошипел: «Будут они тебе свидетелями — только жди».

Сходив к экипажу за лопатой, он в этом бугорке, где только что трапезничали, вырыл яму и сбросил туда убиенного брата. Замаскировав прошлогодней листвой и валежником место злодейства, еще раз угрюмо произнес: «Вот тебе и все свидетели».

На утро Иван на вопрос Марии, где ее муж, невнятно ответил, что тот по какимто своим делам остался в городе. Мария, зная загульный характер супруга, немного успокоилась. Но прошел день, второй, неделя, а он так и не появлялся. Мария упросила Ивана свозить ее в тот город, поискать пропавшего супруга. Но там никто его не видел и никто о нем не слышал. Правда, один шинкарь говорил, что пьянствовал у него какой-то молодой мужчина, но был ли это муж Марии, он толком сказать не мог. Так ни с чем возвратилась домой безутешная Мария.

Иван же, использовав деньги убиенного брата, откупил у пана мельницу. Первое время он помогал по мелочам вдовой Марии и двоим ее малолетним сыновьям, а впоследствии и это стало ему в тягость. Мария, помыкавшись в бедности, продала свой дом в «местечке» и переехала жить на отдаленный хутор. Все-таки проще догадывать сыновей на своем хозяйстве.

Так прошло десять лет. Богатство, приобретенное Иваном на крови своего брата, не шло ему впрок. Каждый раз в годовщину пролитой братней крови к нему ночью являлся Кузьма с вонзенным ножом и с немым укором смотрел на своего убийцу.

С диким криком выбегал тогда из спальни Иван и до самого утра неприкаянно бродил по двору, а рядом с ним до самого утра колыхалась неупокоенная тень брата. Со временем у Ивана появились припадки, начал мутиться разум. Не помогали доктора — ни свои, ни далекие знахари. На вопросы жены Авдотьи, что с ним, Иван с руганью и кулаками набрасывался на нее. Но вот однажды проезжал с женой мимо того места, где принял лютую смерть Кузьма, Иван будучи в добром подпитии, посмотрев на уже выросший березняк, со смехом произнес: «Ну что, свидетели, молчите?!». Авдотья, как репей, прижалась к мужу: «Что за свидетели? Какие свидетели?». Иван под страшной клятвой от нее признался в содеянном. Но как говорят: «Жаба — жабе, а баба — бабе».

И вот однажды ночью в годовщину гибели брата, когда Иван в беспамятстве бродил с братней тенью, по двору к дому подъехала телега с сидящими в ней высокими красивыми молодцами. К Ивану сразу вернулся разум и он догадался, что непрошеные гости — это его выросшие племянники. Нисколько не сопротивляясь, он дал связать веревкой руки, сел в телегу и поехал показывать то кровавое место. За ним, колыхаясь, двигался призрак его брата. Как и тогда, кроваво светила над лесом луна, пахло молодой майской листвой. С трудом найдя ту самую поляну и заросший прошлогодней травой бугорок, Иван залился горькими слезами. Когда-то призванные в свидетели молоденькие березки стали ладными деревцами.

Братья очистили бугорок могилки от мусора, принесли с телеги и установили крест, расстелили на могилке белую скатерть, на которую выставили бутылку водки и кое-какую закуску. Помолившись и развязав руки Ивану, пригласили того помянуть их отца и его брата. Потом, некоторое время посидев молча, поднялись и отправились к телеге. На вопрос Ивана, а что с ним будет, старший из братьев ответил: «Бог тебе судья, дядя!». И они уехали. Иван оглянулся вокруг — тени брата уже не было.

Он встал, спокойно сделал из брошенной веревки петлю и выбрал на ближайшей березке сук потолще.

МУРАВКА

В одном из музеев выставили картину одного из современных художников — она называлась «Корова на лугу». Люди смотрели на пустое полотно и спрашивали:

— Какой это луг? Здесь нет никакой травы. И где корова?

Экскурсовод терпеливо отвечал не понятливым:

- Нет травы на лугу? так корова ее съела.
- Нет коровы? так она ушла, что ей делать на пустом месте?

Куда уходят буренки? Об этом и пойдет наш рассказ...

Раннее осеннее утро. Еще потемки. Первый легкий морозец посеребрил траву. Корова Муравка, услышав, как открылась дверь дома и звякнуло ведро, высунулась из проема сарая насколько позволяла цепь. Обдав хозяйку теплым дыханием и лизнув руку, протянувшую краюшку хлеба, уступила место для доения. Зажмурив от удовольствия глаза, когда хозяйка начала обмывать вымя теплой водой и вытирать сухой тряпкой, Муравка начала с сопением жевать жвачку. Вдруг, прекратив жевать, Муравка задумалась. Что-то последние дни хозяйка с ней особенно ласкова — и за ушком почешет, и комбикорма больше сыпанет. А вчера вечером обняла за шею, чтото там шептала и глаза у нее были мокрые. Она даже подумала, может быть, чем-то обидела свою добрую хозяйку.

Вроде бы каждый год приносит хороших здоровых теляток. Сколько их было? Наверное, пять. Одна, особенно удалая дочка, радует соседку добрым нравом и хорошим удоем. Привела она двух красивых теляток и сейчас вовремя покрылась. Да и сама Муравка плод носит.

Вот и конец дойки — целое ведро бело-пенного молока надоила хозяйка. Хватит и себе, и на продажу останется. Плеснув в плошку давно ожидающим молока котам, понесла его на процеживание.

Через некоторое время, отвязав цепь и слегка, для порядка, стебанув хворостинкой, хозяйка выпустила Муравку со двора. Проходя мимо сеновала, Муравка с тревогой отметила, что там нет и охапки сена.

Из разговоров хозяев Муравка поняла, что с каждым годом его все труднее заготавливать. Может, только где купят. Не будет же она всю зиму голодной. А, может быть, колхозное начальство распорядится за умеренную плату подвезти несколько

рулонов сена. Ну, как в Докшицком районе. Эту новость она услышала и через пятое-десятое поняла от приезжего, который разговаривал с хозяйкой о деревенских новостях. Задумавшись, и не заметила, как пришла на пастбище.

Немногочисленное стадо собралось почти все — а было когда-то, что не протолкнуться, и молока давали едва не половину совхозного. Промычав, поздоровалась. Кое-кто из товарок, оторвавшись от травы, ответил ей. Но что-то тревожно на сердце. Присмотрелась — нет ее дочки Зорьки. Вдруг услышала звук приближающейся машины и такое знакомое родное мычание. Проезжая в кузове мимо стада, Зорька уже не мычала, а ревела и рвалась с привязи. А в кабине Яшка-живодер что-то весело обсуждал с шофером. Только за эту осень он половину и так небольшого стада перерезал. Некоторых коровок разделывал прямо здесь, недалеко от пастбища, подвешивая несчастных на толстый сук старого тополя. И долго ревели и копали копытами пахнувшую кровью землю некоторые коровы из стада (и это после того, что нас называют священными животными?). Очнувшись от невеселых дум, она, прыжками покинув стадо, с жалобным мычанием долго бежала за удаляющейся машиной. Но разве ей угнаться за железным конем?

На следующее утро Муравку не выгнали на пастбище. Долго с тревожным мычанием она ожидала хозяйку. А когда услышала знакомый страшный звук подъезжающей машины,— поняла все!

ПО ТУ СТОРОНУ ДИАГНОЗА

Тетя Женя наконец-то отмучилась. Долгая страшная болезнь высушила и изжелтила когда-то полнокровное тело пятидесятилетней женщины. Похоронить себя завещала в соседнем районе на родовом кладбище. Виктор, ее племянник, вместе с ближайшими родственниками трясся в кузове выделенной колхозом для похоронных целей летучке. Когда ехали асфальтом, было еще ничего, но когда свернули на грунтовку, ведущую к той деревне, где когда-то, до замужества, проживала тетя, начались сплошные гребни давно не грейдированной дороги. Трясло грузовик так, что гроб с телом едва не переворачивался.

И от этой тряски на одной из колдобин тяжелая крышка гроба отскочила и ударила по ногам сидящих вдоль борта. Дядька Иван, которому больше всех досталось, едва ли не с матами достал молоток и загнал почти до шляпок крепившие крышку гвозди. На замечание кого-то из родственников, как будут ее снимать на кладбище, он пробурчал:

— Есть плоскогубцы — снимем.

Наконец, мучения провожатых и, возможно, покойницы закончились. Грузовик, ведомый сидящим в кабине мужем покойницы, остановился у заросшего хмызняком погоста. Деревни, где когда-то хоронили ее жителей, давно уже не было, и похороны были здесь редки. Четверо мужчин с трудом занесли сделанный из толстых досок гроб на холмик вырытой из могилы земли. Дядька Иван, сопя, плоскогубцами начал вытаскивать из крышки крепежные гвозди. Три выпали относительно легко. Четвертый упрямо не поддавался — никак не удавалось прочно зацепить за шляпку, а возможно, он попал в сук. Наконец, изловчившись, дядька Иван начал со скрипом его тянуть. И в самом конце гвоздь с громким, на все кладбище, скрипом «КррРАК» был вытащен, как бы еще раз обнародовав страшный диагноз усопшей. Замолчали провожатые, в нервном ознобе вздрогнул Виктор. У него, сорокалетнего, крепкого жизнерадостного мужика, разговор или напоминание об этой страшной болезни вызывали душевное расстройство. Не то чтобы он панически боялся, просто, как фаталист верил в злой рок — и было от чего. От онкологии у него умерли мать, два брата, Ни-

колай и Антон, а также давно тетка Шура, бездетная вдова, которая проживала в его семье и всю нерастраченную любовь отдала ему, в ту пору самому младшему в семье — баловню Витьку.

И вот сегодня хоронят тетку Женю. Долго она прожила после операции на желудке — лет пятнадцать. Может, прожила бы и дольше, если бы не послушалась советов одного знахаря. Тот подсказал, что для излечения этой болезни надо глотать дуст (ДДТ) и запивать керосином. Так и глотала несчастная все годы отраву — хотя кто знает, если бы не глотала эту заразу, может и больше прожила, а может и меньше. Одному Богу известно.

После тягостных минут прощания гроб с телом предали земле. На могильном холмике помянули покойницу, и голодные, озябшие люди быстро садились в машины в обратный путь, где их ожидал поминальный стол.

യായ

ПЬЕСЫ

Анна Авота (г. Борисов, Белоруссия)

ПУГОВКА

Анна Авота родилась в г. Борисове (Беларусь) в 1977 году. Окончила Белорусский Государственный университет Культуры и Искусств, специальность — режиссер. По профессии — автор и режиссер кино и телевидения. С 1995 года является членом Беллитсоюза «Полоцкая ветвь». Неоднократно печаталась в литературно-публицистическом журнале «Западная Двина», участвовала в коллективных сборниках поэзии и других изданиях, как поэт, прозаик и сценарист. Лауреат Международного литературного форума «Славянская лира-2014» в номинации «Городская лирика».

Актерская история-розыгрыш с песнями и танцами по мотивам русских водевилей 19-го века.

1815 год. Дворянская усадьба в западных губерниях России, окраина уездного города Вишнева.

Картина первая

Утро в доме Влюбляевых, пустая гостиная. Спешно входит испуганная Зося с продуктовой корзиной, за нею разъяренная дама (Тереза Лански).

Зося. Мадам, я сейчас позову кого-нибудь на помощь!

Тереза. Голубушка, это я сейчас кого-нибудь позову!

Зося. Яцэк, Яцэк!!!

Тереза. И, правда, Яцэк! Идите сюда, вы нам крайне необходимы!

Яцэка нет, Зося пытается увернуться от Терезы.

Зося. Что вы себе позволяете, а еще порядочная женщина!

Тереза. Милая, это что вы себе позволяете? Уж и не знаю, какую именно порядочность вы мне приписываете, но, будьте уверены, в вашей я уже сомневаюсь!

Зося неловко уворачивается с корзиной, роняя часы, вазу, Тереза подхватывает, ставит на место и неуклонно устремляется за Зосей.

Тереза. Что за комедия! Я вынуждена спасать чужое имущество, когда у меня украли мое собственное! Милочка, вы — воровка, да еще и неуклюжая!

Зося. Мадам!?!

Тереза. А как еще назвать сцену, при которой мы с вами познакомились?

Зося. Помилуй бог! Я с вами незнакома, мадам!

Тереза. И ваше счастье, дорогая. А теперь отдавайте мне мою вещь, и я с радостью избавлю нас обеих от этой процедуры.

Зося (Тереза наступает, Зося пятится). Что вы сказали, мадам?

Тереза. Я сказала, любезная пани, верните то, что мне принадлежит, и я удалюсь. И передайте хозяйке, что она прескверно вас воспитывает.

У Терезы получается ловко отвлечь Зосю и выхватить корзину.

Зося. Яцээк!!!

Тереза. Теперь можете кричать сколько душе угодно. Всего доброго! *Зося.* Яцэк! Пани Лизавета! Нас ограбили!

На выходе из гостиной Яцэк преграждает Терезе путь.

Тереза. Премило. Что же у вас здесь весь дом — воры и разбойники? Прекрасный город, ничего не скажешь. Честной девушке и на рынок-то выйти опасно.

Зося. Яцэк, скорей позови пани Лизавету, эта дама шла за мной от самого рынка, ворвалась в дом, а теперь схватила нашу корзину с персиками.

Тереза. Вы все перепутали, голубушка, это моя корзина, а внутри нее не персики, а хлеб и зелень.

Тереза приоткрывает платок, которым прикрыта корзина, там действительно, хлеб и зелень.

Зося. А наши персики где же?

Тереза. А об этом вы себя спросите, дорогуша!

Лизавета. Браво, Зося!

Вошедшая чуть ранее из другой двери Лизавета Ильинишна, делает знак Яцэку, тот пропускает Терезу. Лизавета ставит перед ними такую же корзину, откидывает платок, там — персики.

Зося. Простите, пани Лизавета... простите, недосмотрела... зазевалась...

Лизавета. Фу, какой скандал, Зося, как неприлично. Поди, извинись, недотепа.

Зося. Мадам, простите, бес попутал.

Тереза. Бог с тобой.

Тереза. ...Лиза?

Обе дамы смотрят друг на друга. Яцэк делает знаки Зосе, мол, пора уходить. Та пялится на дам во все глаза.

Картина вторая

Лизавета. Пани Тереза Хмелевская!

Тереза. Лански. Тереза Лански, моя дорогая Лизавета.

Лизавета. Зося, неси пирожные, чаю и вишневого ликеру, да, пошевелись!

Зося и Яцэк уходят. Дамы обнимаются.

Лизавета (усаживает Терезу рядом с собой). Бог мой, как хороша! Ягодка! Ну, рассказывай. Проездом в нашей глуши?

Тереза. Да, мы ненадолго в Вишнев...

Лизавета. Мы? Ах, правда — Лански. Ты вышла замуж? Кто же этот счастливчик?

Тереза. Я — замуж? Помилуй бог! Конечно, нет. Это фамилия отца. Псевдоним.

Лизавета. Псевдоним?

Тереза. Да, Лизок, я теперь актриса. *(Собирается уходить)*. Пожалуй, мне пора. Прости за неожиданное вторжение, рада была тебя повидать... Прощай!

Лизавета. Э, нет, милая моя подруга! Никуда я тебя не отпущу!

Тереза. Право, я в самом деле не могу остаться. Неловко как-то, да и репетиция в полдень.

Лизавета. Говорю же тебе, постой!

Тереза. Да, и разве твой муж не будет против? Все же актерка в доме...

Лизавета. Как раз наоборот! Если б не его увлечение театром, я бы в жизнь не потащилась в этот треклятый Вишнев, будь он неладен! Присядь со мной, милая. Я так счастлива, видеть тебя в нашем доме.

Зося приносит поднос с едой и напитками. Лизавета отправляет ее, Зосе явно любопытно, что за дама.

Тереза. Вот как? И тебя не пугают сплетники? А репутация?

Лизавета. Бог с ней, она давно испорчена. И к тому же я никому не позволю оскорбить мою любимую Терезу, актриса — это призвание, искусство. В конце концов — честный заработок.

Тереза. Далеко не все так считают.

Лизавета. Мне нет дела до всех. Так, твой отец, наконец, признал тебя?

Тереза. Он да, его семья — нет. Тем более, сейчас, когда я взяла эту фамилию. Тетушка отца начала со мною судебные тяжбы, однако, суд рассмотрел дело в мою пользу, и если я не претендую на их наследство, мне позволено играть под именем Лански даже на родине отца, в Чехии. Что касается Польши, так на родине мамы я по-прежнему мадемуазель Тэзи, там моим зрителям все равно, какая у меня фамилия.

Лизавета. Завидую твоей свободе... Наверное, ты с театром уже объехала полмира?

Тереза. Полмира? Нет, Лизок, но Европу — да.

Лизавета. «Лизок» — все по-прежнему, будто и не было всех этих лет.

Тереза. Ты совсем не изменилась. Все та же, моя Лизок.

Лизавета. Ах, Тэзи... я уже крашу волосы!

Тереза. Басмой? Как матушка София?

Лизавета. Представь себе! А помнишь, как мы в школе ее дурачили? Ох, как она злилась!

Тереза. А помнишь, как приехал новый учитель музыки?

Лизавета. Месье Монтэн!

Тереза. И она заставила нас ночь напролет учить псалмы, а он на первом же занятии давал нам французские куплеты?

Лизавета. Да, она покраснела, как гранат, когда вошла в класс! Как раз в тот момент, когда все девушки распевали строку про пуговку от панталон.

Тереза. А он ей: «Матушка, что же здесь такого, это народный жанр, юные дамы обязаны отличать светскую музыку от духовной, а духовную от фольклора! К тому же у всякой музыки, матушка, один корень — душа человеческая!».

Лизавета. «Душа человеческая, месье Монтэн, это высшее творение Господа! В ней содержится весь умысел Божий! Как же вы смеете опускать бессмертную душу до панталон?»

Тереза. «Вы абсолютно правы, матушка! Именно поэтому, уподобляясь Господу в его устремлениях, наш народ при помощи музыки возносит простые вещи на высоты бессмертия! Что касается упомянутых в данной песенке панталон...»

Лизавета. «Я думаю, вашему французскому народу, месье Монтэн, надо бы поучиться у нашего народа благочестию». Ах, месье Монтэн... Он был первый, с кем я поцеловалась!

Тереза. Бесстыжая! Ты не сказала мне!

Лизавета. Прости! Мне еще не было восемнадцати, я и себе боялась в этом признаться!

Тереза. Впрочем, я знала. И, по-моему, весь наш класс это знал! И даже матушка София догадывалась!

Лизавета. Уверяю тебя, она сама была бы не прочь с ним поцеловаться, не будь на ней монашеского облачения, прости господи!

Тереза. Да, и стихи он сочинял премилые.

Лизавета. И тем похож на моего кузена, он гостит у нас теперь. Правда, Поль в отличие от господина Монтэна совсем не любит женщин.

Тереза. Что так?

Лизавета. Считает их всех легкомысленными, капризными, жеманными и испорченными.

Тереза. Стихи его об этом?

Лизавета подает Терезе лист со стихами. Та прочитывает. Напевает полкуплета, берет гитару. Выходит красиво.

Тереза. И вправду, мило. Можно я возьму? Для роли.

Лизавета. Бери, Поль все равно театр не посещает. Он с головой ушел в религию и всерьез размышляет о карьере миссионера где-нибудь в дикой стране.

Тереза. Вот как. А что же твой муж? Лизок, я надеюсь, это не он запер тебя в этом захолустье? Ты что-то говорила про актрис?

Лизавета. Видишь ли, мой муж, Григорий Савельевич Влюбляев, считает себя большим ценителем искусства, он даже пишет поэму. Ну, а если б не его увлечение актрисами, жили бы мы по-прежнему, в Риге.

Тереза. Вот как?

Лизавета. Нет, Гриша меня и вправду любит. И человек неплохой. Но, как видишь, пришлось увезти его подальше от скандала. А ваш театр надолго к нам в Вишнев?

Тереза. Всего на неделю, Лизок. Здешние чиновники не любят театра. Но постой. Ты говоришь, твой Григорий Савельевич тебя любит?

Лизавета. Уверена в этом.

Тереза. Тогда я знаю способ, как излечить его от этой страсти.

Лизавета. Какое-то модное лекарство?

Тереза. Панталоны и пуговка, Лизок. Все, как в той французской песенке.

Лизавета. Не представляю, что ты придумала на этот раз, но мне уже смешно!

Входит Яцэк.

Яиэк. Барыня, господа с рыбалки возвращаются.

Тереза. Что ж, Лизок, теперь мне надо идти.

Лизавета. Останься! Я познакомлю тебя с Полем. А уж муж как будет рад узнать, что у нас в гостях актриса!

Тереза. Лиза, если мы решили разыграть его, они оба не должны видеть меня теперь.

Лизавета. Как я узнаю, что уже пора?

Тереза. Пришлю к тебе служанку.

Обнимаются, Тереза уходит. Лизавета тоже уходит.

Картина третья

Тереза возвращается за корзиной. Входит Поль.

Поль. Мадам?

Тереза. Слушаю вас.

Поль. Это я хотел бы услышать, вы наша гостья или...

Тереза. Или.

Поль. Какая наглость. Что ж, для начала — здравствуйте!

Тереза. Вы первым не поздоровались.

Поль. Как видите, я это только что исправил.

Тереза. Похвально.

Поль. Однако, вы не спешите...

Тереза. Вы ошибаетесь. Я очень спешу! Позвольте удалиться.

Поль. Я вас не задерживаю, мадам.

Тереза. Как раз, наоборот.

Поль. Ах, вот как? И чем же, могу полюбопытствовать?

Тереза. Пустыми разговорами, сударь и напыщенностью.

Поль. Премило! Меня же и наградили грубостью. Вы, не иначе, торговка?

Тереза. Как вам будет угодно.

 $\Pi o n b$. И все же, неприятно встретить в собственной гостиной непрошеную гостью, которая вдобавок ведет себя чрезвычайно нагло.

 $\it Tepesa.$ Именно, сударь, чрезвычайная наглость — называть чужую гостиную своей!

Поль. Что вы сказали?

Тереза. Вы верно, глуховаты?

Поль. И чем же вы здесь торговали?

Тереза. Изысканными манерами, сударь! Впрочем, для Вас их не осталось. Да, Вам и не по размеру. Прощайте!

Тереза уходит.

Поль. Душевная беседа.

Картина четвертая

Входит нарядный Григорий с удочкой.

Григорий. Поликарп, ты с кем здесь?

Поль. Я бы сам хотел это знать, впрочем, не важно.

Григорий. Говорю, тебе надо развеяться, вишь, уже сам с собою разговариваешь. Душечка наша, Лизок еще не выходила?

Поль. Нет.

Григорий (шепотом): Не могу утерпеть! Театр в Вишневе! В кои-то веки! Ты видел, город будто зацвел весь, актерки кругом, как мотыльки... А эта козочка, с которой мы мило поболтали у ратуши, а? Огонь!

Поль. Ничего особенного. Малообразованная девушка, да и не слишком опрятная.

Григорий. Злой ты, Поликарп. Потому тебя бабы и не любят. У них, между прочим, сегодня Мольера дают. А нам туда заказано появляться. Эх, заскучал я по светской жизни, заскучал....

Входит Лизавета.

Лизавета. О чем это вы заскучали, дорогой?

Григорий. Говорю Полю, вот ведь, семейная жизнь до чего довела, жену любимую не видевши с утра, уже соскучился! (хочет поцеловать, тут же отходит) Пойду, переоденусь, рыбой пахну весь.

Лизавета. Ну, и как улов?

Григорий. А, что-то сегодня не клюет. Все мимо плавает, зараза. (Собирается уйти).

Лизавета. Рыба французская?

Григорий. Отчего же вы так решили, свет мой?

Лизавета. Аромат от нее сегодня особенный.

Григорий. Ах, ты шутница! За что я тебя и люблю! (тайком обнюхивает свою сорочку).

Лизавета. Гриша, а я подумала, хорош ли твой фрак, тот итальянский?

Григорий. Если моль не сожрала, весьма хорош.

Лизавета. Вели Зосе его почистить.

Поль. Что-то новенькое.

 Γ ригорий. К нам гости, душа моя? Опять твоя тетушка, эта занудная старая дева, вечно всем недовольная, притащится и будет о своем насморке причитать, ох, нет, я не выдержу!

 $\it Лизавета.$ Григорий, она не только моя родственница, ко всему хочу напомнить, ваше имя есть в ее завещании.

Григорий. В таком случае, я с радостью буду сам наносить ей визиты. На клад-бище.

Поль. Как вы, однако, добры! Полагаю, именно за это, Григорий, вас и обожают женщины. Сестра, прости, не мог сдержаться.

 $\it Лизавета$. Ничего, Поль. Как видишь, любовь женщин к Григорию не всегда бывает взаимна.

Григорий. Она была здесь, месяца не прошло, и снова? Прекрасная новость.

Лизавета. Я думаю, все же новость вас обрадует.

Григорий. Кузен ваш здесь, все в сборе. Кто же к нам едет?

Лизавета. Едем мы. Я приглашаю вас нынче вечером в театр.

Григорий. Помилуй бог! Ушам не верю.

Лизавета. В Вишневе театр на гастролях, не слыхали разве?

Григорий. Что вы, душа моя, я, чтоб вас не огорчать, подобными известиями не интересуюсь.

Поль. Что так?

Григорий. Больно надо! Скажи мне кто-нибудь про театр, тут же уши закрою и переведу разговор на иную тему!

Лизавета. Приятное послушание. Именно поэтому вы и достойны награды.

Григорий. Любовь моя, после той истории, что чуть не потопила наш с вами семейный корабль, я раб ваш навеки и первый противник любых светских развлечений!

Поль. Не иначе, декламируете отрывок из вашей новой поэмы?

Григорий. Увы, мой друг, я пока не готов включать автобиографические сцены в мою поэму, хотя это и придало бы ей пикантности.

Лизавета. Поль, ты составишь нам компанию?

Поль. Спасибо, нет. Ты же знаешь, сестра, я не люблю размалеванных весталок сцены и более того — светских львиц из портера. Сколько не смотри, так и не поймешь — кто кого развлекает.

Григорий. Ну, ты не прав, не прав, Поликарп... Дама из общества ни за что не сравнится с актеркой! Впрочем, мне это давно сделалось безразлично.

Лизавета. Что ж, ежели брат и муж решили вести жизнь отшельников, мне придется отправиться в эту цитадель порока и фальши одной. Жаль, дорогой супруг, я так хотела устроить вам подарок.

Григорий. Лизок, что за шутки ты со мной шутишь? Какой подарок?

Лизавета. Я не шучу, дорогой. Или вам неприятно мое приглашение?

Григорий. Что ты, Лизок! Но я, право, удивлен.

Лизавета. Вы так мило себя ведете, что я подумала, не обрадовать ли мне вас какой приятной безделицей. Тем более, Мольер! Так мы едем?

Григорий. Лизок, ради тебя я отрекся от театра, ради тебя к нему вернусь.

Лизавета. Ну, так собирайтесь!

Лизавета уходит.

Григорий. Поликарп, ты видишь? Что с ней случилось? Не ожидал.

Поль. Придумала развлечь супруга, что странного?

Григорий. Вот если бы она одного меня туда отослала...

Поль. Это было бы слишком.

Григорий. Впрочем, ты прав. Зося, поди-ка сюда!

Картина пятая

Зося и Яцэк помогают Григорию одеваться. Он примеряет сорочки и фраки, шейные платки, кюлоты, гольфы. Ходит по гостиной в панталонах, советуется с Полем.

 Γ ригорий. Вот, черт подери. Мал! Фрак мал! Кто ж так шьет? Безрукие какие-то люди...

Поль. Мне кажется, видел вас в нем два сезона тому, сидел прекрасно.

Григорий. Если постараться, возможно застегнуть. Или нет, пожалуй. (С трудом выдерживает в застегнутом, расстегивает снова, облегченно выдыхает). Определенно — нет. Эта булавка все портит!

Поль. Чем же булавка вам теперь не нравится?

Григорий. Слишком проста!

Поль. Прикалывайте эту.

Григорий. А к этой — фрак слишком прост.

Поль. Вам не угодишь!

Григорий. Сижу в какой-то дыре, как проклятый, ей-богу, в театр не в чем выйти. Поликарп, сам подумай, куда это годится! Там Мольер — а я одет некстати. Совсем некстати.

Поль. Не думаю, что этот ваш костюм оскорбит господина Мольера. Скорей, наоборот.

Григорий. Ты, как всегда, прав, голубчик. Кому я наряжаюсь, подумаешь заезжий театрик! Нет, это невозможно. Фрак сел что ли? Отвратительного качества ткани! Ах, вот, еще смотри... (Пытается натянуть на живот и застегнуть, немного не хватает). Дрянной портняжка! Украл, как пить дать, пару метров от моего костюма.

Поль. Быть не может.

Григорий. Что ж это, по-твоему, я увеличился что ли? Ну, вот. С этим платком довольно сносно. Что там с нижней частью гардероба?

Выбирает штаны. Внезапно от панталон отрывается пуговица.

Григорий. Вот, черт! Зося! (Зося вбегает с корзинкой яблок, панталоны падают, Зося вскрикивает, корзинка падает, яблоки рассыпаются) А, нет, поди прочь! Яцэк! Поль (собрав яблоки, с корзиной): Я позову Лизавету.

Григорий ползает, придерживая панталоны, пытается найти закатившуюся пуговицу, входят Лизавета и Поль.

Лизавета. Что стряслось, дорогой?

Григорий. Любовь моя, я в раздражении. У меня украли полкостюма, ей-богу, не понимаю, как это могло произойти! И вот, погляди! Бракованные панталоны!

Лизавета. Чудесные панталоны, и сидят отлично. Вот только, куда подевалась пуговка?

Григорий. В том и дело. Что ж мне их теперь завязками к ушам пристегнуть?

Лизавета (достает другую пуговицу). Бог с ней. Посмотри, дорогой, как будто эта подходит? На ней петушок нарисован.

Григорий. Да, хоть олень.

Лизавета. Сейчас пришью.

Пришивает пуговицу.

Картина шестая

Входит Зося с запиской.

Зося. Мадам, это для вас.

Лизавета читает. Меняется в лице.

Григорий. Что стряслось, душечка?

Лизавета. Печальное известие.

Григорий. Я так и знал!

Поль. Скончался кто-то?

Лизавета. Пока нет. но возможно.

Григорий. Не тетушка твоя, надеюсь?

Лизавета. С чего такая забота о тетушке вдруг?

Григорий. Ее кончина лишила бы меня похода в театр. Так, что там?

Лизавета. К счастью, не тетушка, но театр отменяется. Моя подруга Зизи заболела и лежит в горячке. Я должна ехать, наверное, пробуду у нее несколько дней.

Григорий. Ну, вот! А я вам что говорил!

Поль. Отложить до завтра невозможно?

Лизавета. Конечно, нет! Брат, подумай сам! Дорогая Зизи при смерти, а я пойду веселиться. Нет, нет. Я сейчас же собираюсь и еду к ней.

Григорий. А я? Поеду с тобой скорбеть над телом Зизи? Или остаюсь дома, здесь скорбеть? Дорогая, мне оба варианта решительно не подходят. Я в театр сегодня приглашен! Напоминаю — тобою.

Лизавета. Ах, да... Конечно. Поль?

Поль. Да, дорогая.

Лизавета. Ты видишь, как все получилось. Прошу тебя, поезжай с Гришей в театр.

Поль. Лиза, нельзя ли с ним отправить кого-то другого?

Лизавета. Боюсь, невозможно. Я не могу лишить его этого подарка. И одного отпустить тоже не могу.

Поль. Что ты задумала?

Лизавета. Всего лишь небольшое развлеченье. Ты же видишь, наше супружеское счастье покрывается тиной здесь, в этой провинции.

Лизавета. Говорят, клин можно выбить таким же клином. Ну, так как ты решишь, милый брат?

Поль. Придется ехать. Только ради тебя, сестра.

Григорий. Что вы там шепчетесь? Пусть будут прокляты все подруги и тетушки! А также кузены, прости Поликарп, но ты мог бы при мне с моею женою законною говорить вслух.

Лизавета. Вопрос решен. Вы едете в театр вместе с Полем. Ты рад, дорогой?

Григорий. С Полем? Так даже лучше.

Лизавета. Не поняла?

Григорий. Любовь моя, я говорю, что так даже лучше, тебе не придется мучить себя бездарной игрой провинциальных актерок.

Лизавета. Что же, решено?

Григорий. Конечно, поезжай к Зизи, ты ей нужна. А мы с Полем наведаемся в театр, и к ужину уже будем дома.

Лизавета. Поужинайте в городе. Я отпущу прислугу.

Поль. Возвращайся скорее.

Лизавета. Боюсь, не раньше четверга.

Уходит.

Григорий. Поликарп, ей-богу, наш день. Если господь существует, он только что поцеловал меня в темечко.

Поль. Не богохульствуйте, брат.

Картина седьмая

Через несколько часов.

Из театра возвращается подпитый Григорий с трезвым Полем, тут же начинает суетиться.

Григорий. Поликарп, с минуты на минуту она будет здесь! Шампанского, винограду, бисквитов. Ах, зачем Лизавета отпустила прислугу...

Поль. А вы хотели бы назначить свидание актрисе в доме собственной жены и вдобавок, чтобы горничная жены прислуживала вам с вашей мадемуазель за ужином?

Григорий. Голубчик, твое сегодняшнее остроумие утомительнее воскресной проповеди! Послал же бог родственничка!

Поль. Я надеюсь, мое сегодняшнее остроумие, дорогой Григорий Савельевич, убережет вас от неблагоразумных поступков.

Григорий. Ну, ты уж совсем палача из меня делаешь! Занесшего меч над супружеским счастьем твоей ненаглядной сестрицы!

Поль. Хочу напомнить, по вашей неосмотрительности вы и оказались в Вишневе.

Григорий. Слава богу, дальше уж сослать меня некуда. Ну, полно, друг мой, полно читать мне морали. То, что ты называешь свиданием в доме моей супруги — всего лишь невинное развлечение, призванное разогнать провинциальную тоску.

Поль. Уверен, Лизавета Ильинишна сама с радостью составила бы нам компанию, не заболей ее дорогая Зизи.

Григорий. Моя жена? Компанию? Голубчик, да ты плохо ее знаешь!

Поль. Конечно, откуда мне знать собственную кузину!

Григорий. Я говорю тебе, она слишком хорошо воспитана, чтобы поддержать веселую компанию.

Поль. Я и сам не большой поклонник балаганного веселья.

Григорий. Ну, вот опять! Зануды вы оба. О! Она идет!

Тереза в надушенной лавандой цветастой накидке в окружении актеров и актрис, с гитарой входит в гостиную. Все располагаются на диванах и креслах. Она заканчивает куплет. Поль держится отстраненно, наблюдая со стороны. Григорий воодушевлен, аплодирует.

Григорий. Браво, браво! Прелестная песенка! Кто автор?

Тереза. Один нежный юноша, который страстно умолял меня исполнить этот романс, но ни в коем случае не произносить его имени...

Григорий. Вероятно, ваш поклонник, моя дорогая Тереза? Шампанского? (Открывает бутылку, разливает всем).

Григорий. Ну, не томи, как зовут несчастного мальчишку, которому ты разбила сердце?

Тереза. Ах, любезный Григорий Савельич, теперь это уже не имеет значения! Тем паче, я и сама не помню его имени.

Поль. И, правда, мадам, зачем хорошенькой женской головке вмещать такое количество имен своих поклонников. Куда выгоднее оставить немного места для парочки шансоньеток.

Тереза и Поль встречаются взглядами.

Григорий. Полно вам, Поликарп! Если вы не прекратите обижать нашу гостью, я буду вынужден фехтовать с вами на рассвете.

Тереза. Поликарп? Уж ваше имя я непременно запомню!

Поль. Не утруждайте себя, мадам, я не имею желания пополнить армию ваших поклонников.

Григорий. Мадемуазель, он уже у ваших ног, но не смеет себе в этом признаться! Дамы и господа, давайте поднимем бокалы и выпьем за знакомство! Григорий Влюбляев счастлив принимать у себя людей искусства! За вас, друзья!

Все чокаются, выпивают. Поль стоит в стороне, делает вид, что рассматривает книгу. Григорий разливает еще, гости устраиваются, исполняют куплеты. Тереза чокается со всеми, оказывается рядом с Полем.

Тереза. Считаете, это ниже достоинства для вас поднять бокал за знакомство с актрисой?

Поль. Первое — я не пью вина. Второе — мы уже ранее познакомились.

Тереза. Ах, правда? Когда же, где?

Поль. Сегодня утром, здесь же, в этом доме.

Тереза. Вы, верно, спутали меня с кем-то.

Поль. Вас сложно спутать с кем-то.

Тереза. И все же вы ошиблись.

Поль. Вы знаете, что ваш сегодняшний поклонник женат?

Тереза. А вам-то что за дело, он шепнул мне, что жена его старая, скучная брюзга, что он почти развелся с нею и, если б я согласилась оставить театр, бросил бы все к моим ногам и женился на мне.

Поль. Григорий? Хочет жениться на вас?

Тереза. Ах, да! Я же актриса, низший сорт. Падшая женщина. Содержанка! Как на мне можно жениться! Прошу прощения, сударь, что нахожусь так близко и имею наглость дышать одним воздухом с вами.

Поль. Вы неправильно поняли меня, я вовсе не хотел...

Григорий замечает, что Тереза беседует с Полем, подходит к ним.

Григорий. Поликарп никогда не отличался умением поддерживать непринужденную беседу с дамами.

Тереза. Что ж, ваш родственник всегда такой бука?

Григорий. Полагаю, до следующей любовной страсти.

Тереза. И много у него их было?

Поль. Достаточно одной, чтобы понять, что истинная любовь и гармония возможна только в искреннем познании Бога.

Тереза. Интересно, что по этому поводу думает Бог.

Григорий. Идемте, дорогая, мы рискуем оказаться заложниками проповеднической страсти Поля, а я жажду снова услышать ваше райское пение.

Тереза. Прекрасно, у меня как раз есть новая песенка. Ах, у вас пуст бокал! Немедля исправим это!

Тереза наливает Григорию, тайком подсыпает ему порошок в бокал. Григорий пьет. Поль подходи к нему. Тереза объясняет актеру, как играть.

Поль. Григорий, вы пьяны.

Григорий. Чудесно, голубчик! Именно этого я и желал сегодня!

Поль. Не думаю, что ваши желания совпадают с желаниями вашей супруги.

Григорий. А, полно вам о ней страдать! Лизок сейчас жалеет свою Зизи, а меня кто пожалеет? Тем более, жена сама променяла меня на подругу. Могу я хоть раз в жизни побыть холостяком?

Поль. Говорю вам, вы пьяны. Вам надо лечь. Пора прощаться с гостями.

Григорий. Теперь отослать ее обратно? Голубчик, что ты удумал? Раз в жизни случается такое приключение, а ты гонишь меня в спальню.

Григорий уходит к Терезе.

Григорий. Впрочем... Я окажусь там скоро, и не один.

Тереза исполняет романс на стихи Поля. Поль с трудом скрывает ярость. Все аплодируют.

Григорий. Скажу вам, мадемуазель Тереза поет прекрасней моего соловья!

Тереза. Так, вот в чем дело! Вы пригласили нас сюда, дабы устроить соревнование между ним и мною?

Григорий. Вы, несомненно, первая!

Тереза. Как я могу быть уверена в этом? Полагаю, нам нужно прослушать и его.

Григорий. Какая выдумка! Устроить испытание невинной птичке! Браво, Тереза! Идемте же все в сад!

Все уходят в сад.

Картина восьмая

Тереза возвращается. В гостиной остался Поль.

Поль. А как же ваш птичий экзамен?

Тереза. После пения так сушит в горле. Вы не нальете мне лимонаду?

Поль. Нет.

Тереза. Хотя бы подайте графин.

Поль. Я не нанимался вам прислугой.

Тереза. Вы грубиян.

Поль. А вы воровка.

Тереза. Что же, по-вашему, я украла?

Поль. Где вы взяли стихи, которые только что исполнили?

Tереза. Ах, эти глупые куплеты? Вы называете их стихами? Право, не помню, какой-то поклонник прислал.

Тереза. То есть, если бы они оказались в альбоме какой-нибудь восторженной баронессы, ей было бы позволено произнести их вслух? А исполненные устами актрисы, они тут же оказываются осквернены?

Тереза слегка нервничает, поглядывает в двери, ведущие в сад.

 $\it Поль.$ Я уважаю любую профессию. Мне приходится встречать великосветских дам, высокомерных и фальшивых, в них гораздо больше лжи и пошлости, чем в девушке, которая выходит каждый вечер на сцену и говорит языком Мольера и Шекспира.

Тереза. ...для развлечения господ и тех же светских дам, вы забыли упомянуть.

Поль. Театр это в первую очередь искусство.

Тереза. Искусство для драматурга, но не для женщины, которая марает свою репутацию, решаясь зарабатывать этим себе на жизнь.

 ${\it Поль}$. Женщина вольна заниматься, чем угодно ее душе. Театр — не худшее занятие.

Тереза. Но вы считаете недостойным прикасаться его. Даже из вашей ложи вы бросали взгляды, полные презрения.

Поль. Вы ошибаетесь, мадам, я близорук, и поэтому неловко себя чувствую в больших пространствах.

Тереза. Вашей неловкости мне хватило и в этой маленькой гостиной, сударь. Даже господин Влюбляев в своей страсти к актрисам менее противен мне.

Поль. Чем кто?

Тереза. Чем вы в своем снобизме.

Поль. В таком случае, вы шовинистка.

Тереза. А вы хам.

Поль. А вы воровка и лгунья.

Тереза. А вы трусливый мальчишка и эгоист! И ни одна женщина с понастоящему горячим сердцем никогда не полюбит вас!

Поль. Не очень-то и хотелось! Можно подумать, есть на свете женщины, способные быть искренними в чувствах.

Тереза. Разумеется, порядочными бывают только мужчины! И вы один из них.

Шум в саду усиливается, приближается. Григорий декламирует отрывки своей поэмы. Тереза прислушивается, морщится. Там раздается хохот, аплодисменты.

Поль. Вы вольны, мадам, разыгрывать из себя актрису, торговку, певицу — кого пожелаете.

Тереза. Благодарю, вы так любезны.

Поль. Но я не намерен более играть в ваши игры и отправляюсь спать. Ибо, нервы мои на пределе, и, я боюсь, наши отношения с родственником вконец будут испорчены.

Тереза. Спокойной ночи.

Поль. Уповаю на ваше благоразумие.

Поль уходит. Тереза корчит ему вслед гримасу.

Картина девятая

Входит Григорий с компанией.

Григорий. Душа моя, я вам еще не читал свое произведение! Слишком скромен, увы. Но теперь, когда ваши друзья выразили свой восторг, я, пожалуй, осмелюсь прочесть и вам.

Тереза. Вы уверены?

Григорий. Нет, но раз уж мой соловей осмелился соперничать с вами, и я не постыжусь явить вам мою поэму.

Григорий, покачивается, ему помогают сесть.

Тереза. Друг мой, вы устали.

Григорий. Что ты, птичка моя, я готов продолжать!

Тереза. Я думаю, вам пора продолжить в спальне.

Григорий. Ах, шалунья! Вот к чему клонишь...

Тереза. Позвольте, провожу вас до кровати. Друзья мои, пора, пожалуй! Я скоро к вам вернусь.

Григорий. Не так скоро, ласточка моя, как им бы этого хотелось! Благодарю за встречу, господа. Ох, как ты пахнешь... Лавандовые поля, я в раю...

Гости раскланиваются, уходят. Григорий, опираясь на руку Терезы, идет в спальню, громко и безобразно поет. Через некоторое время Тереза возвращается в гостиную.

Григорий. Голубушка, куда же ты!

Тереза. Я принесу шампанского!

В гостиную входит Лизавета.

Тереза. Наконец-то, ты!

Лизавета. Как он?

Тереза. Все идет, как намечено. Изрядно пьян, да и порошок подействовал.

Лизавета. А вдруг он меня признает?

Тереза. Дорогая, это невозможно!

Лизавета. Как Поль?

Тереза. Обижен.

Лизавета. Ничего, я скоро вас помирю.

Тереза. Мы с труппой уезжаем в Прагу на будущей неделе.

Лизавета. Прекрасно, еще есть время. Дай поцелую тебя, моя дорогая подруга, и пойду к Григорию. Играть тебя.

Тереза. Возьми мой плащ (отдает Лизавете свою накидку). Он пахнет мной.

Лизавета. До скорой встречи!

Тереза. Люблю тебя!

Лизавета. И я тебя, моя прекрасная подруга!

Григорий. Душа моя, я весь горю!!! Ты где? Иди скорей сюда!

Лизавета уходит в спальню.

Картина десятая

В гостиную снова входят актеры.

Актер. Тереза, мы за тобой! Если ты, конечно, не решила остаться у Влюбляева. *Тереза*. Куда же я без вас!

Из спальни доносятся характерные возгласы.

Тереза забирает забытую гитару. Наигрывают веселую песенку, танцуют, уходят.

Картина одиннадцатая

Из спальни выходит Лизавета, у нее в руках панталоны. Она отрезает пуговку, панталоны оставляет, уходит.

Картина двенадцатая

По прошествии некоторого времени.

Из спальни появляется Григорий. Ему нехорошо.

Входит Поль.

Поль. Доброе утро.

Григорий. Ох, брат... Молчи. Плесни-ка мне лучше лимонаду.

Поль. Я вижу, вечер удался. (Наливает лимонад Григорию).

Григорий. Несомненно! А что за ночь была!

Поль. Ночь как ночь. Что вы имеете ввиду?

Григорий. Все. Тсс. Я знаю, что ты сейчас скажешь.

Поль. Я сам еще не решил, что буду говорить, откуда вам это знать?

Григорий. Согласен, я свинья. Но, Поль, будь другом, не выдавай меня. Я сегодня ночью изменил твоей сестре. Каюсь.

Поль. Раскаяние смягчает вину, однако...

Григорий. Что только я ей плел! Она свела меня с ума... Ты представь, я обещал на ней жениться, если она оставит театр!

Поль. И что она?

Григорий. Хохотала! Молись, чтобы подмостки и парики оказались ей милей замужества! Иначе мне не выкрутиться.

Поль. Грешно наслаждаться победой над женщиной. Тем более, когда она достигнута при помощи обмана. Но мне показалось, слова раскаяния уже слетели с ваших уст.

Григорий. Сразу же слетели! Я в полном раскаянии, признаюсь. Но если бы у меня был шанс повторить, я бы не смог отказаться!

Поль. Бедная моя сестра. Пока она утешает умирающую подругу, ее супруг утешается с актрисами...

Григорий. Лизок сама меня бросила и уехала!

Поль. Если бы я знал, чем все кончится, ни за что не поехал бы с вами.

Григорий. Молчи, ханжа. Твой скорбный вид будит во мне совесть.

Поль. Или предчувствие наказания.

Григорий. Открою тебе секрет. Они еще неделю пробудут в Вишневе, боюсь, я пошлю за ней сегодня вечером, если она сама не изволит дать знать о себе... Что за женщина! Дьявол во плоти!

Поль. Вы изменили Лизавете с самим Люцифером?

Григорий. Друг мой, твой сарказм не к месту, уверяю тебя. Если б ты знал! Она — исчадье ада и ангел в одной личине.

Поль. Голос у нее ангельский, это верно. Зато характер...

Григорий. Да, что там голос! Видал бы ты, какие арии она исполняет в спальне! Сразу видать — актриса! Ни с чем не сравнить!

Поль. Боюсь, я не готов поддерживать подобную беседу.

Григорий. Если б у тебя хоть раз случился роман с актрисой, ты бы понял, о чем я тебе толкую!

Поль. Благодарю, как-нибудь обойдусь.

Григорий. Никакого сравнения с нашими дамами! Горазды блистать лишь в салонах, корчить из себя роковых красоток. Самая знатная аристократка не сравнится с артисткой! Пусть она хоть сто раз умница, с титулами и наследством! Или жеманно охает в постели, или строит из себя недотрогу, холодна, как рыба, тьфу.

Поль. Мне кажется, вы только что оскорбили честь вашей собственной супруги.

Григорий. Лизок — другое дело. Хотя до Терезы ей далеко. Ну, вот будь она чуточку распущеннее, моя Лизавета Ильинишна...

Входит Лизавета.

Лизавета. Вы обо мне болтаете тут? Возлюбленный супруг ни на мгновенье не забывает о жене, как это мило.

Григорий. Лизок? Ты как здесь?

Поль. Приветствую тебя, сестра.

Лизавета. А что вы так поздно завтракаете?

Григорий суетится, приглаживает диванные подушки, прячет панталоны.

Григорий. Да, мы вчера с твоим кузеном засиделись, все болтали...

Лизавета. Как театр?

Григорий. А, знаешь, так себе. Я, может быть, охладел уже как-то. Наши семейные вечера мне сделались более по вкусу.

Лизавета. Неужто, правда?

Григорий. Да, душечка моя, Лизок, да! А что ты так скоро? Как здоровье нашей дорогой Зизи?

Лизавета. Зизи... Ах, да. Зизи уже здорова.

Поль. Вчера, кажется, умирала от горячки.

Григорий. Поль, ты плохо знаешь женщин.

Лизавета. Тем лучше для него. Что до Зизи, так она сильно огорчилась тому, что новый любовник бросил ее ради певицы, француженки. Сначала она проплакала сутки, затем ее свалила мигрень, а после началась горячка. Но вчера к ней вернулся ее прежний любовник, и Зизи снова в добром здравии и прекрасном настроении.

Поль. А как же муж?

Лизавета. Поль, в таких сложных случаях мужчина не способен утешить женское горе, если он всего лишь муж.

Григорий. Позволь, как это не способен?

Лизавета. Любящих и верных, вроде тебя, это не касается.

Входит Яцэк.

Яцэк. Сударь, к вам дама. Впускать?

Григорий. Нет!!!

Лизавета. С какой это радости? Пусть войдет. Как зовут даму?

Яцэк. Тереза... Простите, барыня, я не запомнил, не по-нашему фамилия.

Лизавета. Даже забавно, если иностранка, пусть входит. У нас гостеприимный дом.

Григорий. Зачем нам гости, душечка? В такую рань... Да, и ты с дороги, устала верно... (*Полю*) Я пропал... это она!

Лизавета. Я прекрасно себя чувствую. Яцэк, проси даму.

Григорий. Нет!

Лизавета. Да, что случилось?

Григорий. Я соскучился, хочу побыть с тобою.

Лизавета. Подумать только! Одна ночь врозь что делает. Буду почаще уезжать. Яцэк, пусть дама входит. (*Яцэк уходит*).

 Γ ригорий. (Полю) О, боже, мне конец... Поль, сделай что-нибудь... (тот в недоумении разводит руки).

Григорий пытается отойти подальше, спрятаться за спину Поля.

Картина тринадцатая

Входит Тереза и прямиком направляется в объятия Григорию.

Тереза. Любимый мой! Как долго тянулись эти несколько часов разлуки с тобою!

Лизавета. Вот это сюрприз.

Тереза. Любимый, я согласна!

Григорий пытается увернуться из цепких рук Терезы, делает вид, что он ничего не понимает.

Поль. Я чувствую подвох, но не могу понять, в чем дело.

Тереза. Любовь моя! Вот мои вещи, я бросила театр, сделала все, как ты и просил, и готова обвенчаться с тобою хоть завтра.

Лизавета. Отлично, браво!

Тереза. Кто эта женщина? Твоя сестра? Прекрасно, я и с сестрою твоею готова породниться. Лишь бы ты был счастлив, любимый мой.

Лизавета. Григорий, что произошло вчера? Объяснитесь.

Григорий. Я... Мы с Поликарпом были в театре.

Лизавета. А потом?

Григорий. Немного выпили, песни пели, танцевали немного... Вот, Поликарп подтвердит.

Тереза. Ах, что он может подтвердить, он же сразу спать ушел.

Григорий. Но...

Тереза. Любимый, прекрасная новость! Скоро у нас будет ребенок. Ты рад?

Лизавета. А это как еще возможно? Гриша?

Григорий. Я, право, не имею понятия...

Тереза. Любовь моя, к чему стеснения, все свои!

Лизавета. Связь надо еще доказать.

Тереза. А здесь и доказывать нечего. Вот пуговка. От панталон моего любимого. Оторвалась в пылу страсти, а я взяла ее себе на память. Такая милая, петушок нарисован.

Григорий. На моей был олень.

Лизавета. На твоей был петух. Я сама пришивала. Поль свидетель.

Тереза демонстрирует пуговку.

Григорий пытается что-то произнести, но выходит одно лишь невнятное мычание. Тогда он падает в обморок на диван и продолжает подсматривать за происходящим.

Картина четырнадцатая

Тереза. Это он от счастья. (Обмахивают его салфетками).

Лизавета. И все же, мне кто-то объяснит, что происходит?

Тереза. Ах, что здесь объяснять, сударыня? Все случилось внезапно. Мы встретились вчера в театре...

Лизавета. Это я слышала. Вы тоже посещаете театр?

Тереза. Да, нет же. Я там работаю. Я актриса.

Лизавета. Ах, ну понятно.

Тереза. Потом был вечер, полный волшебных откровений, потом была ночь... поверьте, незабываемая, как цунами!

Тереза набирает в рот лимонаду и брызгает в лицо Григорию. Тот вскакивает, но видя двух женщин над собой, снова падает без чувств.

Поль. Она или, вправду, сумасшедшая, или снова играет роль...

Тереза. Потом Григорий Савельич предложил мне руку и сердце, в обмен на мой отказ от театра. Я думала до утра и поняла — я никогда бы не бросила сцену, но эта ночь... Она была слишком убедительна. Если вы не верите, могу уточнить, что меня особенно впечатлило. (*Григорий снова мычит*).

Лизавета. Увольте, я не желаю знать подробности.

Тереза. Прекрасно! Григорий, я обниму сестру! Иди ко мне, родная! Поликарп, иди и ты сюда, обнимемся, брат!

Лизавета. Поль, ты все знал?

Тереза. Конечно, они были вместе в театре. И потом тоже... но, нет! Совсем «потом» Поль ушел спать в садовый домик, чтобы не слышать шума.

Лизавета. Что, все было так невыносимо громко?

Тереза. Да.

Лизавета. Предатель, и ты молчал все это время?

Лизавета. Легкая интрижка? Они собрались пожениться!

Поль. Я не думал, что так далеко зайдет.

Лизавета. Тем лучше. Я согласна на развод.

Тереза. Так ты — жена?

Лизавета. Не помню случая, когда мы перешли на «ты»!

Тереза. Так, давай перейдем сейчас. Здесь еще осталось шампанское.

Тереза наливает в два бокала шампанское, они выпивают на брудершафт, целуются.

Тереза. Зачем ругаться, мы можем все решить разумно, мы ведь женщины.

Лизавета. Ты права, милочка. Ссориться нам ни к чему. Разве мы дикари какие-то? *Поль*. Кто из нас сумасшедший? Лиза, опомнись!

Лизавета. Поль, тебе не все ль равно? Твоя сестра разводится, но любить тебя не перестает. Ты по-прежнему сможешь жить со мной. Этот дом я оставлю за собою.

Тереза. Что значит — этот? А мы где будем жить с Григорием?

Лизавета. Есть еще другой, в Риге. Тот ты можешь забрать себе.

Григорий нервно реагирует на их беседу, но изо всех сил старается делать вид, что он в обмороке.

Тереза. Как ты щедра!

Лизавета. Земли здешние я также оставляю за собою, а конный заводик можешь взять. Терпеть не могу лошадей.

Тереза. А я как раз наоборот! Обожаю галоп... Так бы и скакала, так бы и скакала... *Лизавета*. Я рада, что угодила тебе с подарком.

Тереза. Спасибо, милая! Чудесный презент мне к свадьбе.

 $\it Лизавета.$ Вот, не знаю, что делать с драгоценностями его матушки. По праву они принадлежат его жене...

Тереза. Они твои по праву! Ты первая! А я обойдусь тем, что он подарит мне к венчанию. Тем более, у нас вся жизнь с ним впереди. Я драгоценности люблю, надеюсь, у него хватит денег дарить их мне по каждому случаю.

Лизавета. Еще хочу сказать, дорогая, есть кое-что, что тебе необходимо знать до свадьбы. Во-первых, он храпит. *(Григорию)* Храпит, как тысяча раненых быков! Я убить его готова порой.

Тереза. Как любезно с твоей стороны, подруга!

Лизавета. Конечно, за одну ночь всего не узнаешь. Во-вторых, он ужасный зануда! Который год пишет поэму, скажу тебе, бездарную. А когда приходят гости, сперва делает вид, что ему крайне неловко, а потом часами готов читать ее, пока гости икать не начнут от скуки.

Тереза. Я быстро избавлю его от этой страсти. Для подобных произведений лучшее место — камин.

Лизавета. Браво, Тэзи! Ты такая отважная. Я горжусь, что мы теперь подруги. Но это еще не все. Когда он приходит с рыбалки, он никогда не утруждает себя пойти сменить белье, и вся гостиная пахнет рыбой! Он может грязные башмаки бросить прямо на ковер, и чулки разбрасывает по всему дому. В-четвертых, дорогая, он чавкает, когда ест. И ковыряет в носу, когда думает, что никто не видит.

Дамы еле сдерживают смех. Поль наблюдает за ними.

Тереза. Лизок, ты так добра. Я думаю, нам надо чаще видеться!

Лизавета. Вы можете продать дом в Риге и купить имение по соседству. По воскресеньям после литургии мы могли бы вместе устраивать пикник с шампанским...

Тереза. И жженку можно приготовить, обожаю жженку!

Лизавета. И зажарить кролика на вертеле. Поль, ты же любишь кролика? (Поль растерян).

Тереза. Как мило! А ты разве не собираешься постричься в монастырь? Он говорил, ты такая набожная и противница всех земных удовольствий.

Лизавета. Он так сказал? Конечно, нет! Я сразу заведу себе любовника. Или двух. Или даже трех, если они не будут слишком донимать меня.

Григорий с трудом сдерживается, чтоб не обнаружить, что он только прикидывается.

Лизавета. Закончилось шампанское.

Тереза. Я принесу.

Тереза уходит.

Картина пятнадцатая

Григорий вскакивает.

Григорий. Лиза!!!

Лизавета. Тебе лучше?

Григорий. Нет, мне очень плохо! Прошу тебя, избавь нас от нее!

Лизавета. Не глупи. Ты не в себе от счастья.

Григорий. Прости меня! Я дурак! Я поступил, как последняя скотина, но я клянусь тебе, я больше так не буду!

Лизавета. Я тоже не держу на тебя зла, давай расстанемся друзьями. Твоя новая жена милая и неплохо воспитана. Не знаю, одобрила бы твой выбор матушка, царство небесное, но я абсолютно не против.

Григорий. Я против!!!!

Лизавета. Совет вам да любовь.

Григорий. Поликарп, не молчи!!! Ты все знаешь! Я этого не хотел! Я был пьян! Я уже даже раскаялся! Лизок! Не оставляй меня с ней!

Возвращается Тереза с шампанским. Лизавета идет к ней, Григорий, ползет, цепляясь за шлейф ее платья.

Тереза. Я вижу, жених очнулся. А что же это он теперь делает? Забавный, право, у вас ритуал прощания...

Поль. Дамы, я прошу вас, прекратите этот спектакль.

Григорий. Какой спектакль, ты разве не видишь, все серьезно!

 ${\it Поль}$. Сестра, я аплодирую тебе. Но умоляю, прости его, твой муж достаточно искупил свою вину.

Лизавета. Конечно, я прощаю. Боюсь, если мы продолжим, он окончательно лишится рассудка. Грешно смеяться, но он такой сейчас смешной!

Григорий. Что происходит? Ты меня уже простила?

Лизавета. Любовь моя, я простила тебя заранее. А теперь еще раз простила, после такой чудесной ночи.

Григорий. Что ты имеешь ввиду? Тереза?

Тереза. Вы были не со мной. (*Лизавета показывает накидку*). Мы поменялись ролями с Лизаветой. И, как видите, она отлично справилась со своей ролью.

Григорий. Выходит, я изменил своей жене со своей женою. Вот это комедия!

Лизавета. Поль, ты как догадался?

Поль. Не так сразу, как хотел бы. Вы обе великолепные актрисы.

Григорий. Зачем мне теперь театр, у меня жена — сама Мельпомена! Как я раньше этого не знал! Лизок, прости! Клянусь, ни разу больше не прочту тебе ни строчки из своей поэмы! И прикажу отвесить мне отдельный туалет для рыбалки! И капли от храпа принимать стану каждый вечер!

Лизавета. До вечера далеко, но вот, шампанского я и сама приму.

Тереза. Что ж, а мне пора вернуться на репетицию. Будем прощаться.

Лизавета. Жду тебя в гости, Тэзи. Я рада, что мы снова нашли друг друга.

Тереза. А я счастлива, что у тебя такой прекрасный муж... и брат. Поль, простите меня, я позаимствовала ваши стихи для романса. Они прекрасны, но я должна была разыграть и вас, иначе вы бы раскусили нашу проделку гораздо раньше. Вот, возвращаю. И обещаю, не исполнять нигде и никогда больше. (Отдает Полю листок).

Поль. Я был бы рад услышать их в вашем исполнении еще раз. И ваши мысли о свободе женщин...

Тереза. Это были ваши мысли. Но было бы любопытно побеседовать об этом.

Поль. Вы позвольте навестить вас завтра?

Тереза. Мы уезжаем завтра.

Лизавета. Тэзи, ты говорила — еще неделю!

Тереза. Антрепренер недоволен сборами. Мы сегодня даем последний спектакль и отправляемся в Прагу.

Поль. Я буду там в конце месяца...

Тереза. Приходите на спектакль. Правда, пьеса на чешском. Но. Мне кажется, этот язык вы поймете, она о любви. Мне пора. Прощайте.

Лизавета обнимает Терезу.

Лизавета. Тэзи, мы не можем просто так расстаться. Мы с Гришей сегодня приедем в театр, а после заберем тебя и устроим пир до утра. (*Григорий растерян*).

Тереза. На этот раз обойдется без розыгрышей! Что ж, до вечера!

Лизавета. Поль, проводи Тези. Право, ты иногда ведешь себя, как болван. Гриша, а ты открывай шампанское! Мне кажется, нам есть что отметить.

Григорий. И есть чем заняться в ожидании вечера... К примеру, выбрать мне костюм для рыбалки. Зося, поди сюда!

Лизавета. Яцэк, поди сюда!

Андрей Курейчик (г. Минск, Белоруссия)

ИСПОВЕДЬ ПИЛАТА

Одноактная пьеса

Андрей Владимирович Курейчик родился в Минске. Окончил юридический факультет и факультет журналистики Белорусского государственного университета. В 2002 году прошел режиссерскую стажировку в Москве у О. П. Табакова. Первую пьесу «Исповедь Пилата» написал в 2000 году и самостоятельно поставил ее в театре БГУ. В настоящее время пьесы А. Курейчика исполняются многими театрами Беларуси, СНГ и Европы. Пьеса «Пьемонтский зверь» вышла победителем конкурса на лучшую современную пьесу 2002 года Министерства культуры России. В том же году пьеса «Старый сеньор с огромными крыльями» стала лауреатом премии «Дебют». Пьеса «Три Жизели» стала лауреатом Международного драматургического конкурса «Евразия 2004» (Екатеринбург).

В марте 2003 года Андрей Курейчик создал в Минске центр современной драматургии и режиссуры, который сейчас и возглавляет. Выступил инициатором и артдиректором Международного театрального фестиваля «Открытый формат». Автор 24 пьес и инсценировок, 2 киносценариев.

Действующие лица:

Понтий Пилат, бывший наместник (префект) Иудеи, находящийся в ссылке.

Прокула, его жена.

Марк Копоний, всадник, следователь сенатской комиссии, легат императора Гая Калигулы.

Иисус Назорей, проповедник из Галилеи.

Иаков, сводный брат Иисуса, возглавивший после его смерти Иерусалимскую общину.

Анна, бывший первосвященник.

Гарнсхильк, германский вождь.

Сеян, фаворит Тиберия и командир преторианской гвардии.

Гладиаторы и публика.

Пирующие.

Калигула, женоподобное существо.

Трагики.

Действие происходит в 39 г. н. э., на острове, куда Пилат был сослан после снятия с должности наместника Иудеи. Сумрачная зала в его доме.

Пилат спит. Медленно и трудно происходит пробуждение. Видно, что сон был тяжел для него.

Пилат. Этот сон добьет меня...

Входит Прокула.

Прокула. Что ты сказал?

Пилат. Я сказал, что мне снова снился ОН.

Прокула (с надеждой). Иисус?

Пилат (мрачно и резко). Тиберий! Мне снова снилось это чудовище.

Прокула. Его руки?

Пилат. Да... (Пауза.) Его руки... Ты не представляешь, Прокула, эти старческие, трясущиеся, алчущие клешни... Они тянулись ко мне... Они воняли! Боги! Эта отвратительная вонь жадных, жирных пальцев... (принюхивается) Чем здесь пахнет? Что это за вонь?

Прокула. Не понимаю, о чем ты говоришь?

Пилат. Чем-то пахнет.

Прокула. Я ничего не чувствую.

Пилат. Но чем-то пахнет.

Прокула. Не знаю.

Пилат. Ну точно пахнет.

Прокула. Не пахнет.

Пилат. Пахнет.

Прокула. Не пахнет.

Пилат. Ну пахнет же...

Прокула. Но Понтий...

Пилат. (Орет в бешенстве) Да что это за вонь в конце концов!

Прокула. А... это рыба.

Пилат. Какая Рыба?

Прокула. Сегодня на кухню рыбу привезли.

Пилат. И чтоб все об этом узнали, завоняли ею весь дом.

Прокула. Успокойся, Понтий.

Пилат. Я спокоен.

Прокула. Он умер, Понтий. Тиберий умер три года назад. Его тело сожгли на Марсовом поле. Его уже нет...

Пилат. Я еще не выжил из ума, Прокула. Не надо со мной как с идиотом.

Прокула (с любовью). Ну что ты... Все из-за этой лихорадки.

Пилат. Да нет у меня никакой лихорадки.

Прокула. Что я не вижу? Ты весь горишь.

Пилат. Прокула...

Прокула. Сейчас тебе станет легче.

Пилат. Оставь меня.

Прокула. Хочешь, я принесу тебе питья?

Пилат. Нет. Ступай. (Прокула уходит, но он останавливает ее.) Хотя нет, пожалуй, принеси мне воды...

Прокула уходит

Даже не знаю, что хуже сон или реальность. Там этот урод приходит лично, а здесь... Вся моя жизнь теперь — это предсмертная шутка Тиберия. Он не хотел уходить один. Он знал, что умирает, хотя и не хотел в это верить. Но знал... Его лицо

облазило струпьями. (Смеется.) Великий император Рима. Владыка вселенной. А боялся помереть один. Наверное, он убил бы всех, если бы мог. Со мной он расправиться не успел*... Хотя иногда мне кажется, что лучше бы меня казнили, как в свое время Сеяна**... Мне говорили, толпа три дня терзала его тело. Вместе с ним осудили его детей, маленьких детей. По закону детей нельзя было казнить. Тогда Тиберий приказал одеть мальчика как взрослого. А маленькую девочку (запинается)... Он приказал ее изнасиловать палачу, чтобы она стала женщиной. Какой-то нечеловеческий цинизм... Тогда казнили многих: и сенаторов, и всадников, и простолюдинов... Может быть, погибни я тогда, все равно это было бы лучше, чем то, что Тиберий определил мне сейчас... Сколько времени прошло с тех пор, как я покинул Иудею? Три года? Четыре? А кажется как сто или как неделя. На этом проклятом острове даже время не имеет значения. Тупая размеренность! Деревенская идиллия! Кто меня здесь окружает? Рабы? Женщины? Я здесь один!

Входит Прокула с питьем.

Прокула. А я?

Пилат. Гнию здесь. Я гнию здесь душой также, как Тиберий телом.

Прокула. Это наказание, Понтий.

Пилат (с сарказмом). Ты все об этом приговоре? Шесть лет одно и то же. Что ж он меня наказывает, если это бог всепрощения? Молчишь? То-то же! Тиберию нужен был лишь повод. В его разъеденных, сумасшедших мозгах не было ни одной здравой мысли: один лишь страх, подозрение, ненависть. Он мстил всем, всем кому мог, за связь с Саяном, Германиком, мстил просто так, мстил за богатство, за честность, за ум, за неминуемость собственной гибели...

Прокула. Понтий...

Пилат. Ему было плевать на меня! Поэтому мое положение невыносимо. Я могу понять, когда тебе отомстили за что-то, но когда списками, просто потому, что был повод! И теперь он подох, а я сижу в ссылке на этом острове, не вправе покинуть его...

Прокула. Ты изводишь себя, Понтий. Так ты совсем себя изведешь...

Пилат. А что мне делать?

Прокула. Забудь. Забудь обо всем.

Пилат. Что же у меня тогда останется? У меня нет власти, нет свободы, нет веры, интереса... Я даже не могу нормально поспать. Что же у меня тогда останется?

Прокула (тихо). Я.

Пилат. Зачем мне ты, если у меня не будет меня?

Прокула расстроенная уходит.

(E"u вдогонку) И где вы взяли такую вонючую рыбу? (Oдuh.) Только и осталось, что воспоминания... Я доживаю свою жизнь как старик. Без надежды, без будущего... А мне ведь еще... Всем плевать! Все сидят по своим норам, трясутся за свои посты, ждут, когда им придется увидеть цвет собственной крови... Тиберий был безумцем и тираном. Калигула*** оказался его достойным приемником. Распущенность, похоть,

^{*} По сведеньям Иосифа Флавия Понтий Пилат был отстранен от должности наместником Сирии Вителлием и направлен в Рим для дачи объяснений Тиберию, но тот умер незадолго до приезда Пилата.

^{**} Сеян был ближайшим соратником Тиберия, начальником его личной гвардии, затем префектом Рима. Был казнен в 31 г. н. э., при непосредственном участии Гая Калигулы. За связь с Саяном было казнено около двухсот сенаторов, четырехсот всадников и множество простолюдинов.

^{***} Гай Калигула, император Рима 36-41гг. н. э. По одной из версий Пилат умер именно во времена правления Калигулы.

подлость, доносы, смерть. Все катится под откос... Те, последние ростки величия Рима, цивилизации Республики, силы и величия Божественного Августа — все затоптано, ничего не осталось... Вместо людей — сатиры! Какая-то грязь, низость... Рим превращается в крысятник: люди жрут и давят друг друга... Кровавые ручьи текут со всех семи холмов. Я удивляюсь, как Тибр еще не вышел из берегов?! Сенат раздавлен, армия деморализована... Такое впечатление, что вся метрополия — это большая оргия во время бесконечной казни.

А я ведь помню Рим совсем другим... Мальчиком, привезенный с Сицилии в Рим, я был поражен его величием, его громадностью, многолюдностью, разноголосьем. Для меня это были тысячи новых миров. И на каждом шагу, в каждом разговоре, в каждом взгляде — Божественный Август! Я спрашивал отца, когда я смогу увидеть Солнцеподобного. Я увидел его в цирке. Я помню как весь цирк разом встал — тысячи людей — и я чуть не оглох от единого восторженного возгласа «Август!» Тогда я увидел лишь складки его пурпурной мантии и золотой венец.

Панорама гладиаторского боя. Он комментирует то, что происходит на сцене.

Потом начались бои. Гладиаторы бились поодиночке и целыми армиями. Я слышал лязг их оружия, воинственные кличи, предсмертные хрипы... Я впервые увидел, как один человек убивает другого, и понял, что... я тоже так хочу! Я хочу почувствовать в руках тяжесть меча и рубить им врагов, ощущать, как меч входить в плоть... Я помню, на арене бились двое. Кажется, один из них был галл или германец, а второй — египтянин. Они уже устали. Пот лился с них ручьями. Они по долгу отдыхали перед тем как снова схватиться. Зрители были недовольны. Еще немного и на них бы выпустили хищников... Но тут галл споткнулся и египтянин ударил его наотмашь палицей по голове. Часть кожи сорвало, и кровь залила лицо. Галл как-то ошарашено посмотрел на противника, затем на зрителей и выронил из рук меч. Египтянин не знал, что делать. «Добей его! Смерть ему!» — кричали зрители. Я, помню, тоже кричал. Мне хотелось увидеть смерть галла. Затем наступила тишина. До сих пор помню эту гнетущую тишину переполненного цирка. Божественный Август встал и медленно поднял большой палец вверх. Одно его слово перевесило крики многих тысяч.

Победивший гладиатор помогает своему поверженному сопернику. Они уходят.

Холодно... Чего же здесь так холодно? И эта рыбная вонь...

Я мало помню из своего детства... Мой отец был всадником и хорошим воином. Я тоже хотел стать воином. Тогда в Риме только и говорили о новых завоеваниях. При первой же возможности я покинул Рим и уехал в Галлию, в действующую армию. Мне так хотелось доказать Августу свою преданность! Первая перемена в моей жизни. Совсем другая земля... Я такое видел впервые: сплошные леса, громадные деревья, бесконечные, непроходимые чащи, полные дичи и дикарей. Между лесами долины сочных трав, озера, полноводные реки...

Выходят варвары.

Мы не умели воевать в лесах, когда из-за каждого куста летели стрелы и дротики, когда на нас готовили волчьи ямы, заваливали дороги, поджигали деревья, отравляли воду... Именно там я учился жить в мире с народом, который был для меня и для Рима врагом. Конечно были стычки и бои, но я учился соблюдать баланс, договариваться, когда это необходимо и карать... Я пытался понять их. Галлы были сынами природы. Даже боги их жили в лесах и реках. Они бесстрашно бились, защищая свои

селения, и при этом охотно нанимались в римскую армию, если им хорошо платили. Галлы редко предавали, если не трогать их родных деревень. У меня создавалось впечатление, что мы, римляне, им и не сильно мешали. Со временем мне даже стали приятны их нравы. Их законы были просты: за убийство — смерть, как, впрочем, и за большинство преступлений. Простота управления. Стремление к простоте и справедливости во всем. Отказ от уродливых и ненужных излишеств... Да, в Галлии мне было очень хорошо...

Варвары садятся. Начинается пир, на котором присутствуют и римляне и варвары. Танцы рабынь и развлечения. Входит старый Гарнсхильк.

Пилат. Аве Цезарь, приветствую тебя, Гарнсхильк.

Гарнсхильк. Добрый день, всадник. Хороший у тебя пир, веселый...

Пилат. Римляне умеют две вещи: воевать и веселиться.

Гарнсхильк. Веселиться у вас получается лучше.

Пилат. (Смеется). Ах ты, старый медведь. Ты мне лучше вот что скажи, чем там твои ребята на дороге отличились? А? Почему происходит уже второе нападение на обозы в Борнском лесу?

Гарнсхильк. Были нападения?

Пилат. Семеро убитых.

Гарнсхильк. Я не знал.

Пилат. Знал. Но на всякий случай говорю снова, ты объясни своим что к чему. Пусть думают. Если сюда Сциллий Катон с двенадцатью когортами подойдет, он разбираться не будет — пожгут все, перебьют сколько смогут и снова на равнины уйдут. А мне тут с вами зимовать.

Гарнсхильк. Да молодежь это резвиться,— еще не соображают. Вспомни каким сам был, когда сюда приехал. Грозился в два года очистить леса от союзных племен.

Пилат. Да, глупый был. Был! Ты о деле говори...

Гарнсхильк. Им приказа такого не было, по дурости сунулись. Им бы побрякушки девкам принести, выделиться удалью.

Пилат. Но ты же понимаешь, чем это грозит. Объясни им.

Гарнсхильк. Попробую. Только и ты своих попридержи, всадник. А то солдаты твои слишком на наших женщин заглядываются — неполезно это для мира.

Пилат. Хватит о делах. Веселиться надо. Вина выпьешь? Александрийское вино, из Египта. Знаешь ты где Египет?

Гарнсхильк. Не знаю... Да и ты про северные земли не много-то знаешь.

Пилат. Ничего, доберемся и до северных земель. Ваша земля ведь уже принадлежит Риму.

Гарнсхильк. Риму? Нет, Риму принадлежит лишь земля, на которой стоят его легионы. А все что вокруг наше...

Пилат. Я вас не понимаю... Не понимаю, почему вы с таким упорством противитесь. Ведь Рим несет вам цивилизацию. Цивилизацию, понимаешь? Посмотри, мы делаем лучшее оружие, амфоры, ткани, крепости. Мы можем научить вас...

Гарнсхильк. Амфоры, говоришь. Зато мы делаем лучших в мире мальчиков. Какая амфора сравнится с этим? А на счет цивилизации, я тебе так скажу, всадник... За летом всегда следует осень, за осенью — зима. Сейчас вы нам несете цивилизацию мечами и копьями. Поверь мне, пройдет время, и мечами и копьями мы понесем цивилизацию в Рим. А знаешь почему?

Пилат. Почему?

 Γ арнсхильк. Потому что вы будете продолжать делать лучшие в мире амфоры, а мы — лучших в мире мальчиков.

Пилат. Я думаю, нескоро твои предсказания сбудутся, Гарнсхильк. Гарнсхильк. Может, не скоро, а может, и скоро...

Смеется, уходит, пир пропадает.

Пилат. Все закончилось со смертью Августа. Мне пришлось ехать в Рим. Я провел в Галлии несколько великолепных лет... А в Риме было неспокойно... Траур сопровождался отчаянной борьбой за влияние на приемника. Это было похоже на возню стервятников над трупом льва... Забавно, сейчас почти никого не осталось из тех, кто давился за власть. Их пожрала гидра, которую они сами же и породили. Именно тогда у меня появился покровитель — меня заметил Сеян. Он фактически подставил плече Тиберию, за что тот сделал его начальником личной гвардии. И влияние его на дела в государстве росло. Тиберий как кукла слушался его советов, понимая что его власть зависит от преторианцев... Для меня это были трудные годы. Несколько раз я порывался уехать... (Собирается уходить).

Появляется Сеян.

Сеян. Пилат, стой...

Пилат. Я решил...

Сеян. Нельзя!

Пилат. Не уговаривай меня. Я не хочу здесь оставаться — здесь воняет трупом.

Сеян. Ты думаешь, я этого не чувствую? Я с этим трупом каждый день. Но ты мне нужен сейчас.

Пилат. Зачем? У тебя же в подчинении целая армия.

Сеян. Ты что, совсем ничего не понимаешь? Не понимаешь, что происходит? Пилат, опомнись. Прошло то время, когда власть завоевывалась армиями? Прошло время, когда Цезарь с Помпеем решали кому быть властелином Рима в открытом поле. Все изменилось. Кому достанется власть, решают десять, двадцать, тридцать человек. Мне нужны здесь люди! Нужны люди, люди, понимаешь?

Пилат. А если я не...

Сеян. Выбирай. Просто уйти не удастся.

Пилат. Хорошо, я останусь... Но пообещай мне, здесь, сейчас пообещай, что как только твоя власть укрепится, ты отпустишь меня.

Сеян. Хорошо. Дай мне год, а потом езжай, куда хочешь. Один год, я тебе обещаю...

Пилат. Кто это там? Что это за девка смотрит там из угла?

Сеян. Это? Это «Сапожок», Калигула.

Пилат. Отпрыск Германика?

Сеян. Полный идиот. Совершенно безопасен. Любит одеваться девочкой... Смазливый, не правда ли? Будет хорошей подстилкой для любителей мальчиков. (Калигуле) Пошел вон! (Калигула прячется).

Пилат. Кто знает, кем он будет... Помни свое обещание, Сеян, помни...

Сеян и Калигула уходят.

Пилат. Он не забыл... Вскоре я, всадник Понтий по прозвищу Пилат, стал наместником-префектом Иудеи. Мне говорили: неспокойный край, хитрые люди, жестокие нравы, подлость...

^{*} Должность прокуратора вошла в обиход управления в Риме лишь после 40 г. н. э., о чем свидетельствуют последние археологические находки. Понтий Пилат был префектом (наместником) Иудеи с 26 по 36 гг. н. э.

Мое первое впечатление в Иудее — запустение. Нет, мне там сразу не понравилось. Высохшие равнины, почти нет лесов, лишь хлипкие рощи смоковниц, палящее солнце, глиняные лачуги, налипшие одна на другую... Восток. Желтый, многоликий восток... О вольной, просторной, зеленой Галлии остались лишь воспоминания. После смерти Ирода* разделенная на тетрархии, управляемая его бездарными сыновьями и всесильными священниками, Иудея предстала передо мной какой-то мешаниной. Двенадцать колен Израиля, самаряне, галилеяне, арабы, сирийцы, греки — кто только не населял эти бесплодные холмы. Они были помешаны на религии. При том, что у них был всего один бог. Я старался не оскорблять их суеверий. Собственно, они меня мало интересовали. Саддукеи, фарисеи, зелоты, какие-то секты, сикхарии... Они резали, давили, убивали друг друга во имя своего бога. Это их право. Поразительно, такой ненависти и лизоблюдства одновременно я еще никогда не видел. Они искусно скрывали свой страх, проявляя его лишь для того, чтобы потешить мое тщеславие.

Три брата у власти в раздробленной Иудее: старший — Архелай — подловатый, трусливый подхалим, пьяница и глупец; средний — Ирод Антиппа** — достойный сын своего отца, хитрый, жестокий, и при этом ленивый и податливый; и Филипп, который, наверное, стал бы хорошим фермером или торговцем, все честолюбие которого сводилось к льстивым мордам крестьян Гавлотиниады. Они ненавидели друг друга. Может быть, они бы перетравили друг друга, если бы не... Рим. Я! Я был вынужден своими легионами, как малых детей, разводить их по углам. Я был для них надзирателем. Или воспитателем. Я думаю теперь, Ирод, если бы смог, с удовольствием перерезал бы мне глотку. Не без участия Анны, естественно... Хотя Анну, эту ядовитую змею, я бы и сам... Да... Анна...

Появляется Анна.

Я сперва не разглядел его. Сначала он был прост и незаметен, но постепенно начинаешь ощущать его силу. Он был везде... Я сразу понял, что ему передаются все мои речи, я понял, что меня подслушивают и даже иногда позволяют себе читать мою переписку. Я сменил прислугу — не помогло. Несколько человек казнил... Но это не имело никакого значения. Анна обладал гигантским влиянием. Не смотря на то, что его ненавидели, Анна всегда мог заставить иудеев поступать так, как ему это было нужно. Иногда он играл толпой, как атлет мускулами, просто так, для того, чтобы продемонстрировать свою силу...Мне продемонстрировать! Он думал, что может управлять мной. Он пытался меня запугивать, хотел подкупить. Он жаловался на меня наместнику Сирии Публию Флакку***, но тот сразу раскусил мерзавца. Если бы он смог, то, наверное, пожаловался бы самому Цезарю. Старый скабрезник! Доносил ведь и боялся! Трясся от страха и все равно доносил! Даже когда сам не решался, подставлял родственников: сыновей, зятей, братьев, которых распихал по синедрионам всей Иудеи, Галилеи и Переи. У него везде были свои агенты. А он платил им деньгами, которые зарабатывал на торговле в храмах. Ему было плевать на народ. В Иерусалиме люди семьями гибли от тифа и плохой воды. «Дай людям воду,— сказал я ему.— Твои же иудеи болеют и умирают». Никогда не забуду его отвратительную ухмылку.

Анна. Они умирают не от плохой воды, а от гнева Господня. Умирают за то, что преступают Закон Моисеев.

^{*} Ирод Великий (73 г. до н. э.— 4 г. до н. э.), царь Иудеи с 40 г. до н. э.

^{**} Ирод Антиппа, один из сыновей Ирода Великого, получил по завещанию отца Галилею и Перею, которыми управлял в качестве тетрарха с 4 по 39 г. н. э. Низложен Калигулой и отправлен в ссылку.

^{***} Публий Помпоний Флакк, наместник Сирии 32—35 гг. н. э. Правители Иудеи являлись подчиненными наместников Сирии.

Пилати. Этот цинизм взбесил меня. «Мне плевать на Закон!» — сказал я. В тот же день я приказал арестовать храмовые сокровища и употребить их на строительство водопровода в Иерусалим. Анна всеми силами пытался помешать мне. Он начал распускать разные слухи.

Анна (зрителям). Из-за гнева божьего на мое богохульство рухнула башня Силоамская, задавив восемнадцать человек.

Пилат. Его раввины начали подстрекать народ к бунту. Меня предупредили, что в Иерусалиме меня ждет разъяренная толпа. Полгорода собралось для того, чтобы требовать от меня прекратить строительство. Идиоты! Мне что ли нужен этот водопровод!? Мои дети дохнут от тифа?! Они не понимают: если они хотят смерти друг друга, пусть просто устроят резню. Им плевать на своих детей во имя бога. Я не собирался подчиняться их дурости. Я до сих пор помню взгляд священника Анны: полный бессильной ненависти, злобы и страха...

Я не отдал ему деньги и достроил водопровод. Если иудеям не нужна вода, то ее будут пить римские легионы. Они еще удивляются, что их народ завоевывают все кому не лень! Евреи как овцы, которые пытаются обмануть пастуха, играя на его чувствах жалобным блеяньем. Они пальцем не пошевелят сами — ждут своего Мессию, царя. Они не могут спастись сами — им необходим спаситель. Им нужен пастух. Да кому они нужны? Хитрые, опасные овцы, время от времени убивающие друг друга... Никогда их не понимал. Галлам, тем же галлам и в голову не взбредет ждать какого-то мистического избавителя. Они бы дрались, дрались бы до последнего, потому что галлу нужна свобода сейчас, сию минуту, они готовы взять ответственность. А евреи? Прошли времена Макковеев**. Израильскому государству — конец! Осталось большое стадо...

Я помню начало своего наместничества: я переводил легионы в Иерусалим***. Естественно перевозили и знамена когорт, с орлами и ликами Цезаря. Меня предупредили, что иудеи ревностно относятся к изображениям людей и животных в своем городе. Хорошо. Я сказал: «Внесите ночью». Я не мог ввести когорты без знамен — это был бы позор. Позор римской армии. Все было сделано тихо и спокойно. Утром Анна был у меня.

Анна. Ты поступаешь недальновидно, игемон. Люди требуют уважения к себе и к своему Богу. Но если власть не уважает народ, он отвечает ей тем же...

Пилат. Мне плевать.

Анна. Такая власть долго не держится, игемон.

Пилат. Ты мне угрожаешь?

Анна. Чем я могу угрожать наместнику всесильного Рима? Я всего лишь немощный старик, который скоро покинет этот мир. Я предупреждаю и исключительно во твое благо.

Пилат. Спасибо за заботу. Только учти, Анна, я поступлю так, как считаю нужным во славу Цезаря, даже если для этого мне придется перебить весь твой уважаемый народ.

Анна. Пусть так (в сторону), но ты захлебнешься в этой крови.

Пилат. Он ушел... Через час вокруг дворца стали собираться люди: горожане, возбуждаемые священниками, требовали меня. К вечеру в город стал стекаться народ с окружных деревень. Слухи о святотатстве нового наместника распространялись как

^{*} Этот случай описан у Иосифа Флавия.

^{**} Макковеи, легендарные братья возглавившие народно-освободительную войну против династии Селевкидов, правившей в Иудее с 200 г. до н. э., и отличавшейся особой жестокостью и притеснениями иудеев. В результате Макковейских войн младший из братьев стал царем, Иудея обрела независимость — Хасмонейское царство, существовавшее вплоть до завоевания его римским полководцем Гнеем Помпеем.

^{***} Этот случай также описан у Флавия.

пожар. Мне это было даже забавно. Я решил посмотреть на сколько их хватит. Они кричали день, два, три... Анна доставлял им провизию и вино. На пятый день я приказал сообщить толпе, что скоро выйду к ним и объявлю свое решение. Предварительно же я приказал солдатам окружить площадь так, чтобы ни один — ни один не вырвался... Легионеры несколькими рядами оцепили толпу и начали сжимать кольцо. Я хотел отрезвить людей. Анна подстрекал их.

Анна (Всем зрителям). Ничего, ничего... Он еще дождется своего часа... Господь не оставит нас. Он покарает нечестивца. Пилат сдохнет как собака! Не бойтесь... Не бойтесь, дети мои...

(Конкретному зрителю) Ты. Ты поможешь мне. Нет, я плохо сказал. Ты поможешь своему народу. Понял? Когда я дам знак ты крикнешь во весь голос: «Долой Пилата!» Ясно? По моему знаку...

(Всем) Мы станем десницей Господа. Мы свернем шею этому выродку...

(*Манит пальцем зрителя*) Ты слышишь, какой-то голос кричит «Смерть бого-хульнику»? Это твой голос. По моему сигналу ты крикнешь это. Понял? И пусть вся ненависть Иудеи возопит в этом крике.

(Всем) Он еще узнает силу святого народа.

(*Третьему зрителю*) Тебя я прошу о помощи. Ты ведь не откажешь мне? Ты крикнешь, когда я укажу на тебя. Крикнешь громко «Вон из Иудеи!» Господь не забудет тебя в своей милости...

(*Всем*) Когда услышите крики собратьев ваших, шипите и топайте ногами, и свистите, и гремите... Чтобы богохульник знал, что нет в Иудее сердца, не ненавидящего его... Все! По моему знаку... Сейчас!

Крики. «Долой Пилата!», «Смерть богохульнику!», «Вон из Иудеи!»

Пилат. На это я сказал, что порублю всех, кто не примет ликов Цезаря. Легионеры обнажили мечи. Эти люди смотрели на меня со страхом и изумлением, а затем вдруг стали падать ниц. Все. Тысячи людей стали передо мной на колени. Их гордость оказалась такой же фальшивой, как и их храбрость. Они умоляли меня. Они унижались, потому что хотели жить и боялись своего бога. Я снова видел перед собой стадо овец. Я убрал знамена... Я убрал знамена не потому, что побоялся их перебить, а потому... что пожалел их. Пастух не должен уничтожать свое стадо только потому, что овцы дурнее человека...

Анна уходит.

Варварская страна. Они ненавидят любого, кто ими правит: они ненавидели Ирода, ненавидели Антиппу и Архелая, Грата, Анну и... меня. Все-таки как они меня ненавидели! Даже приятно! В этом было свое очарование, свой интерес. Да... я бы, наверное, там еще остался. Ко всему привыкаешь, даже к подлости и ненависти. Даже как-то неуютно себя чувствую без милых проделок старого Анны, без пьяных оргий Архелая и скрытой женской ненависти Иродиады. Марулл* станет хорошим префектом. Может быть он сможет...

Входит Прокула.

Прокула. Понтий, я не потревожила тебя?

Пилат. Что еще?

Прокула. Только что на остров прибыл посланец из Рима. Всадник *Копоний*. Он хочет видеть тебя.

^{*} Марулл, преемник Пилата на должности наместника Иудеи и Самарии.

Пилат. Приведи его.

Прокула уходит.

Пилат. Что еще им надо от меня? Каким ветром его занесло сюда? Или может быть Калигула вспомнил обо мне?

Входят Прокула и Копоний.

Копоний. Привет тебе, благородный всадник Понтий Пилат, и долгих лет. Я Марк Копоний легат Цезаря Гая.

 $\mathit{Пилаm}$. Привет тебе, всадник. Твоего отца добрым словом помнят в Иудее. Он был хорошим наместником * .

Копоний. Спасибо. Я стараюсь быть достойным своего отца.

Пилат (тихо). Это похвально.

Копоний. Что?

Пилат. Я говорю, это похвально чтить память своих предков. Да ты не обращай внимания на мои слова, молодой *Копоний*. Здесь от одиночества начинаешь говорить действительно то, что думаешь. Так с чем ты приехал ко мне, всадник?

Копоний. Увидеть тебя, Понтий.

Пилат. Ну и как впечатления? Я вижу скорбные. Что нового в Риме?

Копоний. О Рим, Рим, столица Вселенной... Рим нынче просто фонтанирует жизнью. О, там сейчас весело! Хлеба, как обычно, мало, зато зрелищ... Император Гай большой выдумщик по этой части. Такой затейник. Каждый день гладиаторские бои, священные церемонии и праздники. Праздники и казни. Так трудно выбрать куда пойти

Пилат. Как я тебя понимаю.

Копоний. А недавно Калигула и вовсе превзошел сам себя. Открыл бордель.

Пилат. Что, хороший бордель?

Копоний. Потрясающий! Калигула заставил сенаторов поставлять туда своих жен. Вот где гетеры... (*Хохочет*). Смешно.

Пилат. Обхохочешься.

Копоний. Нет, там правда весело.

Пилат. Это потому что ты не женат.

Копоний. Зато я теперь знаю, почему и не стоит этого делать.

Пилат. И не тяжело вести такую активную жизнь?

Копоний. Иногда утомляет. Так и тянет, знаешь ли, куда-нибудь в деревню... На Капри или в Ниццу. А с другой стороны эта скука... Вот так и разрываешься в неразрешимых противоречиях...

Пилат. Понимаю. Как поживет наш божественный император Калигула. И вообще, кто он нынче: прекрасный Аполлон или Венера?

Копоний. Он считает, что он воплощает в себе сразу весь пантеон.

Пилат. И то правда. Если уж быть кем-то, так всеми римскими богами сразу. А как поживает его четвероногий конь – сенатор? Надеюсь, ржет в поддержку своего императора?

Копоний. Ты шутишь?

Пилат. Ну почему же. Я уверен это будет великий сенатор, хоть и не затмит сразу весь пантеон богов и богинь. Любой конь все равно лучше ослов. В общем ничего нового... Но я вижу ты принес мне новости. Какие новости: хорошие или плохие?

^{*} Имеется ввиду префект Иудеи Копоний, правивший там с 6 по 9 гг. н. э.

Копоний. Нам надо поговорить с глазу на глаз.

Пилат. Ясно... Значит новости плохие. Ступай, Прокула, распорядись о трапезе.

Прокула. Он иногда говорит всякие странные вещи. Не обращай внимания, всадник. Это все лихорадка...

Пилат. Прокула!

Прокула. Лихорадка и одиночество...

Прокула уходит.

Пилат. Я слушаю.

Копоний. Мне трудно это рассказывать.

Пилат. Неужели все так плохо?

Копоний. Император Гай велел провести сенатское расследование деятельности некоторых лиц, назначенных при Тиберии. Говорят, что это входило в завещание самого Тиберия. Никто не может понять...

Пилат. Расследование? С какой целью?

Копоний. Я буду с тобой откровенным, Понтий. Мне это все самому не по душе. Это расследование имеет целью твое осуждение как изменника и хулителя Цезаря.

Пилат. Значит ему мало моей ссылки?

Копоний. Возможно это воля не самого Цезаря, а кто-то вложил эту идею ему в уши.

Пилат. Раньше уничтожали неугодных в Риме, а теперь, видишь ты, добрались и до провинций. Неужели в Риме не осталось кого казнить?

Копоний. Ты шутишь?

Пилат. Ну почему же... А вообще забавно. И как прошло расследование?

Копоний. Я только что из Иерусалима, говорил с новым префектом Маруллом * , был в Сирии у Вителлия ** , где узнавал подробности твоего отстранения.

Пилат. Да, нашел у кого узнавать. Он сыграл в этом не последнюю роль.

 ${\it Копоний}.$ У меня с собой достаточно обвинений, возводимых на тебя Иродом и Каиафой. Этого будет достаточно.

Пилат. Ты считаешь их истинными?

Копоний. От меня требовалось найти любые обвинения. Я знаю, что Анна подкупил свидетелей, а Ирод ненавидит тебя. Комиссии будет все равно...

Пилат. Римское правосудие в действии. А ко мне ты зачем приехал?

Копоний. Чтобы дать тебе возможность оправдаться.

Пилат. Всем плевать на мои оправдания. Есть что-то еще...

Копоний. Да, есть кое-что еще... На самом деле комиссии было поручено провести два расследования. Одно — на счет тебя. А другое... Мне поручили расследовать обстоятельства смерти одного человека. Этот человек был распят по обвинению в обольстительстве в бытность тебя, Понтий, префектом.

Пилат. Я, кажется, догадываюсь, о ком ты говоришь. Ну-ну, продолжай...

Копоний. Это было в восемнадцатый год Тиберия Цезаря. Помнишь? Ты утвердил смертный приговор синедриона и отправил на казнь некоего проповедника из Северной Галилеи по имени Иисус, прозванного также Назореем. Ты помнишь его?

Пилат Ла

Копоний. Ты знаешь что-нибудь об этом человеке?

Пилат. Я хочу услышать, что ты узнал.

^{*} Марулл, наместник Иудеи 37—41 гг. н. э.

^{**} Луций Вителлий, консул 34, 43 и 47 гг., 35—39 гг.— наместник Сирии.

Копоний. Хорошо. Он родился в год большой переписи, устроенной по приказу Божественного Августа Квиринием*.

Пилат. Я помню эту перепись.

Копоний. В тот год семья его: плотник по имени Иосиф и его тяжелая жена, Мария, направились в город Вифлеем. Там она и родила Иисуса. Мальчик тоже учился ремеслу плотника и после смерти отца содержал себя и мать поденными работами. Все это время они жили в Назарете Галилейском. Проповедовать он начал, когда ему было около тридцати лет, сначала в своем родном городе, но там его проповеди восприняли враждебно. Тогда Иисус уехал в маленькое селение Капернаум. Говорили, что отец его, Иосиф, был из рода царя Давида. Это добавило популярности молодому Иисусу. Почитателей у него становилось все больше. Говорили, что он является мессией для евреев. Говорили, что он обманом возбуждал народ к восстанию... Впрочем, я не знаю, насколько все это правдиво. Его ученики утверждали обратное.

Пилат. С кем ты говорил?

Копоний. С его сводным братом, Иаковом. После смерти Назорея он возглавил общину его почитателей в Иерусалиме.

Пилат. Я знал его. И что он сказал тебе?

Копоний. Он сказал, что Иисус принес евреям благую весть. Он сказал, что Иисус был мессией, спасителем, пришествие которого предсказывали их древние пророки.

Пилат. Да, я слышал это не однажды. Моя жена, Прокула, до сих пор очарована этими суевериями.

Копоний (шутливо). Должно быть, странно быть очарованной человеком, которого муж приговорил к распятию...

Пилат (грубо). Не твое дело. И что же ты узнал про мою роль в этой истории?

Копоний. Анна мне сказал, что ты охотно утвердил приговор синедриона, потому что сам убедился, что Назорей — лгун, богохульник и обольститель...

Пилат (с иронией). Даже так?

Копоний. Анна в этом остался очень довольным тобой.

Пилат. Жаль... А я надеялся, что не оставлю ему повода для довольства. Были еще мнения?

Копоний. Я спросил у Иакова. Он сказал мне, что ты осудил Иисуса по слабости. Пилат (изумленно). Так и сказал?

Копоний. Он сказал, что, может быть, ты и отпустил бы его, но побоялся влияния Анны и Каиафы. Что ты пытался спасти его, осудив лишь на бичевание и поношение, но не на смерть. Однако приспешники Анны собрали толпу и подстрекали ее требовать смерти Назорея. И ты умыл руки и утвердил приговор...

Пилат. М-да... Тоже интересная трактовка.

Копоний. И кто из них ближе к правде?

Пилат. Никто.

Копоний. Все было не так?

Пилат. А разве теперь это имеет какое-нибудь значение?

Копоний. То есть как? Я приехал сюда за правдой.

Пилат. Правда — не женщина, что с ней делать, непонятно. Вот что ты с ней будешь делать, с правдой?

Копоний (неуверенно). Ну я...

 $\ensuremath{\textit{Пилат}}$. Впрочем, это не важно. Я вижу, ты хочешь меня спросить о чем-то. Спрашивай.

Копоний. Что ты знаешь об Иисусе?

Пилат. Немногим больше тебя. Ты почти все правильно сказал. Ходили слухи,

^{*} Публий Сульпиций Квириний, легат Августа в Сирии и Финикии прим. в 4 г. до н. э.

правда, что Иосиф-плотник был слишком стар, когда Мария вошла в его дом. Ты понимаешь меня. Говорили, что она в грехе зачала ребенка*. А Иосиф по жалости, чтобы избавить от ее от побивания камнями, а ребенка от позора, покрывал ее. Позже даже сводные братья Иисуса подозревали его в сумасшествии. Я думаю, всем бы было наплевать на этого человека, на его учение, если бы не его союз с неким Иоанном, влиятельным ессеем**, крестившем людей в Иордане.

Копоний. Я слышал, недавно он был казнен Иродом.

Пилат. Забавно...

Копоний. Как проходил суд?

Пилат. Ты хочешь узнать как он проходил на самом деле?

Копоний. Да.

Пилат. Хорошо, я расскажу тебе. Мне привели его перед Пасхой с уже составленным приговором синедриона, который я должен был утвердить. Один взгляд на эту бумагу — и стало понятно, что приговор вынесли второпях и с многими нарушениями. Не был соблюден даже иудейский обычай3. В общем, от этой бумаги издалека несло проделками этого старого стервятника — Анны. Я решил познакомиться с подследственным поближе, в надежде найти повод, чтобы отменить приговор. Как сейчас помню этот разговор. Иисуса привели ко мне...

Вводят Иисуса.

Ты Иисус, сын Иосифа-плотника из Назарета?

Иисус. Да.

Пилат. Ты обвинен синедрионом в обольстительстве, богохульстве и преступлении против Закона иудеев. Признаешь ли ты обвинения?

Иисус. Нет.

Пилат. Тебе дали возможность оправдаться?

Иисус. Нет.

Пилат. Кто свидетельствовал против тебя?

Иисус. Я их не знаю.

Пилат. Они свидетельствовали правдиво?

Иисус. У меня нет и не было тех намерений, которые они мне приписывали.

Пилат. Так... Ясно. Значит, вины за собой не находишь?

Иисус. Моя вина лишь в том, что я нес Слово Божье людям и дарил им надежду.

Пилат (встревоженно). Надежду? Надежду на что?

Иисус. Надежду на спасение, на другую, лучшую жизнь, на лучшее царство, на любовь...

Пилат. На спасение? Ты, иудей, выражайся яснее. Можно истолковать, что ты обещаешь евреям освобождение от власти Цезаря. Это преступление.

Иисус. Мое царство не от мира сего. Мое царство в сердце каждого. Это Царство Небесное. И в твоем сердце, игемон...

 $\it Пилат.$ Ну ясно... Все это ваша иудейская демагогия. Меня это мало интересует, Назорей. Мои вопросы не касаются Бога, Закона или этики. Ответь прямо, ты подстрекал иудеев к бунту?

Иисус. Нет. Я призывал их к человеколюбию.

^{*} Это талмудическая трактовка, которую поддерживали некоторые античные антихристианские писатели (например Цельс).

^{**} По мнению большинства исследователей, Иоанн Предтеча был предводителем большой ессейской общины, проповедовавшей мессианские идеи и близкий конец света, что и сблизило его с ранними христианами, которые также первоначально рассматривались как ответвление ессейского движения.

Пилат. А разрушение храма? Не ты ли бесчинствовал в Иерусалимском храме и грозился разрушить его в три дня?

Иисус. Храм строился дыханием божьим и разрушится им. Первосвященники нарушили заветы патриархов и судей — Гнев Божий рано или поздно настигнет их...

Пилат (*себе под нос*). Хорошо бы. (*Иисусу*.) Короче, к разрушению храма ты не призывал.

Иисус. Нет.

Пилат. Тебя били? (*Иисус отрицательно качает головой*) Нет? Ну не отчаивайся, все еще впереди... Сколько у тебя приспешников?

Иисус. Много... Даже больше, чем они сами о себе могут подумать.

Пилат. Мне донесли, что несколько тысяч.

Иисус. Моя задача — донести благую весть всем.

Пилат (Копонию). Вот тут я задумался. Мне очень хотелось досадить Анне. Повод был — подлог документов, лжесвидетельство, клевета... Наверное, я бы мог его освободить. Но были и другие обстоятельства. (Иисусу) В общем, вины за тобой не нахожу.

Иисус. Так ты отпустишь меня, игемон?

Пилат. Не все так просто, Назорей. Как судья и блюститель справедливости я должен не утверждать приговор и освободить тебя. Но что это за собой повлечет? Анну это только разозлит. Он не смирится: не пройдет и нескольких дней, как его люди найдут тебя и перережут горло. А свалят — свалят все на грабителей или зелотов. Может быть, ты даже не успеешь выехать из Иерусалима...

Иисус (не прерывая его, с ужасом). Господи, как же так...

Пилат. Или я могу подписать приговор.

Иисус. И как же ты поступишь?

Пилат. Я расскажу тебе кое-что, Назорей. Это было года четыре тому назад^{*}. В Самарии появился человек, египтянин, похожий на тебя. Он тоже пытался открыть людям глаза. Его популярность росла... Однажды он объявил проповедь на священной горе Гаризим^{**}. Множество людей собралось послушать его... Проповедь египтянина была безобидна, но люди не поняли его. Они стали вооружаться, потому что он пообещал им свободу. Весть об этом как чума распространилась по Самарии. В Тирафане Самаритянском собиралось целое войско. Их не интересовало, о какой именно свободе сказал им египтянин. Они все поняли по-своему. Мне пришлось напасть на них. Тогда погибло очень много достойных самаритян. Многих потом казнили за участие в мятеже. И у меня не было другого выхода, пока я — наместник Цезаря здесь. Понимаешь? (*Резко*.) Отвечай!

Иисус. Что ты хочешь услышать, игемон?

Пилат. Если я оставлю тебя жить, твои ученики будут умножаться и приумножаться. Ты не сможешь объяснить каждому про царство небесное. Они будут искать справедливое царство здесь. Им не нужен мессия. Им нужен царь. Они ждут нового Давида.

Иисус. Я дам им лучшую надежду.

Пилат. Я не боюсь мятежа, Назорей. Армия Рима бесчисленна и непобедима. Но мне жалко тех людей, множество людей, которые погибнут в бойне и которых мне придется осудить на смерть и подвергнуть пыткам. Ты понимаешь? Их жизни будут

^{*} В реальности (по информации Флавия) именно этот случай в биографии Пилата стал поводом для его отстранения от должности.

^{**} На горе Гаризим существовал самарянский храм, выступавший конкурентом иерусалимскому и потому разрушенный в 128 г. до н. э. иудеями при завоевании Самарии. О нем упоминается в Евангелии (Инн 4:20).

не на твоей, а на моей совести. Ты останешься ни при чем, а Пилат будет тираном и кровопийцей. И мне это не кажется забавным. Послушай, Назорей, я не имею ничего против тебя. Может быть, ты даже в чем-то прав... Я не берусь судить. Но я здесь наместник, и моя задача — сохранить жизнь поданным, когда это возможно, а не устраивать бессмысленные бойни. И если у меня будет выбор между одним проповедником, пусть и ни в чем не повинном, и тысячами иудеев и римлян, которые погибнут в пламени восстания — я не буду колебаться. Пожалуй, мне придется утвердить приговор, Назорей.

Иисус. Но как же так?

Пилат. Хотя нет... Можно сделать по-другому. Я могу отпустить тебя...

Иисус (с надеждой). Правда?

Пилат. Конечно. Но при одном условии: ты вернешься в Капернаум, освободишься от всех своих учеников, перестанешь проповедовать и будешь простым плотником или рыбаком — как хочешь... Я даже готов предоставить тебе охрану и покровительство. Ну так как? Ты согласен?

Пауза.

Иисус. Нет, игемон. Я так не могу. Нет.

Пилат. Ну почему?

Иисус. У меня другая судьба. Ты не поймешь. Я не могу...

Пилат (разочарованно и неохотно). Я прикажу бичевать тебя. Потом ты будешь прилюдно низведен и унижен, чтобы больше ни у кого не возникло желание стать царем иудейским. И после этого я снова дам тебе выбор. Так что подумай, Назорей, хорошенько подумай: можешь ли ты жить простым человеком и готов ли ты к распятию...

Иисуса уводят.

После бичевания его еще раз привели ко мне. Увидев его, мне стало ясно, что он уже достаточно наказан. Я решил дать ему еще один шанс. Я сказал, что если его ученики вступятся за него и присягнут Цезарю, я отпущу его. Потом Иисуса вывели на площадь... Ты знаешь, Копоний, я сам изумился, не нашлось ни одного человека, который защитил бы его, я не знаю, хоть словом, хоть возгласом неодобрения... Я надеялся, что его ученики все-таки придут увидеть своего раввина. Никого! Ни одного человека среди нескольких сотен на площади! Они испугались. Он не согласился стать простым человеком. Я утвердил приговор. Вот и все...

Копоний. Ясно... Я сообщу комиссии об этих подробностях. И больше ты не возвращался к этому делу?

Пилат. Только однажды. Я уже сказал, что Прокула, жена моя, была очарована проповедями этого назаретянина. Я ей объяснил, почему мне пришлось утвердить приговор. Она простила меня, но не смирилась... Прошли годы, а я чувствовал, что это дело все еще тревожит ее. Она не понимала, почему его ученики ничего не сделали, чтобы заступиться за учителя.

Копоний. И что же ты сделал?

Пилат. Я велел разыскать главаря его общины, того самого Иакова, сводного брата Назорея. Сейчас припомню... Это было в последний год моего наместничества, а кажется, это было вчера...

Входит Иаков.

Проходи. Ты Иаков, сын Иосифа, сводный брат Иисуса, прозванного Мессией и казненного три года назад?

Иаков. Я, игемон. Ты вызвал меня, чтобы также казнить за мнимые преступления?

Пилат. Ты испугался?

Иаков. Я уже немолодой человек, игемон. Конец моей жизни не за горами, и какая разница каким он будет? (*Пауза*.) Если всем воздастся по делам их...

Пилат. Я не занимаюсь религиозными преступлениями — это дело синедриона. Я пригласил тебя просто поговорить...

Иаков. Что-то я не слыхал, чтобы Римский всадник, наместник Цезаря хотел поговорить с бедным иудеем, да еще братом распятого за обольстительство.

Пилат. Я хочу, чтобы ты прояснил мне то, что я не понимаю. Вот уже три года не понимаю.

Иаков. Спрашивай, игемон.

Пилат. Прежде я хочу тебе сказать, что я не нашел вины в Иисусе. Я предлагал ему волю в обмен на обещание прекратить опасные проповеди.

Иаков. Он не согласился.

Пилат. Нет, он не согласился, *Иаков*. Впрочем, у него была еще одна возможность избежать креста.

Иаков. Какая?

Пилат. Я сказал Назорею, что освобожу его, если его ученики заступятся за него и поручатся передо мной, что Иисус безвреден Риму и не нарушал иудейского Закона. Но и я, и он ждали напрасно...

Пауза.

Чего ты молчишь, Иаков?

Иаков. Мы не знали об этом...

Пилат. Ты считаешь, это оправдание?

Иаков. Нет.

Пилат. Почему вы не попытались спасти его?

Иаков. Мы думали, что это невозможно. Мы решили сохранить его учение...

Пилат. Ты сам не веришь в то, что говоришь.

Иаков. Но...

Пилат (грубо перебивает). Чушь! Это самооправдание! Вы струсили. Вы разбежались по углам, как крысы, едва почуяв запах опасности, едва завидев бороду Анны. Конечно, очень удобно сохранять учение, избавляя от опасности собственные жизни... Или все наоборот? Сохранять жизни, по предлогом продолжения учения?

 $\it Иаков.$ Нет, нет, все было не так! Мы, мы растерялись... Мы все молились за него. Судьбы его была в руках Господа...

Пилат (тихо). Овцы... (Иакову) Его судьбы была в ваших руках.

Иаков. Мы по-разному смотрим на мир.

Пилат (с издевкой). Ну конечно, Иаков, это все так легко объясняет... Нет, нет, это самообман. Знаешь что, когда-то, уже давно, я служил в Галлии — дикой стране, далеко на севере. Там люди еще не строят городов, живут племенами в бескрайних лесах... Так вот, ты можешь, что угодно говорить мне о разных взглядах на мир, только я знаю очень хорошо, Иаков... (Пауза.) Бывало, во время битвы мы захватывали их вождя, и тогда галлы, все как один, воины, старики, женщины, иногда даже дети — все делали что-то для его освобождения... Я знаю, что они бы бились, бились до конца, бились до последнего, даже если им противостояли все имперские легионы, бились, даже если не было ни одного шанса... Я уважаю их за это, уважаю, потому что сам делал бы также, и не уважаю тебя. Только овцы ничего не делают для

спасения своего пастыря. И не важно белые овцы или русые, ессеи или фарисеи. Я не хочу, чтобы ты оправдывался, *Иаков*. Мне не нужны оправдания. Если бы тебе было, что сказать, ты сказал бы раньше... Я хочу, чтобы ты понял: подписал этот приговор я, а утвердил, утвердил его ты — ты и твои товарищи. Твой брат и учитель, наверное, простил бы тебя, но спроси себя, достоин ли ты прощения...

Иаков. Мне не в чем перед тобой оправдываться, игемон. Ты просто не представляешь, с чем ты столкнулся. Мне жаль тебя, ты проклят, потому что тебе даже не дано это представить...

Пилат. Ступай, Иаков, больше мы с тобой не увидимся.

Иаков уходит.

Ты удовлетворен, Копоний?

Копоний. Мое расследование закончено. Я передам комиссии все, что рассказал мне.

Пилат. С моими наилучшими пожеланиями.

Копоний. Если ты приедешь в Рим, не говори на судилище, что я предупредил тебя.

Пилат. Я понимаю... Спасибо тебе, всадник. Я ценю то, что ты сделал для меня. Забавно, Калигула хочет довести до конца дело Тиберия.

Копоний. Тебя будут судить, всадник.

Пилат. Я готов... Вот только...

Копоний. Что?

Пилат. Последнее время я стал себя хуже чувствовать. Какой-то непонятный недуг беспокоит меня... (Копоний показывает, что он понял намек.) Ты меня правильно понял, Копоний. Все нити в руках у богов. Кто знает, когда нити могут порваться?

Копоний. Я учту это, Понтий. А теперь мне надо ехать.

Пилат. Удачи тебе всадник. Спасибо, что развлек меня...

Копоний уходит.

Хороший юноша... Чего только не сделаешь ради карьеры? Хотя надо отдать ему должное, доносами ему заниматься пока не нравится. Но у него еще все впереди. Да... Как все изменилось. Тебе с заговорщицким видом сообщают о твоей же возможной казни. Тиберий, Калигула... Сумасшедшие делают с Римом, что хотят, а римляне подчиняются. Не понимаю. Раньше это были гордые люди. Неужели все? Неужели после Августа только упадок? Неужели гордость и самоуважение покинули римский народ. Белые овцы, русые овцы... Мы делаем самое худшее, что только может быть — мы терпим. Терпим в мистической надежде на улучшение. Трясемся за свои жизни. Мы становимся похожи на них... А значит, когда-нибудь придут галлы или германцы, придет свободный народ, чтобы править рабами. Овцы не умеют защищаться...

Входит Прокула.

Прокула. Копоний уехал. О чем вы с ним говорили?

Пилат. О многом... Он расспрашивал меня об Иудее.

Прокула. Зачем?

Пилат. Потом, *Прокула*. Я не хочу сейчас возвращаться к этому... Давай ты спросишь меня завтра?

Прокула. Ты в мрачном настроении, Понтий? Этот разговор заставил тебя тосковать?

Пилат. Я много вспоминал...

Прокула. Опять? (*Обреченно вздыхает.*) Ты снова изводишь себя. Нельзя так. *Пилат.* Не начинай...

Прокула. Нельзя жить прошлым. Иисус говорил, что жизнь — это не прошлое. Жизнь — это настоящее и будущее. Жизнь — это надежда. Неужели тебе совсем не на что надеяться?

Пилат. Не знаю.

Прокула. Понтий, ну улыбнись... Ведь мир так прекрасен. Оглянись вокруг — мир прекрасен и без власти, без богатства, без постоянной войны и ненависти, без подлости и жестких противостояний... Здесь не по чем тосковать! Зачем? Выйди из этой сумрачной залы? Там, столько всего хорошего... Там светит солнце, деревья зелены а люди радостны... Жизнь никогда не останавливается. Порадуйся вместе с ними. Есть столько вещей, которым можно радоваться: смех младенца, запах апельсиновой рощи, простор моря с высокой скалы. Вчера в селении я увидела двух греков. Они оказались трагиками, трагиками с Пеллопонеса. Они устроят нам представление. Это же весело, Понтий! Сейчас я их тебе покажу. Они здесь... (Выбегает, возвращается) Трагики с Пеллопонеса.

Появляются трагики в масках.

Трагики.

Мы трагики! Это значит, что сейчас, Для вас сыграем чудо-представленье! Так плачьте же, иль смейтесь, ведь для нас Нет больше счастья иль поощренья!

Разыгрывают пантомиму.

Прокула. Ну как? *Пилат*. Трагично.

Прокула делает знак и трагики уходят.

Прокула. А еще в этом году созрел удивительный виноград. Я такого никогда не пробовала: ягоды таят во рту, налитые бесконечно сладким и терпким соком, и воздушной мякотью с легкой, еле заметной кислинкой... Вкус этого винограда снимает любые печали. Хочешь, я принесу тебе, Понтий. Тебе понравится. Скажи только слово. Хочешь?

Пилат. Ну принеси.

Прокула радостно убегает.

Пилат. Прокула — так и осталась ребенком. Боги, если бы все так было просто.

Прокула возвращается с подносом фруктов.

Прокула. Вот! Только попробуй его. Это вкус жизни! Пилат. (Пилат пробует виноград.) Вкусно. Прокула. Правда? Пилат. Правда...

Прокула. Сегодня в деревне праздник Диониса. Давай тоже устроим праздник! Будут трагики, будут танцы. Я буду развлекать тебя, Понтий. Я все сделаю, чтобы тебе было хорошо, все-все. Для чего еще нужна жена?

Пилат. Хорошо. Пусть сегодня будет праздник. Подготовь все...

Прокула (радостно). Я люблю тебя, Понтий. Всегда любила и всегда буду. Ты просто не знаешь, не представляешь... Я верю в тебя.

Пилат. Больше чем в Иисуса?

Прокула (совсем тихо). Больше.

Пилат (с нежностью). Ступай...

Прокула. Я так надеюсь, что у нас с тобою будет все хорошо. Мы будем жить счастливо.

Пилат. Прости, если обижал тебя...

Прокула целует ему руку и уходит. Пилат берет нож для фруктов и надрезает вену на локте. На протяжении сцены его голос слабеет.

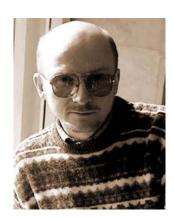
Да, счастье... Все хотят праздников. Калигула ждет своего развлечения, своего трагика. Жаль, что не смогу доставить ему ожидаемого удовольствия. Впрочем, он не расстроится — у него целая империя трагиков. Хотя лучше всего быть трагиком для себя. (Берет виноградину.) Виноград в этом году действительно хорош. А, может быть, он такой же как и в прошлом году и в позапрошлом, как виноград десять, сто, тысячу лет назад... Достаточно попробовать одну ягоду, чтобы понять вкус всего винограда мира. Прокула права: виноград действительно похож на жизнь... Глупо ожидать, что следующий урожай будет особенным. Прокуле нужен другой муж, который будет радоваться вместе с ней... М-да. Пора что-то в жизни менять кардинально. Однообразие утомляет. Героем я не стал, тираном — тоже, в Пантеоне Олимпа мне вряд ли найдется место, хотя свой маленький миф мне все-таки обеспечен. Надеюсь, Аид найдет мне достойное место в своем царстве, Только подальше от Тиберия и евреев — они возбуждают во мне желание буйствовать, а я хочу выспаться. Забавно... Какое странное ощущение, когда из тебя по капле вытекает жизнь. Хм, ты знаешь, что она вытекает. Ты можешь остановить ее в любую секунду. (Зажимает руку.) Вот так — и ты живешь. (Отпускает.) вот и ты снова умираешь... Если бы я был поэтом или драматургом в эти мгновения я написал бы свое лучшее произведение. (Усмехается.) Трагедию жизни. Но я не поэт — я воин. И я умираю на этой ферме, на маленьком острове где-то в Адриатике, зарезав себя ножом для апельсинов. Не очень достойно... Чего бы только сейчас не отдал за смерть в битве. Дайте мне когорту, и я пошел бы против всех галлов и германцев мира! (Ест еще виноградину.) Да, мечты, мечты... Даже в таком положении человек не может себе в этом отказать. Ну да ладно. Если не могу быть воином, то роль судьи должен выполнить до конца... Подсудимый Пилат, я могу дать тебе выбор: ты останешься жить, если согласишься стать простым человеком, бросишь свои воспоминания и замыслы, будешь выращивать смоквы и виноград, радоваться заезжим трагикам и так далее. В противном случае смерть. У тебя осталось мало времени для размышлений. (Длинная пауза.) Твое решение не оставляет мне выбора — я вынужден утвердить приговор... (С трудом смеется.) Хорошая шутка в конце всего. (Глаза его закрываются.) Наконец-то я смогу выспаться, наконец-то...

Он затихает. Входит Прокула. Отчаянный женский вопль. Поднос с грохотом падает у нее из рук.

Занавес.

поэзия

Олег Бородач (г. Минск, Белоруссия)

Бородач Олег Николаевич, родился в 1966 году в Минске. Окончил автомеханический техникум, факультет журналистики Белгосуниверситета, Академию управления при Президенте РБ. Автор книг стихов «Прежде ненависти» (1995) и «Горше опыта» (1998). Участник нескольких коллективных сборников и литературных антологий. В настоящее время работает заместителем главного редактора еженедельника «Медицинский вестник», где ведет литературную страничку «Ларец от Авиценны».

* * *

Я сократил разрыв между собой и прошлым. старые письма вскрыв — выдав грехи святошам.

Словно на камнепад гнев отвечает эхом. Скрежет о грунт лопат... Память пустым огрехам.

Как же люблю копать сны, что давно замерзли! Ветер не треплет прядь. Блядь не ложится возле.

Крохотных книг желтки спрячу в шкафу дубовом. Письма опять легки — не на помине. Словом.

* * *

Я бил ее латынью по узеньким плечам. Я был ее ладонью, когда свой гнев смягчал.

Положены — на милость мелодии — слова. Мне многое простилось, в чем древность не права.

А сколько тонких весел разбиты в щепки о волну, куда я бросил княжну не из кино!

Я бил ее латынью, безжалостно брюзжа, ладони стенкой тыльной как тупостью ножа.

Кириллица отпала, но, достигая дна, не рыжего металла мелодия видна.

* * *

И стихов почти не пишу. и в поэму не составляю. То и снится карандашу, что он водит собой по краю.

Сам не вижу черты полей и перу не кажу наклона. Пусть останется лист белей — разлинованным вдоль условно.

Может, он пригодится впредь — как напутствие горизонту, не отлитое глоткой в медь, быть смелей и кровавей фронта.

И за линией всех атак отряхнутся тылы, обозы... Упаси меня, мой ты враг — мой язык, от наряда прозы! * * *

Самый младший из — нескольких сразу — племен новым миром в обилии лиц изумлен. Тот, кому предстоит здесь впервые, — мой сын. Как дитя нашей нежности, он Валентин.

У меня каждый день перед Богом зачет, их осталось, боюсь, уже наперечет. Надо мной купола, предо мною — купель, между нами — пустая беспечность недель.

Мы пришли сюда оба на постные дни — по веленью сердец? По потугам родни? По сомнениям меряют нашу вину. Я тебя не оставлю в осеннем плену.

Сорок раз, обернувшись на собственный след, убеждался, что следа — о Господи! — нет, кроме нескольких зим, не оставивших льдов. Мой сыночек, на памяти столько следов...

* * *

Путешествия тем хороши, что меняемся мы вместе с ветром пространства, скругленного весельным взмахом.

Поучительней смеха гудят здесь зарок от сумы да учебная плаха.

Путешествия тем тяжелы, что вращают и нас, а не только седой, в женихах засидевшийся полюс. Подсадные гогочут в партере, шутейно борясь да случайно знакомясь.

Путешествия тем и нужны, кто не ищет невзгод, а сбегает от них, не надеясь на нервов запасы. В белом зале застыл на лету наступающий год да настыли матрасы.

* * *

Мне нравится ход его мысли — след в след по моим же шагам. Я сам бы охотно причислил себя к его светлым богам.

Но он впереди на три срока — на три зодиачных витка. И мне надо слишком глубоко пыхтеть, да кишка коротка.

Угнаться бы — только б подольше быть рядом на диком бегу. Я мыслей прекрасные дрожи в слова передернуть могу.

Скажу, как надорваны думы в душе не настроенных жил, и что в передернутость суммы я многие смыслы вложил.

До нескольких тысяч на книжке — от нескольких тысяч стишат. Живем от отрыжки до вышки, и нами же строки грешат.

Не мы на бегу сочиняем себе суесловный маршрут. Лишь мысли, задетые краем, дыханье богов берегут.

Михаил Ворожцов

(г. Могилев, Белоруссия)

Михаил Владимирович Ворожцов родился 17 июля 1978 года в г. Почеп Брянской области. Окончил Белорусский университет культуры. В 2005 году после победы в ІІІ Межрегиональном конкурсе «Поэт-артист», вступил в Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь». Автор сборника поэзии «Ласточкино сердце». В 2012 году поэта приняли в Российский союз профессиональных литераторов. Публиковался в коллективных сборниках, альманахах, антологиях, журналах «Западная Двина», «Першацвет». С 2008 года живет в Могилеве, работает режиссером Дворца культуры области.

ОПОЛЗНЕМ. ВДРЕБЕЗГИ. ПАДАЮ

(из цикла)

Вдребезги! —

как

на счастье.

Завяжи узелок на память... В нашей с тобой ли власти будущее исправить?

Будущему —

исправно

лжет своенравно явь.

В будущем

у заглавия

имени нет —

оставь

имя

для тех вселенных

будущего,

каким

будут любить мгновенно

1 —

навсегда:

святым

именем

будет небо

озарено —

потом.

Будущему — были б стебель, небо с дождем и дом... (Невыносимы будни!

Боже мой, унеси в страны,

где нет посуды, коей мне нет мыть сил!) Выжимка сновидений: будущего заря вдребезги новоденья, дребезги ноября.

* * *

Зима решила: в моде — серый, Снега запрятала в комод. Недоцелованная стерва, Решилась снова на аборт. Баррикодируя и сердце, И бронхиальность декабря, И предрождественское детство, И циферблат календаря, Ушла

в подвалы ностальгии К своим забытым сундукам, Картинкам липким содомии, Закованным в грехи богам, И — дура — мучается жизнью, И соболиный мех грызет. А мех — как снег на зимней тризне: Укутает, укроет — не спасет.

* * *

Друг мой сердечный! Вот: я приехал. Но нашей встречи Сердце — в прорехах.

Эхом зеркальным «Здравствуй» растает. Київ венчальный, Я — уезжаю.

Час — не годится Налюбоваться. Будешь мне сниться, Чтоб — не расстаться?

МОНСТР И РЕБЕНОК

Я ужасно быстро старею. Монстр обидел ребенка. Забываю молчать. Немею, когда поздно

и очень

тонко.

Дайте вытянуться в постели утром

в нежности колыбельной,

чьем-то теле.

Во сне

в качелях

монстр

раскачивает ребенка.

Дайте сну тому

длиться жизнью.

Летаргия

боится тризны.

Ностальгия

боится яви.

Дай притронуться

к сердца лаве. Как в груди моей дышит сердце! Как мне душу сжимает скерцо незатронутых инструментов, ожидающих

аплодисментов!

А мелодии — нет... Погасите свет! Может быть, у луны прольется то, что чем-нибудь назовется.

Полнолуние. Монстр охотится. Но охота уже не в радость. И чудовищное одиночество, и чудовищная усталость душат глотку и душу тонкую ручкой маленького ребенка.

Если жизнь моя — только сон, дай мне, Господи, пробудиться. Если в яви попал полон, дай мне, Боже, развоплотиться!

* * *

На прощанье дала мне руку. Как простить тебя за разлуку В этот тихий туманный вечер? Как молить мне теперь о встрече, Если только рукопожатье Будет будущего проклятьем?.. В небесах

и морях,

и на суше Обнимаются наши души. **Екатерина Дабкене** (г. Гродно, Белоруссия)

Дабкене Екатерина Александровна родилась в г. Гродно 4 марта 1988 года. Окончила Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, специальность «Современные иностранные языки». Работает переводчиком. Печаталась в газете «Эскулап», коллективном сборнике «Вечер пятницы», альманахе «Полоцкая ветвь-2014». В Белорусском литературном союзе «Полоцкая ветвь» — с 2014 года.

ТАНЬКЕ

За тысячу километров (и это не фигурально) нюхаешь Пражский воздух, сдуваешь густую пену, в Чешских спряжениях по колено тонешь...

Стонешь...

Встаешь...

Мелешь в порох каждый прожитый день, а потом варишь кофе, хоть и не любишь...
Веришь с опаской: «А вдруг, завтра лучше?»

Родная... Где же та Родина, чтобы тебе — Родителем, невыводимой родинкой в сердце, в судьбе, в голове и в кармане? Где тебя голос ее застанет?

Рано... Рассвет убегает от океана. Инди по проводкам, а потом через уши — прямым маршрутом в самую душу. На суше нас трое: ты, я и завтра, которое лучше.

* * *

Засыпается...

Веки под тяжестью дня непослушны, Да и глаз подустал созерцать пошлость розовых стен. Можно фокус сменить. Все равно, букворябью замучен, Он едва распознает твою мимолетную тень. Так не проще ль закрыть. И уплыть. И представить. Разноцветие мира, разукрашенность снов. Несмотря на неубранность ветхой бесцветной квартиры. Несмотря на угрюмость промозглых февральских дворов.

дождь

У дождя нет различий, богатый ты, или нищий, одинокий или, все-таки, с кем-то, не умеешь вообще, или только на флейте.

У дождя нет различий. И пусть даже ты вовсе лысый, (так даже лучше, ведь фен не нужен). И пусть даже нервный циник, жено-, муже-, гее- ненавистник, горбатый урод или с застрахованным задом...

Ему доказывать ничего не надо, он просто льет, без перебора, яростно и навзрыд, без выгоды, без зависти, без жалости и обид. Не обещая ничего и ничего не говоря. Всего себя даря-раздаривая и растрачивая.

А ты, неблагодарная, к арке сворачиваешь, расчехляешь зонт, волосы прячешь, о ресницах хлопочешь, сетуешь, кудахчешь...

Дождь, не обижайся, они не нарочно! Во всем виноват этот круг порочный Быта, цифр, забот и зарплат... Бедный народ. Это все вздор. Ты знаешь, я знаю, а остальные не в счет.

* * *

Я хочу от тебя — слово. Чтобы в цель. Чтобы в память и в сердце, Чтобы в мягких струящихся звуках, Как в мехах, можно было согреться.

Я хочу от тебя — время. Тонкой струйкой песка, мимо стрелок. Чтобы ссыпавшись прямо в ладони, По минутам оно разгорелось.

Я хочу от тебя — радость. Чтоб за солнцем закатным вдогонку... Но уж если совсем откровенно, Я хочу от тебя ребенка.

* * *

Мое счастье — большое, лохматое. Твое — хрупкое, нежное. И как так случилось, что их сосватали, Обручили кольцом неизбежности? Мое, буйное, мечется, шутит безжалостно, Твое, хоть и вредное, льнет котенком, Жонглирует чувствами, не зная усталости, Сбивая мое счастье с толку. Оно же, отважное, мудрое, Хочет поймать чертовку, А ей хоть бы что, Тряхнет только кудрями, мол, «как провела тебя ловко»!

А вечером, устав от борьбы, от колкостей, Свернутся клубочком вдвоем на коврике, Им наплевать на прогноз и на новости, На девальвацию, на то, что все дорого... Два счастья сопят, уставшие за день, За жизнь, проведенную друг без друга. Пускай отдохнут, завтра снова сражаться За место на коврике. Завтра снова по кругу.

* * *

Задребезжали стекла глаз,
Мимо — машины с бульдожьими мордами.
А ты все говоришь и фраз
Пепел сдуваешь на плечи городу.
Буду молчать. Теребить замок,
Что на меня едва ли похоже.
Мысль наготове сверлит висок,
Я укрощу ее. Позже
Будут объятия, слезы, слова,
Чай до полуночи, вести недели.
Снова признаюсь, была неправа,
Пепел сдувая с белой постели.

(B) (B) (B) (B)

Владимир Демидов (г. Борисов, Белоруссия)

Владимир Демидов родился в городе Борисове 20 декабря 1956 г. в семье военного инженера, учился в Республиканской школе-интернате по музыке и изобразительному искусству, в Белорусском театрально-художественном институте. Стихи опубликованы в журнале «Западная Двина», в газетах «Вестник культуры», «Литературная газета», «Літаратура і мастацтва» и др., в коллективных поэтических сборниках. Является членом Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» с 2004 г. Живет в городе Борисове.

САГА

Саше Стаину

Вот висит портупея на белой стене. Командорская пряха. Мы на цыпочках ходим под нею и вне С братаном моим — Сахой. Мы живем на большом, как звезда, корабле И летим к Волопасу, Иногда поедая тайком крем-брюле Из всемирных запасов. Мы, бесспорно, летим к Волопасу, друзья, А затем — к Водолею... При девчонках друг дружку на пляже тузя, Типа — Кассиус Клея... Пусть повыцвели треники в бурых волнах И парах Рубикона, Но асфальтные наши признания — ах! — Еще помнят Матрены! Полагаюсь во всем на губную гармонь — Даже есть неохота, Ощущаю ладонью иную ладонь, Как вселенскую коду. Раскрываю альбом закладною тесьмой — Фотографии Сашки — Выпадает из рук, рассыпаясь, письмо Лепестками ромашки... Сколько синей воды, если знать хочешь ты, Протекло... Неизвестно... Сероглаз, среднерус, без усов-бороды, Без судьбы... Так не честно! Нам бы с красной строки, с той же связкой ключей — Лебеда да сирена! Снова рву рычаги, жгу коробки свечей, А исчезну — мгновенно... На стене — портупея с латунной звездой. Командорская пряха. Мы когда-то ходили под нею с тобой, Как воробышки, Саха. И кружить приходилось порой, и юлить, Да назвать свое имя... Будто вымерли все или вышли курить, А вернулись — другими... Вот и клинопись сердца, что жило, любя, Сагу, если хотите, Посвящаю тебе... Обнимаю тебя У порога Открытий.

СУМЕРКИ

С затаенною тревогой Я читаю по глазам: Разрушается с порога Белый яблоневый храм. Обниму тебя за плечи: Воздух к вечеру темней — Тем таинственнее речи Полусонных голубей. Месяц изморозью тонкой Расписал свое жилье. Ты испуганным ребенком Сердце слушаешь мое. Посидим еще немного, Как на краюшке Земли. Разрушается с порога То, что мы не сберегли, Что давалось без усилий, Просто падало к ногам... Неужели мы учили Душу мира — по слогам?

РЕКВИЕМ

Родина, где же ты, Родина? Нищая веткой смородинной В грудь упирается мне... Там она спит, недоумочек,— В дальней палате у тумбочек,

По нежилой стороне. Руки бинтами уложены, Срезаны волосы — сожжены: Рвать их горазда была! Спит ваша бедная матушка — Ласточка, лапушка, Ладушка... Давече Вовку звала... Были б мы неслухи, Родина, Так ведь в заботах-то дотемна, Дочерна, допьяна и... Вслед, как закрылись твои глаза, Тенью, без срока и адреса Бродим мы — дети твои. Сложены руки, как тросточки, Пересчитать можно косточки... Пусть я вам буду смешон! Софьюшка, Дарьюшка, Олюшка — Синее небо да полюшко — Вот имена наших жен. Сядемьте, гордая нищая! Все пробывается пищею, Да не убудет — постой! Люди и прочие жители, Женщины в черном не видели? Женщины, в черном, босой.... Значит, и свиделись, Родина, А на душе — непогодина, А под подошвами — наст. Так отхлебнул, братцы, горя я, Что прерываю историю... Свидимся, может — Бог даст.

ПОСЛЕВКУСИЕ

Васильки... иван-чай... бересклет... Нет да нет, да нахлынет тревога: В синем воздухе вспыхнет дорога Интернатовских сказочных лет. Возойди — это твой крутогор — Горизонт превращается в иней... Уходя на попутной машине, Машет шляпой отец до сих пор. За калманием этим следишь Ты большими глазами от горя: В расстоянии ль дело, малыш? В расставании... Кто бы поспорил. Чужедальние страны и льды, В чемодан уместилась эпоха. Вот и в воздухе синем дорога — Со Вселенною... стали на «ты».

Далеки... Ох, как мы далеки, Мальчик в парусом вставшей сорочке! Все взирающий из-под руки, Как проставлены временем точки. Чисел нет, выбыл весь адресат, Первоцвет чередуешь кипреем... Знаешь, папа, мы больше не смеем Так, как вы... оглянуться назад.

ઉજ્ઞાભ્યજ્ઞ

Дарья Дорошко (г. Гомель, Белоруссия)

Дарья Дорошко (Татьяна Леонидовна Череухина), родилась в Гомеле в 1977 году. В 1996 году окончила Гомельское медицинское училище. Работала медсестрой в детской областной больнице, актрисой в театре кукол. В 2004 году окончила Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины. С 2001 года — член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Дипломант в номинации «Поэт» международного фестиваля АРТ-сессия (Гомель, 2000), финалист турнира поэтов «Пушкин в Британии» (Лондон, 2009). Победитель в номинации «Поэзия» Республиканского творческого конкурса «Литературная крона-2012». Публиковалась в журналах «Маладосць», «Полымя», «Неман», «Метаморфозы», «ЛитОгранка», «Западная Двина» и др. В 2010 г. в соавторстве с гомельским поэтом Владимиром Череухиным в серии «Аз» вышел сборник поэзии «Не наступайте птице на крыло». Автор книги лирики «В Начале».

В НАЧАЛЕ

Купаясь в свете звезд, В обрывочных мечтах, Я не искала Путь — Он стлался пред очами. Звенел цепями мост, Качаясь на ветрах, И не было ничуть Не страшно жить в Начале.

Вначале был лишь Бог И радуга цвела. И каждым лепестком, Как зонтиком японца, Любой укрыться мог. И я тогда жила, И каждым волоском Переплеталась с Солнцем.

* * *

Непогрешимость истины случайна: Декабрьской ночи призрачная тайна — Художества мороза на окне... Изящных линий кружево извивов И повторенье радужных мотивов. Иллюзии, берущие во сне Свое начало... Ночью Сновиденья Рисуют на стекле мечты-творенья. Но всходит солнце в розовом огне — И ограняет папоротник светом, И кружится декабрьская планета, И — расцветают тени на стене. И розы превращаются в созвездья. Резвится солнце, не боясь возмездья Ни ночи, ни мороза в тишине. Оно играет радугою света И расплавляет магией рассвета Иллюзию сверкающих камней. Но ночь придет — и, сладко извиваясь В экстазе чувств, забвение ваяет Мороз на отвоеванном окне. И правда солнца терпит пораженье: Мороз подправит радуги-творенья, Воспоминаньем о минувшем дне.

* * *

Каскадом систем, не подверженных тлению, Рисует нам жизнь одиночества профили. Из множества тысяч придуманных веяний Мы выберем те, что не очень-то поняли.

Разрозненный томик обрывочных сведений. На каждой странице — печать одиночества. Пронзительно-чистая радость всеведенья Рождается с нами, как небо и отчество.

* * *

Под куполом своих угодий, В оазисе своей мечты Живем и солнца не находим В плену вселенской пустоты. В созвездии горящих замков, Что ветер строит на песке, Мы приучаемся к порядку — Седою прядью на виске — В прическе, сотворенной в танце На вечеринке у Судьбы... Мы — философии паяцы, Мы — лицемерия рабы...

* * *

Ритуальность смысла умерщвленья плоти Солнечному сердцу не дано понять. Одинокий воин на дрянной работе Вспоминает небо и родную мать.

Вспоминает звезды, что лучились ночью Над его постелью, в лиловатой мгле. И приходит детство — радостным звоночком. Розовеет утро на степной земле.

Воин умирает. Запоздалый путник, Поравнявшись с телом, отведет глаза. И проходят годы, и проходят сутки. И ревет над миром вечная гроза.

* * *

Я не знала еще даже вкуса росы, Я ответов на сотню вопросов не знала, Но как счастливы были в покое весы, И как отблесков было от пламени мало!

Я и нынче не знаю ни вкуса росы, Ни ответов на сотню безликих вопросов, Но в руках Немезиды танцуют весы, Чтоб никто не заметил судьбы перекосов.

Как торговка на рынке лукавит судьба И пугает богиней, слепой и жестокой. И, как прежде, пылает костер у столба, И, как прежде, разносится «Око за око!».

И, как прежде, в пустыне росы не испить, И, как прежде, из слов не сплести мне ответы. Но из рук у меня в небо тянется нить, А на ней — словно шарик воздушный — планета.

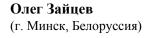
* * *

Совесть молочного цвета — Светлая совесть воды. Тает забытая Лета, И зацветают сады.

Совесть кисельного цвета — Тайная совесть песка. С нами прощается лето — В сказку тропинка узка.

Совесть прозрачного цвета — Вечная совесть ветров. Эхо разносится где-то Мною записанных слов.

Совесть багряного цвета — Крови, любви и огня. Горькая совесть поэта... Сладкая совесть поэта! Пусть не оставит меня.

Зайцев Олег Николаевич. Родился в 1968 году в гор. Новополоцке Витебской области, белорус. Закончил факультет журналистики Белгосуниверситета и полугодичные Литературные курсы. Председатель Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Председатель Ревизионной комиссии Международного сообщества писательских союзов (бывший СП СССР), член Международной федерации русскоязычных писателей, Российского союза профессиональных литераторов. Является действительным членом (академиком) Крымской литературной академии. Автор книг поэзии «Рифмованные девиации», «Наитие», «Координаты смысла», «Завязь Вселенной», книги литературной критики и литературоведения «Авторский знак». Участник около тридцати коллективных сборников поэзии, прозы, критики и литературоведения, альманахов и переводов, антологий в России, Беларуси, Украины, Казахстана, Австралии. Публиковался со стихами и прозой, литературной критикой и литературоведческими статьями в ряде литературных журналов и ряде альманахов. Стихи автора переводились на английский, итальянский, украинский, белорусский, казахский языки. Один из теоретиков и сторонник литературного направления «катарсизм».

Награжден Международными литературными премиями имени Молодой Гвардии, Симеона Полоцкого, Леонида Матусовского, фестиваля «Славянские традиции», почетными грамотами российских и украинских писательских союзов, Международного сообщества писательских союзов, Российско-итальянской Академии Феррони.

* * *

Как белка, набираю оборот И мчусь вперед, шалея, что есть мочи, Порою даже оторопь берет: А вдруг меня Всевышний «обессточит».

Но, преодолевая виражи, Все ямы и ухабы приключений, Себе твержу одно я: «Масть держи. Пусть ты поэт всего лишь, а не гений».

Ударит лихолетье колесом, И спицами в глаза вонзятся слухи, Себе вдруг покажусь я невесом, А все поступки — протокольно сухи. Под записью отъявленных чернил, Под тяжестью больших и малых сплетен, В одном уверюсь точно: не чернил, Иных не продавал, засим и беден.

Вгрызаясь в скорлупу вчерашних дел, Цепляясь за кору людского быта, От этой спешки явно обалдел И рад, что колесо мое разбито.

Даль бесконечна, я упасть готов, Порвав свой бег на лоскуты, на точки, Чтоб стать однажды, с высоты годов, Отцом одной, но гениальной строчки.

* * *

Маме

Кто больше любит братьев, кто сестер, Кто в бабушках души своей не чает, А я сквозь время память распростер, Где мамы длань макушку мне венчает.

В ней пальцы материнские до сих По волосам скользят, в них копошатся... Теперь, когда я зрелости достиг, Быть не боюсь похожим на паяца,

Признаюсь, этот сладкий ритуал, Клонил меня ко сну, и мама знала. Ты та, кому я тайны доверял, И та, чьей ласки мне всегда хватало.

Могла прикрикнуть, выпучить глаза И шлепнуть раз иной в сердцах, бывало, Но без тебя, любимой, мне нельзя, Ведь стала б пресной жизнь моя, завяла...

Уже, заметно, поступь нелегка: Пережила инфаркты, дисков грыжу, Седеешь, но тобой держусь пока Тебя я слышу, ощущаю, вижу...

Жури меня, пили и поучай, Я все приму, как должно принять сыну, А будет лик сиять твой, как свеча, На жизненном пути и я не сгину.

* * *

Не шуми ты, сад широкий, Веткой влажной не хрусти. Я судьбы постиг уроки: Мне расти еще, расти...

Изучать премудрость жизни, В слово ближнего вникать. Ветка яблони, не висни Прямо надо мной опять.

Я сумею разобраться И понять, в чем суть и соль; Нет способней новобранца, Истину открыть изволь.

Терпкость яблочного сока И кислинка на губах Открывают мне до срока, В чем сильны и Босх и Бах.

В чем вобще силен творящий, От искусства человек... Сад шумит, он — настоящий, Смотрит, будто из-под век.

Что ж, посмотрим друг на друга И о главном промолчим; Хлещет бытие упруго: Ты учи меня, учи.

* * *

Каштаны усыпают землю — Коричневеет изумруд. А я коричневому внемлю, И о природе мысли прут.

Пылают лиственным пожаром Деревьев стройные ряды. А солнце свет струит свой даром, И тучных туч тесней гряды.

Но обезумевшим осколком Вонзается осенний лист. И бродит осень тощим волком, Вдруг поднимая дикий свист.

И, словно пленкою, туманы Опутывают все вокруг.

Дырявых паутин карманы Топорщатся под ветром вдруг.

Озер бездонных стынут блюдца, Линяет травяной ковер. И птицам хочется вернуться, Но юга явственней фавор.

Уж зори холодны и рдяны, В них неуютно соловью... И снова падают каштаны, Нам обнажая плоть свою.

* * *

Нас зима опять обманула: Ни мороза нет, ни пурги, И прохожим вослед сутуло — Тени, как по воде круги.

Ветер мечется, словно рыба, Избегая тугих крючков, Провоцируя мысли ибо Человек по сути таков.

Разомлевшая грязь лоснится, Словно лысина старика; Месят жижу подошвы, лица На процесс глядят свысока.

Заскучавшим по хлопьям снега, Загрустившим по холодку, Дарит слякоть зима-калека И осенний лист на бегу.

Уплывают смурные тучи, И луна окунулась в них. В ожидании доли лучшей Сам собою плетется стих.

* * *

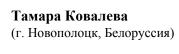
Полна Беларусь красотой синеглазой, Полна черноглазой, зеленой красой. Я, как за магнитом, за чудом, заразой, Плетусь за какой-нибудь русой косой.

Плетусь, ощущая вселенскую жажду, Томительной плотью вовеки гоним. И блеск твоих глаз обезумевших жажду, И чаю припасть поцелуями к ним. Блуждая глазами в заре ли, потемках, Днем ясным, а может быть, лунною тьмой, Себя ощущаю прибитым гвоздем, как По шляпку, но шляпою дамской самой.

Ищу я в бездонных зрачках поднебесья, И в омутах черных, зеленых ищу Шаманство болот первозданных Полесья, Чащоб ворожбу, где жилось кривичу.

В обилии глаз бы мне не заблудиться, В созвездии взглядов бы вдруг не сгореть... Я снова, как зоркая, хищная птица Взлетаю и падаю в глаз круговерть.

ઉજ્ઞાભ્યજ્ઞ

Ковалева Тамара Ивановна родилась в г. Красногорске Псковской области, где окончила физико-математический факультет Псковского педагогического института. Переехав в Белоруссию, трудилась инженером-метрологом в ОАО «Нафтан» г. Новополоцка. Сейчас работает в Полоцком государственном университете. В 2013 году стала членом Белоруссского литературного союза «Полоцкая ветвь». Печаталась в десяти коллективных сборниках и альманахах. Финалист Международного литературного форума «Славянская лира-2014».

РОДИНА

Стран красивых я знаю немало, Видеть многие мне довелось, Но чтоб сердце от них замирало, Там почувствовать мне не пришлось...

Очень нежная, в красках неброских, В моей Родине та красота, Что сияет в серебряных росах. Неподкупна ее простота!

Могут только в родной Беларуси Облака так загадочно плыть, Над рекой разноцветные бусы В свете солнечном мне подарить.

Улыбаясь сквозь свет несказанный, Там, в лесах, у Полесских болот, Приглашает на ужин свой званый Тихих сосен густой хоровод!

Краю милому я поклоняюсь. Здесь мне рады всегда и поймут: Где бы ни был — домой возвращаюсь, Что бы ни было — здесь меня ждут!

БЕЛОРУССКОЕ ЛЕТО

В малиновом фартуке, желтой косынке, В сережках из вишен (на каждой — росинки!) Пришло белорусское щедрое лето, Прошитое накрепко солнечным светом!

Черника тугая, одетая скромно, Себя предлагает старательно-томно. А выше немного, на светлом пригорке, Брусника следит за соперницей зорко.

Сидит боровик под еловою лапкой, Накрытый блестящей коричневой шляпкой. И, следуя вновь многолетней привычке, Семейкою дружной выходят лисички!

В полях васильки, незабудки, ромашки, Букетом цветут незатейливым кашки, Ручей пробегает, журчаньем манящий, И дуб зеленеет, листвою шуршащий.

Не хочется с летом опять расставаться — И лету хотелось бы тоже остаться. Но есть у него помоложе сестренка — С косой золотистою осень-девчонка.

СЛОВА

Под дымкой тумана вечерняя Волга, А рядом — костер догорал; На темных углях он мучительно долго, С надеждой на жизнь, умирал...

От ветра, возникшего вдруг ниоткуда, Он вновь, как пожар, запылал! Утес над рекой, это видевший чудо, Таких фейерверков не знал.

Резвился костер оживленный, сверкая Танцующей змейкой огня; Откуда в нем мощь появилась такая На склоне ушедшего дня?

Вот так и слова, как костер, и от мысли То слабо, то сильно горят — О правде, о дружбе, о жизненном смысле, О вечности мне говорят!

Рита Круглякова (г. Мозырь, Белоруссия)

Круглякова (Казакова) Рита Алексеевна родилась в Мозыре Гомельской области. Окончила Мозырский педагогический университет (филологический факультет). Член Беллитсоюза «Полоцкая ветвь» с 2010 года. Публиковалась в «Литературной газете», в антологии «Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь»: 1994—2009 годы» и др.

ИЗ КОКОНА

От теорий ни капли проку нет, Хоть без сна рефлексируй сутками... Словно бабочка в душном коконе, Сердце сковано предрассудками.

Слишком долго страдалось-плакалось — Труден путь по дорогам выжженным. Сердце съежилось, сердце спряталось, Бьется тихо, чтоб не услышали.

Только к месту я не прикована, Я ведь женщина, а не статуя! Легкой бабочкою из кокона Выйду-выпорхну, жизни радуясь.

домик в деревне

Вот этот, вросший в землю, ветхий дом, Где в окна смотрят ветви старой липы, Что помнит шум дождя и ветра всхлипы, Тот дом, где каждый угол мне знаком,

Где шум большого города далек, Где грозы и ненастья непослушней, Где в золотистом поле за конюшней Я, спрятавшись во ржи, плела венок.

Прийти сюда и больно, и легко. И я не знаю лучшего курорта — Скрипят все так же синие ворота И пахнет диким медом молоко...

ВЕЧЕР В ДЕРЕВНЕ

От дневных забот усталая, За околицу пройдусь, Пусть заря расцветит алая Мне огнем закатным грусть...

Сумрак легкий опускается, Закрывая небосвод, Да вдали какой-то пьяница Что-то грустное поет,

Блики дня, почти сгоревшего, В длинных прячутся тенях, Дремлет солнышко, присевшее На прогнувшихся плетнях

И лучами негорячими Нежно гладит щеку мне... ...Скоро лапами кошачьими Ночь пройдется по земле...

НИРВАНА

Как странно, что без крика и без стона Я это сделать все-таки смогла. Один свидетель — пыльная икона С немым укором смотрит из угла.

И будто над святым в прозрачном нимбе, Сплелись, как пыль, ничтожные мирки, И я сама с отметиной на сгибе Почти бесплотной, худенькой руки.

Как трудно подниматься сонным векам... Наверное, в покое — счастья суть. Моя судьба оплачена по чекам, И ладно. Не пора ли отдохнуть?

Спускаясь в долгожданную нирвану, Что растворит усталость, боль и грусть, Неправда, я опущенной не стану! Я, чтобы вновь подняться, опущусь.

А утром, обреченная на муки, Терзаясь ожиданьем новых снов, Упрячу я исколотые руки До ночи в мешковатость рукавов.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

В том парке петь бы гимны красоте... С сентябрьских клумб подмигивали астры, И статуи, белее алебастра, Бесстыдно выделялись в темноте,

Здесь шепот, шорох, и опять — молчок... Дрожали тени зыбко и пугливо... Подросток-месяц щурился лениво, Курил в осеннем небе косячок...

Пугала и манила эта высь Меж облаками лунного кальяна, А звезды, переругиваясь пьяно, Срывались и стремительно неслись

Навстречу мне, чтоб о земную твердь Хрустальными осколками разбиться, Осесть пыльцою на моих ресницах И встретить неминуемую смерть...

Слегка задумчив был мой визави, А грусть его светла и неслучайна... И в воздухе ночном витала тайна: Предчувствие рождения любви...

В ОСЕННЕМ ПАРКЕ

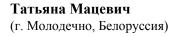
Утомленная от тетрадок, Убираю бумаги в стол... Как от раннего листопада Парк за окнами пуст и гол...

Но, как прежде, в аллее старой, Шелестя золотым ковром, Неизменно гуляет пара Под зеленым большим зонтом.

Как же их не узнать? конечно! Спать своих уложив внучат, Он ей руку сжимает нежно, Что-то на ухо все шепча...

Сто сединок в прическе гладкой, Но мадам не считает лет! Гладит мужу ладонь, украдкой Улыбаясь ему в ответ...

Каждый день я гляжу на это — В парке, спящем осенним сном, Бесконечное бродит Лето Под зеленым своим зонтом

Татьяна Анатольевна Мацевич родилась в 1970 году в городе Молодечно Минской области. Окончила Полоцкое педагогическое училище, затем Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка. Работает воспитателем в детском дошкольном учреждении, где также руководит театральным кружком «Живая сказка». Публиковалась в коллективных сборниках «Погляды» (2003), «Прызнанне у любові і каханні» (2004), «Галасы роднай старонкі» (2006), литературной антологии «Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь»: 1994—2009 гг.» (2010) альманахе «Полоцкая ветвь-2014». Стихи автора печатались также в газетах и журналах.

* * *

Посвящается Т. В.

Без твоего прикосновенья я умру, Мне нежность, как озон, необходима, Потребность в ней растет неистребимо, Не гаснет, словно зори поутру. Мне б только видеть ласку жгучих глаз И раствориться в ней, как сахар в лаве чая... В глазах твоих, что нежность излучают, Уже тонула я, наверно, сотни раз. Ты спас меня от жизненной тоски, И знаю я, что страсти нет предела, И знаешь ты, о чем просить не смела... На холст судьбы уверенно и смело Наносишь ты своей любви мазки. За эру под названием «Любить», За нежность слов и за твои объятья, Где таинство любви смогла познать я, Я буду Небеса благодарить.

* * *

Вечерок с закатной зорькою-зазнобой Долго тискался у рощи за околицей, Ну а в полночь в дом мой царственной особой Заявилась Их Высочество Бессонница. В макинтоше невесомого тумана, На вуали звезды мечутся фасонные, Заявилась и не жданна, и не званна... И о чем шептаться с этакой персоною?

Помолчим... Отведав кофе с «Амаретто» И устав от не рожденных слов и фразочек, Сквозь гардинный плен и дым от сигареты Поглазеем на мерцанье звездных стразочек.

Лишь на лезвии рассветном перережется Исковерканная ночка-пустозвонница, И когда ресницы дремотою смежатся, Дом покинет Их Высочество Бессонница.

* * *

Обрывки сна в ресницах заплутали, И локон расплескался по подушке. Выходит, мы друг другу просто врали, И чувства тоже подлежат усушке...

Поэма-ночь сменилась прозой жизни, Либретто запальцовано до корки. Сегодня мы любви справляем тризну; Остаток послевкусья терпко-горький.

Его я с губ смахну и, может статься, Запью вином с совсем другим Ромео, Сердечно пожелав тебе остаться... В читальном зале с новою Поэмой.

на изломе мая

Размотался солнечный клубок По разливу утра акварели. Присмирели от росы чуток Яблочно-душистые метели.

Раздувает робкий ветерок Слабые каштановые свечи. Начинается почти что в срок Певчих птиц задористое вече.

Колобродит хмельно-пряный май, Разошелся удалец излишне, Шепчет про нежданно-нежный рай На ушко зачавшей рано вишне.

Здравствуй, светом напоенный миг! Захлебнувшись в сладостной истоме, Мне б рвануть по счастью напрямик У гулены мая на изломе...

Василий Мельников (г. Минск, Белоруссия)

Мельников Василий Георгиевич родился в1959 год в городе Минске. Образование высшее. С отличием окончил БГИНХ им В. В. Куйбышева. Является автором двух поэтических сборников: «Поезд времени», Минск, Попурри (2009) и «Аквилон», Смоленск, Ноопресс (2014). С 2014 года член белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь».

* * *

Всякая жизнь творит собственную судьбу Анри Амьель

Мне не хватит чернил испещрить лист вчерашнего дня, Укрывавшего праздность мою от несчетных пороков, На которые в кассах билетных осталась броня По заявке зашедших к весне колдунов и пророков.

За спиною — года. Впереди — ускользающий миг, Разносолы мечты из буфета голодного детства, Потемневшие полки еще не прочитанных книг И из круга часов радиального времени бегство.

Упирается память в тупик бесконечных начал. Облака истрепали в скитаниях белые платья. Я не помню дословно, что ветер при встрече сказал. Помню речь шла о том, что не стоит в себе замыкаться.

проводник, не взыщи

Проводник, не взыщи за беспечность, Неизмеренный крыльев размах. Я билет взял до станции Вечность, Что затеряна в книжных томах. Без надрывного ржавого стона Сборной трассы из жеваных труб Там я вслух почитаю Вийона, Шевеля параллелями губ. Там, глотая расплавленный полдень, Жарким потом разбавив бетон, Вряд ли миксером сможет быть пройден Путь в десятки крутящихся тонн...

Я пашу до икоты, до рвоты, Головой, упираясь в рассвет, От воскресного дня до субботы, Облаченной в рабочий корсет. А потом с переметной сумою Ухожу в мир метафор и строф, Где цветут хризантемы зимою На заснеженных клумбах дворов.

Проводник, не взыщи за беспечность. Я живу второпях, впопыхах. Но билет взял до станции Вечность Там, где замерло время... в стихах.

КОГДА...

Когда над полем зеленеет Стеклянный вечер, след зари

В. Хлебников

1

Когда, в чужие улетая страны, Поют о чем-то грустном журавли, И осень стелет рваные туманы На плечи холодеющей земли, Я вспоминаю летние рассветы И тех, кому дарил в ночи букеты Цветов, как предварительную плату За поцелуи и страстей руладу.

2

Когда, надменно с высоты Бросая взгляд на очертанья Людской безликой суеты, Ты видишь остов мирозданья, Не торопись давать совет

Тому, кто льет на Землю свет И побуждает в суете Не забывать о красоте.

3

Когда гонимый роком злым Томится день в сырой пещере, Востоку выплатив калым Рабами тОпленной галеры, Мне представляется Овидий И все, что он когда-то видел, Оставив августейший Рим... И мы о чем-то говорим.

ЗАКОН ДЖУНГЛЕЙ

Оставь подбирать за Тигром шакалу и иже с ним. Волк чужого не ищет, Волк довольствуется своим!

Р. Киплинг

День, жить решивший по закону Джунглей, Силки сплетает нитями дождей И ворошит костров погасших угли, Когда-то согревавшие людей, Когда-то свет дававшие и пищу, Оседлый вид бродяжьему жилищу.

И за огонь, борясь жестоко, гибли Пришедшие из мрака племена. И представлялся Волком Стаи Киплинг, И воду пил из глуби — не со дна, Где не давали цепкие лианы Уйти дождям в бенгальские туманы.

Листает память мокрые страницы Открытой книги на моем столе, Мешая шум небесной колесницы С земною тишью в горном хрустале...

И мысль, изголодавшись в непогоду, Тропой звериной вышла на охоту.

ЧИТАЯ ВАЛЬТЕРА СКОТТА

Увы, прошло так много дней и лет С тех пор, как тут за стол садились люди. В. Скотт «Орра», трагедия К обывательским дням потеряв интерес, На позывы подкожного зуда Мне уйти бы разбойником в Шервудский лес По заветным местам Робин Гуда,

Раздавать попрошайкам и нищим добро, В кошки-мыски сыграв с эшафотом, И, поправив на выцветшей шляпе перо, Поздороваться с Вальтером Скоттом,

Оценить монастырской амброзии вкус, Слышать небо и видеть, как звуки Огорошенный замок мотает на ус, Взяв недобрую весть на поруки.

И, по-детски ликуя от меткой стрелы, Поразившей пространство и время, Я сдвигаю для пира друидов столы. И восторг холодит мое темя.

68806880

Александр Раткевич (г. Полоцк, Белоруссия)

Раткевич Александр Михайлович. Писатель, литературный критик, переводчик, издатель. Родился в 1954 году в Ивангороде Ленинградской обл. С 1969 года живет в Полоцке (Беларусь). В 1982 году окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. С ноября 1994 по ноябрь 2009 — председатель Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», сейчас — заместитель председателя. Автор десяти книг стихов. С января 2009 года — редактор культурнопросветительского учреждения (издательства) «Литературный свет». С 2011 года — член Российского союза профессиональных литераторов. С 2012 года — член правления Европейского конгресса литераторов. Пишет прозу, литературоведческие и критические исследования, статьи по теории стиха. Основатель литературного направления катарсизм (авторский термин) и издатель одноименного альманаха. Член жюри международных литературных конкурсов.

ТРИЕДИНСТВО

Ни единожды не солгав, открываю уста для слова: в мире моря, в разливе трав все едино и все основа.

В поле ветра, в пустыне битв, в океане славянских молитв береги неразрывный союз братских уз,

> ты — русский, ты — украинец, ты — белорус.

Легче легкого разрушать доброту, красоту, благородство, чтоб потом на руинах пожать власть, богатство и превосходство.

Знаю, каждый из вас не трус, но в гражданскую бойню не лезьте, чтоб в потоке крови и лести не смогли превратить вас в груз: в груз Двести, в груз Триста, просто в груз.

Корни слов прорастают в кровь, в венах слышится предков слово: в триединстве — наша любовь, в крепкой дружбе — наша основа.

Чтобы быть в постоянной любви, чтобы в дружбе быть корневой, берегите же корни свои, береги корень свой

ты — генерал, ты — лейтенант, ты — рядовой.

В мире войн, в океане стран, на планете дождя и огня сохраняйте веру славян, веру в будущее храня.

Можно жить на земле, скользя словно шар в отверстия луз, но единства нетленный брус сокрушать никогда нельзя.

Я с вами, друзья: я с тобой, русский, я с тобой, украинец, я с тобой белорус.

P.S.

Ни единожды не солгав, не нарушив житейской меры, берегу триединый сплав братства, дружбы и веры.

поэт?..

Россия-мать, рождавшая поэтов сквозь грохот войн, сквозь перемирий тишь, своих властителей предательство изведав, куда идешь, кого еще родишь?

Неужто ты талант свой разбазаришь, и лишь бездарность ждет нас впереди, и неужели ты нам больше не подаришь поэта с пламенем в груди? Вопросам этим не даны ответы. И, не скрывая на лице восторг, живут изгоями теперь твои поэты, своей душе устраивая торг.

Они торгуют, словно на базаре, призваньем, словом, совестью, строкой, они друг друга, как в хмельном угаре, убить готовы собственной рукой.

Ужель поэта больше не сжигает любовь к отчизне? — Он решил, что это чувство откровенно унижает того, кто славу полюбил.

Да, он теперь среди торговцев модных со смаком ставит авторства клеймо — куда ему о болях всенародных, когда свои болячки как бельмо.

Россия-мать, единственная в мире, чьи драгоценны дочки и сыны, как жаль, что в этом грязном и кровавом пире, твои поэты стали нам смешны.

В стихах, в поэмах гладких и нарядных, в трагикомедиях, в которых все мертво, в столпотвореньях баррикадных все их пророчества не стоят ничего.

И кто теперь пророк? И кто же знает, куда ведет нас путь, что новой властью спет?.. Печаль, как дым, мои глаза съедает — поэт в России больше не поэт.

КИНЖАЛ

В былинный час, когда в годину смутной брани, вздымая в кузнице бычиные меха, Сварожич огненный выковывал мне грани, не ведал я ни страха, ни греха.

Не жаждал крови я ни в ссоре, ни в потехе; и если все-таки порою, как шакал, я вороненые пропарывал доспехи, то потому, что племя защищал.

Что, зло измены ненавидя крепче стали, я мстил сородичам славянам, словно бес, за то, что в пламени своих богов сжигали, чужого прославляя до небес.

Но стыл и медлил я с ударом небывало, и гасло лезвия лихое волшебство, когда сквозь дрожь меня Рогнеда поднимала над спящим телом мужа своего.

Я дружен с меткостью, когда же замахнулся в порубе киевском холоп, продажный тать, чтоб острие мое Всеславу в грудь вогнать, я князя спас и в плоть дубовую воткнулся по золотую рукоять.

Коварны замыслы страстей нечеловечных; когда ж завистники под взглядами икон сразить пытались Богшу, мастера из Вечных, я прозвенел ударом в медальон.

Мораль не чествуя, не веруя в законы, я примирил в себе коварство и любовь; теперь во мне сквозь угасающие стоны течет уравновешенная кровь.

Но я из памяти своей стереть не в силах предсмертный ужас онемевших жертв моих; они истлели в позаброшенных могилах, но с каждым днем я резче вижу их.

На свете истины по-прежнему подложны; и потому клинка стоического гладь я твердо вкладываю в кожаные ножны, чтоб больше никогда не вынимать.

елоруссия)

Олег Сешко (г. Витебск, Белоруссия)

Сешко Олег Витальевич родился в 1969 году. Окончил Высшее военно-морское инженерное училище им. Ф. Дзержинского в Санкт-Петербурге. С 1992 по 2011 гг. проходил службу на северном флоте ВМФ Российской Федерации. Капитан 2-го ранга запаса. Председатель Витебского отделения Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Лауреат ряда республиканских и международных литературных конкурсов, премий и фестивалей.

ОТРАЖЕНИЕ

Тебя привлекали комнаты? Услышал я стук в окно. Вначале стучался скромно ты, Как будто младенец-гном. Неслышно царапал пальчиком, Ладонью клеймил стекло. Потом ты развился в мальчика, Всем телом съедал тепло. Кричало твое безмолвие: «Впусти же меня, впусти!» Точилом карябал молнии, Рыча продолжал расти. Глаза наливались голодом, Скрипела зубами злость, Горела кострами молодость, Свистело вокруг, рвалось! Слетали худые ставенки, Скрипела входная дверь. Недавно был тихим паинькой, Огромный, лихой теперь! Березы клонились, кланялись, Трещала по швам земля, Ты в силу вошел не рано ли? Стихия — твоя семья! Ты бился в окошко тонкое, Ты видеть меня хотел, Закатная полночь звонкая,

Меняла рисунок тел. «Впусти...» постарел, осунулся, Незримо сошел с лица. Глазами все тот же юноша, Душой заводной пацан. Но тело... скатилось каплями, Ручьями ушло в песок, Восток обозначил залпами В бессилие твой бросок. Тебя не впустил уже ли я? Смешно подмигнуло мне Забытое отражение В промытом тобой окне!

ПЕСНЯ РЫБАКА

Железную банку, едва дыша, Ножом открываю на раз, два, три. Четыре сардины лежат внутри, Четыре сардины — моя душа. Одна, воздыхая, зовет восток, Где девочка в белом роняет сны, Где люди сердцами красным красны, Где спелой земли собирают сок. Вторая к себе призывает юг, Где скалы хранят серебро любви, Где тянутся к небу цветы глубин, Пестрит мотыльками подводный луг. На западе, кажется, будет бал. Там сыну принцессу нашел король, В мечтах у принцессы другой герой, Но принцев не часто дарит судьба! Вот эта сардина пророчит власть. О западе сказки еще свежи, За ними легко не заметить жизнь, Граненым кристаллом на дне пропасть. На желтые лилии наших дней, Слетают разлуки длиною в смерть, От старой собаки осталась шерсть, Которая тысячи солнц сильней. Хотите живыми войти в рассвет? Четвертая рыба малым-мала, Судьбу мою в север она вплела, Вы слышите: «Се-вер, все вера, все!» Кто в море бывал, тот на небе свой. Мы с морем и небом — одна семья... Четыре сардины ведут меня Туда, где о доме поет прибой!

* * *

Остаться на стадии скрытого счастья, Дыша переливами звездного света, Чертить звездопадом на сердце приметы, На радуге лунной с любовью качаться. Хрустальную сказку с опаской рассеять, Вздыхая: «Взойдет, расцветет, одурманит». Цветной поцелуй обнаружить в кармане, Из тех, что дарил в понедельник тебе я. Сменить на луну в середине вселенной, Забраться в окошко веселым рассветом, Луну положить у подушки монетой, Надменно холодной, голодно разменной. Поправить упрямый, улыбчивый локон, Угадывать сны по движениям тела: «Ах, как ты могла так! Ах, как ты посмела Со мной изменить у меня же под боком!» Касанием губ разбудить, разлететься. Проснешься, подбросишь монету повыше, Сойдутся луна с поцелуем на крыше, Польется горячая музыка в сердце. Закружится мир суетой откровений, На каждый вопрос, вызывая торнадо. Тогда ты поймешь, я по-прежнему рядом, И даже теперь обнимаю колени!

લજીભજી

Александр Супей (г. Бобруйск, Белоруссия)

Супей Александр Сергеевич родился 25 апреля 1976 года в городском поселке Василевичи Гомельской области. Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» с 1998 года. Автор поэтических книг «Чрез тернии к звездам» (1999), «Знамена духовных фронтов (2001), «Золушка колдунья» (2002), «Обнаженное одиночество» (2003), «Устами гениев» (2012). Участник коллективных сборников «Свет в конце тоннеля», «Ветви», «Йстоки» и др., литературной антологии «Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь»: 1994—2009 годы», альманаха «Полоцкая ветвь-2014». Дипломант республиканского конкурса поэзии «Дебют». Живет в Бобруйске.

ночное окно

Бреду по мостовой незримой тенью, До дрожи зацелованный дождем... Я весь окутан холодом осенним, Но мне, как никому, уютно в нем. Не плачь по мне. Жалеть меня не надо. Вино и дождь мою разбавят грусть; По кабакам с рассвета до заката Моя тоска кочует, ну и пусть. Грядущее нисколько не тревожит Рассудок мой, минувшего не жаль; Мне приземленных радостей дороже В оправе лунной светлая печаль. По лунному течению проходит Вся жизнь моя в беспечности хмельной. Смотрю по сторонам — и не находит Родимый берег взгляд печальный мой. Вернусь домой тропою одинокой.

Никто не постучит в мой ветхий дом, Где до утра с надеждой и тревогой Горит окно забытым маяком. И пусть всю ночь на свет моей надежды Лишь комары летят да мотыльки... Я буду ждать, любимая, как прежде, Твои родные, тихие шаги.

СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА

Я — запертый джин в бутылке, Твоих повелений суть, Паук, по твоей улыбке Ползущий тебе на грудь, Лунатик, всерьез готовый До звезд дотянуться с крыш, Пока в гамаке садовом Ты так безмятежно спишь...

Я твой мотылек парящий Над бездной порочных грез, Крадущийся зверь из чащи На запах твоих волос; Голодный питон, который В томлении ждет восход, Лизнув мимолетным взором Твой сладкий, запретный плод.

Ты станешь моей лампадой В темнице амурных снов, Я буду из недр ада В твой сон излучать любовь; И все что мне в жизни нужно От этой любви взамен — Лишь преданным псом послушным Сидеть у твоих колен.

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

* * *

Когда по своему идешь пути, То каждому, попробуй, угоди; А если подгибаешься под многих, То нету у тебя своей дороги

* * *

будь верен ты, Имей свои идеи и мечты! Пойдешь на поводу чужих идей, И ты уже не личность — лицедей.

* * *

Себя представив лучше чем ты есть — Придется пожалеть тебе о том, Ведь будет получать хвалу и честь — Не ты, а твой придуманный фантом.

* * *

У соловья счастливым быть учись — Поет себе, не сетуя на жизнь... Что может потерять он кроме лета? А мы дрожим над каждою монетой.

* * *

Воистину тот любит, кто без слов Свою способен выразить любовь; К чему слова? Забота и вниманье — Красноречивей устного признанья.

* * *

Любые двери вера нам откроет, Дождю поверишь — душу он омоет; Поверишь камню — станет оберегом, В себя поверишь — станешь Человеком.

* * *

Не унывай, когда перевернуть Тебе судьбу твою не удается, Сумей на жизнь по-новому взглянуть — Она в глазах твоих перевернется.

* * *

Сияет день, как солнечный алмаз, Сверкает ночь, как лунный бриллиант... Вся наша жизнь — сокровище для нас, А мы, слепцы, в алмазах ищем клад.

* * *

В сознании моем не сеет смуту Вопрос извечный: жизнь взялась откуда? Из ничего возникнуть не могла,— Ответ один: она всегда была.

* * *

Как пластилин Вселенская среда В руках Творца — послушна и пластична; Земля и небо, пламя и вода... Все из одной материи первичной.

* * *

В глазах любимой видится мне свет Таких родных, затерянных планет... Ты — эхо звезд, мой космос синеокий, До дрожи близкий мне... До слез далекий....

* * *

Живущему для близких будет сладок Минувших дней божественных осадок; Кто до зари не сделал благо ближним, Тот просто вырвал день из Книги жизни.

* * *

В глазах друг друга трудно замечать Пронзительную боль глубокой драмы, Клеймо печали — осени печать, Мы прячем за улыбками, как шрамы.

* * *

Все тленно, но помни, доспехи души не ржавеют. Щит веры, меч доблести, шлем целомудрия твой... Не тронут года и земля поглотить не сумеет,— Сокровища эти возьмешь ты на небо с собой.

લ્ક્ષ્મભ્રજ્

Владимир Шаронов (г. Гомель, Белоруссия)

СТИХИ О ЛЮБВИ

Шаронов Владимир Владимирович. Родился 4 сентября 1952 года в городе Богородске Горьковской области (ныне Нижегородская) в семье военнослужащего. Окончил Витебский государственный медицинский институт в 1975 году. В настоящее время работает в филиале № 2 ГУЗ «Гомельская центральная городская поликлиника». Автор книг «Святые дни. Духовные стихи» (2005), «Любви нетленной благодать. Стихотворения, сонеты» (2007), «Синайский дневник. Записки паломника» (2007), «И осень отгорит златая. Лирика» (2009), «Забыть о суете земной. Лирические размышления о Вере и Любви» (2010), «Там солнечные зайчики. Лирика» (2010). Член Беллитсоюза «Полоцкая ветвь» с 2012 года.

«ВАЛЕНТИНКА»

Н. А. Ивановой

О, девственный листок бумаги! Тебе доверюсь нынче, но Для той, кого люблю давно, Не жди ты строк любовной саги:

Блеснув искусством оригами, Тебя сердечком лишь сложу И тем ей ясно расскажу, Как с нею мы близки сердцами!

Когда с улыбкою счастливой Она, волнуясь, развернет Привет души мой молчаливый, То все без слов тотчас поймет!

Ах, потому еще мы живы, Что среди нас любовь живет!

ЮЖНЫЙ РОМАНС

От зноя солнца Ялты томной Загар на Ваши руки пал. Я их со страстью целовал, Забыв, что это так нескромно.

Смешную выходку мою С улыбкою Вы созерцали, Как будто бы того и ждали В далеком солнечном краю.

Я знал, что это все игра: Объятья, шепот, поцелуи Недолго будут длиться. Ну и Расстаться все ж придет пора.

Разлука будет так легка, Страдать о том, мой друг, пустое: На мой прощальный жест рукою Вы мне лишь скажете: пока!

РОМАШКИ

Моей жене

Белые стыдливые ромашки, Что глядите из густой травы? Ваши желтоглазые мордашки Не развеют грусть мою, увы!

Ваши нежные белесые ресницы Так и намекают погадать, Любит ли меня, чтоб убедиться, Та, с кем я поссорился опять.

Хоть не верю я в гаданье ваше, Как же оказались вы в руке?! Знать, на свете нет букета краше, Чем ромашек скромненький букет.

Я приду с ромашками к любимой, Положу букет к ее ногам. И поймет она душой ранимой: Никому ее я не отдам!

ЛЮБОВЬ ОСТАНЕТСЯ

Фонарь дрожал Среди ветвей заснеженных, И снег сверкал В лучах его поверженных.

Сей дар зимы — Снег — в свете этом розовом Средь полной тьмы Казался чудо-островом. Спешу попасть На этот остров светлости Обозревать Средь тьмы его окрестности.

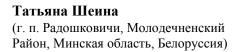
Здесь света пук Сквозь ветви пробивается, Объятье рук Их тонких разжимается,

Чтоб средь рябин, Снегами запорошенных, Сверкнул рубин Их ягод замороженных.

Напомнит он Про губы твои нежные, Возьмут в полон Воспоминанья прежние.

Слеза сверкнет, Коль старое помянется. Не все пройдет: Любовь моя останется!

લજીભજી

Татьяна Шеина родилась в Минске. Окончила Могилевский МГК по специальности «Фельдшерско-акушерское дело», затем биологический факультет БГУ. В настоящее время деятельность связана с медицинской генетикой. Секретарь секции поэзии Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Лауреат и дипломант ряда белорусских и международных музыкально-литературных фестивалей: «Зеленый Гран-при» (Гродно), «Форум авторской песни и поэзии» (Гомель), «Славянские традиции» (Щелкино), «Сила ветра» (Киев), «Под небом Рязанским» (Рязань), «На лебединой горе» (Хельсинки) и т.д. Стихи публиковались в «Российском писателе» и «Литературной газете», журналах «Белый ворон» (Екатеринбург-Нью-Йорк), «Европейская словесность» (Кельн), «Лава» (Харьков), «Сила ветра», «Дніпро» (Киев), «Иные берега» (Хельсинки), «Окна» (Ганновер), «Окно» (Санкт-Петербург) и др. В 2012 году в Донецком издательство «Норд-Пресс» издана авторская книга стихов «Шестеренки иллюзий».

EX THORACIS□*

Это может понять далеко не каждый впрочем, каждому вряд ли такое нужно. Только тот, кто попробовал хоть однажды душу, яростно рвущуюся наружу, расчленить, разорвать, разобрать на строки, и слепить из обрывков — четверостишье; кто сумел приспособить свои настройки, регулируя «ярче», «светлее», «тише» к трансформации тысяч цветов и звуков в совершенно неясной природы волны только тот понимает, какая мука в каждой строчке выкладываться «по полной».

...Ты шагаешь по стыку Эдема с Пеклом сумасшедшим гимнастом без балансира, каждый день осыпаешься теплым пеплом а вокруг восхищаются: «Как красиво ты умеешь писать о душевной боли, очень тонко и точно — ну просто странно!»

^{* (}лат.) — из груди.

А твоя героиня сидит в подполье, доставая пинцетом из свежей раны по метафоре, образу, новой рифме... И читателям — яблочко наливное — прямо в руки. Вот только — не говорить им, отчего, для кого и какой ценою, чем напитана эта живая завязь, «по прошествии» выпавшая из кроны...

Ты ступаешь легко, вызывая зависть... и стараясь дышать глубоко и ровно, игнорируя шепчущих с кислой миной: «Поэтесса! Таким все легко дается!» Ты — Цирилл. Ты — Кармен. ...На снегу — кармином — остается цепочка твоих эмоций...

ТЕХНИКА ЧТЕНИЯ

От правды перехватывало горло: «Поверь тому, что я тебе скажу: Твоя душа по миру бродит голой, А нужно эту душу — в паранджу!

Поток твоих эмоций — ад для слуха, Твои стихи — лавина, вихрь, метель! Ты отдаешься зрителю, как шлюха — Так сделай так, чтоб он тебя хотел!

Как будто атакуешь — ближним боем. Хоть это подкупает до чертей — Но зритель хочет ласки, а не боли — А ты им — нервы тысячей плетей!»

Да, несомненно, в этом тоже правда: Скрыть наготу от нервов не стальных! Ведь даже дьявол нынче носит Prada — Не говоря уже об остальных...

...Душа моя — смеющаяся звонко И плачущая искренне, навзрыд — Валькирия, весталка, амазонка, Ну как же, чем же мне тебя прикрыть?

И не таких, конечно, одевали — Могу засунуть в шляпу и пальто, Дополнить твой наряд густой вуалью... Но как тогда тебя узнает тот,

Кому ночами я, от чувства тая, Презрев страстей мышиную возню, Отчаянно, на выдохе читаю Свои стихи в извечном стиле «ню»?

СТИХОРОЖДЕНИЕ

Яркий всполох — и мир кинопленкой Запестрел, оборвался, затих, А под сердцем — желанным ребенком — Ощутимо толкается стих.

Беззащитный, упорный и светлый, Как же он незаметно пророс — Теплый сгусток энергии ветра, Солнца, радуги, ливней и гроз...

Облекается плотью из мыслей Силлабический хрупкий скелет. Пусть еще до конца не осмыслен, Невесомый — как призрачный след —

Прибавляет в размере и весе, Обретает способность дышать... Все — доношен, активен и весел. Белый лист, принимай малыша!

Он, согласно законам природы, Рвется в мир, ничего не боясь... С сожалением матери в родах Обрываю незримую связь.

На подушки откинусь в бессилье, Нежным взором окину дитя: — Что же, маленький, вот тебе крылья — Не забудь меня, к людям летя!

PER ASPERA...*

Ощупью торя тропу к стихам, девочка — влюбленный человечек — позволяет мыслям-пастухам чувства — гурт испуганных овечек — стричь и гнать по пастбищу-листку... В клетки шерсть причудливо ложится. Может быть, прочтет ее тоску полубог в потертых рваных джинсах?

-

^{* (}лат.) — Через тернии.

Девочка не метит в мастера, постигая сложное искусство: нет еще ни легкости пера, ни игры словами... Только чувства. Карандаш вздыхает и скрипит, грифель стерся — новый нужен срочно! Девочка словами лист кропит, душу препарируя построчно.

Душно, плохо, кровь шумит в ушах. Стих, как пот, стекает струйкой тонкой... Это первый, робкий, трудный шаг в лебеди — из гадкого утенка. Пусть сюжет нехитрый, ритм «кривой», сбои, штампы... Так ли важно это? ...Муза машет левым рукавом, превращая девочку — в поэта.

ТЕОП

(простой акростих)

Сотни ярчайших эмоций, Образ цветущего сада, Южное золото солнца, Звезды над спящим Багдадом,

Первых снежинок порханье, Осени ранней дыханье, Эхо шагов, что тихи — Тонкими нитями строчек Он по канве многоточий Вышьет цветные стихи...

യ്ക്കാരുള

ПЕРЕВОДЫ

Александр Гугнин (г. Новополоцк, Белоруссия)

ГЕРМАН ГЕССЕ

(Перевел с немецкого — Александр Гугнин)

Гугнин Александр Александрович родился в 1941 в Москве. Окончил филологический факультет МГУ, аспирантуру. С 1999 профессор. Автор свыше 500 научных и литературно-критических публикаций по немецкой, швейцарской, серболужицкой и другим литературам. Издал более 10-ти книг, из них — три сборника поэзии. Заведующий кафедрой мировой литературы и культурологии УО «Полоцкий государственный университет». Ответственный редактор литературоведческих сборников и журналов: «Проблемы истории литературы», «Белорусская литература и мировой литературный процесс», «Вестник ПГУ». Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Живет в Новополоцке.

ШВАРЦВАЛЬД

Красота холмов пологих, Темных гор, лугов альпийских, Красных скал, ущелий строгих, Скрытых тенью елей низких!

Но когда гудит в них ветер, В звон мешаясь колокольный, То дороже звуков этих Нет, пожалуй, в мире вольном.

И тогда, как в саге давней, Что читал я у камина, Вдруг меня уносит память В детство по дороге длинной.

И я вижу: чище, мягче Были в детстве эти дали,

И светлее, и богаче Горы елями сверкали.

ПЕСНИ

Всего лишь несколько песен Я в жизни своей создал, Пою их в ночи у фонтана В обществе юных дам.

Первая песнь о счастье, О юности без конца, Когда не страшны напасти И к вечности рвутся сердца.

Вторая песнь о теплых, Ласковых летних ночах, О женщинах прекрасных, Дающих любовь и печаль.

Третью песнь под скрипку Пою я всегда и везде — О цыганской тоске по дому, Которого нет нигде.

ВЕЧЕРНИЕ ОБЛАКА

Кому-то кажется порой, Что тешится поэт игрой, И коль бесцельна та игра, То прекратить ее пора.

Но оглянись на Божий свет, Поймешь, что сам Господь — Поэт, И вечером, под тихий звон, Задумчиво играет он: Вдруг облаков запустит ряд,— Как птички легкие парят, Расправив крылья золотые, И, рдея, тают, как живые. Но коль понравится одно, То долго будет плыть оно, Хранимое Его рукой, Неся блаженство и покой. И что казалось пустяком, Бесцельной рифмой и игрой, Пронзает душу глубоко Святой, божественной тоской. Творец доволен — удалась Забава легкая ему,

На Землю опускает тьму И обрывает красок связь. Но только ни один поэт Не может так легко играть, Неся красу и благодать И разливая дивный свет.

Ну что ж, пусть рифмы перезвон Напомнит нам вечерний звон И высь, где, с виду столь простые, Несутся тучки золотые.

КОНЕЦ ЛЕТА

Весь вечер стонет под окном Уныло дождик монотонный — Больной ребенок перед сном Так всхлипывает обреченно.

От праздников своих устав, — От них осталось только эхо — С печалью лето на устах — Природе в слякоть не до смеха...

И наша пылкая любовь Была цветком в букете летнем, Но лето кончилось, и вновь В осеннем видится все свете.

Чтоб стыд и горечь не толочь Пред очагом, уже остывшим, Отдай другому эту ночь И пусть рассудит нас Всевышний.

милые боли

Боли, милые сестрицы, Не Господь ли дал вас людям? Но никто-то вас не любит. Так давайте породнимся!

Я когда-то, вас чураясь, В мир раздольный гордо вышел, Был обманут и обижен, Нищим в дом я возвращаюсь.

Боли, милые, простите, Что без вас прожить стремился — С вами я теперь сроднился, Вы со мной теперь живите! Кровь мою преображая, По моим стремитесь жилам — Ведь в кругу сестричек милых Глубже жизнь я ощущаю.

ПЕСНЯ НА ПРОСЕЛОЧНОЙ ДОРОГЕ

В Париже мастер славный жил, Элизой дочку звали, И подмастерье с ней дружил, Хотя любил едва ли.

«Элиза,— парень говорит,— Сегодня день весенний, Пойдем-ка в лес, там соловьи Поют до одуренья!»

Недолго пели соловьи, Наш подмастерье скрылся. А мастер долго вслед ему Что было сил бранился.

Элиза тоже прокляла, Кого, сказать не смею, Когда же дочку родила, Назвали Соломеей.

Мать говорит ей: «Дочка, ты Блюди мои заветы: Весной не слушай соловьев, Запомни — вредно это!»

લ્ક્ષ્મભ્રજ્

Наталья Иванова (г. Гомель, Белоруссия)

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

Сонеты в переводе Натальи Ивановой

Наталья Иванова родилась в 1968 году в городе Гомеле. Филолог, социальный педагог. Поэзия, экожурналистика, переводы с французского и белорусского языков. Председатель Гомельского отделения ОО «Беллитсоюз «Полоцкая ветвь». Член Международного союза писателей и мастеров искусств. Работает методистом ГУО «Гомельский областной институт развития образования». Автор книг поэзии «Диалоги со временем», «Мистерия весны». Участник полутора десятков коллективных сборников поэзии, альманахов и антологий Беларуси, России и Украины. Публиковалась со стихами, переводами и литературной критикой, литературоведческими статьями в городских, областных и республиканских газетах, журналах «Неман», «Новая Немига литературная», «Мир животных», «Эколог и Я». Как лауреат награждена дипломами региональных, республиканских и международных литературных конкурсов.

7

Лишь юное светило на востоке Явленьем осчастливит небеса, В молитвенном и трепетном восторге К нему стремятся жадные глаза.

А солнце поднимается к зениту, Красавец лучезарный в цвете лет; По-прежнему сердца ему открыты, И, кажется, конца триумфу нет.

Когда же на убогой колеснице, Как старец — в землю, солнце канет в ночь, Брезгливо опускаются ресницы, Предатели-глаза стремятся прочь.

В сиянье полдня помни о кончине И о надежде старости — о сыне.

23

Актер бездарный, в страхе леденящем Забывший на подмостках роль свою,

Иль чудище, чей яд, в глуби кипящий, И внутренности жжет, и чешую —

Так, оробев, я напрочь забываю Мудреный куртуазный ритуал, И, кажется, любовь ослабевает: Испепелил себя страстей накал.

Пусть взоры — сердца пылкого предтечи — Займут места пустопорожних слов, В них — о любви молитвенные речи И нежности неизреченный зов.

Имеет свой язык любовь немая — Глазами слушай, мудрости внимая.

48

Как я заботился, сбираясь в путь, Все безделушки спрятать под запор, Чтоб не посмел преступно посягнуть На собственность неуловимый вор!

Ты, рядом с кем сокровища суть прах, Ты, утешение мое и боль, Ты, потерять кого — великий страх, На воровской ты брошен произвол.

Тебя не запер ни в какой ларец, Храню, где ты и есть, и нет: в груди; То милый гость, то дерзостный беглец... Глас ревности немолчно мне твердит:

«И честность позабудет про закон, Увидев драгоценный эталон».

51

Оправдана медлительность коня Моею всепрощающей любовью: Вдаль от тебя уносит он меня, Поэтому ему не прекословлю.

Когда ж настанет возвращенья час, И скорость вихря будет — промедленье; Я ураган пришпорил бы не раз В лишающем рассудка устремленье.

И не поспеет никакой скакун Настигнуть страсти жгучее желанье, Неистовей, чем огненный табун. Любовь коню находит оправданье:

Он мне помог в горчайшей из годин — Его оставлю и вернусь один.

55

Ни мрамору, ни монументов тверди Моих могучих строк не пережить, Но, вопреки и времени, и смерти, Ты будешь ярче пыльных глыб светить.

Когда опустошительные бойни Дома и статуи повергнут в прах, Не вытравят ни Марса меч, ни войны Живую память о тебе в стихах.

Иди вперед, не испугавшись тленья — Тебе откроют очи и сердца Грядущие века и поколенья! Хвала тебе до Судного конца!

Пока ты не восстал средь пробужденных, Живи в стихах, пребудь в глазах влюбленных.

60

Как волны к берегу мчат исступленно, Так и минуты, чей размерен ход, К концу нас приближают неуклонно, Упорной чередой стремясь вперед.

Ползком младенец движется к расцвету, Но, лишь раскрылся зрелости венец, Серпы затмений угрожают свету И время уж не сеятель, а жнец.

Все подлинное пожирая жадно, Пронзает время юности цветы И все крушит косою беспощадно, И бороздит чело у красоты.

Но все ж грядущих дней достигнет стих О красоте и доблестях твоих.

65

Раз бронза, камень, море, твердь земная — Все сущее в прискорбной власти тлена,

Как прелести цветка, не увядая, Стихию поборов, быть неизменной?

О, как медовому дыханью лета Жестоких дней преодолеть осаду, Когда и сталь ворот, и самоцветы — Все сокрушает Время без пощады?

Пугают размышленья эти. Время, От гроба своего алмаз где скроешь? Кто облегчит утрат и смерти бремя И свергнет иго мощною рукою?

Лишь магия чернил мою любовь Наполнит вечным светом вечных слов.

127

Не уважали раньше черный цвет, Зазорным было траур воспевать; У красоты детей законных нет: Клеймили чернотой бастардов мать.

С тех пор, как маску фальши носит сброд, Природу лицемерно губит рок, Краса, про имя позабыв и род, Тьму скверны возлюбила и порок.

Любимой брови — ворона крыло, Очей полночный траур им под стать По девам, что без золота волос Красы стяжали и венец, и стать.

Но так идет им эта чернота, Что скажет всякий: «Мрак есть красота».

લજીભજી

ЮМОР

Ася Михайловская (Кононкова)

(г. Могилев, Белоруссия)

Кононкова Елена Викторовна. Учитель русской словесности, прозаик и поэт. Финалист Международного литературного фестиваля «Пушкин в Бретани» — 2008, 2011 годов, победитель Международного мультимедийного фестиваля «Живое слово», обладатель Ордена «Живого слова» — 2011. Участник нескольких коллективных сборников поэзии и прозы. Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» с 2013 года. Проживает в городе Могилеве.

БАЙКА ПРО ЖУРНАЛИСТА ГРИШУ — 1

Моя скромная персона никогда не волновала журналистов. Но когда я стала финалисткой престижного международного конкурса и побывала в Лондоне, мне позвонил журналист и скромно представился:

- Я Григорий, дальше понеслась сочная «трасянка», мне про Вас Михась рассказывал, вы з яго жонкай Клавай у адной школе работаеце.
  - Да, Клавдия моя коллега, а что случилось?
- Я тут ОНТ смотрел, Киселев про ваш конкурс рассказывал. Киселев пра абышто гаварыць ня будзе, значыць конкурс харошый, прязжайце да мяне, я буду пра Вас писаць.

Тщеславие мое возликовало, про меня никто никогда не писал, и поэтому я примчалась к Григорию в редакцию.

Григорий записал на диктофон мой поток сознания и предложил услуги литературного наставника. Я очень обрадовалась, так как у меня не было знакомых из местной творческой интеллигенции (не считая педагогов).

Через три недели вышла статья на целый разворот. В цветном варианте. С парой грамматических ошибок. С одной речевой и одной фактической ошибками. Я не знала, над кем будут хихикать коллеги с кафедры русского языка: надо мной или над Григорием. Потом решила, что виноват корректор и успокоилась.

Григорий позвонил и предложил «обмыть статейку». Общение с местной творче-148 ской интеллигенцией входило в мои планы. Григорий назначил встречу у корчмы «Беларуски падворак». Но я не знала, где находится эта корчма. Григорий обиделся и сказал, что там весь цвет местной журналистики «збираецца». Я пообещала, что обязательно найду знаменитую корчму.

Гриша ждал меня с букетом белых хризантем. Меня передернуло, так как в моем представлении белые хризантемы используются на похоронах. Но Гриша успокоил рассказом о том, что белые хризантемы дарят только белорусские аристократы, и даже его дед бабке носил белые хризантемы. Я догадалась, что Гриша относится к белорусским аристократам.

В корчме порхали официанты — юноши и девушки в национальных костюмах. Такое я видела только на конкурсах художественной самодеятельности.

«Наверное, студенты из колледжа искусств подрабатывают», — подумала я.

- Будзем есць карпачча, тут смачнае карпачча,— изрек Григорий и зычным голосом позвал официанток в национальном камуфляже:
  - Дзеваньки, сюды!
  - Может капраччо? поправила я
  - Не, карпачча, па-беларуску карпачча.

Потом я долго копалась в белорусско-русском словаре, но слова «карпачча» так и не нашла. Наверное, это что-то из лексики белорусских аристократов.

Выпив 100 граммов водки «Офицер», Гриша предался воспоминаниям. Я узнала очень много нового и интересного для себя. О том, что Григорий служил в армии на афганской границе и коренным образом повлиял на исход войны. Ему за заслуги офицерское звание присвоили. Кажется, капитана. А может быть, даже майора.

Потом работал в газете и тоже повлиял на политические события нашей страны, а именно: участвовал в восхождении на трон нынешнего правителя.

Я была очень рада, что судьба свела меня с историческим персонажем. У меня никогда не было таких знакомых.

Завязалась дружба. Общались мы по телефону. Я читала ему сочиненные стихи, а Григорий рассказывал о своих достижениях в области журналистики и литературы.

— Што у цябе за стихи? Хрэнь нейкая! — консультировал Гриша по телефону,— Не, не так нада писаць! Нада пра Родину писаць, пра прыроду. Схадзи у лес, абними бярозку и напишы, што адчуваеш. Ды так напишы, каб у мяне душа звярнулася и не развярнулася. Можа белачку сустрэнеш, альбо зайчыка. Аб гэтым тож напишы! Во! Тады я скажу, што ты — паэтесса. А так ты — тьфу, а не паэтесса! Тьфу!

Я даже по телефону слышала, как Григорий смачно плевался.

Предложенные Григорием образы зайчиков и белочек стойко ассоциировались у меня с падением белорусского рубля и гиперинфляцией. Милые, ни в чем неповинные белочки падали оземь и разбивались вдребезги, а пушистых зайчиков съедали злые волки.

- Гриша, я не хочу про белочек писать. Не мое это...
- Ага, не твае?..

Далее следовали непереводимые русские маты с белорусским акцентом. Так обычно ругался мой деревенский дед, когда просыпался после пьянки, а опохмелиться было нечем. Я догадалась, что Гриша, хоть и аристократ, но тоже страдает похмельным синдромом.

Я просто отключала телефон, так как очень уважительно отношусь к чужим страданиям.

Когда через пару часов я подключала мобильник, раздавался требовательный звонок Гриши:

— Я табе што, мальчик? Чаго трубку кидаеш? — и, не дожидаясь моего ответа, Григорий продолжал:

- Я ж член Саюзу... цябе жызни вучу, трэба разумець, а ты не разумееш! Вось паслухай, над чым я зараз работаю. Я крыминальныя сводки пишу, знакомлю народ с работой нашей милицыи. Пра гаишников пишу. Гэта табе не стишки писаць! Думаць нада!
  - Да, это непросто, подтвердила я.
- А то,— воодушевился Гриша.— Дык и милицыя гэта панимае. Яны кожны год мне узнагароды даюць: два гады назад нагрудны знак отличия дали, у прошлым годзе благодарность и денежную премию. Што в этом году дадут не знаю, но нешта дадуць, бо не могуць не даць, я ж пра их усе пишу и пишу.
  - Конечно, поощрят, поддержала я Григория.
  - А то! Там люди жизнь понимают. Не тое што ты!

Через пару месяцев Григорий опять осчастливил меня своим звонком:

— Зайди да мяне, пагаварыць нада. Нешта важнае.

Я как раз была в редакции у приятельницы-журналистки из газеты, конкурирующей с газетой Григория. Нужно было просто спуститься на один этаж.

— Сходи, — улыбнулась журналистка, — потом обязательно расскажешь.

Григорий озарил меня улыбкой фельдфебеля:

- Быстро ты! Сядай! ...Я партию арганизавал... Харошая партия... «Гэй, браткиславяне!»
- Там,— Гриша поднял указательный палец вверх,— в курсе, и грошы дали. Вступай чалавекам станеш!
  - Гриша, спасибо, за доверие, но я не вступаю ни в какие партии.
  - Падумай, я абы-каго у сваю партию не заву.
  - Гриша, нет!
- Малахольная ты, па конкурсам, фестивалям ездиш, а толку? Тольки грошы на вецер кидаеш. Писали, што ты апяць у Лондан едзеш? Финалистка-паэтесса?
  - Да, Григорий!
- Тьфу! Ну, якая з цябе паэтесса? Прачытал я тваи стихи абы-што пишаш. Нейкия хлопчыки и дзевачки страдаюць, ныюць. З жыру бесяцца, грошай много во и страдаюць. Таких парней и дзевак, и цябе таксама запрач у плуг замест каня и падымайце сельскую гаспадарку!

И польза б была и страдаць бы перастали.

У меня не было слов, и я молчала...

- Чаго прымолкла? Тольки Грыша табе усю правду скажа. У Лондан не едзь, грошы няси сюды, мы табе сборник арганизуем.
- Гриша, на собственный сборник у меня еще нет материала, а в Лондоне издадут сборник со стихами поэтов-финалистов, значит, и мои стихи войдут в сборник. И «грошы» у меня в Лондоне никто не требует.

Журналист почему-то разозлился:

- На Западе печатаешься, а про Родину забыла? Што, западныя мужыки лучше?
- Гриша, я очень люблю Родину и соотечественников. У меня даже рассказ есть «История любви. К офицеру через Лондон».
  - Дай пачытаць!

Я протянула рукопись Григорию... Гриша читал рассказ, улыбался и одновременно поправлял усы, смеялся и пытался прикрыть проплешины на голове оставшимися волосами.

- Ну, неплохо-неплохо. Общение со мной пошло на пользу.
- Спасибо.

Но вдруг Григорий вскочил со стула и вперил в меня злобный взгляд:

— Гэта нихто не напячатае. Ты хочаш, каб мяне з работы прагнали? Ды за такий рассказ и цябе з тваей работы выкинуць, и у твайго афицера здзяруць пагоны... 150

- Гриша, не надо меня печатать, а в рассказе ничего крамольного нет.
- Все равно до Григория Ивановича *N*-ского тебе как до Киева раком,— Гриша показал свой сборник.— Вот она, настоящая проза. 15 лет писал.
  - Поздравляю. Здорово!

Воцарилось молчание. Я знала, что у Григория была издана книга на белорусском языке. Но так как белорусский язык я знаю плохо, меня сей факт мало взволновал.

- Чаго скисла? Завидки бяруць? Чаму пачытаць не просишь?
- Я просто постеснялась. Гриша, дай, пожалуйста, прочитать свою книгу.
- А во табе! Григорий показал мне фигу.— Многа вас таких папрашаек, а Гриша адзин, усим не надаешся.Григорий Иванович *N*-ский лучший прозаик в нашем регионе.

От шока я не знала, как себя вести: встать и уйти или сидеть дальше в апартаментах Гриши.

— Ня дуйся, гэта я жартую так. Можа и дам пачытаць сваю прозу, там видна будзе. Ка мне завтра хлопцы з Минску прязжаюць. Харошыя журналисты, як и я. Будзем замачываць мой сборник. У карчму прыйдзеш?

Я переваривала информацию. Еще пару хороших журналистов, подобных Грише,— и психика моя не выдержит, она и без того подорвана на ниве народного образования.

- Да, Григорий, я обязательно приду. Вы, главное, дождитесь меня...
- Ну, вось тады и сборник дам пачытаць. А можа, и падару, там видна будзе...

Выйдя из редакции, я отключила мобильник, а в ближайшем центре связи поменяла номер телефона. Теперь надеюсь, что для журналиста-аристократа, общественного деятеля и лучшего прозаика региона, я недосягаема.

БАЙКА ПРО ЖУРНАЛИСТА ГРИШУ — 2

Меня вызвал к себе в кабинет директор школы. Я не знала, за какие грехи, и поэтому шла с нарастающим ощущением страха.

За то, что вчера на работу опоздала? Так всего на семь минут, и этого никто не заметил, дети, как мыши, в кабинете сидели, они уже привыкли.

За то что в лаборантской курю? Так не я одна курю. И математики дымят, и историки, а про начальную школу и технический персонал я вообще молчу.

Курят все — а кафедра русского виновата. Вот оно, притеснение русского языка и русской литературы в национальном масштабе и на государственном уровне.

Директор встретил меня с улыбкой. Ага, значит ругать не будут, можно премию просить.

— Садитесь, Елена Викторовна, в ногах правды нет.

Ага, вежливый такой, обходительный, точно премия будет. Незапланированные материальные доходы — это очень хорошо.

— Елена Викторовна, мне тут из газеты журналист один звонил,— директор нашел на столе бумажку,— Григорий Иванович *N*-ский. Оставил свои телефоны.

Он вам не смог дозвониться, Вы, наверное, номера сменили? И домашний, и мобильный?

- Да, выдавила я из себя.
- Елена, Викторовна, ну как же так? Почему вы в секретариат не сообщили об изменении номеров. Мы вам тоже вчера звонили и не дозвонились.
  - У меня вчера был законный методический день.
- Это понятно. Но мне ведь надо держать руку на пульсе и знать телефонные номера всех сотрудников. Григорий Иванович хочет у вас интервью взять и написать,

как вы в Лондон съездили. На Международный Фестиваль русской поэзии и культуры «Пушкин в Британии-2011».

- Я не хочу Григорию Ивановичу ничего давать.
- Надо захотеть, Елена Викторовна. Любое упоминание о нашей школе в прессе это повышение рейтинга учреждения. Газета у Григория Ивановича серьезная, с самым большим тиражом в регионе, а главное не оппозиционная, не «Белорусский партизан» какой-нибудь. И потом, Елена Викторовна, если просят нужно давать. Вы ведь хороший специалист, молодая и интересная женщина. Нужно давать, Елена Викторовна.

Я даже забыла, что хотела премию попросить.

- Да, по поводу премии,— уточнил обходительный директор,— за любое ваше интервью, в котором будет упомянута наша школа, я буду вам премию выписывать. Из директорского фонда. Все, Елена Викторовна, идите на урок, у секретаря оставьте новые номера телефонов.
- Закрыли рты, рявкнула я на восьмиклассников. Когда меня одолевают тягостные мысли и сомнения, я даю ученикам самостоятельные или проверочные работы. Дети пишут, а я копаюсь в своих мыслях.
- Учебники спрятали, достали листочки. Проверочная работа по домашнему заданию. Я посмотрю, как вы первый и второй акты трагедии «Ромео и Джульетта» прочитали.
- A вы нас не предупреждали, что письменная будет,— кто-то робко вякнул с последней парты.
- Что? О чем я вас должна была предупреждать? Великий Шекспир не нуждается в предупреждениях. 1-й вариант Ромео и Джульетта. Зарождение отношений.
  - 2-й вариант враждующие семейства Монтекки и Капулетти.
- Первому варианту всегда легче, последняя парта опять попыталась выразить недовольство.
- Нет, мой юный друг! Любовь гораздо сложнее вражды. Работаем. Время пошло!

Григорий Иванович *N*-ский — это моя головная и зубная боль одновременно. Несколько лет назад, когда я стала финалисткой Международного конкурса «Пушкин в Британии» и побывала в Лондоне, Григорий Иванович писал про меня статью. Долго писал. Когда, наконец, написал, очень обрадовался и на радостях пригласил меня в корчму, чтобы отметить это важное событие. Я имела неосторожность принять его приглашение. Гриша (он так сам просит себя называть, чтобы чувствовать вечно молодым и красивым) одарил меня букетом белых хризантем, а после ужина в «Белорусском падворке» подвез меня на такси до моей остановки. Правда, такси было маршрутным. Но Гриша до сих пор настойчиво повторяет, что на такси отвез меня домой.

Каким-то образом про Гришины проделки (корчма, хризантемы, такси) узнала его властная и суровая супруга. Точнее, гражданская жена. А еще точнее — сожительница. Гриша говорит, что это конкуренты из газеты с меньшим тиражом слили про него информацию. У Григория начались семейные неурядицы, а виноватой в этих неурядицах почему-то оказалась я.

Гриша предложил встретиться на нейтральной территории и оговорить тактику поведения

— Каб у тебя и у меня не было неприятностей, — объяснил он.

Мы встретились за корчмой «Белорусский падворак». Там очень хорошая подворотня. Скрытая от глаз наблюдателей и конкурентов.

Григорий был жалок и помят.

Ты ж пайми, мне нельзя с ней ругацца. Усе на ей: квартира, машина, дача.
 Она — бизнесменша.

- «Боже, какой Гриша лох! подумала я,— учит меня жизни, а сам живет в примаках у бизнес-тети и зависит от ее капризов. В семейных отношениях должны быть равноправие и демократия. Как, например, у меня с первым мужем. У нас была полная демократия. Правда, мы разошлись. Но очень достойно разошлись. Мы почти студентами были, нам было нечего делить, и поэтому мы очень равноправно и демократично разошлись».
  - Она может тебе позвонить. Только, пожалуйста, не ругайся з ей!
  - Откуда она узнала мой номер? разозлилась я.

Гриша сморщился и скис.

«Понятненько,— подумала я,— Грише захотелось повысить свою самооценку и поднять себя в глазах супруги: учительница, которой Гриша, если не в батьки, то в дядьки годится, заинтересовалась талантливым журналистом и общественным деятелем, ходит с ним в корчму, принимает букеты хризантем, ездит с ним на «такси». Хорошенькое дельце! Теперь весь регион будет думать то же, что и супруга Гриши».

- Зачем ты спалил мой номер телефона?
- Я ничога не палил, она сама твой телефон узнала. По фамилии. Она статью прочитала, ты ж теперь известная. Благодаря моей статье. Гриша стал страдальчески массировать сердце.— И еще... она может на работу к тебе заявиться, с начальством поговорить... ты там предупреди всех.

Я чуть не задохнулась от гнева:

- Гриша, о чем мне предупреждать начальство? О том, что я с тобой в корчму ходила? Бред сивой кобылы! Что ты наплел своей супруге?
  - Я не плел... она сама... конкуренты...
- Гриша, не лепи мне горбатого! Ты меня конкретно, не по-детски подставил! Твоя статейка не стоит таких жертв с моей стороны. Мне такая слава не нужна! Кроме неприятностей, она мне ничего не принесла.
  - Не кричи... тут везде конкуренты... могут быть... шпиены.
  - Гриша, у меня нет слов!..
- Она... эта... когда про тебя узнала... бритвой на полоски порезала мой костюм... импортный... любимый... з Чэхии привез.

Я сразу вспомнила французскую кинокомедию с участием Пьера Ришара. Кажется, «Неудачники». Там главному герою конкуренты тоже режут костюм на полоски.

Но Пьер Ришар — субтильного телосложения, а Гриша с мощной трясущейся биомассой в порезанном на полоски чешском костюме — зрелище не для слабонервных.

Да, многое проясняется. Понятно теперь, почему самый симпатичный спецкор из Гришиной газеты Андрей Копейкин, когда встречал меня в коридорах редакции, смотрел заинтересованно-пренебрежительно и на приветствие насмешливо отвечал: «Наше Вам!». Понятно теперь, почему журналистка Светочка Рудковская, ничего не объясняя, удалила меня из друзей в «Одноклассниках», а при встрече со мной прятала глазки, в которых веселились ехидные бесенята (Пока Григорий писал статью, он вызывал меня в редакцию для уточнения информации не один раз, и я успела перезнакомиться почти со всеми его коллегами, которые собирались в курилке).

— Гриша! — взвыла я.— Что про меня и тебя можно было узнать, кроме статьи и корчмы?!

Вместо ответа Гриша достал из-за пазухи початую бутылку водки «Офицер» и спросил:

— Будешь?

Бежать в аптечный киоск за валерьянкой было далековато, и я решила воспользоваться гришиным антидепрессантом.

— Давай на лавку сядем, там спадручней, предложил мой двуликий друг.

После глотка выпитой водки (рюмок у нас не было, и мы пили прямо из горлышка бутылки, а закусывали моей недоеденной плюшкой из школьного буфета, она нечаянно завалялась в сумочке) мне стало легче, и я смотрела на сложившуюся ситуацию уже с комических позиций. Мне с журналистами детей не крестить, у них у самих рыльце в пушку, а я — скромная учительница русского языка и литературы, в редакции больше не появлюсь, и пусть про меня думают и говорят, что хотят эти лицемерные станочники печатной макулатуры.

Гришу тоже расслабил десяток глотков, и он задал мне странный вопрос:

- У тебя якая квартира? Ты одна жывеш?
- Гриша, даже не думай! сразу въехала я в ход мыслей Григория. Квартира трехкомнатная, но я не свободна.
- Дура ты трохкомнатная,— обиделся Гриша.— Мы б з табой стольки дзел наварочали,— мечтал Григорий,— у мяне ж магчымасць есць,— Гриша поднял вверх указательный палец правой руки,— я б цябе на работу добрую прыстроил.— Гриша поднял указательный палец левой руки,— Гэта табе не абы-што, гэта табе не у школе работаць.
  - Гриша, закуси лучше, плюшка еще осталась.
  - Што мне твая плюшка?
- Бизнесменша мне не жонка, загрустил мой друг, а так сажыцельница, жывем пять лет. Мая родная жонка памерла, а усе остальное гэта не жонки.

Слюни Гриши начинали вызывать раздражение:

- Зачем живешь не с «жонками»? Гриш, не обманывай себя: тебе с бизнесменшей тепло и уютненько, и не надо напрягать себя проблемами насущными, можно отдаться творчеству и журналистике. А тебе ведь этого и надо. Держит на коротком поводке? Молодец, хваткая баба! Гриш, дай мне ее телефон, я сама ей позвоню и все разъясню по поводу «наших с тобой отношений».
  - Сам разбярусь як-нибудзь, буркнул мой временный собутыльник.
- Гриш, только объясни все так, чтобы она мне не звонила и на работу не приходила. Поверь, я найду о чем с ней поговорить и вывалю ей столько информации, что она тебе еще два костюма на полоски порежет. Тебе на работу не в чем ходить будет.
  - Няма у цябе чалавечнасци, няма, обиделся Гриша.
- Возможно. Вам, журналистам, сверху виднее. Вы ведь власть. Не помню, пятая или шестая по счету.

Эти события двухлетней давности я вспомнила, пока дети писали проверочную работу по трагедии Шекспира. Несколько месяцев назад, перед поездкой в Лондон, я сменила телефоны, так как у меня с Гришей возникли идеологические разногласия.

С какой целью Гриша опять меня нашел?

В партию «Гэй, братки-славяне!» он меня уже приглашал.

Стихи мои уже опустил ниже плинтуса.

Сборником, своим 15-летним трудом, успел похвалиться.

Статейку про меня уже писал.

В корчму водил, и даже на такси катал, правда, маршрутном.

Какой еще сюрприз готовит мне судьба в лице талантливого журналиста и общественного деятеля Григория Ивановича *N*-ского?

После работы проверяла детские сочинения, написанные учениками дома. Тема: «Книги, которые бы я взял(а) с собой». Богатством фантазии работы не отличались, у учеников даже не хватило ума попросить родителей исправить ошибки, я ведь пре-

дупредила, что оценки в журнал буду выставлять. Мое терпение лопнуло, когда у одного сочинителя я нашла три любимых произведения:

- 1-я книга Глухарь. Часть 1-я Висяк.
- 2-я книга «На зоне или От зари и до зари нам кукуют звонари».
- 3-я книга Побег из Владимирского централа.
- У девочек список любимой литературы тоже не отличался разнообразием, у юных леди самыми рейтинговыми были некие романы:
  - 1. Очаровательница.
  - 2. Интриганка.
  - 3. Хозяйка нефтяного замка.

О современных авторах, написавших эти «шедевры», затуманившие мозги моим ученикам, я даже не слышала. Я не очень хорошо знаю современную прозу, мы ведь по русской литературе в основном классику изучаем.

Раздался звонок. В трубке я услышала до боли знакомый голос:

— Ну, привет! Што сбежать хотела? Врешь — от Гриши не уйдешь!

Я поняла, что три оставшиеся стопки ученических работ я уже сегодня не проверю.

Журналист Гриша — это фантом. Это некий злой дух, который преследует меня уже в течение нескольких лет. Было бы разумнее положить трубку, но я продолжаю слушать Гришу:

- Подвела ты меня тады, крепко подвела. Мы з хлопцами цябе ждали-ждали... а ты, як у той песне: «Я прыйшол цябе няма, падманула, падвяла». Я тады думаю: ну, афирыстка, я ей путевку в свет дал, статью на целый разворот в цветном варианте написал, мы такия статьи пра членов Саюзу... и именитых письменников пишам. Я цябе, можна сказать, у людзи вывел, а ты мне испортила культурное мероприятие. Перед минскими хлопцами неспадручна.
  - Гриша, у меня были форс-мажорные обстоятельства.
- Да, ладно, я чалавек добрый, забыл. Чтоб идти в будущее, надо разрушить прошлое. Если смотреть назад не пойдзешь наперад. Ну, як табе?

Я поняла, что Григорий усиленно повышает свое самообразование: дочитал «Кодекс строителя коммунизма» и взялся за Дейла Карнеги «Как завоевывать друзей».

— Чаго змолкла? Ладно, бяры свои дипломы и прыязджай, буду пра цябе писаць. Можа што з тваих стишков или рассказиков напечатаем. Жду!

Да, Григорий грамотно поиграл на моем тщеславии, и я поехала в редакцию. Я даже взяла с собой бутылку ликера «Бейлиз», купленную в лондонском аэропорту Гатвик.

Я устала от гришиных напоминаний о статье трехлетней давности, которая «вывела меня в люди». Может, бутылка «Бейлиза» поможет рассчитаться с Гришей за его благодеяния. Три месяца назад эта бутылка стоила четверть моей учительской зарплаты, сейчас, в связи с непрекращающейся гиперинфляцией, цена бутылки ликера «Бейлиз» — половина моей зарплаты. Я просто не смогу выпить такой дорогой напиток. Это мне не по карману. А Гриша пусть пьет.

Ликер я решила отдать Грише сразу, так как догадывалась, что, поговорив с ним пять минут, разобью или выброшу дорогой напиток, если не успею его выпить сама.

Гриша, увидев бутылку, причмокнул:

- Хороша ложка к обеду,— он собирался открыть бутылку и хлебнуть дорогой напиток.— Дык у нас сейчас обед,— объяснил Гриша.
- Григорий, не смей,— возмутилась я,— это очень дорогой напиток, его можно только с министрами и депутатами пить. Я назвала стоимость продукта.
- Ух, ты! крякнул Гриша.— Дык... эта... я тоже депутат... скоро буду. Баллотируюсь. Мне нужна хорошая команда. Ты хоць троху афирыстка, но мне подходишь. Нам такие люди нужны. Доверенным лицом будешь.

Я поняла, что Гриша и не собирался писать про меня и про конкурс, он просто вербует рекрутов в свою избирательную команду.

Жаль, что я отдала ликер раньше времени, лучше бы разбила о его чугунную голову.

В кабинет постучали, и вошел «юноша со взором горящим». В его горящем взоре было что-то фанатичное. Да, такие за идею бросятся в прорубь.

— Гэта Алесь,— познакомил нас Григорий.— Алена. Ну, может, в сотрудничестве и полюбитесь друг другу. Дело молодое,— подмигнул нам Григорий.

По взгляду юноши было видно, что он согласен полюбить меня, и даже мою маму с бабушкой, если Родина скажет. Такие юноши в зрелом возрасте чаще всего становятся циниками или обычными пьяницами.

Бесшумно в кабинете появился следующий сотрудник гришиной команды: некто Коля. Молчаливый господин лет 35—40. Он был спокоен и невозмутим. Наверное, бывший работник спецслужб,— подумала я.— Да, этот не будет бросаться в прорубь, он, притаившись за углом, тихонько воткнет нож, и никто следов не найдет.

Какие неординарные личности,— думала я,— и где только Гриша откапывает таких? Я чувствовала, что меня скоро стошнит: и от Гриши, и от его команды, и от собственного тщеславия, на котором мастерски играет Григорий.

— Гриша, я — политически и социально отсталый элемент и поэтому не смогу быть твоим доверенным лицом. Я ни во что не верю, ничего не хочу, я анархистка, индивидуалистка, аферистка и пройдоха, каких свет не видывал. Я никогда не буду печататься в твоей газете, я никогда не буду членом Союза... Я обещаю, что ты и твоя газета обо мне не услышите, только прошу об одном: оставь меня в покое. Навсегда.

Под гнетущее молчание я вышла из кабинета.

യായ

Виктор Рябинин (г. Мозырь, Белоруссия)

ДРЕВНИЕ ГРЕЧЕСКИЕ СКАЗКИ

Родился в 1948 году на Псковщине. Жил и учился в Латвии. Окончил Калининградское высшее военное училище. После увольнения из Армии в 1982 году работал: от кочегара на Крайнем Севере до помощника капитана теплохода на Припяти. Впервые опубликован в издательстве «Фортуна» (г. Рига). В 1997 году принят в Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь». Автор книг юмористической прозы «Жизнь есть жизнь» и «Леди в бане».

ОЛИМПИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ

Да, завидная жизнь началась у богов на Олимпе с изобретением рода людского. Всякий был при деле, у каждого не пыльная работенка управленца средней руки. Париться-то особо не приходилось, ведь всем миром заправлял Зевс. Где надо — подгонит, где не надо — подскажет, а то и вовсе возьмет в оборот на зависть другим богам. Кого хочешь парой-тройкой молний угостит до полного изумления в очах. Пришколит нерадивого. Учись, мол, сам и помогай бескорыстно ближайшему родственнику. Иначе богини судьбы, в чьем ведении рок не только смертных, но и богов, враз ниточку жизни перережут, не тот жребий бросят, да еще и в книгу судеб все твои деяния занесут. Вовек не отмоешься в царстве Аида. Ни кипятком, ни смолой горячей, ни словом хвалебным в адрес свой. Вот как складно все продумано на Олимпе!

Сам верховный правитель Зевс восседает в золотых чертогах на золотом же троне. Золотишко-то уже тогда входило в моду. Сидит и управляет подчиненными богами и, естественно, людским племенем. А вокруг трона толпится кучка самых любимых родственников, нахваливая мудрость и руководческий талант Зевса. В ближайшем окружении и жена его, по совместительству родная сестрица Гера, и прекрасная родственница Афродита, и могучая дочь Афина, и златокудрый Аполлон с сестрою Артемидой. Это все любимцы Зевса. Другие-то обочь стоят, очереди к трону дожидаются.

Денно и нощно трудятся боги, то есть пируют напропалую, решают между делом всяческие мирские дела. Ведь то время года на земле сменить надо, то уровень воды в реках проследить, то сенокос организовать или, скажем, те же зяби перепахать заставить. Главное же — кое-кому из людишек жизнь то ли укоротить, то ли лишнего прибавить, вплоть до бессмертия. Не жалко, лишь бы человек был в меру хороший. Вот в таких трудах и проходят олимпийские будни, благо весь Олимп окутан облаками и не доступен пытливому взгляду землян.

А уж едят и пьют небожители лишь амброзию и нектар. К кутье не притрагиваются и просфорками не балуются. И ни-ни скоромного. Лишь амброзия и нектар, нектар и амброзия. Сам Зевс даже вкус козьего молока забыл. Токмо нектар! Кстати,

у критской козы Амалфеи, чьим молоком был вскормлен Зевс, пообломали-таки рога. А один из них превратили в рог изобилия. Ну, боги, ну, что ты! А доверив тот козий рог богине Фортуне, олимпийцы не просчитались. То есть взвалили на нее вполне посильную ношу. И стала богиня из рога изобилия одаривать людишек своими благами и другими приятностями. Порой, правда, ссыпая не туда, куда надо. Да и то! С Олимпа до всех не дотянешься. Иной раз и к хорошему с виду человеку задом оборотиться приходится. Но зато каким! Олимпийским!

Но не только пищу богов вкушают олимпийцы. Не хлебом единым, как поговаривают человечки внизу на земле. Прекрасные в вечном цветении своем музы и грации услаждают их слух песнопениями, а взоры танцами. И такие хороводы устраиваются вкруг пиршественных столов, что боги ликуют, впадают в послеродовой транс, а из рога изобилия, по недосмотру Фортуны, перепадает роду людскому коечто лишнее. Тут и не к месту урожайный год, непредсказуемый приплод овец и баранов, а то и вовсе никакого людского мора и падежа надежд на лучшее на грешной земле. Такая вот несусветная неурядица происходит.

А грации и музы тем временем, взявшись за белы руки, затеивают все новые и новые пляски, поют сладкоголосо новые гимны на два голоса и разыгрывают сцены из семейной жизни небожителей. И так-то радостно на душе у Зевса, что его юная дочь Геба и Ганимед, сын царя Трои и причисленный к лику бессмертных, едва поспевают подливать нектар в кубки и наполнять подносы амброзией, благо урожаи последней на Олимпе обильные.

У ног Зевса два постоянно действующих сосуда. С добром и злом. Из какого хочет, из того и плеснет на землю. И горе человеку, преступившего зевсовы законы. Черпнет из сосуда со злом, смежит очи, выпустит огненную стрелу — и враз человечку небо с овчинку покажется. А ведь прав громовержец! Не пустыми разговорами и подарками земельных наделов правил, а крутым и справедливым действием. К тому же, строгая богиня Фемида всегда была рядом с троном, всегда могла судить строго и не подменяя гирьки на весах судьбы. Мол, никаких поблажек, никаких нашептываний на ушко даже со стороны Зевса, а что до подношений жертв на лапу... Словом, не приземленное это было судилище. Олимп как-никак!

Вот и царит Зевс в окружении сонма богов, блюдя порядок во всем подвластном ему мире. И вроде бы наступает полная идиллия и сопутствующая ей божья благодать...

ЦАРСТВО ПОДВОДНОЕ

Как помнится Древнему Греку, седой Океан, бог-титан, ринувшийся в удачное время на подмогу Зевсу в битву супротив Крона, на этом этапе борьбы за власть и успокоился. Устал, видимо, от земных склок и дрязг, а посему и удалился от мирских дел, поселившись на самом краю земной твердыни. Может, завел какое хозяйство, может, просто пенсионно отдыхал, потешая себя бурями и другими водными феериями в виде всемирных потопов.

Видя такое бездействие старикана, Зевс перетолковал со своим братцем Посейдоном и, в результате приватного разговора, последний согласился на пост колебателя морей. Вооружившись грозным трезубцем, Посейдон упорядочил и круговорот воды в природе, и прочие движения жидкостей по всему периметру земной тверди. А чтоб не отстать от олимпийского братца, в пучине моря отгрохал себе великолепный дворец, как какой-нибудь рядовой олигарх наших дней. То есть, не стесняясь. Стал жить помаленьку. Лишь иногда, устав от морских дел, Посейдон запрягал своих подводных коней в колесницу и мчался к берегу, чтобы отдохнуть на солнцепеке прямо

на гальке, понаблюдать за суетной жизнью на земле, а то и просто потолковать с кем попало из богов о житье-бытье. И вот как-то занесли его кони на остров Наксос. Аккурат в какой-то праздник. А у богов и их подручных в те славные времена, считай, что ни день, то и праздник. То опять же пляски с песнопениями, то трудовые будни с пирами. В общем тут тебе хороводы по всему острову и сплошь косяком красавицы, аки стерлядки в подводном мире. И не устоял соблазну Посейдон — влюбился в одну из прелестниц. Да до такого самозабвения, что решил тот же час умыкнуть в свой дворец длинноволосую безо всякого родительского благословения и даже приданого. Но не тут-то было!

Красавицу ту звали Амфитритой и была она дочерью вещего старца Нерея, который сам обретался в морских пучинах и знал все тайны будущего. Ну, почти все, ибо хоть и успел упрятать доченьку у держателя небесного свода титана Атланта, нашелтаки ее Посейдон. Может с месяц всего и поколесил по прибрежным пескам, Лукоморьям да дичавшим в безлюдье островам. И не только что нашел, но и умчал ее в подводный свой замок. Да девица-то особо не сопротивлялась. Может, так задумано было, может, природа брала свое, а может, просто помнила, что у старца Нерея их-то пятьдесят дочерей и все на выданье. Кто ж тут правду скажет. А здесь партия складывалась благоприятная — и жених заморский, и палаты царские. Кто устоит? Что с того, что уха круглосуточно и прочие яства без нектара? Зато чертоги, преклонение обитателей глубин и прочая благодать подводной цивилизации. К тому же сестрицы по семь раз на дню в гости стали заглядывать, радуясь белой завистью замужеству Амфитриты. Да и батюшка всегда под рукой, так как устроился на службу к самому Посейдону. Вон и другие боги, рангом поменьше, за советом к Посейдону заскакивают. Все при деле и с новостями. Кто за приливами-отливами приглядывает, а кто и за кораблями следит. Где вода, там всегда особый догляд требуется. Поэтому все к Посейдону спешат, чтоб лишний раз в самостоятельном решении не промахнуться. А иной раз и сама Амфитрита что-нибудь путное присоветует по хозяйственной части. Не все же время с дельфинами резвиться да урезонивать сынка Тритона, чтоб отпрыск лишний раз громовым звуком совей трубы из морской раковины не вызывал бурю или иной морской катаклизм.

Словом, душа в душу живут и правят Посейдон с Амфитритой. Главное в умиротворении и вдали от не в меру расплодившихся людишек. Разве что мореходы порой донимают. Бороздят и бороздят своими утлыми челнами водную гладь. Все что-то ищут, что-то открывают. И чего дома в сухости не сидится? Вот и приходится самым назойливым укорот чинить. Лодку перевернул — и концы в воду на радость придонным обитателям. А так-то все тишь да гладь. Все спокойно. Под водой-то.

ЦАРСТВО ПОДЗЕМНОЕ

Тихо душа, излетевши из тела, нисходит к Аиду, Плачась на жребий печальный, бросая и крепость и юность.

(Гомер. Илиада. Песнь 16)

Хорошо и привольно Зевсу под солнцем на великом Олимпе. Всякий час проходит в радости и наслаждениях. Неплохо и Посейдону. В морских пучинах. Тоже жизнь бьет ключом истоков водной сути бытия. А вот каково Аиду, третьему брату великих богов? Ведь царит он в страшном подземном мире среди вечной тьмы и ужаса смерти, где только блеклые тени покойников, теснясь в этой юдоли скорби, своими стенаниями и горестным плачем лишь усиливают тоску одиночества и наго-

няют замогильный страх. Без веселого журчания струят по загробным владениям Аида свои мрачные воды Стикс, чьими волнами клянутся сами боги, Лета, дающая забвение всему земному, да Ахеронт. Через который старый Хорон безвозвратно перевозит души умерших в царство Аида. А души рыдают и стонут, и бьются о борт челнока перевозчика. Но суровый Харон даже не удостаивает их радостью последней беседы, а умело и привычно сопровождает их в ад. И нет более возврата хоть какомунибудь существованию, но лишь бы на земле, лишь бы под небом. Тем более, что выход из подземелий сторожит страшнейшая в своей злобе псина — трехголовый Цербер с ужасными змеями вместо ошейника. Змеи злобно шипят, Цербер яростно оскаляется, а Харон молчаливо неумолим. Нет возвращения назад, как бы ни складывались ваши дела в подлунном мире. Ни ордена, ни деньги, ни иные заслуги и радения перед отечеством не помогут найти обратной дороги...

Аид же, восседая в своих чертогах на золотом троне, окружен толпой ближайших помощников. А как же? Хозяйство огромное и в одиночку при такой бесперебойной работе Харона никак не справиться. Денно и нощно трудится старик. Ведь на земле то войны, то глад и мор за грехи, а то и просто человечья старость не ко времени. Только и успевай веслом махать!

Рядом на троне с мрачным царем подземелий сидит его жена Персефона, которая даже в свой медовый месяц содрогалась от ужаса, видя весь ад будущих владений. Но всю правду об этом — позже. Потом-то Персефона свыклась с царством смерти. Тем более, что верховные правители зачастую как бы и ни причем. Ведь для грязных дел особо искать заплечных дел мастеров и подмастерий почти не приходится. Сами дорогу к корыту находят.

Вот, например, бог смерти Танат. С мечем в руках, в черном плаще подлетает он на огромных смрадных крыльях к ложу умирающего и срезает с его головы прядь волос, тем самым исторгнув из несчастного дух. Рядом с ним всегда носятся кровожадные Керы, полубогини несчастий. Особенно усердствуют они над полями битв человеческих и радуются числу сраженных воинов. А к раненым, чтоб не успели и подумать о жизни, Керы слетаются вороньем и пьют их горячую еще кровь. Мало того, нечистыми своими когтями они вырывают из груди душу поверженного, чтобы и следа не осталось от него на земле. Очень страшны Керы в своей ненасытности и дикой злобе к людскому племени.

А жуткое привидение Эмпус? Ведь это оно, чудовище с ослиными ногами, прародитель сонма вампиров, заманивает людей самой темной ночью в укромное место и не только выпивает у них теплую кровь, но и пожирает душу вместе с еще трепещущим в муках телом. И редко какому человеку, бредущему во тьме своей дорогой, удается избежать могильной хитрости обольщения Эмпуса.

А подобная кроткой женщине чудовищная Ламия? Это она пробирается в спальни счастливых матерей и крадет у них новорожденных. И не ради выкупа или иных забав, а заради собственного пропитания. И чем более голодна Ламия, тем более требуется ей человеческих младенцев и их безгрешной крови. А потому жадный рот чудовища всегда обагрен этой самой кровью малюток. И горе женщине, не заботящейся о потомстве или попирающей законы материнства!

А рядом с преступниками обеих полов человеческих всегда находятся неумолимые богини мщения Эринии. Это они, вооруженные бичами и змеями, преследуют провинившегося пред земным бытием и терзают его угрызениями совести, порой до срока вгоняя в могилу. И нигде не скрыться от них. Рано или поздно, но находят Эринии свою жертву. Бывает, что поздно, но это не их вина. Очень много у человеков зависти, злобы, кровожадности и коварства по отношению к себе подобным. Много никчемной энергии разрушения, а потому так велико количество разной прочей нечисти в подземном мире.

А над всей этой сворой адских чудовищ и вампиров стоит главная их богиня — трехголовая беспощадная Геката. И посылает она ужасы и гибель на землю, сама блуждая со свитой этой нечистой силы во тьме средь кладбищенских могил и жилищ еще живых людей. И страшно встретиться с нею простому человеку. Да и сложного она не очень-то щадит. Все до времени, как говаривал Древний Грек.

И только один подчиненный Аиду молодой бог Гипнос относительно безвреден для людского племени. Это именно он неслышно носится на крыльях над землей с головками мака в руках и льет из своего рога снотворный напиток. Своим чудесным жезлом касается Гипнос век смертных, погружая их в сладкий сон. И даже самого Зевса он может сморить дремотной немощью. Хороший бог Гипнос, но нет у него последователей во владениях Аида. А потому-то и ужасно, и смрадно это царство, и ненавистно оно людям. Хотя без него не было бы полной правды жизни и ее неизбежных последствий.

УЗЫ СЕМЕЙНЫЕ

Всякий знает, что семья — это святое, это ячейка, это союз, хомут и путы. И особливо для мужеского пола. Будь ты хоть бог, хоть царь, хоть просто герой не ее романа. Поэтому многие не смиряются с границами оседлости в окольцованном пространстве, стараясь утвердить себя в глазах общества благородными поступками продолжения рода не только в ложе моногамии. Хотя это чревато, и порой выходит боком с неожиданной стороны. Можно, конечно, тайком и тихой сапой творить путь к клубнично-ягодным местам, ежели существуешь в подкаблучном мире. Но можно и безоглядно в омут с головой, коли за тобой сила власти и решительность первопроходца. Однако, в том и другом случаях всегда получишь по заслугам, о которых и сам не ведаешь.

Вот так и с Зевсом. Уж больно он прыток до любовных утех, как свидетельствует об этом все тот же Древний Грек. И спасибо на том громовержцу. Ведь с тех самых пор и любой смертный поимел неодолимую страсть к перемене мест приложения сил и усердия, вплоть до полного полового безобразия или даже смены региона гнездования. Но это так, к слову горячему от поцелуя.

И так, в бытность противостояния Зевса Крону, матушка Рея, выхватив из уст мужа-пожирателя времени и собственных детей дочурку Геру, отнесла ее на край земли к соседу Океану. Словно предвидела будущие войны между сыном и мужем за власть. И правильно делала. Войны-то разразились, а малютка Гера под присмотром седовласого и верного титана так и воспитывалась в тиши и спокойствии, не ведая о междоусобицах на Олимпе. Вот и выросла эта волоокая и лилейнорукая богиня в кротости, целомудрии и почтении к старшим. Тем более что судьбой было ей предначертано покровительствовать браку и охранять нерушимость и святость этих самых брачных союзов. Но на беду ли, на счастье ли узрел с небес Зевс сестрицу свою в самом репродуктивном возрасте и воспылал неземной страстью. Да и сама Гера не прочь была ответить, ведь любовь зла...

Вот при таких обстоятельствах и похитил Зевс Геру у Океана, доставив на Олимп, затеял Роскошную свадьбу, затмившую великолепием былые пиры. Гостей из богов было немеряно, как и славных подарков. Даже сама прародительница Гея из недр своих в презент новобрачной вырастила дивную яблоню с золотыми плодами. И до того все восхваляли Геру и превозносили ее достоинства, что даже тучегонитель Зевс в свадебной горячке преподнес ей невиданный подарок в виде громов и молний. То есть необдуманно поделился властью. А ведь зря! Может, и медового месяца не прошло, как новоиспеченная супруга стала совать нос в дела мужа, не к месту давать

советы, и вообще начала проявлять извечную бабью изворотливость в верховодстве над человеком, а тем более заглавным богом.

Зевс долго терпел такое панибратство в государственных делах управления миром, но однажды слегка вспылил. Но не на словах, кои были для Геры словно горох об стену, а на деле. Сковал он многоумную свою женушку золотыми цепями, да и подвесил между небом и землей. А чтоб не сучила ножками и зряшно не голосила, подвесил к ее нежным конечностям две наковальни, а самое длинноволосое создание подверг бичеванию в глазах всего Олимпа. Словом, был строг и справедлив, как любой здравомыслящий мужик.

После этой порки супружница притихла и затаилась, а Зевс стал зорко поглядывать окрест и погуливать налево и направо. Может, наоборот, но пока что тайком от приструнившейся Геры. Хоть и божья семья, но видимость приличий соблюдать приходилось. Это вам не разгул страстей среди смертных. Это политика с позиции силы в рамках нравственной вседозволенности.

В одной из прогулок в окрестностях владений Зевс заприметил опытным оком красавицу Ио. Хоть и не знатного рода девушка, но чудо как была хороша. Правда, говорлива не в меру. И вот, во-первых, чтобы днями лишний раз не услаждать слух речами прелестницы, так как ночью какие разговоры, кроме междометий, а, вовторых, чтобы сокрыть девицу от глаз любимой Геры, Зевс превратил прекрасную Ио в белоснежную корову. Мол, пусть днем на лугах пасется, а в иное время суток занимает положенное стойло. Все бы ничего да проведала о таких метаморфозах Гера и потребовала от мужа подарить ей сие парнокопытное. Зевс, то ли хватив лишку нектара, то ли объевшись амброзией, но корову таки подарил жене на добрую память. А Гера тут же учинила над скотинкой строжайший надзор в лице стоокого Аргуса. И какая тут любовь и нежные свидания? Никакой! Корове — жвачка, а опамятовшемуся Зевсу муки уже неразделенной любви и угрызения совести. И тогда призвал великий Олимпиец своего добрачного сына Гермеса и велел освободить коровенку. Сынок свои кривым мечем снес стоокую башку соглядатая, а безгласое животное выпустил на свободу. Тут бы любовникам живи и радуйся. Ан нет! Опередила Гера Зевса. Наслала она на бедное жвачное чудовищного овода. И погнало чудище коровку из угла в угол по всей земной тверди, поминутно изголяясь над нею, то есть, жаля во все доступные места. Лишь в Египте насекомое успокоилось, видимо выбившись из сил. И только там, на берегах Нила, сыскал Зевс несчастную и вновь вернул ей человеческий облик, попутно наградив ее бременем, разрешившись от которого, Ио родила Эпафа — первого царя Египта. Так, относительно счастливо разрешились эти любовные страдания. Но это была и первая в истории месть жены неверному мужу. Благо до наставления рогов дело не дошло. Воспитание не позволило.

На этом акте возмездия Гера почти успокоилась. Потому как следующую полюбовницу Зевса Латону, уже беременную будущим златокудрым Аполлоном, она с помощью дракона Пифона гоняла по земле всего ничего. Лишь до носившегося по бурным морским волнам скалистого и голого острова Делоса. А затем, видя, что муж не унимается, бросила пустопорожнее преследование любвиобильных дам и занялась своим божеским делом — благоустройством семейных очагов землян. А что до Зевса, то не только Гермес, Аполлон и, скажем, Артемила получили от него прописку в жизнь, но и многие иные небожители и герои Древней Греции. Старательный был бог и плодовитый. Правда, дочь свою Афину родил сам. Без посторонней почти помощи, но уж таким садомазохистским способом, что об этом надо говорить особо и в свою очередь.

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Людмила Яськова (г. Добруш, Белоруссия)

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Яськова (Суворова) Людмила Александровна. Родилась в поселке Адищево Костромской области, в семье рабочих. В 1964 г. семья переехала на постоянное место жительства в город Добруш Гомельской области. Окончила Могилевский библиотечный техникум. С 2008 года и по настоящее время — руководитель народного литературно-поэтического клуба «Вдохновение». Автор книг поэзии «И пусть другим послужит время» (2011), «Колокола души» (2013), «Солнечный зайчик» (2011), «Кто на солнышко похож?» (2012), «Ягоды от мишки» (2014). Состоит в Белорусском литературном союзе «Полоцкая ветвь».

ДРУЖБА

Подружилась Белка с Мишкой — Принесла в подарок шишку. Вкусную, кедровую, Самую ядреную.

Мишка все орешки съел, На подружку посмотрел И подумал: «Да, делишки! Что-то я увлекся слишком! Надо дружбой дорожить — Белке тоже удружить»

Мишка быстро, просто вмиг, Притащил из чащи гриб. Белке он шепнул на ушко: «На здоровье ешь, подружка».

ВАРЕНЬКА

Моей внученьке

В доме радость — аист белый Закружил над домом смело.

В белом мягком полотенце В клюве нам принес младенца! Вам подарочек от Бога! Удивил семью немного. Просто Ангел — посмотрите! Дочку Варенькой зовите!

ЕГОРУШКА

Моему внучеку

Новость светлую принес Маленький Воробушек.

Расчирикался всерьез, Не клюет и зернышек,

Так, что папу разбудил, Ясная головушка. И щебечет, что есть сил: — Родился Егорушка!

Даже солнце в декабре Улыбнулось радостно:
— Славный мальчик на земле! Пусть растет он в благости!

МЕЧТАТЕЛЬНИЦА

Вот бы очутиться мне В самой сказочной стране! Где с небес текла б нуга В мармеладные луга.

Две реки текущих рядом — Со сгущенкой, с лимонадом... Ах, а как была б я рада Грызть гору из шоколада!

Погулять хотела б я, Где конфетные поля — Леденцы и пастила... Вот тогда б я пожила!

Только слышу я опять:
— Надо в доме убирать!
Застели кровать, Валюшка,
Убери свои игрушки!

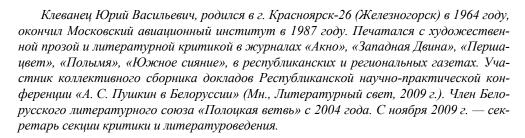
Ой, вот так всегда сестра Не дает мечтать с утра!

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Юрий Клеванец (г. Осиповичи, Белоруссия)

ДРАМАТУРГИЯ РУБЕЖА ВЕКОВ: АНТОН ЧЕХОВ И АНДРЕЙ КУРЕЙЧИК

По материалам республиканской конференции «Чеховские традиции и современная белорусская проза», прошедшей в гор. Борисове и посвященной 150-летию классика.

Сразу скажу, что я совсем не театрал. Я не буду выставлять оценок, попробую только сопоставить и проанализировать темы, сюжеты, тенденции, которые проявились в творчестве обоих авторов.

Как заметил один герой грибоедовской комедии «Горе от ума», если начнешь сравнивать век нынешний и век минувший, то находит даже некоторое уныние от несопоставимости масштабов. Но, тем не менее, лучшего способа познания, чем сравнение, пока не придумано. А поэтому — ближе к делу.

Чехов, писатель и драматург мирового уровня, фактически выполнял в этом мире миссию пророка. Он — созидатель, исследователь, законодатель, идеолог и глашатай новой на тот момент значительной социальной группы российского общества — интеллигенции.

Что такое интеллигенция? На этот счет уже давалось множество определений, от самых пафосных до самых уничижительных. Рискну выступить здесь со своим мнением. Говоря простыми словами, интеллигенция — это коллективный Чацкий. Внутри корпорации русских интеллигентов есть, конечно, и свои Молчалины, и Фамусовы, и Репетиловы, но по отношению к остальному обществу они все равно Чацкие — указующие, негодующие и поучающие.

Чехов немного не дожил до апофеоза Серебряного века русской культуры, до громких триумфов ее в Европе. Характер Антона Павловича, как человека и писате-

ля, сформировался во времена некоторого известного отката от реформ, связанных с именем императора Александра II. Поэтому, я думаю, следует отделять чеховское понимание интеллигента от того образа, который появился в результате добавления каких-то дополнительных черт от концептуальных определений других авторов, интерпретаторов, мыслителей — начиная с М. Салтыкова-Щедрина и до И. Смоктуновского с М. Захаровым.

Еще раз повторю: характер Чехова сложился в условиях жизни России последней трети XIX века, и этот характер виден в его произведениях, в том числе — и в пьесах, предмете нашего сегодняшнего разбирательства.

Вследствие своеобразного понимания целей и задач литератора и драматурга, Антон Чехов старательно тушует свое «я». Авторские мысли и чувства высказывают разные персонажи, не обязательно главные или во всем положительные. Писатель вполне полагается на то, что его зритель или читатель — и сам человек думающий, которому чуждо всякое излишнее «разжевывание» трудной темы. Главные герои пьес Чехова могут быть вяловатыми или даже вообще бездеятельными, но отнюдь не следует переносить их черты на автора или на авторское представление того, каким должен быть интеллигент. Сам рассказчик — человек весьма деловитый, вполне осознающий, чего он хочет — как от себя, так и от окружающих. И не только осознающий, но и очень требовательный.

Слова «сомнение», «рефлексия», «впадение в крайности», «созерцательность» почти совсем не определяют авторский характер или авторский идеал, для описания которых лучше подойдут уже здесь использованное обозначение «пророк» и еще — «сжатая пружина».

Любой из здесь присутствующих может и сам провести мысленный эксперимент по отделению, скажем так, «образа автора» в пьесах Чехова от наслоений более позднего времени — он получит при этом фигуру этакого «Чацкого в развитии», более напоминающую Марата и Вольтера, нежели Алешу Карамазова, к примеру.

Чтобы понять, причины, породившие характер писателя и драматурга, нельзя не вспомнить такое явление, как реформы Петра І. Нельзя не вспомнить также слова Пушкина о том, что презрение к своим подданным позволило Петру вводить просвещение в России, не заботясь о неизбежном следствии просвещения — революции. Презрение презрением, но определенный механизм был запущен царемреформатором и действовал, по определению историка Н. Эйдельмана, в течение примерно ста пятидесяти лет, после чего потребовалась новая «корректировка курса», новые реформы.

Если мы выведем за скобки слово «революция», поскольку оно будет только мешать в наших литературоведческих экзерсисах, то мы должны будем сказать, что и великая русская литература — это тоже следствие петровского просвещения. Явление просвещения, таким образом, достойно того, чтобы окинуть его более пристальным взглядом. В результате этого пристального рассматривания мы можем увидеть интересную тенденцию, проявившуюся уже во второй половине XVIII века и действующую на территории Российской Империи, а затем — и того, что осталось от империи, вплоть до сегодняшнего дня. Эта тенденция вполне может быть выражена такими словами: в любой, произвольно взятый промежуток времени, ограниченный указанными выше рамками (то есть от конца XVIII века до современности), на территории, которая опять же указана выше, учебные заведения выпускали всегда меньше разного рода специалистов, чем это было необходимо для стабильного поступательного развития страны или стран, расположенных на данной территории. Но в то же время этих специалистов всегда оказывалось больше, чем требовалось обществу и государству этой страны или этих стран, поскольку и общество и государство на указанной территории не очень-то, скажем так, стремились поступательно развиваться.

То есть из выучившихся людей кто-то постоянно как бы попадал за борт.

Сначала это были отдельные «лишние люди» — Чацкие, Онегины, Печорины. Заметим в скобках: Онегин, как известно, обучавшийся «чему-нибудь и как-нибудь», вроде бы и лишний среди лишних. Но тот же Онегин в действительности занимался самообразованием, поэтому он в ряду соответствующих персонажей и совсем не похож на западного героя того же статуса и того же времени — обедневшего невежественного дворянчика.

Затем все больше стали проявляться признаки некоей корпорации. А потом родилось и определение — интеллигенция.

Кто-то задаст вопрос: но ведь кроме «лишних людей» всегда были и «нелишние люди», то есть те, кто смог устроиться на службу и применить свои знания и энергию на официальном поприще. Что же они — не интеллигенты?

Почему же нет, они тоже интеллигенты, но не эта часть образованных людей стала катализатором и закваской появления интеллигенции. «Лишние», скажем так, в духовном плане превалировали над «устроившимися».

Со второй трети XIX века, как известно, и без того немалые ряды «лишних» людей стали пополняться все увеличивающимся наплывом поповичей, детей мещан, а иногда — и крестьян, что делало всю массу будущей интеллигенции все более и более радикальной, а в искусстве породило течение «критического реализма». Как известно, по своему сословному статусу Чехов был именно мещанином, а в литературе он — яркий представитель критического реализма.

Надо заметить, что приверженцу реализма конца позапрошлого века не очень-то и надо было трудиться в поисках мишеней для своих критических стрел: у всех перед газами тогда проходило постепенное разложение и умирание старинных дворянских гнезд, лишенных прежней подпитки бесплатного труда крепостных. Немало деятелей культуры сделали в то время свое имя, провожая уходящий феодализм пинками и плевками.

Первые большие пьесы Чехова — «Пьеса без названия», «Леший», «Иванов» — прямо построены на противопоставлении героя и его окружения, как и у Грибоедова в «Горе от ума». Различия вызваны, в основном, обстоятельствами жизни: и «фамусовское общество» за прошедшие шестьдесят лет заметно поистрепалось, и женщины из потрепанного «фамусовского общества» стали больше обращать внимания на «неправильного» героя, поскольку не за что и не за кого стало цепляться в своей среде.

В дальнейшем, по мере взросления автора, все больше проявляется собственное, чеховское построение пьесы. В ней уже нет лобовых противопоставлений, никто не кончает жизнь самоубийством, и даже, вроде бы, нет сюжета. Течет заурядное бытие, люди сталкиваются, расходятся, что-то говорят друг другу... Каждый, по-своему прав, каждый, по-своему, виноват. Здесь-то, как представляется, и заложено то доверие драматурга к зрителю или читателю, о котором уже говорилось выше. Зритель и сам поймет то, что не договаривают персонажи. Зритель — не дурак.

Эта уверенность автора в способности публики по отдельным, крупным, как у художников-импрессионистов, мазкам представить или восстановить всю картину происходящего на сцене — само по себе редкое явление и важная характеристика общества рубежа прошлого и позапрошлого веков, общества, в значительной мере неграмотного, но уже опьяненного переменами, общества, ожидающего новых перемен.

Но вот прошло более ста лет, социальный подъем сменился упадком. Мы стали старше — во всех смыслах этого слова. В журнале «Западная Двина» — № 1 за 2010 год, — опубликована распечатка с «круглого стола», организованного Беллитсоюзом «Полоцкая ветвь» для обсуждения проблем белорусской русскоязычной литературы. Автор этих строк высказался там в том смысле, что общество наше деградирует, и литература — вместе с ним. Сейчас хочется сказать об этом подробнее.

Не останавливаясь на известных всем фактах развала великой некогда страны, выделю один момент: за последние 18 лет из маленькой Беларуси, по официальной статистике, эмигрировало 59 тысяч человек с учеными степенями. То есть наша маленькая страна подарила кому-то целую академию наук (а возможно, и не одну) — и наше общество этого вроде бы и не заметило. У автора этих строк при виде такой статистики перед глазами тут же встала картинка петуха с отрубленной головой — он еще прыгает, бедняга...

Для литературы — как русскоязычной, так и белорусскоязычной — не важно, потеря почти целой армии ученых — это не просто потеря читателей. Армия ученых не только сама любила почитывать книжки. Своей массой, своим авторитетом, своей тягой к беспристрастности она создавала моду на чтение для всего общества. Ученые делали моду на чтение, на посещение театров и выставок, но они же прививали и определенный вкус. Примитивщина и дурной тон назывались именно примитивщиной и дурным тоном. Всего этого уже нет, будет ли когда-либо — бог весть.

Именно в отсутствии взыскательного спроса, а не в том, что писателей развелось слишком много, или что издательства гонят одни дешевые детективы, и даже не в языковой проблеме я вижу основную беду нашей литературы.

История интеллигенции, вступившей на историческую арену в конце позапрошлого уже века, по-видимому, закончилась. Нынешняя публика в значительной мере разложилась на фракции, в целом не связанные с устойчивым социальным статусом и подобные нефтепродуктам. Нынешний «серьезный» читатель, к примеру, это либо тоже писатель, либо искусствовед, либо студент-филолог. В наших «постсоветских» странах укоренилась и принесенная из-за морей новая здесь этнографическая группа или субкультура — «подростки из бедных цветных районов». Эти подростки и являются сейчас основными зрителями и слушателями.

В таких условиях одни литераторы идут на брак по расчету с государством, другие мимикрируют и эволюционируют в городских сумасшедших, клоунов или в «ботаников», по современному определению. Над всей нашей культурой витает дух кабаре, где все блестит, зазывно кричит и приятно пахнет, но все — мишура и обман, где «любовь к отеческим гробам» отдает некрофильством, а любое новаторское модернизаторское устремление — «распилами» и воровством, как идей, так и презренных материальных благ.

Но перейдем ко второму герою. Драматург Андрей Курейчик является, по-моему, ярким примером творца, сформировавшегося в новые времена. Насколько мне известно, Курейчика, как и Антона Чехова, можно по-старинному назвать разночинцем, поскольку по происхождению своему Андрей — отнюдь не статусный господин. Однако он совсем не пророк, в отличие от своего великого предшественника. Пророчествами современного зрителя можно только напугать. Курейчик, скорее, представляется мне некоей смесью шамана из стойбища и воспитателя из детского сада. С творчеством нашего современника у меня лично связана еще одна ассоциация, которую можно назвать «Поп Сильвестр». Это исторический персонаж, воспитатель будущего царя Ивана Грозного, которому удавалось успокаивать и утихомиривать садистские наклонности властвующего отрока, рассказывая ему страшилки и фантастические сказки, сочиненные на материалах Священного Писания.

Как яркий и типичный деятель культуры современной эпохи, Курейчик—человек компромисса, человек прибоя, то есть и не морской, и не сухопутный. Задачи его творчества, насколько я представляю, таковы: с одной стороны — как-то расшевелить инертную массу, но не настолько, чтобы она, масса, ринулась ломать мебель, да между делом постараться внушить своему зрителю еще что-нибудь полезное, например, что надо чистить зубы по утрам.

Во-вторых, как и любому достаточно крупному автору, стремящемуся к независимой позиции, А. Курейчику нужно как-то обойтись и с властью: любовь власти для творца не менее опасна, чем и ее, власти, раздражение.

Решение столь противоречивых задач, по определению, должно быть компромиссным. Во-первых, не следует допускать и намека на тот критический реализм, который, собственно, и прославил Чехова. Проблем современности лучше вообще не касаться. Я знаю только одну пьесу Андрея Курейчика, сделанную целиком на современном материале. Это «Призраки города», написанная еще на заре туманной юности автора. Я ее разбирал в свое время (см. «Западная Двина» № 2/2004) и отметил отстраненную, «дюже инти-ли-хен-тную», как говорится в одном не очень приличном анекдоте, отстраненность драматурга, с которой он касается нынешней «злобы дня». Такая аккуратность вполне проистекает из перечисленных выше задач современного автора.

Вообще же сейчас нужно делать упор на красочность при минимуме красок (виной всему, конечно, кризис), на экзотику, балаганные ужимки, готическое средневековье, фантастику в стиле «фэнтэзи».

При этом, если в произведении описывается, к примеру, что-то из реальной истории, то лучше, чтобы это «что-то» было узнаваемым зрителем — «цветным тинейджером». Так, из белорусской истории нужно брать Скорину, Радзивиллов, или «женскую ударную пятерку» из Рогнеды, Евфросиньи, Анастасии, Барбары, Софьи, которыми всем тинейджерам еще в школе уши прожужжали. См., например, пьесу «Скорина» Курейчика (журн. «Западная Двина», 2006).

Очень хорошо на современной сцене пойдет интерпретация взаимоотношений Христа и Пилата — см. «Исповедь Пилата» (журн. «Западная Двина» № 1/2010). Население этой страны хоть и считает себя в большинстве своем религиозным и христианским, но таковым на самом деле не является, как и не являлось никогда. Однако про того же Понтия Пилата большинство узнало из школьной программы, из «Мастера и Маргариты». Поскольку Пилат и его колебания между долгом чиновника и обыкновенной человеческой порядочностью в смеси с любопытством известны публике — то можно предложить ей и свое видение этой истории.

Хочу остановиться на интересном моменте. Андрей Курейчик, подобно Александру Дюма, не очень-то стремится воспроизвести реальные исторические факты. Так, например, в пьесе о Пилате несколько раз повторяется слово «бумага». Ну и что? Тинейджеру ведь все равно — была ли бумага в Древнем Риме или ее не было.

Зритель с подростковым сознанием и с подростковыми комплексами хорошо завлекается переодеванием прямо на сцене, фэнтэзийной мистикой, намеками на боевые искусства, элементами садо-мазо. Всех этих приемов вполне достаточно в пьесе Курейчика «Хартия слепцов». Единственным близким к реальности персонажем там, по-моему, является хозяйка постоялого двора.

Я прочел пьесы Андрея Курейчика, выложенные в интернете. Надо признаться, что они не добавили для меня какого-то нового знания ни об авторе, ни об авторских методах и подходах в творчестве. И в этих пьесах повторяются уже отмеченные приемы: игривость, стремление к эффектам, к показу личностно-бытовой стороны нашей жизни.

Думаю, пора подводить итог. В поиске духовного предтечи Андрея Курейчика в столетнем далеке не стоит хвататься за творчество Чехова, несмотря на то, что, повторюсь, некоторое формальное сходство между обоими писателями все же есть. Однако, мне представляется, что корнями своими пьесы драматурга из «Полоцкой ветви» уходят все же в большей мере в сценические работы Александра Вертинского. И пусть сценки Вертинского нельзя в полной мере назвать пьесами, они столь же умилительны, меланхоличны, порой ироничны и пародийны, как и сочинения нашего современника. Обоим авторам одинаково свойственно стремление «ослабить давление материальной стороны жизни», немножко утешить и развеселить «маленького человека».

Родион Александров

(г. Полоцк, Белоруссия)

ПО НАПРАВЛЕНИЮ К КАТАРСИЗМУ

(О возникновении и развитии литературного направления в Белоруссии)

Поиск новизны, ощущение и нахождение своего, отличного от всех, способа выражения мысли и чувства — это самое нужные и полезные качества писателя, будь то прозаик, поэт, эссеист и т. д. Радикальное отличие писателей, их ярко выраженный индивидуализм в творчестве вообще и в авторском стиле — в частности, необходимая и непременная составляющая часть любого литературного процесса. Если же это условие не соблюдается, и писатели по какой-либо причине в своей основе пишут «усредненно», то есть в масштабах, например, всей страны, возведено в культ одно единственное литературное учение, требующее неукоснительно соблюдать его правила, то, хотят авторы того или не хотят, наступает момент, когда все это «литературное хозяйство» рушится. И на этих обломках, естественно, начинают возникать и действовать свежие писательские структуры, не всегда конструктивные, полезные и по этой причине быстро исчезающие, разваливающиеся, но наиболее оригинальные и действенные все-таки выживают. Конец восьмидесятых годов XX века, благодаря ломке мировоззрения, как раз благоприятствовал тому, чтобы в результате брожения умов писатели попытались прорваться в область новизны, новаторства. Именно тогда, когда началось крушение Советской державы, когда передовая часть населения пришла в неосознанное революционное движение и, руководимая разношерстыми лидерами, стала требовать радикальных перемен, началось социальное цунами и гигантская волна писательской активности вынесла на берег (сметая, к сожалению, как это и бывает при такого рода стихийных бедствиях, прежние, еще необходимые «постройки») свежие, обновляющие писательское хозяйство идеи, не всегда, впрочем, полезные. В России это выразилось появлением таких новационных литнаправлений как метаметафоризм, постреализм, традиционализм и др. В Белоруссии именно на этой вдохновенной волне молодые белорусские поэты провозгласили единственное в Белоруссии, как в тот момент, так и сейчас литературное направление — катарсизм. Время и место возникновения катарсизма обозначено достаточно точно: 10 апреля 1989 года, город Полоцк. На одном из творческих заседаний созданной несколько недель назад литгруппы «Полоцкая ветвь» ее участники набросали Первый манифест катарсизма.

МАНИФЕСТ КАТАРСИЗМА

— A —

Сила поэтов не в степени их похожести, а в степени оригинальности.

Объединенность разных мировоззрений дает возможность для скорого и более полного раскрытия талантов.

То, что нас разъединяет, соединит нас.

—Б—

Жизнь — материал, душа — мастерская. Истину не брезгуй искать и в дерьме. Вложи в произведение весь свой капитал: честность, искренность, благо родство — и ты не останешься нищим

-B-

- 7. Поэт, изумив современников, ты покоришь потомков.
- 8. Не самовозвеличивайся.
- 9. Наше творчество и интересы отражают нашу нравственность.

 $-\Gamma$

- 10. Относись с осторожностью не к чему-то новому, а к чему-то привычному, устоявшемуся.
- 11. Бунтующий предпочтительнее покорно исполняющего (бунт не ради бунта, а ради обновления).
  - 12. Убей в себе цензора, но сохрани редактора.

-Д-

- 13. Являясь порочным, имею ли я право клеймить пороки других? Имею, если я начал с себя
- 14—15. Резать по больному необходимость во благо, но поэт не хирург, слово не скальпель, явь не болезнь.

— E —

Мы не относим себя к мировоззрению декаданса, мы относим себя к мировоззрению гуманизма.

Мы не замыкаемся на себе и готовы сотрудничать со всеми, кто этого пожелает. Мы не ставим перед собой цель коренного изменения поэзии.

— ж —

...Наша цель — катарсизм.

В то же время появились индивидуальные разработки и разъяснения нового литературного направления, в которых заявлялось, что катарсизм — это состояние, в которое приходит сейчас поэзия, а более зримо — это свежие воды, которые омоют новое поколение поэтов и разовьют в них силы; а также то, что катарсизм — это средство омоложения, то есть поэтический дух через очистительный (от греч. kathartikos) процесс можно омолодить. Но самым главным в этом замысле было то, что провозглашаемый катарсизм задуман с целью не подавления предшествовавших и существующих в данный момент литературных направлений и течений (школ), а для продолжения прогрессивной традиции на базе реставрации и сохранения самого ценного литературного опыта. Это стремление через очищение от дилетантских приемов и способов литературной работы к наилучшему качеству в содержании и форме произведения, достижения этого качества и удержания его на достигнутом уровне. Причем нужно иметь в виду, что катарсизм — это не революция, а эволюция. Это литературное направление не должно и не может сложиться скороспело, если его авторы хотят, чтобы оно существовало долго. Спустя примерно год, в «Полоцкую ветвь» приходят новые авторы: Владимир Мантуш (г. Новополоцк) и Олег Зайцев (г. Минск), а затем (после 1994 года) — Елена Свечникова (г. Минск), Вадим Салеев (г. Минск), Александр Никифоров (г. Полоцк), Наталья Ковынева (г. Минск), Олег Бородач (г. Минск), Сергей Мороз (г. Гомель), Татьяна Коновалова (Кира Тенишева) (г. Минск). Анатолий Ивчик (г. Новополоцк).

Вскоре О. Зайцев приступил к поиску корней катарсизма, выяснению, откуда он «произрастает». Результатом его изысканий явилась работа «Истоки катарсизма». Здесь катарсизм формулируется как направление, которое следует рассматривать сквозь призму того понимания, которое вкладывается в слово «катарсис» (от греч. katharzis), и, «что немаловажно, сквозь исповедальность стиля, эмпатизацию героев,

очищающих духовный и телесный мир как читателя, так и автора». Е. Свечникова акцентировала внимание на том, что ситуация в конце ХХ столетия зеркально отражает литературный процесс конца прошлого века и начала следующего. «Тот же поиск новых форм, нового содержания. Поэзия стремится перерасти саму себя, она смыкается с религией и философией». В связи с чем, «появляются новые литературные направления. Одно из них — катарсизм...» И заключает: «...катарсизм вобрал в себя многие принципы, на которых в свое время основывались произведения акмеистов, футуристов, символистов. Это направление является как бы итогом поэзии двадцатого века». Н. Ковынева в своем манифесте катарсизма восклицала: «Бродит кризис в наших сердцах, в наших думах, на нашей многострадальной родине. Пришло время обновления... Долой позолоту с обыкновенного человека. Индивидуальное переживание более ценно, чем лакирующая типизация, исполненная с мертвящим каноническим блеском... Прекрасны классические традиции, преломленные в катарсизме». О. Бородач в своей обширной статье «Принципы метафористики катарсистов» резюмировал, что одной из целей катарсизма является создание сложных метафорических конструкций, но с точностью до скрупулезности: «важна правильность употребления каждой буковки, каждой запятой, чтобы «минус» в нашей формуле внезапно не превратился в «плюс», а всхлип в хохот». А. Никифоров в попытке своего манифеста воспроизвел следующее: «Значение катарсизма в совершенствовании поэтического языка возникновением преобраза». А главный идеолог и теоретик катарсизма А. Раткевич бросил общий взгляд на новое литературное направление, отметив, что катарсизм рассчитан на тех писателей и читателей, которые желают разобраться, что это такое, для чего предназначено и несет ли в себе преобразующеполезную функцию, как составная часть литературного процесса.

Существенное развитие катарсизм получил в поэтических сборниках «Сумерки» (1991 г.), «Поворот» (1993 г.), «Русло» (1997 г.), «Разлив» (2000 г.), во вступительных статьях которых излагаются некоторые элементы нового литературного направления, и формулируется его сущность: «Катарсизм являет собой ни что иное, как преодоление мертвоутверждающих пафоса и этоса и движение к жизнеутверждающим путем трагедизации характера, эмпатизации души и обновления поэтического языка произведения». Обобщением десятилетнего развития направления стал выход из печати в 2000 году первого тома литературно-теоретического альманаха «Катарсизм», представивший как творчество катарсистов, так и их теоретические работы. появлению этого издания в ряды сторонников литературного направления влились свежие силы: Леонид Пулькин (г. Речица), Алексей Слесарев (г. Москва), Александр Супей (г. Бобруйск), Андрей Тавров (г. Москва), Владимир Леонтьев (г. Бобруйск), Виктор Рябинин (г. Мозырь) и др., также внесшие заметный вклад в дальнейшую разработку сущности катарсизма. После того, как в 2000 и 2001 гг. в Полоцке были проведены две республиканские научно-практические конференции, посвященные проблемам катарсизма («Катарсизм как знаковое литературное направление» и «Катарсизм в ряду других литературных направлений»), выработались в итоге основные принципы нового литнаправления. В обобщенном виде их можно изложить таким образом.

Прежде всего, катарсизм — это очищение от опрощения, то есть отказ от рядового, мещанского читателя литературы, который требует, чтобы искусство опустилось до его уровня, как это произошло, например, в изобразительном искусстве или, в более ярком виде, в песенном творчестве.

Реставрация формальной точности — в ритмике, в рифме, строфике и т.п., это что касается стихосложения. В прозе несколько иначе, но, в основном, линия та же. Как отмечалось в «Литературной газете»: «Катарсисты помимо духовного очищения

ратуют за освобождение искусства от всего наносного, не подлинного, приблизительного. А именно — приветствуется точная рифма, отчетливый ритм; при формальной ясности желательна виртуозная метафорическая образность, для создания которой требуется высокое версификационное мастерство. Пунктов, для того чтобы поэта признали настоящим катарсистом, довольно много, не меньше, наверное, чем в XIX веке для принятия в масонскую ложу. Трудно сказать, возможно ли полностью им соответствовать, наверняка можно утверждать то, что раз подобные поэтические направления возникают, значит, есть определенный запрос времени».

Важным элементом катарсизма является усиление психологизма характеров, т.е. мотивированность их появления, развития и исчезновения. Доведенная до некоторого предела психологизация образов произведения обладает наибольшей и долговременной силой воздействия на читателя и зрителя, а значит, и наибольшей глубиной содержания. Существенным фактором катарсизма являются непременное присутствие в произведении поэтической пронзительности — своеобразной духовной надрывности, вызывающей у читателя (зрителя, слушателя) катарсис, и наличие суггестизации ощущения (потока ощущений). Необходимость внушения ощущения читателю, слушателю и зрителю стояла всегда в литературе. И в наше время она не потеряла новизны и полезности.

Однако тут возникает проблема: а чем же особенным отличается катарсизм от других литературных направлений? Вопрос важный. Но в том-то и дело, что катарсисты не ставят цель, как это делают, например, концептуалисты, куртуазные маньеристы, дикороссы, минималисты и др., найти для своего направления нечто особое, чтобы этим выделиться в потоке литературного процесса. У катарсизма иные цели. В этом смысле хорошо отмечено во вступлении альманаха: «Катарсизм имеет кардинальное отличие от ранее и ныне существующих литературных направлений. Он идет от обратного: не центростремительным, а центробежным путем, что и является фундаментальным принципом его существования». То есть, в катарсизме важна индивидуальность автора, и чем резче эта индивидуальность, тем катарсичнее писатель. Таким образом, можно сказать, что катарсизм — это направление не единства, а многообразия литературных мировоззрений, это не однорусловая река, а многорусловая, но берушая начало из одного общего для всех потоков поэтического истока. В любом смысле новые благотворные идеи возникают при столкновении разных, а лучше, противоположных точек зрения. Если дело именно так пойдет и дальше, т.е. каждый писатель катарсизма будет вносить в его разработку нечто свое, может быть, даже противоречащее прежним постулатам, то можно не сомневаться — катарсизм, видоизменяясь, будет процветать, несмотря на многочисленные попытки некоторых критиков дискредитировать и принизить его значение и роль для литературы, представляющих дело так, будто всякое направление является столпотворением или диссонирующим хором. Но ведь известно: соловьи поют не хором, но и не в одиночку. Ну а как все обернется на самом деле, витала ли идея катарсизма в воздухе и стала ли мировоззренческой идеей целого литературного поколения или она явилась кабинетной выдумкой, увлекшей группу заинтересовавшихся ею литераторов, покажет время.

Изложенные положения катарсизма не является окончательными и незыблемыми, как и всякие законы в литературе, которые лишь стремятся к абсолюту, но не достигают его. Да и никогда еще в истории литературных направлений не удалось достичь совпадения деклараций с реальными возможностями, и это естественно — ведь речь идет о предельных теоретических возможностях направления. Поэтому нельзя не согласиться с А. Блоком, что «никакие тенденции не властны над поэтом», и с теми скептиками, которые утверждают, что, сколько бы ни теоретизировали любители или профессионалы литературных направлений, школ и т. п., но приходит

время, и они вырождаются в группировки, которые, в свою очередь, дышат на ладан. Это очевидно. Как очевидно и то, что новые литературные направления появляются и появляются, несмотря на массированные насмешки и издевательства в их адрес. Причем создают новые направления и течения и примыкают к ним молодые литераторы. Значит, это явление необходимо литературному процессу. Однако существование двух противоположных точек зрения на проблему существования литературного направления только улучшает ситуацию, потому что в этом случае она всегда является объектом неусыпного внимания, что позволяет этой проблеме постоянно совершенствоваться и, очищаясь от плевел застаревших идей и тем, находить прорывы как в область новых приемов расположения и обработки словесных материалов, так и в область накопленных литературой символов, являющихся смысловым ядром, и образов, являющихся умозрительной оболочкой смысла, с целью их преобразования, ведь всякие материал и стихия, согласно Г. Гегелю, «лишь тогда становятся формой, адекватной поэзии, когда обретают благодаря искусству новый образ», т. е. преобраз.

യ്യാരുയ

МАЛ ЗОЛОТНИК ДА ДОРОГ: ПРОИЗВЕДЕНИЯ РОССИЙСКИХ АВТОРОВ

Тимур Зульфикаров (г. Москва)

Тимур Касымович окончил Литературный институт в 1961 году. Автор 20 книг прозы и поэзии, тираж которых превысил миллион экземпляров. Широкую известность приобрели его романы о Ходже Насреддине, Омаре Хайяме, Иване Грозном, Амире Тимуре и монументальное повествование о жизни и загробных хождениях современного поэта — «Земные и небесные странствия поэта». Это сочинение было отмечено премией «Коллетс» (Англия) за «Лучший роман Европы-93». Лауреат литературной премии «Ясная Поляна» за «Выдающееся художественное произведение русской литературы» в 2004 году за книгу «Золотые притчи Ходжи Насреддина». Премии «Лучшая книга года» в 2005 году за роман «Коралловая Эфа». Премии Антона Дельвига (2008), премии «Хартли-Мерилл» (Голливуд) за лучший сценарий (1991).

Много и плодотворно работает в области драматургии театра и кино. Автор сценариев более 20 художественных и документальных фильмов, многие из которых отмечены наградами национальных и международных фестивалей. В том числе: «Человек уходит за птицами» (реж. А. Хамраев, 1974) — Международный кинофестиваль в г. Дели. Приз «Серебряный Павлин» за сценарий к фильму «Черная Курица, или Подземные жители» (реж. В. Гресь, 1980). Главный приз Московского Международного кинофестиваля; «Миражи любви» (реж. Т. Океев, 1986) — приз «Золотая Сабля» — Международный кинофестиваль в г. Дамаске.

Регулярно печатается в газете «Завтра» и в журнале «Приокские зори».

Дорогие Братья и Сестры!

В нашу эпоху Интернета, ТВ, СМИ многие утратили любовь к живым людям... Оскудели душой...

Много стало в мире спящих и равнодушных...

Многие говорят и мыслят: моя хата с краю...

Но нынче на краю стоит весь мир, начиненный ядерным оружием, как рыба, обреченно идущая на нерест, горящей жгучей икрою...

Весь мир — это Хата с Краю...

Братья и сестры мои!

Иль не чуете близкий Дым Всемирного Пожара?..

Иль не видите тех, кто бродит по миру с горящими угольями?...

Они не глядят в Интернет и ТВ — они наслаждаются живой властью над спящими у миллиардов экранов народами...

Пастухи не ходят на бойню — на бойню ходят бараны...

Об этом кричали Пророки

Об этом шептал, записывал Апокалипсис на острове Патмос Иоанн Богослов...

Конечно, мысли муравья и чуткие ноздри норового суслика нельзя сравнить с Глаголами Пророков...

Но и муравьи, и суслики, чуя грядущий близкий огонь или землетрясенье — заранее исходят на землю из смертельных нор и муравейников...

Значит, и средь них есть прозорливцы... норовые пророки...

А что же мы, человеки, погруженные в Интернет?.. в ТВ?.. в СМИ?..

Иль Ядерная Война — это Сладкий Сон?.. Последняя Вспышка?.. Прощальный Салют Жизни?.. Голливудский последний Фильм-катастрофа, в котором примет участие все Спящее Человечество?..

О. Боже!..

Где моя хата с краю?..

Где? Где? Где?..

Нет ее...

И вот перед нами Откровенья Ходжи Насреддина...

Который сам себя называет «муравьем на ладони Аллаха»... и «сусликом Апокалипсиса»...

АПОКАЛИПСИС ХХІ ВЕКА

(Рис. Ю. Чистякова)

...Ноги их быстры на пролитие крови; разрушение и пагуба на путях их;

они не знают пути мира; нет страха Божия перед глазами их...

Апостол Павел

...Скоро все человечество превратится в прах, Потому что богачи забыли о бедняках...

Ходжа Насреддин

...О, Господь!..

Святые Многомудрые Отцы тихо говорят о Кон-

А Пророки вопиют о Последних Временах... Об Апокалипсисе...

Можно шептать о Близком Всемирном Пожаре, а можно кричать...

Бог услышит...

Но нельзя молчать... Ибо «молчаньем предается Бог»...

...Великий бессмертный Странник, герой фольклора ста стран и множества народов, бродячий Цыган Тысячелетий, мудрец Ходжа Насреддин, который беседовал с царем Соломоном о мудрости...

С Буддой — о вечности...

С Иисусом Христом — о воскресении...

С Мухаммадом — об Аллахе...

С Чингисханом — о войне...

И который видел расцвет и гибель многих народов и Цивилизаций — приехал на своем пыльном седом осле Хунуке в XXI век...

В заброшенную псковскую деревню Синий Никола...

Ах, Никола Мирликийский со златом в узельце для нищих!

А нынче вся Русь от бесов воров — вся нищая...

Ах, где Ты нынче заблудился...

Но кто молится?..

Кто зовет Тебя?..

Кто верит в Тебя... вселенский батюшка Николай Чудотворец...

...А Ходжа поселился в избе у старухи Варвары, которая одна с козой Малькой доживала, домирала в деревне...

Мудрец стучался во многие дома русские...

Но Русь оскудела любовью иль устала от многих чужеземцев...

И никто не открыл Ему...

А старуха приютила Его и поила козьим молоком, а по вечерам они топили печьпритопок и беседовали о жизни...

И сдружились...

А осел Хунук и коза Малька обнюхали друг друга и тоже стали друзьями...

Осень первоначальная была...

Полная луна плыла в небе, обливая обильными жемчугами древнюю перламутровую златокупольную, златопадную Святую Русь...

Ходжа поведал старухе — под треск горящих березовых поленьев в печи — о своих тысячелетних странствиях...

О Царях и Пророках, с которыми беседовал о Власти и Мудрости..., о смерти и бессмертии...

И Варвара внимала Ему и сладко засыпала на печи, всхлипывающей... теплотворящей...

А мудрец шептал в полусне:

— Ах, водородные бомбы..., стратегические ракеты..., подводные атомные лодки..., спутники..., лазеры...

Ах, какие нечеловеческие слова... Слова сатаны — и они сгинут...

Ах, рукотворные шайтаны!.. Айххх!..

...Черная корова весь мир поборола...

Ночь объяла мир...

...А мудрец шепчет...

...Я вижу, как в тяжком сне, детские, неразвитые, объятые, подточенные многими грехами, лица нынешних правителей...

Всех этих Бушей... Клинтонов... Ельциных... Горбачевых... Обаму... Камерона... Олланда... Меркель...

Этот Букет странных Ликов... словно охапка зимних заиндевелых веток... режет пальцы и душу...

Что-то животное... звериное... дряблое сквозит в них...

Что-то нечеловеческое... что-то сатанинское... что-то последнее... апокалиптическое...

Словно они потеряли свои дьявольские рожки — и мечутся по миру в поисках потерянного...

О, Боже... кто послал их?.. кто сделал их правителями мира?..

Иль действительно, князья мира сего — шайтаны?..

- ...Мудрец шепчет...
- ...Но я никогда не соглашусь с этим...

Особенно, когда вижу веселых детишек, бегущих в цветущих медовых курчавых салах

Или влюбленных отроков и дев, опьяненно босоного бредущих в полевых васильках, ромашках, фацелиях, венериных башмачках...

Ax!..

Творец не мог отдать этот Блаженный Изумрудный Мир в руки сатаны!.. Heт!.. Heт!.. Heт!..

...Мудрец шепчет...

...Но вот я вижу, что Великое Оружие Смерти, сотворенное нынешними учеными бесами, гораздо мудрее правителей, в чьих руках Оно нынче находится...

Это Спички в руках у Ребенка...

Ребенок может спалить дом...

А эти — разрушить, погубить весь Мир, где мы так сладко дышим...

О, братья и сестры, сладко нежно пухлогубо спящие мои!..

Ойххх!..

...И вот народы спящие не чуют, что они, как никогда, близки к Последней Войне... Когда заговорят, задымятся, оживут эти тайные Бомбы... Ракеты... Лазеры... Спутники...

Великие Орудия Смерти жаждут взорваться — это Их Жизнь!.. Их Мечта!.. Их Упованья!.. Их жизнь — Война!..

Оружие может само заговорить!..

Ружье стреляет само в неопытного охотника!..

О, что было бы, если бы у Чингисхана были современные танки!.. самолеты!.. пушки!..

178

Что бы сотворил с миром Повелитель Мира? А?..

Это был Великий Воин-Мудрец...

И — слава Аллаху — Его Оружие отставало от Его Идей...

Копья... стрелы... ножи — были Его Оружием...

Скольких могло оно убить?..

А президенту Кеннеди доложили, что в первый день атомной войны погибнет шестьсот миллионов человек...

Президент содрогнулся... ужаснулся... и за это был убит...

...Мудрец шепчет...

...А нынешние Хозяева мира — безнадежно отстают от Сатанинского Бездонного Всемирного Оружия Смерти, которое пляшет, томится у Них в руках...

Которое им дали ученые бесы в болезненной похоти познания материи...

В посягательстве на Тайны Творца... В восстании на Бога...

О, Боже!..

Грех и блуд обуяли целые народы — и потому явилось Оружие, которое может уничтожить целые народы за их грехи и блуд...

И праведники не помогут, не остановят необъятное Оружие это...

И бессонные монахи не вымолят прощения у Бога...

Ла!

А что влечет, раздирает, распаляет нынешних правителей мира?..

Иль темная жажда Смерти влечет Их, как в горах усталого путника влекут бездны?..

О, Боже...

...Мудрец шепчет...

...Иль алчба Власти и зависть движут ими?...

Чего они мечутся по миру и сеют смерть...

И слова их, как костры в сухих камышах...

О!.. так сладко повелевать Спящим Покорным Человечеством!

O! так сладко сгореть вместе со всеми, а не мучиться своей одинокой смертью?.. A?..

Особенно, когда ты стар и полон болезней...

И завидуешь молодым!.. здоровым!.. улыбчивым!.. беспредельным!..

И вот ты алчешь затащить их в свою могилу...

Так печально лежать в одинокой могиле...

А так сладко — во всеобщей... братской...

A?..

И вот мертвецы-правители путешествуют по миру и хотят всех сделать мертвыми... Вот они... нынешние властители мира!..

А что народы?..

...Мудрец шепчет...

...О, народы, сладко чмокающие, спящие, как стада, в ночных кошарах...

Бездонный слепой сон ваш похож на смерть...

Иль не чуете волков?..

Ой...

А вам не снятся Хиросима и Нагасаки?..

А вы не бежите с подушками, горячими от сладкой слюны вашего сна, по улицам, горящим от Бомб «Н»?..

И ваши подушки вмиг становятся горячим, сыпучим пеплом...

И вы вмиг становитесь бегучим прахом... хотя мозг ваш еще жив... и уповает...

А властители, которые должны быть пастухами — сами спят...

И во сне становятся прахом...

Только Бомбы «Н» туго не спят... ждут своего часа...

Как бутон алчет стать розой...

Как змеиное яйцо — змеей...

В мире почти не осталось истинных властителей-пастухов — и вот приходят волки пасти стала...

- ...Мудрец шепчет...
- ...О, спящие народы...
- О, спящие пастухи...
- О, неспящие волки и гиены...
- О, неспящие алчущие Бомбы... Ракеты... Лазеры... Подводные лодки...

Творенья сатаны...

О, Боже!..

Ах сытые, слепые от лжи, блуда, корыстолюбия, словоблудия, славолюбия правители...

А вам не снятся Чудовищные Кипящие Грибы над Хиросимой и Нагасаки?...

А вы давно собирали эти Грибы в горящих лесах, горах и городах?..

У вас есть для них Лукошко?..

Иль ваше Лукошко — это все спящее Человечество?..

А вы все встречаетесь! обнимаетесь! обнюхиваете друг друга! блаженствуете в роскошных гостиницах — без галстуков... без совести... без чести... без любви...

Вы мертвецы...

И вы играете водородными бомбами, как цирковые клоуны шариками...

И бесконечно открываете рты, объятые похотью многоговорения...

И строите тайные бомбоубежища для себя и чад своих — и, значит, вы верите в Последнюю Войну и хотите спастись под землей...

А на земле будет ад для других...

А вы будете сладостно взирать из бомбоубежищ по ТВ, как народы-гладиаторы

сойдутся в последней Огненной Битве, где будет гореть даже кровь... где не будет даже крови...

На земле останутся дышать только пастухи в высоких горах и рыбари в глубоких морях...

Йыххх!..

Апостол говорит: «Егда все рекут мир и благоденствие — тогда Господь внезапно напускает на них всегубительство...»

Айххх!..

А Бомбы в Ракетах!..

А Ракеты в шахтах!..

А Спутники и Лазеры в небесах ждут, алчут Своего Часа!..

Столько гения! столько трудов! упований! надежд! бессониц! озарений вложено в них!..

Сам многоискусный сатана творил их!..

Сам сатана сидел в тех самолетах над Хиросимой и Нагасаки!..

И вот он алчет сесть в новые самолеты и ракеты...

И Это Судный Час?

И кто приближает Его?..

Продолжение следует

യ്യാരുയ

Вячеслав Михайлов (г. Тула)

СКАЗ О НОВОМ ПРАВИТЕЛЕ И СТАРОМ СОВЕТНИКЕ

Родился в городе Термезе. Окончил Московский гидромелиоративный институт. Кандидат экономических наук. Ph. D in Economics. Опубликованы более сорока научных работ. Печатался в «Литературной газете», тульском литературном сборнике «Иван-озеро», литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори». Проживает в городе Туле.

Правитель страны тяжко занемог. Ни его лучшим врачевателям, ни иностранным докторам не удавалось остановить скоротечную сердечную болезнь. Понимая, что смерть рядом, призвал он к себе наследника.

— Ты видишь, сынок, час мой уж близок,— обратился к нему правитель слабым голосом.— Не грусти слишком и главное долго,— ласково улыбнулся он, заметив слезы в несчастных глазах сына.— Это будет во вред той многотрудной службе, что предстоит тебе нести... Я знаю, печаль твоя искренна. Но знаю также, что велико в тебе желание править самому... Ты готов — и по годам зрелым, и по знаниям обширным, к коим стремился всегда, и по опыту участия в делах государственных. Но я, грешный, не успел предостеречь тебя от роковых ошибок. И не успею — сил нет и ясности нужной в голове... Ты, родной, поговори с моим старым и любимым советником. Прими его наставления, словно мои. А теперь иди, я устал.

Вскоре после этой встречи правитель умер и был похоронен с величайшими почестями. Народ горевал, за исключением редких недовольных. При почившем страна переживала разные времена. Но в целом достаток граждан все же немного повысился, число их возросло, и жить они стали дольше. Соседи страну уважали и даже побаивались, что помогало ей сохранять себя.

Новый правитель, исполняя отцовскую волю, рассказал о ней тому самому советнику и приготовился выслушать его. Тот прежде задал вопрос, снабдив его небольшой преамбулой. «Обычно,— начал советник,— новые правители, приняв полноту власти, пытаются произвести изменения в жизненном укладе страны. Это естественно, ибо всегда есть, что улучшить, а старые правители на исходе своего служения не склонны что-либо менять. Да и всякому новому правителю попросту хочется оставить свой след в истории, превзойти успехами предшественника. Скажите, Повелитель, что и как скоро Вы намерены переменить в стране? Будьте уверены — слова Ваши останутся тайной».

— Я замыслил немало коренных реформ и не собираюсь медлить с ними — уверенно заявил правитель.— Хочу изменить организацию власти в столице и провинциях, порядок сбора налогов, правила торговли, правосудие, состав армии, расходы на ее содержание, работу лечебных, образовательных домов и много еще чего. Наш народ достоин лучшей жизни.

- А кого Вы хотите взять себе в помощники, на кого опереться в делах? спросил опять осторожно советник.
- На единомышленников, тех, кто верит в мои замыслы, на исполнительных профессионалов. Мне не нужны сомневающиеся. Да и крупные, чересчур самостоятельные люди ни к чему. У них высокие амбиции. От них жди измены.

Советник не выдал своего разочарования ответами, а попросил лишь дозволения рассказать об одном наблюдении из собственной жизни. Правитель согласно кивнул, и советник стал говорить. «Много лет назал. — вспоминал он. — довелось мне выполнять посольскую миссию в одной далекой стране. Рек и озер в ней было так много, что люди селились на них вблизи берегов, размещая свои легкие дома на деревянных сваях. Один дом опирался на десять-пятнадцать свай. Со временем они прогнивали, и хозяева домов заменяли их. Делали это поочередно, одну сваю за другой, постоянно контролируя устойчивость жилища. Процесс замены выглядел простым и надежным. А представьте, Повелитель, что произошло бы, когда хозяева взялись бы менять сразу половину свай? Конечно, дом зашатался бы и развалился или его сорвало б с опор и унесло течением... Вы, Повелитель, простите старика за дерзость, хотите менять одновременно более половины свай. Не поступайте так, даже если все хорошо продумали... Что касается помощников и соратников, то мнение мое опять Вам не в поддержку. Но делать нечего, раз поклялся отцу Вашему сказать, что думаю, не юлить. Я согласен с теми, кто считает так: нет в окружении правителя крупных, самостоятельных личностей — это метка слабого правителя, а есть они — метка сильного».

Правитель дослушивал советника с потемневшим лицом, еле сдерживая гнев. Скупо попрощался и велел тому уйти. С тех пор жил советник в отдалении, не нуждаясь ни в чем. Но продолжал пристально следить за событиями в стране.

Прошло около десяти лет. За это время страна расцвела: развивались ремесла, радовала урожаями нива, люди мирно трудились и богатели. Бедность осталась уделом лишь неисправимых ленивцев. Правитель вспомнил о старом советнике и решил навестить его, если тот еще жив. Советник оказался долгожителем. Одряхлевший, но с юношеским блеском в глазах он торжественно встретил правителя.

- Добро пожаловать в мой дом, Повелитель,— склонился старец в поклоне, как мог.— Нет границ счастью моему видеть Вас.
  - Вот, приехал отблагодарить тебя. Не забыл я твоих слов, не забыл.
  - Я это видел все последние годы, Повелитель. Какая еще мне нужна награда!

Геннадий Маркин (г. Щекино)

ОТЦОВСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

Член Союза писателей России, лауреат литературной премии имени Н. С. Лескова «Левша» (2009 г.).

Крепко мело той зимой на соломасовских вольницах. В иные дни так заметеливало, что не только дороги, овраги и балки, но и сами избы тонули в яростной и необузданной снежине. В один из таких буранных дней и занемог крестьянин деревни Соломасово Крапивенского уезда Тульской губернии Федор Блохин. Да так занемог, что с печи слезть не смог. Подозвал он к себе своих сыновей Романа и Петра и попросил, чтобы они его с лежанки сняли и на кровать положили, а кровать к Красному углу поставить приказал, велел лампадку затеплить, а после того, как у изголовья замерцал синим огоньком маленький огарочек, произнес:

- Нынче ночью меня во сне жена моя, матушка ваша упокойница, к себе кликала. Видать, скоро ко Господу отойду,— простонал Федор и зашелся в кашле. Затем отдышавшись с трудом, подозвал к себе сыновей и, тяжело приподняв голову с подушки, заговорил тихим голосом:
- Завещаю вам любить и оберегать друг дружку. Держитесь всегда вместе, никогда не ругайтесь, тогда вам никакой ворог не страшен будет. А если начнете браниться, то все прахом пойдет, вся жизня, как под овраг, скатится, и люди над вами потешаться будут. Дом рухнет, если братья друг с дружкой вражду учинят, не допустите этого, завещаю,— Федор вновь зашелся кашлем, да так, что продыху не было, хватал, задыхаясь, ртом воздух и дышал с гудом.
- Утром за лекарем ехать надоть в Ломинцево, в больницу,— проговорил старший сын Роман.
- Не нужен мне никакой лекарь, за батюшкой, за отцом Василием съезди,— перебил его Федор.— Хочу покаяться, да причаститься перед смертью,— приказал он и, задышав хрипло, откинулся на подушку.

Утром, как только забрезжил рассвет, Роман запряг лошадь в сани и поехал в село Мясоедово за священником. Приехали они только после обедни. Войдя в избу, отец Василий поздоровался со всеми, затем неспешно снял с себя скуфейку и долго отирал от снега светлым носовым платком усы и большую седую бороду, жалуясь при этом на непрекращающуюся метель, небольшое количество прихожан в церкви и мучавшую его каждую ночь бессонницу. Наконец вытерев насухо усы и бороду, прокашлялся и, подойдя к Федору, наклонился к его изголовью и что-то стал тихо ему говорить. Затем кивнул головой, пригладил руками седые волосы, заплетенные в небольшую косичку, и запел басом слова молитвы. В этот день Федор исповедовался, причастился, и даже пособоровал его отец Василий. Весь оставшийся день Федор провел, лежа на кровати в тяжелых приступах душившего его кашля. К поданной еде

не притронулся, а ночью, под непрекращающееся за окном метельное завывание, отошел в мир иной.

Недолго берегли отцовское завещание братья Роман и Петр. Уже с вешними водами произошла между ними первая серьезная ссора. Что послужило причиной к ссоре они на тот момент уже и сами не помнили. Жены братьев как-то разругались друг с дружкой, не поделили что-то. И мужья, вместо того, чтобы пресечь бабьи споры и ссоры, поддались их капризам. Так и ходили братья, друг друга глазами пожирая, а на Пасху, в аккурат после обедней службы, сошлись они в кулачный бой, злобно сверкая глазами, схватили друг друга за грудки. Насилу растащили их в разные стороны жены и дети. Все лето бранной жизнью прожили братья, а осенью решили они доставшееся им по наследству отцовское хозяйство между собой поделить.

Описанная мной реконструкция событий — это, конечно, художественный вымысел. Возможно, совсем по иному сценарию развивались события в семье Соломасовских крестьян Блохиных, способствующие ссоре двух братьев. Мы теперь можем только предполагать и догадываться. Одно в этой истории остается правдивым — это находящиеся в Государственном архиве Тульской области документы, свидетельствующие о непростых отношениях между братьями Романом и Петром Блохиными. Первый документ — приговор Соломасовского сельского схода, и имеет он следующее содержание, цитирую: «Сего 1894 года сентября 30 дня мы нижеподписавшиеся крестьяне-собственники Крапивенского уезда, Ломинцевской волости, деревни Соломасовой, сего числа собраны на сельский сход нашим сельским старостою Потапом Алексеевым Буяновым в числе 33 человек из числа 37 домохозяев имеющих право голоса на сельском сходе, на котором выслушали заявление односельных наших крестьян Романа Федорова и Петра Федорова Блохиных о желании их разделиться на два дома и хозяйства, так как старший сын семьи Блохиных Роман Федоров Блохин на испрашиваемый развод изъявил свое полное согласие, и мы усмотрели: 1— что к разделу семейства Блохиных имеется основательный повод, а именно несогласие и ссоры между членами семейства. 2 — что вновь образовавшиеся семейства вполне способны к самостоятельному ведению хозяйства. 3 — что принадлежащий им усадебный участок для устранения на нем двух участков с соблюдением строительного устава достаточен. 4 — что по разделу семейства Блохиных исправное отбывание ими податей и вообще всех повинностей будет обозначено. А потому и на основании 47-54 статьи общего положения приговорами разрешить крестьянам Блохиным произвести между собою семейный раздел на два самостоятельных хозяйства. При чем: А — четыре душевых надела земли, находящегося в пользовании семейства Блохиных они распределят между ними таким образом: Роману Федорову Блохину два надела и Петру Федорову Блохину два надела. Б — соответственно касательству земли раскладывается между вновь образующимися хозяйствами казенная, земская и мирская повинности. А также и другие казенные взыскания и числящиеся на них постройки: Роману Федорову Блохину — кирпичная изба, половина двора, половина сеней, старый деревянный амбар и погреб. Из скота: лошадь, корова и шесть овец. Сбруи, телега с колесами и упряжью, соха и борона. Петру Федорову Блохину: деревянная изба, половина сеней, половина двора и сарая. Из скота: лошадь, двухлетний бык и шесть овец. Сбруи, телега с колесами и упряжью, соха и борона. Остальное имущество и утвари разделить между ними пополам, усадьбу тоже разделить пополам. В том и подписались все домохозяева. Ломинцевский волостной староста Марушкин». Вот казалось бы и все. Сельский сход своим приговором должен был поставить точку в ссоре двух братьев. Как говорится: «каждый как хотел — так и получил свой удел». Да, должен был бы поставить точку, но, к сожалению, не поставил. Братья не успокоились, а еще с большим рвением возобновили вражду.

Прошло пять лет. Много воды утекло после той заснеженной зимы 1894 года, когда умирающий отец оставил своим сыновьям завещание о мире и согласии. Многое изменилось с той поры в самой деревне Соломасово. Образовались новые семьи, родились дети, отжившие свой век старики, упокоились. Зимы сменялись веснами, весны утекали талыми водами в овраги и балки, летние зеленые листочки одевались в золотые наряды, которые вновь яростно срывала врывающаяся в крестьянскую жизнь зима. Многое изменилось, но не изменилось отношение братьев друг к другу, они так и продолжали не любить друг друга, и ссоры между ними не стихли. В книге жалоб Ломинцевского волостного правления от 19 августа 1899 года за № 183 было зарегистрировано прошение, поданное Петром Блохиным, в котором он просил взыскать с брата Романа 10 рублей за обивку яблони и сбор яблок с его участка. «В нынешнее лето брат мой Роман самовольно собрал яблоки с моего участка, чем причинил убытков на 10 рублей», — так написал в своем прошении Петр, на что Роман пояснил следующее: «Я действительно обил корень Духовой яблони, находящейся на усадьбе Петра, потому, что считаю эту яблоню местною, то есть, мне от этой яблони, следует половина. В прошлом году делили пополам». Не сумев решить дело мирным путем, Волостное правление направило дело в Ломинцевский волостной суд, который в составе председателя суда А. Стекунова, членов суда Г. Лазуткина и И. Балалова, при секретаре Судакове 12 сентября 1899 года, вынес решение в пользу истца, обязав Романа выплатить брату Петру деньги в сумме 10 рублей. Однако Роман и не собирался выполнять решение Ломинцевского волостного суда. Вместо этого, он 21 сентября 1899 года подал апелляционную жалобу в Крапивенский уездный съезд, в которой указал следующее, цитирую: «имею честь представить прошение на решение Ломинцевского волостного суда, которое нахожу неправильным, так как суд не установил количество и стоимость обитых мною яблок». Крапивенский уездный съезд 4 декабря 1899 года в 10 часов утра вынес следующее решение, цитирую заключительную часть: «Уездный съезд, рассматривая это дело, находит, что в деле не указан сорт обитых Романом Блохиным яблок, также не указано их количество и официальная стоимость с них плодов, а потому Уездный съезд постановил: решение Ломинцевского волостного суда отменить, а дело это направить на рассмотрение в Ясенковский волостной суд. Председательствующий, член уездного съезда П. С. Савченко, земские начальники: Н. И. Кологривов, И. М. Долинино-Иванский, почетные мировые судьи: (фамилии неразборчивы — авт.), товарищ прокурора (фамилия также неразборчива — **авт**.), при секретаре П. А. Камаеве».

Вот такое решение вынес Крапивенский уездный съезд. Решение по этому делу Ясенковского волостного суда мне в архиве, к сожалению, найти не удалось. Будем надеяться, что решение было вынесено правильное. А может быть, суду даже удалось бы и примирить братьев Блохиных, кто знает? Ведь не зря же Крапивенский уездный съезд не стал возвращать это дело в Ломинцевский волостной суд, а направил его в Ясенковский, словно надеясь на более объективное его рассмотрение, выразив тем самым недоверие к суду Ломинцевскому. Впрочем, это уже совершенно другая история.

(38)(38)

Александр Сорокин (г. Тула)

ЭТЮД О НЕРАЗДЕЛЕННОЙ ЛЮБВИ

Страницы семейной хроники

Автор является доцентом Тульского медицинского института, врачом-гомеопатом, кандидатом медицинских наук, членом президиума Российского гомеопатического общества. Приводимая фотография иллюстрирует его повествование о том, как наше прошлое прорастает в наше будущее.

Вечер удался. Гости шумно расходились, старомодно целовали руку хозяйке, долго церемонно прощались с хозяином. А, когда вышли на улицу, кончиком змеиного хвоста скользнуло в голове,— «А может быть не стоило?» И снова вспомнились давние дни — лозунг «Власть — на местах», солдаты, стреляющие по уличным фонарям, растерянное лицо полицейского, которого пришлось переодевать в гражданское и укрывать у себя дома.

Так что же, нужно было в этот злополучный вечер сидеть тихо и ни в чем не участвовать? Во всем ощущалось что-то несерьезное. Но в конце-то концов, не в армии же мы, где поведение четко определяется уставом. И не было тогда в мыслях, да даже и в лексиконе, такого уголовно-лагерного слова — стукач.

Вызов в ГПУ последовал незамедлительно. «Как Вы могли? Петь Боже царя храни, пить шампанское из дамской туфли? И это в наше время, на десятом году революции?». Ночь, проведенная в казенном доме, привела к единственному решению. Они не отстанут. Надо все бросать, обрывать все связи и срочно уезжать из Брянска. Куда-нибудь, поближе к Москве.

Много позже ситуация повторилась. Стоило на минуту отвлечься на гремящую крышку бидона на заднем сиденье, как машина на крутом повороте задела столб ограждения на противоположной стороне дороги. И мгновенно решать — или машине прыгать с крутого склона или пытаться все выправить и, возможно, покатиться, переворачиваясь на склоне. И опять без сомнений выбрать прыжок и избавиться от последствий.

Город встретил переселенцев басом кондуктора: «Тула, берегите карманы, Тула». Ну и встреча! Потом предстали во всей красе яростные бессмысленные бои стенка на стенку на льду Упы зареченских с наседавшими из центра. Кровь на снегу. Присказка — «хорош малый, да туляк». И вся та темная животная сила, которая отразилась в слове «казюк», рабочий казенных заводов. И как, не то, что полюбить, но принять все это?

Однажды, нагруженные охотничьими трофеями, они возвращались через Орел. «Ну, чудеса,— говорил товарищ по охоте,— я всех толкаю, а они передо мной извиняются». В Туле такого и представить было невозможно.

Как же не хватало бескрайних брянских сосновых и еловых лесов и той чистоты отношений, которая, кажется, зарождается там, разлита в воздухе.

Но поиск, инициатива, помноженные на талант, опыт, полученный в эвакогоспиталях Москвы и Владимира, закономерно привели к заведованию хирургическим отделением областной больницы с 1941 года, а с 1944 года — к должности областного хирурга. Практически заново после войны пришлось создавать хирургическую службу области. А еще он — один из основателей Тульской станции переливания крови.

Мастерство и артистизм, с которыми он проводил операции, распространились далеко за пределы области, и посмотреть его резекции желудка приезжали хирурги из Москвы и других городов. Как-то на операции присутствовал профессор из Курска. Резекция желудка под местной анестезией была выполнена за 45 минут. Онемевший от изумления и восхищения профессор только и выдавил из себя: «Да-а».

Его диссертация по кровоснабжению желудка лежала в Москве на столе у легендарного хирурга С. С. Юдина. Он был из этой породы — талантливых и независимых, не смиряющихся ни с чем и ни перед кем не заискивающих. И неведомо откуда знал нелегкие судьбы таких людей. Беря в руки очерки по хирургии С. С. Юдина знал, что написаны они были в заключении на бумаге, которая выдавалась заключенному совсем для других целей. Знал о многолетней ссыльной эпопее другого великого хирурга — В. Ф. Войно-Ясенецкого.

Судьба пощадила нашего героя. Тот, кто писал доносы, по счастью, был его учеником в хирургии. А, кроме того, начальство прекрасно знало, кто нужен для работы, а кто — для других дел. Все на своем месте. И С. С. Юдина освободили, и В. Ф. Войно-Ясенецкий после всех тюрем и ссылок удостоился Сталинской премии.

Но сможем ли мы понять тот ужас жены и дочери, когда однажды ночью за ним приехали на обкомовской машине. Ни живы, ни мертвы были они до утра, пока не узнали, что ничего особенного не произошло, просто заболел кто-то из обкомовских начальников.

Он не мог сдерживаться, когда узнавал, что в школе у дочери историю преподает постовой милиционер, что старичка географа по доносу учениц арестовали за то, что он сказал «Наша страна является одной из самых демократических в мире». Почему не сказал, что самая? После праздника пасхи у детей в школе осматривали руки — нет ли следов краски от пасхальных яиц, приходилось долго отмывать руки дочери. И он взрывался. Тогда его жена тоже повышала голос: «Петя, прекрати!», и указывала на стену квартиры, за которой жили люди иного склада. Ничто не указывало на то, что когда-нибудь, что-нибудь изменится. Но каким-то чутьем он ощущал, что об этих временах еще расскажут и напишут, что даже татарское иго в конечном итоге сошло на нет.

А ведь еще надо было изучать бредовые идеи старой большевички соратницы Ленина О. Б. Лепешинской о происхождении живого вещества из неживой материи. Ну, это можно было оставить без комментариев. Но невольно весь напряжешься, когда хочешь — не хочешь, а нужно выручать хирурга из Лаптева по фамилии Синакевич, на которого навешивают всякую ерунду в порыве борьбы с космополитизмом. Воистину сказал же кто-то: «Жить в этой стране невозможно, спасаться можно только здесь».

И в мартовские дни всеобщего траура одно только слово нашлось у него для покойного. Он пришел домой, положил рабочую папку и сказал: «Сдох». На суетливого Хрущева с его бесконечными преобразованиями он смотрел уже с усмешкой. Особенно забавляли его слова: «Мы — государственные деятели». И готов был ответ: «А вы, друзья, как ни садитесь...». Сам-то он был профессионалом своего дела. «Вы и представить не можете, как он кричал на хирурга, который на операции, не найдя язвы, все же сделал резекцию желудка», — рассказывала операционная сестра. Уже в наши дни на торжествах в честь открытия мемориальной доски на доме, где он жил, тот самый хирург, совершивший злополучную операцию, пытаясь сделать бывшее небывшим (сюжет как будто прямо заимствованный из «Мастера и Маргариты»), говорил: «Петр Никифорович очень уважал людей, никогда не повышал голос на хирургов». И по большому счету в этом тоже была доля правды. Даже после смерти своей жизнью он все учил людей, давал ориентиры, устанавливал планку. Он умел так служить людям, что это не воспринималось ни как подвиг и образец бескорыстия, ни как работа по принципу — а сколько мне за это заплатят? При нем нельзя было представить ни грубости со стороны медсестер, ни фамильярности со стороны врачей. Каждому, кто с ним общался, были привиты высокие принципы.

Запомнились слова из письма одного из многих благодарных пациентов, которого он прооперировал: «Спасибо, доктор, я теперь даже сто грамм могу выпить». До Марса, кажется, ближе, чем до информационной медицины в разоренной после войны стране. И можно было слышать в то время его иронические высказывания о том, как Господь самый мелкий атом вложил в мозги гомеопатам.

А ему было все время кого-то пронзительно жаль. Видел ли он страдания пенсионера-цветовода, к которому лезли за цветами через забор здоровенные лбы, превращая в ничто все его труды. А милиция насмешливо говорила: «Сажай, дед, репу и капусту». А когда старичок, измученный нашествием, протянул проволоку с пропущенным током, его тягали в суд. Государство радело за свою собственность, а гражданам нечего ей и обзаводиться.

Я держу в руках десяток статей о нем и даже книгу с названием «Подвиг хирурга». Нехитрое лекало, по которому бойкими журналистскими перьями выведены жизнеописания врачей, металлургов, педагогов, неважно кого. И вспоминаю, как грянула перестройка, как появились такие чуждые их стилистике кинофильмы как «Человек из мрамора», «Человек из железа». Еще бы им не возмутиться. Поломан шаблон, по которому тачали они свои нехитрые поделки, и оказались эти творцы не у дел.

На тихом кладбище в Кочаках — его могила. Кто-то через сорок лет после его смерти приносит на нее цветы. И это — не родственники, которые все наперечет. Я не знаю, кто это, но очень завидую такой его посмертной судьбе. В Туле много мемориальных досок. Но только одна из немногих на улице Тургеневской напоминает, что, кроме воинов и конструкторов оружия, отмечен еще и хирург Пушкарев Петр Никифорович.

Вроде бы, что можно сделать для умершего более сорока лет назад человека? А оказалось, что можно! Четыре его правнучки, рожденные в нелегкие девяностые годы, стали врачами, и не только по диплому, но и по душе. И у одной из них появится сын, и назовут его Петр. И его появление будет означать, что повествование о верном и вечном продолжается.

യ്യാരുയ

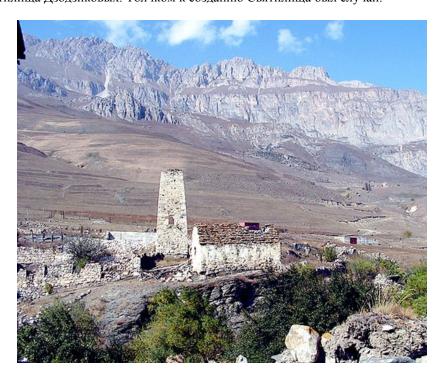
Маргарита Дзодзикова (г. Владикавказ)

ФАМИЛЬНОЕ СВЯТИЛИЩЕ ДЗОДЗИКОВЫХ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

(очерк)

История возникновения фамильного Святилища Дзодзиковых уходит корнями к тем временам, когда в селении Даллагкау в Куртатинском ущелье были отстроены фамильный двухэтажный дом (ганах) и другие дома поменьше, боевая оборонительная башня, склепы (дзаплажетае), вспомогательные хозяйственные сооружения. Фамильная башня Дзодзиковых и два склепа в селении Даллагкау входят в Перечень объектов культурного наследия федерального значения и датируется XIV—XVI вв. Имеются паспорта Памятников истории и культуры (3-5, № 1-65-2) и (3, 4 — 3-8(4), № 1-65-2). Именно к этому времени и относят старейшины фамилии время создания Святилища Дзодзиковых. Толчком к созданию Святилища был случай.

Фамильная башня Дзодзиковых в селении Даллагкау, Куртатинское ущелье, Алагирский район, РСО—Алания. Видна сохранившаяся фасадная стена башни, слева остатки ганаха (фамильного дома), за ним руинизированное святилище, справа — два склепа, на фото виден один, другой находится за ним.

В те стародавние времена угнать у кого-нибудь скот считалось за удаль, за честь. Сделать это было непросто, так как каждый тщательно охранял свою собственность — много было и трагических случаев, но если это удавалось, то в народе говорили между собой: «Саран лаг у ама самал кодта» (он настоящий мужчина, смог добыть).

Братьев Дзодзиковых тогда было много, да и потомство у них было немалое. Жили своим трудом, были среди Дзодзиковых: кузнецы (кодтой: цаевхадта, фыдисжнтж, канчыритж жмж жнджртж) и те, кто что-то отливали из свинца (они приносили с гор какие-то камни, помещали их над огнем, а утром в золе находили затвердевший металл ($m\partial \omega$ — свинец), который уже отдельно плавили и отливали из него то, что хотели), мастера резьбы по дереву, они сами делали: музыкальные инструменты (хъисын фандыр, къжригжнжнтж), вся мебель (столы, стулья, сынтжджыта, уырындыхъта, авданта, тахтинта, бандатта) и посуда (уыйдгуыта, тæбæгътæ, цолпитæ, къустæ, фийагтæ æмæ иннæ ахаем мигæнæнтæ) была изготовлена и вырезана своими руками (был даже фамильный знак на изделиях). Алдымбыд — тесемочку из 3—5—7 или 9 нитей умели делать даже дети; женщины рукодельничали: шили одежду и обувь матерчатую и кожаную, папахи, вышивали: платочки, табакерки, коробочки, платья, салфетки, скатерти, «ковры»; катали войлок, держали тутовых шелкопрядов, делали хызте (осетинские шелковые шали сеточкой, мужские майки такой же сеточкой, причем у Дзодзиковых был свой «узел» при изготовлении этих изделий, он передается из поколения в поколение и не утерян и в наши дни), тесемки для подшивания краев папах, платья, рубах и штанов. Это были такие маленькие станки, я помню три таких: один совсем маленький — длиной 60—70 см, шириной около 25 см на нем делали тесемки разной ширины; на другом, который был побольше, изготовляли женские плетеные, с орнаментом пояса; на третьем, самом большом, ткали ткани, в том числе на обмен и продажу. Дзодзиковы были меткими охотниками, умело управлявшимися с оружием и хорошими наездниками, были среди нашей фамилии целители, сказители и сочинители песен, садоводы, скотоводы; имели пастбищные и сенокосные уделы, но жилось им все-таки нелегко — земли на всех не хватало и время от времени, так же, как и представители других фамилий, молодежь Дзодзиковых выезжала «добывать» скот (балцы цыдысты).

Надо сказать, делали они это редко, но мастерски, как свидетельствуют устные фамильные предания. И вот однажды они добыли большое стадо крупного рогатого скота и баранов. Под фамильным хадзаром (ганахом) — на первом этаже было достаточно места, но стадо было большое, и все животные туда не поместились... пришлось большую часть той же ночью перегнать и продать кабардинцам, какое—то число голов оставили себе, из них часть забили, засолили, закоптили, с десяток баранов раздали соседям. Эта и следующая зима были обеспечены.

Но через некоторое время скот на подворье стал гибнуть: ни крупные, ни мелкие животные не выживали, гибла даже птица... что только не предпринимали — поменяли корм, давали целебные травы и воды, вычистили и обсыпали все помещение и все уголки гашеной известью, потом измельченным углем и пеплом, потом сверху обсыпали и обмазали пол и стены свежей глиной, пол выложили свежей сосновой доской...— не помогло; отстроили новый загон для скота, тут же, во дворе, чуть выше по течению реки Фиагдон, слева от ганаха... ничего не помогало... живность в доме не держалась. А как в большой семье без мяса?

Мужчины стали подумывать о какой-то напасти типа сглаза, порчи, Божьего наказания или даже происках Далимонов (чертей). Испробовали все возможные молитвовозношения: Фошы Фалвара (Фосы Фалвара — покровитель домашнего скота), Карчы Лоймае (Карчы Лой — покровитель домашней птицы), Уацилла (Уацилла — в осетинском нартовском эпосе — небожитель, находится в состоянии вражды с Нартами. Уацилла — один из самых популярных божеств, бог-громовержец, покровитель хлебных злаков и урожая), Дзывгъисы дзуармæ (букв. «Ангел Дзывгиша» — одно из самых почитаемых святилищ в Куртатинском ущелье, посвященное Уастырджи), Бынаты хисаумæ (Бынаты хицау — домовой), но ничего не помогало — животные гибли.

Отчаявшись, глава семьи обратился за советом к Старейшине — священнослужителю Святилища Дзывгъисы Дзуар (Дзывгъисы Дзуары лæгмæ), мол, гибнет живность у нас и ничего не помогает — никакие меры, никакие молитвы; не получается спасти ее, не живет — и все. Что делать? О добытом когда-то стаде быков, коров, телят и баранов он и не вспомнил, и не поведал.

Дзывгъисы Дзуары лæг внимательно выслушал Старейшину фамилии, помолился, освятив три традиционных уаливыха (традиционные осетинские пироги с домашним сыром), три ребра (барана резали рано утром в этот день, три ребра отваривали, поджаривали и клали на ритуальные пироги) и алутон (вид осетинского пива), и, сказав, что это какой-то особый случай, удалился во внутреннее помещение Святилища. Не было его достаточно долго и, когда он вышел, вид у него был хмурый, — «Несколько лет назад вы угнали скот, среди них был белый бык — Мыкалгабыртан Нывонд гал».

Мыкалгабырты Кувæндон — Святилище Мыкалгабырта — находится в селении Ход, Алагирского района (за перевалом от Куртатинского ущелья к Алагирскому — через отроги массива Хъариухох). Имена Святых Михаила и Гавриила объединены в одно — Мыкалгабырта и у осетинского народа считаются покровителями (божеством, повелителем) Изобилия (у Мыкалгабырта просили послать богатый урожай, большой приплод в стадах, предохранить от невзгод и болезней, обилия всего: в достижениях, в жизни, в семьях, в домах, в достатке, в еде...). http://oss.kirimiti.ru

Поклоняются двуединому Божеству — Мыкалгабыртае только в Алагирском ущелье и ни в одном другом ущелье Северной Осетии. Для вознесения молитвы Мыкалгабырты Кувандоны режут белого быка (или барана), которого заранее выбирают и откармливают для этого ритуала (нывонд — выбранное жертвенное животное). Обычно после празднования дня Мыкалгабырта покупали молодого быка, на собранные людьми пожертвования, затем бросали жребий и отдавали в тот дом, чей жребий выпал, где его кормили особо чистой едой, пасли и охраняли до следующего праздника. Если бык был не белый — его как-нибудь метили, например, на рог повязывали ленточку или вплетали ее в хвост, либо просто запоминали и знали, что это жертвенный бык для праздника в Святилище Мыкалгабырта (Мыкалгабыртаен Нывонд гал). С момента, как животное выбрано, оно неприкосновенно.

Старейшина фамилии Дзодзиковых вернулся домой, собрал братьев, стали они обсуждать, сказанное Священнослужителем Дзывгъисы Дзуар, думать и вспоминать могло ли такое произойти, когда и как? Если бы жертвенный бык был замечен, его непременно вернули бы — просто перегнали бы через перевал, и он сам пришел бы домой. И тут кто-то вспомнил о том, как несколько лет назад в Алагирском ущелье было добыто большое стадо, а в нем было несколько светлых животных.

Старший фамилии Дзодзиковых вновь направился в Святилище *Дзывгъисы Дзуар*, встретился со священнослужителем и поведал ему о том, что, возможно, именно тогда среди этих животных и мог оказаться жертвенный бык (*Нывонд гал*), которого в темноте и спешке не заметили и не отделили. Дзуары лæг задумался и сказал: «То, что вы сделали, это — большой грех. Для того, чтобы Бог простил Вас, и изобилие вернулось в Ваши дома, Вы должны сделать Святилище Мыкалгабырта. Вы знаете, что Куртатинское сообщество этого не одобрит, поэтому я «не знаю», какое Святилище будет устроено у вас во дворе».

Дзодзиковы решили построить святилище, но не было ясно, где именно его расположить. Купили белого быка, вознесли молитву *Мыкалгабыртем* и отпустили его, бык походил, походил по территории двора, потом перешел в огород, встал в одном месте, постоял, потом лег. В этом месте его принесли в жертву, а потом сделали небольшое Святилище из камней.

Выяснили детально, как правильно освятить место, приносить жертву и возносить молитву и стали ежегодно отмечать этот день, который приходился на следующее воскресенье после празднования *Хетаджы Дзуары бон* (*Рухс Тымбыл Хъæды Дзуары Бон*), как правило, в третье воскресенье июля. В жертву приносили белых животных: в один год быка, на следующий год барана и так чередовали.

Фамильный дом (ганах) Дзодзиковых был традиционно двухэтажным. С крыши второго этажа сделали переход к Святилищу Дзодзиковых (Дзодзыккаты Кувæндон), расположенному между ганахом и дорогой на западном краю участка. Первый этаж ганаха, где обычно держали животных, был переделан в жилые помещения. С тех пор изобилие вернулось в семью Дзодзиковых, «добывать» скот (балцы цæуын) необходимости уже не было. Дзывгысы Дзуары лæг сдержал свое слово, и только он и Дзодзиковы знали, что здесь возносились молитвы Мыкалгабыртæн.

В перечне Святых мест в Куртатинском ущелье упоминается о 32 Священных местах, указана дислокация, краткое описание и дни, когда у Святилищ следует возносить молитвы. Среди выше перечисленных Святилищ не указано фамильное Святилище Дзодзиковых (Дзуцев Х. В., Цагаева А. Д. Цогоев Т. Н. Священные (табуированные) места Северной Осетии.— Северо-Осетинский центр социальных исследований ИСПИ РАН.— Владикавказ.—2001.—28 с.), оно и понятно — Фамильный Кувандон Дзодзиковых (Дзодзыккаты Куваендон), где возносились молитвы Мыкалгабыртаем, был скрываемым фамилией Святилищем.

В настоящее время фамильный Совет Дзодзиковых создал общественную организацию фамилии и работает над тем, чтобы восстановить историко-архитектурное наследие нашего Рода.

Игорь Лукьянов (г. Борисоглебск)

Игорь Лукьянов — русский поэт. Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова

И вроде прав... А все ж себя корю: Не то я думаю. Не то я говорю. Не та у слов моих То глубь. То стать. Ведь за слова Привык я отвечать...

Она как есть — бессмыслица бессмыслиц. Хоть как лоб морщи, душу напрягай, Когда терзает женщину убийца И грабит ветерана негодяй. Есть у страны защитники — солдаты Ее святых потомственных границ, Но кто ее спасет от адвокатов

Предателей, растлителей, убийц...

К картине Алексея Саврасова «Грачи прилетели»

Зацерковная даль. Заревые лучи. Мне оттуда О чем-то горланят грачи. Я гляжу — И души оторвать не могу От разбросанных веток На талом снегу...

* * *

В напоре дней, Как вьюгою колючей, Пройду — И что-то заново пойму. И где-то невзначай, А не по случаю Кому-то руку От души пожму...

* * *

Чтобы не скурвиться, Чтобы не ссучиваться, Надо учиться — Учиться разучиваться Наперекор, Встреч уменью и гонору Надо ломиться В обратную сторону... Что-то получится Иль не получится, Но надо учиться — Учиться разучиваться...

* * *

Банален мир от кочки до небес.
Банален и застоем, и прогрессом,
Как волка не корми — он смотрит в лес,
Как жизнь не возноси — мы смотрим в детство.
Спасибо ей за все, что приобрел —
За ту в листве садовую дорожку,
За тесный с керосинкой коридор,
Где бабушка мне жарила картошку...

* * *

И ночью, и днем В просторе морском Стальные идут корабли (из песни пятидесятых годов)

Не забыть мне Советскую Русь С Красным знаменем над головой. Как хотите, а я остаюсь С тем, что было моей страной. С мощью далей ее и границ, Где державною силою вдали, Козни вражьих ломая столиц, Шли стальные ее корабли.

* * *

Светлане

Окраина — и луг за огородом. На нем тропинка — прямо до реки. Под солнечным иль звездным небосводом — Составов задушевные гудки. Я в них не раз летел

к огням далеким,

В душе тревогу

до предела сжав.

Но вот пришли,

пришли иные сроки,

Где всех дорог дороже

воздух трав.

Над ними птиц

несущиеся тени.

И ветра ниоткуда — благодать. Пред ними встать готов я на колени И ничего о будущем не знать...

* * *

Разбавляйте
Иль сгущайте краски
Там, где все — не выше пустяка,
Но не врите, не рядитесь в маски
В драках —
От свистка и до свистка...

* * *

Ту люблю пустоту И в себе, и во вне, Где она, словно луч На вечерней волне Вечной далью блестит, Вечной далью поет. Ни о чем не грустит, Никуда не зовет...

* * *

Забытые старые раны И свежие поздние раны Мне стали дороже удачи, Они мне победы милей.

Лишь с ними
Я что-нибудь значу —
Сурово молчу или плачу
Среди золотого тумана
Рассветных осенних полей.
Лишь с ними
Средь тихого луга,
Когда предночная округа
Домишками дальними блещет,
За лес провожая закат.
Могу я задумчиво слушать,
Как грустно считает кукушка
Далекие лучшие годы,
Что вновь повторятся навряд.

* * *

Мудрецов фантазии и изыски Превратятся в мусор и туман Коль однажды в духе ты и истине Протаранишь стен самообман. Нечем на свободе душу тешить. Нечем на улыбки отвечать, Коли сквозь любезную безгрешность Каинова скалится печать!

ШИРМЫ

Мы темные люди, Но с чистой душою Юрий Кузнецов

Честен и прям,
Как Барбос из мультфильма,
Жизнь-то
Она далеко не мультфильм,
Русский Иван,
презирающий ширмы,
Начисто
вырвет
любого из ширм...

* * *

И каждый час уносит Частичку бытия

А. С. Пушкин

И вот она — Частичка бытия: Круги орла Над полосой жнивья. Погост средь поля. Беспощадный зной. И синева бессмертья надо мной.

УКРАИНА-2014

Я служил и с Петро, и с Миколой. В годы те и кацап, и хохол Проходили армейскую школу, Натирая мастикою пол В нашей общей советской казарме. На державу родную свою Мы смотрели одними глазами, Шаг печатая в общем строю. Как же так, Николай и Петруха. Что свои по своим — не разнять, Нынче бьют из орудий друг в друга. И рыдает славянская мать?

* * *

Важны для народа,
Чтоб был он страной —
Георгий с копьем
И Егорий с сохой.
Чтоб силу имея,
Не лихо творить,
А поле засеять...
Себя защитить...

* * *

Небесность лиц я рад увидеть в храме. Когда суровый русский патриарх О мировой рассказывает драме Во всем понятных праведных словах. Я вижу здесь своих сестер и братьев: Больных, здоровых, старых, молодых. Я вижу здесь народ из русской рати Под стягами молитв своих родных.

* * *

Жизнь уродуют не передряги, А в своих искушеньях слепа, Не познав ни добра, ни отваги, Полюбившая пошлость толпа. Алчной в доску до зрелищ и хлеба Не разъять в покаянии уста. Не вместить ей в себя волю неба, Осененного духом Христа. * * *

Помню — из ворот кинотеатра Выходили преображены Судьбами запечатленных в кадрах И трудяг, и воинов страны. Но во власть проникли ренегаты. Средь рекламных буржуазных благ В фильмах — ни трудяги, ни солдата, Лишь одно блядво на всех углах. Жизнь пошла по правилам торговли: Коли не богат — считай кретин. И хрустит попкормом поневоле Одинокий в зале «господин»

* * *

Сел я на поезд вечером — в восемь. И загремели колеса сквозь осень Ранние сумерки, а изнутри — Крыши московские, дождь, фонари. Поезд по графику ход набирает, Мимо уже — гаражи и сараи. И, вот, последним сверкнув огоньком, Город исчез и лишь — поле кругом. Поле и поезд, поезд и поле, Доля, ты доля. Божия воля...

* * *

Прошуршит осенняя осока: Все до срока в мире, Все — до срока. И об этом четко В светлых кронах Прокричит мне Местная ворона. В берег приунывшего пруда Горьким вздохом Плещется вода.

* * *

После Покрова
метельного ждать покрывала.
Снег и морозы,
конечно, еще — не Помпея.
Но, что — звучало, сияло
гремело и звало —
Все это в прошлом
и силы уже не имеет.
Каждый с рожденья
заносится в списки пропащих.

Раньше иль позже приходит щемящая зрячесть. Нет ничему в этой жизни цены настоящей Средь прямодушья и лживых бездушных изяществ.

* * *

Что-то понял старик перед смертью И устроил в палате дебош. Словно рвал окаянные сети, Понимая, что их не порвешь. Был по жизни сноровист и весел. И в труде, и в застолье — хорош. И его лебединою песней Прогремел тот больничный дебош.

* * *

Плачь, сердце, плачь О всем, что я увижу Когда-нибудь вдали Последний раз: Осенний палисад С опавшей мокрой вишней. Родимый взгляд Невозвратимых глаз. Плачь, сердце, плачь Ты право в этой грусти... И то — не слабость, нет. И не уход в себя. А просто правда чувств По самой высшей сути. И ей — не человек, не человек судья.

യത്തെ

Игорь Нехамес (г. Москва)

К 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Действительный член Академии российской литературы, действительный член Академии гуманитарных наук России, член Московской городской организации Союза писателей России, член Союзов журналистов России и Москвы, кавалер орденов М. В. Ломоносова и В. В. Маяковского, М. Ю. Лермонтова и Г. Р. Державина, лауреат литературных премий имени А. А. Фадеева и имени К. М. Симонова, лауреат премии литературного агентства «Московский Парнас», лауреат премии «Золотая осень» с вручением ордена С. А. Есенина. Лауреат премии «За лучшую детскую книгу» 2011—2012 гг. с вручением медали имени С. Я. Маршака, лауреат премии «Золотое перо Московии» Московской областной писательской организации, лауреат Золотого диплома имени Ф. И. Тютчева, лауреат II степени второй Международной олимпиады искусств Международной федерации искусств под эгидой ЮНЕСКО в России, лауреат премии «Серебряный крест», лауреат Всероссийской премии имени П. Л. Проскурина, лауреат Всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Автор 17 прозаических и поэтических книг.

МОНУМЕНТ СЛАВЫ

Мы идем к монументу Не пришедших с войны, На венках скорби ленты Цвета вечной вины. Нас священная дата снова вместе свела, Званий нет — все солдаты, Память судьбы сплела. Мерно в ногу шагаем, Вспоминать — вечный крест. До озноба страдаем Под печальный оркестр. Мы оставлены Временем, Чтоб потомки потом Были вечно несменены Дедом, братом, отцом. Память — совесть внимания К непришедшим с войны, А минута молчания — Горький вскрик тишины.

ВЕЩАЯ ЦИФРА РОССИИ

Три попытки даны человеку, Три дороги дано выбирать, Трижды думать, чем петь хвалу веку, Трижды в детях себя повторять. Тройкой лихо по жизни промчаться, Троекратно друзей лобызать, Трижды славить славянское братство, Трижды верить и трижды прощать. Троекратно проверив, решиться, Троекратно крестом осенить, Трижды в деле в лепешку разбиться, В соснах трех не искать истин нить. Третьим Римом — Москвой восхититься, Треугольник Кремля распознать, Трижды свистнуть — и смело прельститься: За три моря пешком прошагать. Трижды сплюнув, чтоб бес не попутал, Три желанья на помощь позвать И былину от предков под лютню Для потомков сыграть-рассказать. Перед Троицей — чудной иконой Троедружие благословить Колокольным божественным звоном: Русь всегда защищать и любить!

СВЕТ МЕДАЛИ

На полинялой гимнастерке Не разглядишь издалека: Судьбой и временем затерта Была медаль фронтовика. Трудом измученные руки Колодки тронули муар, И дружелюбно, не от скуки, Открыли старый портсигар. Размяли пальцы папиросу, Просыпав крошки табаку. Найдите время на расспросы, Дав огоньку фронтовику. И на линялой гимнастерке Медаль засветится, звеня, И станет горьким дым махорки, Как Память Вечного Огня!

РАТНИКИ РУСИ

Он был русский солдат, Потому что погиб за Россию. Ну и пусть, что лицом смугловат, Мы его защитить попросили. Попросила река, Где он в детстве часами плескался. Попросили века, Где дух предков навечно остался. Попросили дубы, От которых напитан был силой, Стон беззвучной мольбы От любимой — доверчивой, милой. Он пошел защищать Из Сибири, с Урала, с Кубани, Всех имен не назвать: И Петры, и Богданы, и Вани, Салаваты, Тенгизы, Абрамы, Магомеды, Рашиды, Кирсаны, Константэны, Олеги, Байрамы — Разных вер и родов, тейпов, станов... Он вернуться мечтал: Там его ждут по пору по сию. Он позор не застал, Потому что в разоре Россия. Сто народов Руси Делят землю, историю, флаги, А друзей поносить — Будто плеск самогона в баклаге. Зарастает погост Не травой, а бесстыдным забвеньем. Встань, солдат, в полный рост — Отврати от лукавого рвенья! Память, гордость и стыд — Эти вехи наш путь выправляют, Вспомним всех, кто забыт, Навсегда землю нам оставляя. Перекличка имен — Для живых честь бойцам поклониться, Будь достоин Времен, Что Руси помогли сохраниться.

СИЛА ПОБЕДЫ

Наши даты славы и печали
То бодрят, а то ввергают в грусть.
С прошлым настоящее встречалось,
Если что-то прожито, то пусть!
Прошлое становится желанным —
В нем остались молодость и страсть,
Будущее холодит обманом:
Счастье будет полным? Или часть?
Потускнели яркие награды.
Или это зрение смерчит?

Звонкостью не радуют парады, Скоро-скоро Время замолчит... Но в *девятый день*, в цвет красный *мая* С плечиков снимаем пиджаки — Мы идем на площади, хромая, В звании «*солдаты-мужики*»! В нашу силу вновь потомки верят, Блеск Победы золотит года. Время нам еще Судьба отмерит: На пилотках — Красная Звезда.

ХРАНИТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

Старухи хранили Россию, Храня — хороня мужиков, У Бога заступство просили, А внукам — судьбу без оков. Поднять детвору обещали ушедшим на страшную брань. И в битвах их путь освящали, Даруя надежную грань. И грань та — в граненом стакане, И грань — в заокопной грязи, И грань — в ожиданьи свиданий, И грань — в оскуденьи слезы... Россию старухи хранили и истово ныне хранят: Кто жили — о них не забыли. Как жили — Судьбу не бранят. И память, как вехи по бедам: Как слюжили горе сердца? Старух вдохновляла Победа и скрипы ступенек крыльца.

ОГОНЬ ПОБЕДЫ

Безответные дни, бесприютная старость. И в семейных альбомах залежалая пыль. Остается одно — только самая малость: Опереться на данный бесплатно костыль. Телевизор настроен соседским парнишкой — Просто из уваженья к ветерану войны. И старик попритих, чтоб не кашлять с одышкой: Хоть бы силы хватило быть в составе страны! Диктор кончил вещать о значеньи Победы, Отстук стрелки секундной зарябил циферблат. «Чтоб с достоинством встать, отогни полу пледа!» — Сам себя вдохновляет советский солдат. Объявили салют: первый залп, второй, третий... Пот лицо заливает, сердце бьется внаскок.

Разноцветный огонь будто ласковый ветер Помогает отвлечься от нужды и тревог. Тени однополчан высветляет салютом, Перекличка с Судьбою: вновь звучат имена. Остается шагать неизвестным маршрутом — Это все, что солдату оставляет война.

ВСЕГДА ПОМНИТЕ

Они никогда не вернутся с войны, Судьбою для них остановлено время. И холод мемориальной стены: Колонки имен — горькой памяти семя. Природа для жизни дает семена: Когда пустоцвет — ничего не родится, На мемориальной стене имена, И каждым по праву мы можем гордиться. Их подвиги — верность родной стороне, Их ждали домой для любви и защиты, И фраза на мемориальной стене: «Никто не забыт и ничто не забыто!» И этот девиз, как молитву шепча, Потомки хранят, набираются силы. В строю поколений нет крепче плеча — Вот почему и сегодня мы живы!

ГОРДОСТЬ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

С победой! Гранены стаканы Мозолистой хваткой — с резьбой. Под стук, а не звон ветераны Всегла вспоминают свой бой.

В том стуке отчаянье павших, В атаку пошедших с тобой, В том стуке уверенность знавших: Победа — под Красной звездой.

Лишь в беге полощется знамя — Кумач с кровью смешан навек, Огня вековечного пламя Вместил в монумент человек.

ПИОНЕРУ-ГЕРОЮ

Со страхом идя на стихию, Ты веришь в счастливый исход. Пусть предположенья плохие, Но сердце надежду дает. А силы дает галстук красный — На шее твоей невесом. И мыслишь задорно и ясно: Мы трудности все превозмем!

А узел надежно завязан, Хоть ветер полощет концы, И ты поколеньями связан, Где прадеды, деды, отцы.

А если замыслено дело Во благо Отчизны родной, То смело идут пионеры Всегда в авангарде на бой.

Наветом оболганы предки: Мол, жили, трудились не так, Зачем лезли вы, малолетки, В горнило смертельных атак?!

Не возрастом мерится подвиг, А лишь бы Отчизна была: У времени ты не угодник, Энергию доблесть дала!

За правдою в вечном походе Тебя вдохновляет звезда. Ты — стержень в крепчайшей породе, Так было! Есть! Будет всегда!

Частицею красного стяга Твой галстук по праву зовут, Победой прекрасна отвага: Огонь пионеры зажгут.

ЗАГРУСТЬЕ

Уходят в Вечность старики, На мир взирают отрешенно И вспоминают затаенно О звонах жизненной реки.

Им надо силы сберегать, Чтоб дольше греть сердца задором, Пространство не охватишь взором: Где строить мост? И где стлать гать?

Все зыбко, знают старики. Зыбуч песок, и память — тоже. Что прожито, то и итожат Часы. И хрипы их горьки...

Уже задрапирован вход — Теперь назад не сделать шагу, Но сохраняя верность Флагу, Все верят в солнечный восход!

Чем дольше прожито, тем страх Сильнее требует согнуться, Найти бы силы встрепенуться, Раз эхо слышится в горах.

Все ль переделаны дела? И все ли сложено потомкам? И в каждом дне, что был не скомкан, Надежда искренней была?

Вслед старикам так страшно жить: Путь к безысходности указан, И вместо бриллиантов стразы Сверкают. Так тому и быть?

ПЕРВЫЙ ПОДВИГ

(быль)

Загорелся старый дом — Все охвачено огнем. Старуха жалобно кричит: «Наше прошлое горит!»

Жалко правнуку старуху, Надевает брезентуху, Окатил себя водой И бежит в свой первый бой!

В страхе ждут односельчане: «Что же будет с нашим Ваней? И зачем он побежал? Что там правнук потерял?»

Слышны стуки, звон стекла, Мат с охрипшего горла... «Раз ругается — живой, Справится с любой бедой!»

Кто сказал в толпе ту фразу Уж и не упомнишь сразу! Но народ приободрился: Свет надежды появился.

Воду лить хотят в проход, Чтоб счастливым был исход.

Но пожарный не велит: «Если пар вдруг повалит,

Путь парнишка потеряет, Выход свой не распознает! Батогом тяните бревна, Чтоб бежать Ванюше ровно!

Водой ведра наполнять, Пламя чтоб потом сбивать, Когда выйдет он наружу, Наш Ванюшечка все сдюжит!»

Мигом выполнен приказ! С огорода ведом лаз, Как в подполье ход пробить, Чтоб Ванюшке подсобить.

Ломом выбивают крышку, Чтобы вызволить парнишку. Домотканые дорожки Жар ослабили немножко.

Шум Ванюшка услыхал И на кухню прибежал. Весь обтерханный огнем, Вниз протиснулся ужом.

Крышку быстро опустили, И Ванюшку потащили, Вынесли на огород — Сам Ванюшка не идет.

Обожженными руками К телу что-то прижимает. Распахнули брезентуху И раздался крик старухи:

«Карточки Ванюшка спас! Сохранил нас род сейчас! На стене избы висели Пять ушедших поколений!»

Снимки треснуты, примяты, На них женщины, солдаты, Детвора и старики: Кто с клюкой, кто — без клюки...

Жаль избу — потом отстроят, Но не скрыло память горе!

-

^{*} Обтерханный — пожженная одежда, с которой сыплется пепел.

А Ванюшка оклемался, Служить в армии собрался.

Направлен был в Кремлевский полк: Из Ванюшки вышел толк! Перчатки — формы причиндалы Шрамы на руках скрывали.

К обелиску в День Победы Предков принесли проведать: Хранят три стенда старину — Потомкам сберегли страну!

ПЕРВАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ КНИГА 2015 ГОДА

25 декабря 2014 года в магазине «Библио-Глобус» в Москве благодаря любезному приглашению президента ООО «Торговый дом «Библио-Глобус» заслуженного работника культуры РФ Бориса Семеновича ЕСЕНЬКИНА в рамках заседания клуба «Литературные зеркала» состоялось представление первой поэтической книги 2015 года в России «Когда вдохновляет время», автором которой стал известный российский писатель, действительный член (академик) Академии российской литературы, член Высшего творческого совета Московской городской организации Союза писателей России Игорь НЕХАМЕС.

В презентации приняли участие: академик Российской академии наук Александр Сергеевич СИГОВ, Чрезвычайный и полномочный посол страны Владимир Владимирович НИКИТИН, бывший заместитель министра образования и науки РФ Валерий Сергеевич МЕСЬКОВ, ответственный секретарь общества «Россия — Куба» Ирина Сергеевна СТОГОВА, председатель правления Московского отделения Российского творческого союза работников культуры, член Союза писателей России Николай Васильевич ТЕРЕЩУК, актриса Ирина Викторовна МИХЕИЧЕВА, организатор литературного процесса Елена Владимировна ЖУКОВА, писатели: Андрей Александрович ДЕБАБОВ, Андрей Александрович ТАРАСОВ, Кирилл УСАНИН, Валентин Борисович РЕЗНИК, Сергей Михайлович ЛУКОНИН, Михаил Сергеевич МОРОЗОВ, Владимир Карлович ЛОРИЯ, Татьяна Львовна ЩЕРБАТОВА, Михаил Борисович ЭФРОСНАН, Виктор Геннадьевич ФРОЛОВ, Татьяна Юрьевна ПЛЕТ-НЕВА, Владимир Константинович АРХАРОВ.

Вел заседание клуба «Литературные зеркала» известный российский поэт, член Союза писателей России Сергей Константинович КРЮКОВ.

Автор читал свои стихи. Участники заседания в своих выступлениях отмечали высокий уровень поэзии, отточенную стилистику каждого стихотворения, их патриотическую направленность.

Участники обсуждения отдали должное и высокому полиграфическому качеству издания, осуществленному стараниями издательско-полиграфического объединения «У Никитских ворот».

За первые два часа было раскуплено около 30 экземпляров книги.

(Соб. инф.)

(38)(38)

Анатолий Болутенко (г. Гродно, Белоруссия)

Анатолий Иванович Болутенко родился в 1936-м г. Окончил Белорусский политехнический институт по специальности «Технология силикатов», кандидат технических наук. Силикаты — вещество, из которого состоит литосфера Земли. Знания в этой области позволили создать ряд интересных работ. Родные места — Могилевщина, милый его сердцу Кричев, с прекрасной и нежной, ласковой и спокойной речкой Сож. Золотые пляжи Сожи, многоцветные заливные луга, недалекие сосновые боры и сейчас дают ему творческое вдохновение. Стихи начал писать в 1992 году. Пишет на белорусском и русском языках. 37 лет прожил на Украине, с 1997 по 2010 год жил в Пинске (Беларусь). Полесье — живописный уголок белорусского земли. Красота полесской природы, прекрасные реки Припять и Пина дали богатый материал для стихов. Большинство их написано на пинской земле. С конца 2010 живет в Гродно. Воодушевляет величественный Неман и сосновый лес над ним в пределах города.

ДАЛЕКАЯ РОДИНА

Как же далеко ты, Родина! От воспоминаний боль. Край, откуда родом мы, Навсегда в душе с тобой.

Родина дает мне силы. Нежность тоже от нее. Разлучил нас рок немилый — Мысль покоя не дает.

И на Родине невзгоды От судьбы нежданных вьюг. Но на расстоянье в годы Я люблю ее до мук.

Хоть и далеко от Родины, Чувствую душою вновь: Край, откуда родом мы,— Моя вечная любовь.

Край родной звездою светится, Но не вмочь ее достать. Где ж времен обратно лестница? — Я б не стал его бросать.

И одно теперь я знаю: Дай мне, Боже, так прожить — О любви к родному краю Не устать мне говорить!

последний бой

Край родной Днепра и Сожа — Серебристая вода. Как вокруг красиво, Боже! — Почему с тобой беда?

Натерпелся ты немало, Вот теперь бы жить да жить. Словно вражья рать напала — Край мой раненный лежит.

Все чернобыльская птица Пеплом крыла, как крылом. Что же здесь теперь родится? Как же жить в краю родном?

Видно, никому нет дела. Доля что ль такая нам? Видно, уж судьба отпела. Или выход будет дан?

Бесконечные вопросы. Будет ли когда ответ: Или нас с земли попросят, Или мы увидим свет?

Край родной, как же немило Обошлась судьба с тобой. Боже, дай надежду, силу, Чтобы выдержать нам бой!

СИНЕОКИЙ КРАЙ

Отражается небо в воде. Глубина, словно в море. И земля от озер везде С синевою во взоре.

Много песен пропето тебе, Край озер синеокий. И рождаешь всегда о себе Ты высокие строки. Всегда манит твоя красота И приятны пейзажи. Я знавал и другие места, Но для сердца ты важен.

Очень скоро к тебе возвращусь Красотой любоваться. И однажды, возьму, не прощусь — Надоело скитаться.

Ведь сберег я к тебе любовь, К языку и народу. И приятна мне музыка слов, Словно песня природы.

Я с тобой, моих предков земля, И в веселье, и в горе. Беларусь синеокая — радость моя С глубиною во взоре.

РАНЬШЕ И СЕЙЧАС

Леса, леса и перелески. Спокойное теченье рек. Как чудо ты, мой край Полесский. Здесь Припяти спокойный бег.

Здесь реки многие известны. Они Днепру свой ток дают И дань богатую всеместно, Как Колос говорил, несут.

Людей здесь аист не боится — Ведь люди им хотят добра — И над усадьбами гнездится, Когда детей растить пора.

Всегда здесь было очень тихо — Страна непуганых зверей. Теперь нас посетило лихо — АЭС «немирностью» своей.

В беде леса и перелески. Край белорусский, край Полесский Многострадальным нынче стал, Но лю □бым быть не перестал.

СМОТРЮ ВОКРУГ

Смотрю и наглядеться не могу: Какая красота вокруг!

В лугах легко так обуздать тоску, И лес поддержит, словно друг.

Смотрю на речек милых синеву, И радость в сердце не смолкает. Я завтра утром вновь сюда приду — Краса так душу поднимает!

Здесь аисты летают, ходят кру□гом. А скоро двадцать первый век. Но сохранился этот тихий угол, Хоть мел и здесь смертельный «снег».

Плывут в высоком небе облака И тонут, тонут в синем лесе. Наш край прекрасный жив еще пока, И имя прежнее — Полесье.

Его краса приятна для души. Смотрю вокруг и счастье чувствую. Ведь прадеды не зря сюда пришли. Я предкам с радостью сопутствую.

ПЛАЧУТ ВСЕ

Что шепчет камыш возле мельницы? О чем плачет над речкою ива? — Что встретили лихо-подельницу, Что сейчас наша доля тосклива.

Были чистыми раньше источники, И медовыми были луга. Ныне воды все стали, как сточные — Замела кругом пепла пурга.

Подосталось беды нашим хатам. Плачут речки, леса и поля. Ведь чернобыльский лег на нас атом, Стала грязной, заразной земля.

Радиация всюду, ни шагу Без нее никуда не ступить. И, хоть мы не теряем отвагу, Да ужасно в соседстве с ней жить.

Плачут все: и камыш возле мельницы, И над речкою старая ива,— Чтоб ушло это лихо-подельница, Чтобы жизнь снова стала счастливой.

УТРЕННИЕ ЛУГА

В алмазах ковер под ногами. То солнце сияет в росе. Как славно пройтись лугами И вновь поклониться красе.

Вот и озера зеркало синее. Шепчет тихо о чем-то камыш. Наполняюсь я радостной силою. На душе наслажденье-медыш.

Птичье пение — музыка льется. Самому птицей хочется стать. От красот сердце радостно бьется И зовет над землею летать.

Только лучшему учит природа. Сердцу нужен свой край дорогой. Даже если плохая погода, Все ж дорогой пройдись луговой!

> Перевод с белорусского члена Союза писателей и переводчиков Якова Шафрана, г. Тула

68806880

Ольга Борисова (г. Самара)

Ольга Борисова — член Российского союза писателей, секретарь Российского союза профессиональных литераторов Самарского регионального отделения, поэтесса, переводчица, специальный корреспондент. Автор двух книг: «Как мимолетен день» и «Отражение». Печаталась в 16 коллективных сборниках, в том числе и в сборниках серии «Библиотека современной поэзии».

ЭТО РУСЬ...

«...Над Россией Божий свет...»

В. Осипов

Бесконечные дороги И без края синь небес, Седовласые пророки, Золотой на храме крест. Это Русь моя святая, С нею — божья благодать. Нет другого в мире края, Где смогла б счастливой стать. Здесь все просто, все знакомо: Лес, озера и поля. Ель колючая у дома, У дороги — тополя. А в дому горит лампадка Пред иконами в углу Печка, детская кроватка, Пестрый коврик на полу. Спит малыш в кроватке сладко, Сжав ладошки в кулачки. Дед зайдет, взглянет украдкой, Приподняв на лоб очки. А хозяйка молодая Все хлопочет у плиты: То нальет для деда чаю, То крошит ножом плоды. Во дворе кудахчут куры, На посту своем петух.

От безделья пес понурый Лег в тенечек под лопух... И хозяина к обеду Поджидает каждый тут. За столом ведут беседы, И вершат домашний суд. Так живут здесь год за годом, Коротая вместе дни. А гуляют — всем народом! В горе — тоже не одни. Это Русь моя святая: Ширь, простор и тишина. В ней проходит жизнь простая, Бед и радости полна.

ТРИ ДОРОГИ

«...Черный ворон; пустая дорога...»

В. Осипов

Преисподней верный страж Вьется, рыщет над округой. Впереди то ли мираж, То ли крест? Смотрю с испугом. Тихо, мрачно... Ни души... Только крест и три дороги. Слышу шепот: «Поспеши, Уноси скорее ноги!» Словно в сказке: путь прямой, Иль направо, иль налево. Либо с тощею сумой, Иль кабак — и сыто чрево. Ну, а прямо, знать «дурак». Ни коня тебе, ни жизни. Застилает очи мрак, И глядит с небес Всевышний. Выбирать мне недосуг, Не шепчите ветры злые. Здесь земля отцов вокруг, Дела славные былые. Только прямо! Нет пути Мне, для русского, иного. Помолюсь: «За все прости, Сделал в жизни что худого!» Приложусь я лбом к кресту И отправлюсь в путь-дорогу. То ли прямо ко Христу... То ль к родимому порогу. Не спеши ты вслед за мной Быстрокрылый черный ворон. Не окончен путь земной,

Силы жизненной я полон. Мне смекалка — поводырь, В судный час придет победа. А молитва и Псалтырь Мне оружие при бедах.

РАЗДУМЬЯ

На взгорье дремлет влажный лес: Больной, безмолвный и унылый. А с низких сыплется небес Холодный дождь, и ветер стылый Внезапно набежит волной И зашуршит в листве проворно. А с веток лист спадет резной, Приняв судьбу свою покорно... Застывший лес. Он ждет зимы. Везде покой и увяданье, Слияние со светом тьмы, И жизни новой ожиданье. Глубокий сон... Иль это смерть? Какие тайны прячет вечность? Перерождений круговерть Иль жизни новой бесконечность... Ответь мне, мудрый старый лес, Ты долго жил на белом свете И видел множество чудес.... Но лес мне стоном лишь ответил.

ДАТЫ

Как отметины прожитых лет В старой книжке подчеркнуты даты. Словно прошлое шлет мне привет, Вдруг напомнив о прежних утратах.

А ведь было... Теперь — ничего. Мне осталось скорбеть о судьбине. И тоскую сейчас отчего? По какой улыбаюсь причине?

Все же было! И радость, и грусть, Расставанья, печали, тревоги... Как молитву, шепчу наизусть: «Боже, рада за эти дороги!».

БЕЛАРУСИ

Улетаю... Прощай, Беларусь! «Зачыняюцца дзверы» и взлет.

Но в душе моей тихая грусть К твоим весям обратно зовет.

Прилечу я, когда синий лен Над Полесьем зажжет острова. Кто в тебя еще с детства влюблен, Не бросает на ветер слова.

От России глубокий поклон Привезу я с собою опять. Пусть над нами всегда небосклон Будет мирно лишь солнцем сиять.

А сейчас: до свиданья, страна! «Зачыняюцца дзверы» за мной. Русь с тобою на все времена С несравнимой любовью земной.

લ્ક્ષ્મભ્રજ્ઞ

Ирина Кедрова (г. Москва)

ИТОГИ ДИСКУССИИ: ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ В ОЦИФРОВАННОМ ЧЕЛОВЕЙНИКЕ

Прозаик и драматург. Член Союза писателей России, Академии российской литературы, Творческого клуба «Московский Парнас».

Дискуссия, предложенная главным редактором А. Яшиным («Приокские зори» № 4, 2013) затронула весомые проблемы, обсуждение которых насущно и необходимо сегодня. В дискуссии участвовали авторы журнала, живущие в разных уголках страны, состоящие в разных творческих союзах, имеющие опыт писательского дела и философско-художественного освоения происходящего.

В который уж раз главный редактор объединил литературную общественность в поисках ответов на острые вопросы: Что есть наша современная жизнь и в каком направлении движется Россия, да и все человечество? Каковы особенности и в чем уникальность отечественной литературы? В чем состоит миссия современного писателя?

Мы обсуждали, прежде всего, вопрос *о роли писателя в современном мире, и во все времена*. Все участники дискуссии, в тех или иных словах, утверждают: писатель — лицо общественное.

Писательство и общественная жизнь — явления взаимосвязанные. Широко известно: в своем творчестве писатель отражает в той или иной степени события и явления, которые происходят в обществе и значимы для его развития. Вместе с тем, творческая деятельность мастера слова воздействует на общество и на взгляды, которые становятся стержнем общественной мысли. Каждый писатель, отмечалось в дискуссии, стремится подметить и раскрыть характерные для общества явления, художественно преобразить освоение существующего мира (И. Кедрова, с. 253).

Литературный автор должен, мыслит Я. Шафран, рождать своим творчеством сострадание к униженным и оскорбленным гражданам нашего Отечества, показывать людям путь выхода из сложнейших ситуаций. В основе этого выхода всегда лежит Любовь к людям, а также превалирование совести над желаниями (с. 251).

В современных условиях, пишет А. Шендаков, роль писателя возрастает до космических высот. Его творческая работа сопряжена с ежедневным каторжным трудом не только над текстами, но и над самим собой. Ему нельзя забывать: на человеческом добре держится смысл литературного творчества. Задача писателя — донести это добро до каждого сердца (с. 262, 263).

Сегодня, справедливо печалится Л. Авдеева (с. 258), пошатнулся авторитет писателя, измельчала личность пишущего. Он должен осознать, что писатель — лицо, ответственное за эпоху, потому необходимо ему, прежде всего, научиться уважать историю своей страны, а также любить человека, а не человечество в целом.

Писатель XXI-го века, резюмирует А. Субетто,— это писатель-мыслитель, в каком-то смысле ученый (с. 248). Недаром в последнее десятилетие в литературу пришли ученые, активно действующие в разных науках, нередко совсем негуманитарного толка. Примером тому участники нашей дискуссии и авторы журнала «Приокские зори» — Р. Артамонов, В. Василенко, И. Кедрова, И. Рухович, А. Субетто, А. Шендаков, А. Яшин.

Не будем принижать тех, кто не имеет ученой степени. Писать о человеке нельзя без знания психологии, философии, социологии. Творческий опыт А. Шендакова подсказывает: надо обладать огромным багажом знаний по литературе, социологии, политологии, психологии, биологии, физике, знать родной язык и стилистику художественной речи, а также этику, эстетику, историю и т. п. (с. 260).

И если художник слова не получил научной степени, он все равно доктор — доктор человеческих наук. Приобрел он эту степень в огромнейших трудах, ибо, как утверждает В. Трусов, литератор обязан знать своего героя, понимать его или спорить с ним, видеть его в реальной жизни (с. 284).

В. Трусов указывает на актуальные черты современного словотворца (с. 282). Первая необходимая черта — оппозиционность власти и нонконформизм. Проявление этой черты, как поняли мы из высказывания В. Трусова, вовсе не означает выступлений против существующих порядков. Литератору вполне достаточно, настаивает автор, оставаться самим собой. Но что значит сегодня оставаться самим собой?

Это, полагаем мы, отстаивать свои убеждения, писать по зову своего сердца, и вместе с тем понимать: ты можешь ошибаться, тебе иной раз надо прислушаться к тому, кто с тобой не согласен, чтобы полновесно разобраться в сути разногласия; есть то, что отвечает только твоим интересам, и то, что разделяет большинство народа страны (верно или ошибочно — покажет время, и оно, мудрое время, научит людей ошибающихся), но есть и то, что мы должны всегда защищать во имя Отечества и своего народа.

Вторая черта, которую подмечает В. Трусов, а вместе с ним и другие участники дискуссии,— это сострадание «к униженным и оскорбленным». Истинное сострадание, пишет В. Трусов, естественно, объективно и спонтанно, оно способствует глубинному пониманию и органичному проникновению в конкретную описываемую ситуацию.

Для полновесного проявления сострадания необходимо предельное знание предмета. Как писал еще в XVIII веке крупнейший представитель русской литературы Александр Сумароков:

«Кто пишет, должен мысль прочистить наперед».

Третья черта — политизация, которую В. Трусов видит в способности и умении выражать свою нравственную и общественную позицию.

Во все времена от писателя требовалось соответствие тем нравственным требованиям, которые подмечены в материалах дискуссии.

Дискуссия — это спор, участники которого доказывают верность своих взглядов, узнают о взглядах других людей. Это «наведение мостов» и поиск решения. Как оказалось, в обсуждении данной проблемы встретились единомышленники. «Зачем же такая дискуссия?» — спросит кто-то. И мы ответим:

Да, в нашем журнале собрались единомышленники, отстаивающие высокое звание писателя. И нам важно изложить общественности свою точку зрения. А еще каждому из нас надо понять, верно ли ты думаешь? Твои мысли отвечают современности? И еще сказать молодому литератору: «Ты выбрал сложный жизненный путь, который требует самоотдачи, самопознания, непрерывного погружения в поток знаний. На этом пути ты становишься человеком ответственным за людей, общество, Отечество, за Земной и Вселенский мир. Думай: что пишешь и как пишешь».

Вторая проблема дискуссии — характеристика русской литературы, ее уникальность и всемирность.

Российская словесность, пишет Л. Авдеева (с. 256), всегда разделяла судьбу страны, впитывала и отражала социальные коллизии эпохи, духовный климат общества, заставляла мыслить, ибо «мыслящая литература» всегда современна, она не устаревает, как и ее герои.

Высказывания Л. Авдеевой расширяет И. Рухович (с. 274), отмечая: русская литература всегда была направлена к человеку и «чувства добрые» в нем лирой пробужлапа

Взволнованно и ярко размышляет И. Рухович (с. 265) о базовой единице отечественной литературы — о русском языке. Поэт и прозаик, чувствующий каждое слово, в зависимости от его звучания, места в предложении, от интонационного богатства, отстаивает великое значение языка. И мы читаем в его очерке: язык формирует народ, формирует его национальное мышление. И если бы вдруг, как мы понимаем, утвердился бы на всей земле один язык, все бы стали мыслить одинаково, тогда и литература, предупреждает писатель, стала бы однородной.

Хотите ли вы однородной литературы, такой, в которой все писатели мира видят одну и ту же проблему и раскрывают ее совершенно одинаково?

Если не хотите, обратитесь к очерку И. Руховича. Мастер слова рассказывает о естественном, искусственном и художественном языках. Каждый из этих языков необходим, каждый обладает уникальностью, однако мы говорим о художественном языке, на котором слагаются литературные произведения. Более того, предостерегает нас автор очерка: «Без художественного слова упрощается и огрубляется речь» (с. 270).

Нам всем, писателям и читателям, желательно изучить этот язык, ибо «художественный язык есть совместное творчество писателя и читателя». Поэт написал стихотворение, читатель прочел и уловил смысл, который, как справедливо пишет И. Рухович, «всегда индивидуален» (с. 267).

Отметим еще одну значимую мысль, высказанную автором. Он напомнил то, что всем известно: литература — явление общественное, она затрагивает все стороны человеческого общежития, как, впрочем, и они ее затрагивают. И далее отметил: «Запад всегда ощущал: мы не такие как они» (с. 270). Наш художественный язык, а значит, и мышление — другие, им, жителям Запада, непонятные.

Не потому ли во все времена есть между народами России и западноевропейских стран некая недоговоренность, проникающая во все стороны наших отношений? И надо ли упрощаться, сходить до уровня тесного сближения с другими народами? Или надо понять: да, между нами есть недоговоренности, недопонимание, однако каждый народ имеет право на свой язык, свою жизнь и культуру, на свою литературу. Наша свобода доходит до тех границ, у которых стоит свобода другого народа, и его свобода тоже имеет границы. Здесь развивается разговор не только о литературе, но о существовании человека на Земле, народов и национальностей, об их праве на свою культуру.

И все же вернемся к литературе.

В развитии литературы происходили позитивные процессы, связанные с взаимопроникновением разных культур. На этот факт обращает внимание Р. Артамонов (с. 285), отметивший: издавна происходили пересечения культур. Так в западноевропейской литературе эпохи Ренессанса древнегреческие и древнеримские герои стали героями европейских баллад, романов, драматических произведений. То же произошло и в изобразительном искусстве. Христианство дало героев литературы и искусства разных народов. Не будь «перемешения» культур (читай — глобализации), подмечает Р. Артамонов, «сколь бы бедна была мировая культура и каждая национальная». С автором нельзя не согласиться. Вспомним: и в нашей отечественной литературе, например, писатель XVIII века В. Тредиаковский перевел романы французов П. Тальмана «Езда в остров любви» и Ф. Фенелона «Телемахида», обогатив переводы своими стихами, что и позволило писателю представить тогдашнему российскому читателю любовные переживания героев и новый взгляд на жизнь человека.

Размышления об отечественной литературе непременно вызывают мысли *о развитии литературы настоящего времени*. Пишут участники дискуссии остро, поскольку этот вопрос лежит в зоне наших ближайших интересов.

Л. Авдеева (с. 256, 257), критически воспринимающая современные процессы развития общества и литературы, вскрывает серьезные проблемы. Новая социально-культурная среда, пишет она, обесценила наследие прошлого, разрушила целостный образ классической литературы. Литература оказалась отлученной от больших идей и светлых идеалов, от нравственной ответственности писателя за написанное, перестала быть «учебником высшего духовного познания жизни». Нивелируются такие важные в жизни общества и человека понятия как сострадание, патриотизм, гуманность. Подрастающее поколение воспитывается на произведениях, в которых преобладают сцены жестокости, насилия, грубости, цинизма. А это ведет к повышению уровня преступности и жестокости в молодом поколении.

Читатель, рассуждает Л. Авдеева, ждет произведений, в которых показаны напряженные конфликтные ситуации, осуждены пороки и их причины, герой представлен мыслящим, общественным и умным человеком, духовно сильным, раскрытым ярким и сочным русским языком. Однако, с сожалением констатирует она, читателей обильно потчуют описаниями жизни олигархов, чиновников, банкиров, менеджеров, киллеров, куртизанок, торгашей, наркоманов.

Это сожаление понятно нам, ибо происходящее в литературной жизни негативно отражается на положении современного российского литератора и, как мы уже отмечали, на развитии нашего общества.

И. Рухович (с. 270, 271, 273) негодует по поводу многих современных проблем в литературной жизни. Он отмечает: падает интерес к чтению; усиливаются попытки повлиять на нашу культуру и наше мышление, чтобы те утратили свою оригинальность, покончить с художественным языком, уничтожить русскую литературу навязыванием мысли, что она умерла; возникает у отдельных лиц, называемых деятелями современной культуры, отрицание рифмованной поэзии, что способно привести вообще к умерщвлению русской поэзии; растет поток стихотворного графоманства, который усиливается из-за незнания и безграмотности авторов; непродуманные пародии на стихотворные строки снижают значение поэтического слова.

Кто-то решит: автор преувеличил опасность. На самом деле, автор, полагаем мы, бьет тревогу, потому что видит процессы, ведущие к уничтожению уникальности отечественного художественного слова.

Осознание вскрытой проблемы требует поиска решений, и в ответ на протесты Л. Авдеевой и И. Руховича откликаются другие участники дискуссии.

А. Шендаков (с. 263) убежден: современная проза не может существовать без объединения усилий по сохранению жизни и совести на Земле, без проблемы сохранения экологии, без утверждения этичного отношения человека не только к другому человеку, но и ко всему живому и неживому миру.

В. Трусов (с. 284) видит литературу способной самим своим существованием, наличием, присутствием бороться с разного рода поделками на сиюминутную потребу заказчика. И предостерегает от Интернета, в заболоченном пространстве которого можно утонуть не только писателю, но и читателю.

Можно здесь поспорить, сказать о выходе писателя через интернет на широкий читательский круг, как и о том, что читатель может в сети обнаружить своего писателя. Однако этот вопрос нельзя рассматривать однозначно. И в самом деле — выход читателя к писателю и писателя к читателю есть, однако нельзя уповать на безграничные возможности сетевой известности. Не заменит она книжно-бумажный приход поэта и прозаика к своему читателю. По крайней мере, нам так видится.

- Я. Шафран (с. 251) продолжает разговор об ответственности литературного деятеля, который обязан продолжать традиции оптимистического созидания лучшей жизни, Любви и Красоты, возрождать в людях доброту и сострадание к человеку, который оказался в тяжелых жизненных обстоятельствах.
- Р. Артамонов (с. 286) подчеркивает великое значение литературы (названной им аналоговой), которой интересен любой человек, не только сверхгерой. Эта литература пишется литературным русским языком, настолько великим, что он останется таковым, даже приняв в себя англицизмы и переварив их, сохранив себя, по-прежнему будет понятен всем говорящим по-русски.

Исходя из высказываний сотоварищей по перу, напомним современным литераторам и читателям слова А. Сумарокова, опять же из XVIII века, подчеркнув тем самым единство литературного процесса в России:

«Нельзя, чтоб тот себя письмом своим прославил, Кто грамматических не знает свойств, ни правил»

Значительный объем текстов дискуссии посвящен одному из важнейших вопросов, вынесенных А. А. Яшиным на обсуждение. Это вопрос *о Герое нашего времени*. Нужен ли этот герой? Есть ли он? Как его отражать в литературных произведениях? Каков он?

Вопрос для дискуссии значителен, ибо каждый из ее участников причастен к созданию и описанию героя нашего времени.

А. Шендаков (с. 262) выдвигает сегодня, в сложнейших условиях существования человечества, на первый план ученого и творца-писателя, подмечая: герой нашего времени должен начинаться в самом писателе, а потом появляться на бумаге. Создать такого героя по силам только человеку посвященному, глубокому, богатому духовно и интеллектуально, прозорливому, чувствующему других людей, возможно, умеющему читать нечто коллективное из ноосферы, из космического информационного поля. Зададим автору вопрос: как же происходит чтение из ноосферы? И автор ответит: «Настоящее творчество — всегда Тайна». И обратит внимание на то, о чем говорят и другие: Любовь, Добро, Разум — основные благодетели, которые следует отстаивать в своих произведениях.

В. Трусов (с. 275) стоит на такой позиции: герой присутствует в обыденной жизни, поскольку любому человеку ежедневно приходится совершать морально-нравственный выбор по самому широкому кругу вопросов. Никто и никогда, пишет он (с. 281), не сможет указать настоящему литератору, о ком он должен писать и кого в герои производить. Это выбор сердца, выбор, диктуемый позицией самого художника. Истинный герой нашего времени — «это простой человек с очень непростой судьбой и сложным характером, со всеми слабостями и грехами людскими, но способный на проявление лучших своих качеств в обыденной и такой, казалось бы, не героической жизни, имеющий реальные цели, идущий к ним, порой вопреки неодолимым обстоятельствам и препятствиям» (с. 283).

Р. Артамонов (с. 285) дополняет: всегда есть о ком писать. Даже об оцифрованном представителе человейника, горестно представленным А. Яшиным в книге, ставшей основой для дискуссии. Каков он — представитель человейника? Чем и как дышит? Интересен, далее утверждает Р. Артамонов, отрицательный герой, который наиболее точно отражает эпоху, ее достоинства и недостатки.

И в самом деле, любое явление, возникшее в человеческом мире, требует осмысления. Кто, как не писатели, вооружившись психологическими и социологическими выкладками, способны описать это явление наиболее качественно, художественно точно и доходчиво, вскрыв все особенности и глубины?

Наконец, еще одна, не менее важная проблема, затронута в дискуссии — это **про-** *блема развития человечества и нашей страны*.

Для развития дискуссии читателям журнала была предложена книга А. Яшина «Феноменология ноосферы: Струнный квартет или аналоговое цифровое мышление». Зачин был совершен, и авторы «Приокских зорь» обратились к вопросу: что есть ноосфера, каковы ее возможности в дальнейшем развитии человечества.

Программной статьей откликнулся А. Субетто, президент Ноосферной общественной Академии Наук. В его статье рассмотрены понятия, осознание которых необходимо современному литератору. Это такие понятия как «герой», «подвиг», «литературный герой». Автор обращает внимание на ведущую задачу литературы — раскрытие многообразия мира, наличие в обществе героев и антигероев.

Подробно раскрывается суть современных преобразований, проблемы и опасности, которые стоят на пути человечества. Дается предупреждение (с. 244): в 2030—50 гг. экологическая гибель человечества может стать неотвратимой.

По-разному можно отнестись к этому сообщению. Испугаться и от страха умереть. Усмехнуться, подумав: пугает, да нам не страшно. Разумнее, обдумать, что сделать, чтобы предотвратить человеческую катастрофу. И здесь писатели должны осознать свое назначение в спасении человечества.

Помыслить о Ноосфере как новом качестве Биосферы, в котором управляет человеческий разум.

Нужен, как пишет А. Субетто (с. 247, 248), разум управляющий — ради прогрессивного развития Биосферы. Оцифровыванию мышления человека можно противопоставить культуру, творчество, тренаж интуиции, общение с природой, педагогический опыт. Нужно единение духовно-нравственного и интеллектуального начал.

В этих условиях, приобщает к общим размышлениям свою мысль Ф. Ошевнев (с. 249), необходимо разумное решение национальных отношений, чтобы не допустить исполнения желания любой нации поставить себя над остальными.

Я. Шафран, отмечая (с. 249), что человек, обладая свободой воли, обязан осознать личную ответственность за поступки. Он обращает внимание на то, что (с. 251) «наступает эпоха «живой», творческой истории, где роль человека неизмеримо качественно меняется, где роль каждого народа, каждой страны в мировом многоцветии стран и народов неизмеримо растет и где есть будущее у каждого человека и этноса».

Мы, размышляя по теме дискуссии, увидели, что человечество в своем развитии стремится к тому, чтобы жизнь двигалась дальше на основе разума, охватывая собой всю планету и энергично выходя за ее просторы. Мозг творческого человека насыщается информацией, которая льется в него из информационного поля Земли, из оболочки знаний-взглядов-мыслей-надежд, что окружает планету и подпитывается человеческим разумом (И. Кедрова, с. 252, 253).

Мы также полагаем: осознание уникальности нации и каждой отдельной личности усиливается, как и стремление эту уникальность сохранить, а наряду с этим усиливается стремление уничтожения уникальности, приведения всех в единую форму, к единым условиям существования, к единомыслию, которое способно уничтожить людское разнообразие. Надо потратить силы и умственный потенциал не на то, чтобы идущий процесс остановить, а на то, чтобы извлечь пользу, чтобы выйти из нового явления с наименьшими потерями. В таких условиях вырастает значение литературы, назначением которой является образно-художественное раскрытие человеческой жизни.

Нашему взгляду вторит главный редактор электронного журнала «Ноосфера XX века» В. Василенко (с. 258), утверждающий: необходимо осознание Личностями-Героями собственной ноосферной природы, ноосферного статуса, ноосферной миссии в сферах жизни природы, общества, структур цивилизации.

И. Рухович (с. 264) признается: учение Вернадского — убедительная и очень красивая теория. И высказывает мысль: ноосферное будущее человечества обязательно настанет. В этих условиях его волнует судьба родной культуры и родного языка. Он пишет: «Я люблю русскую литературу, мне дороги ее традиции и достигнутый ею высочайший уровень».

Под этими словами писателя, мы уверены, подпишутся все авторы журнала «Приокские зори», как и все его читатели.

В. Трусов убеждает нас (с. 280): «Человеческий разум вне нравственности невозможен». И с этим тезисом согласимся.

Однако знаем, что происходит, когда разум идет в разрез с нравственностью. Наблюдаем, что происходит в соседней стране, в которой пришедшая к власти кучка миллиардерных негодяев, выбросившая за борт своего существования ценность жизни человеческой, уничтожает свой горемычный народ. Убеждены: их разум, отказавшийся от нравственного принятия мира, скоро прекратит свое существование. Но сколько горя на той земле останется! И если взглянуть глубже на трагедию народа, близкого нам по духу и историческому развитию, то обнаружим «происки глобализма».

Завершая обзор представленных взглядов, отметим необходимость обсуждения проблем развития общества, а также литературы, отражающей явления и события общественной жизни. Именно писатели должны сказать свое слово.

А. Яшин, как прозорливый капитан литературного корабля, ведет его сквозь рифы и мели в полноводье литературного океана-процесса, активными деятелями которого являемся мы — российские писатели.

Мы порой сетуем, что уступаем роль носителей общественных настроений, что на первый план выдвигается бульварная литература, которую и литературой назвать нельзя, поскольку не ведет она читателя к высотам нравственного духа. И нам нужны обсуждения, в которых современные писатели могут обратиться к читателю, показать ему, чем сегодня живет и дышит армия бойцов словотворческого фронта, обсудить наши взгляды на современный литературный процесс, на жизнь российского общества. Такие обсуждения, несомненно, влияют и на читателя, расширяя и углубляя круг его чтения, и на состояние общества, которое получает направление мысли, и на самих писателей, приобретших новый стимул к размышлению и творчеству.

CB BOCK BO

Сергей Крестьянкин

(г. Тула)

УДЕРЖАТЬ РАВНОВЕСИЕ НАД ПРОПАСТЬЮ!

Отклик на книгу Н. Квасниковой «От сатирика слышу!..»

Член Союза писателей России. Публикуется в альманахах «Иван-Озеро», «Дом Радуги», «Голос эпохи» (Москва), «На крыльях Пегаса», «Ковчег», «Среда», «День тульской поэзии»... Наш постоянный автор.

Встретил я тут как-то своего давнишнего знакомого Егора Николаевича. Ну, ясное дело — разговорились, то, да се. Что? Где? Чем занимаешься? Семья? Дети? Кого из наших видел? С кем общаешься?

Одним словом — самая обычная беседа двух давно не видевшихся приятелей.

- Ты, я помню, рассказы писал и довольно интересные, сказал Егор Николаевич.
  - Да, подтвердил я. И продолжаю это дело.
- Мне даже кто-то говорил, что тебя, вроде бы, приняли в Союз писателей России?
  - Все верно, согласился я. Было такое предложили вступить и приняли.
- Значит, ты пописываешь, а я почитываю, засмеялся приятель. И ты знаешь, никак не могу привыкнуть к электронным книгам предпочитаю читать обычные, бумажные, с шуршащими страницами и пахнущие свежей краской, или более старые впитавшие в себя запахи домов, жилищ, библиотек и даже слегка покрытые пылью.
- Да ты, я вижу, гурман. Хотя, если честно, я сам такой же. И вообще, я заметил, что электронные книжки это прерогатива для молодежи, а нашему и, тем более, старшему поколению привычнее и приятнее держать в руках не кусок холодной пластмассы, а издание, отпечатанное в типографии.

И тут мой приятель раскрыл сумку, висящую у него на плече, и достал оттуда тонкую книжицу небольшого формата.

«Поэтический сборник»,— мелькнула у меня мысль. Попытался рассмотреть автора и название, но цветовая гамма, в которой была оформлена обложка, не позволила мне это сделать.

— Вот, пожалуйста, — протянул он мне ее. — Товарищ на работе дал. Думал, говорит, что-то юмористическое в стиле Альтова, Коклюшкина, Задорнова. Хотел почитать на досуге, перед сном, чтобы расслабиться, посмеяться, прийти в хорошее расположение духа от наболевших и набравшихся за день проблем. Или, задумавшись, усмехнуться и порадоваться стройной взаимосвязанности мыслей и наблюдательности сатирика Жванецкого. А тут — беллетристика или белибердистика какаято. Начал читать, запутался, словно не по-русски, а на иностранном языке каком-то написано. Ничего не понял и до конца не дочитал.

Ты у нас любишь философские измышления — возьми почитай. Может, разберешься, понравится.

Взял. Почитал. Задумался. И ты, знаешь, понравилось. У нас в последнее время, действительно, много печатают, выражаясь словами моего товарища с работы,— белиберды всякой. А что-то дельное, стоящее, заставляющее задуматься — это еще поискать надо среди гор макулатуры, которую авторы пишут на полном серьезе, думая, что они создают шедевры. А тем более, если их произведения были опубликованы пару раз в каких-либо альманахах или журналах. И если кого-то напечатали, раз пять или шесть, то автор непременно считает себя сложившимся, настоящим поэтом или прозаиком, не понимая, что это лишь начало очень долгого, сложного, кропотливого и изнурительного пути, который не каждому по силам. И путь этот никогда не усыпан лепестками роз и дорога не ровная и прямая, а извилистая, каменистая и с глубокими обрывами, сорвавшись в которые, не каждый сможет проявить упорство, чтобы вновь вернуться на ту же дорогу и продолжать или начать путь заново. Как в игре. Только в игре — все понарошку, а здесь бывает горше во сто крат и обиднее, что твой труд, на который ты потратил много времени, никого не впечатлил, не заинтересовал. А кто и ознакомился, то своей критикой разнес в пух и прах ваше творение.

Некоторые после таких критических выступлений бросают свое занятие — не приносящее ни славы, ни денег, ни признания, ни удовольствия — руки опускаются.

Хочешь — почитай и составь свое мнение. Может, я не прав и твое мнение окажется другим, нежели мое.

И вот в моих руках книжечка формата, в котором обычно печатают стихи, объемом семьдесят страниц. Но — это проза, повесть «От сатирика слышу!..». Автор Наталья Квасникова. На обратной стороне обложки видим фотографию автора. Внимательный, изучающий взгляд сквозь очки как бы вопрошает: «Прочитали? Осмыслили? Разобрались?» И вроде бы строго смотрит Наталья Валентиновна, но чувствуются в уголках ее глаз веселые чертики, и готова она в любой момент рассмеяться открытым добрым смехом.

Как говаривал сатирик Михаил Жванецкий: «Давайте спорить о вкусе устриц с теми, кто их ел...»

Услышав два различных, даже диаметрально противоположных, мнения по поводу этой повести, решил сам прочитать и составить свое собственное мнение. Тем более что автор оказался мне знаком. Нет, не лично, но по разным замечательным публикациям в журнале «Приокские зори», которые запали в душу, растревожили сердце, а значит, достигли своей цели.

Щемящие, волнительные рассказы «Бабушка Наташа» и «Крылья ангела» о жестоком окружающем нас мире, бездомных животных и людях, помогающих им выжить; статья-размышление «Вниз по лестнице, ведущей вверх»; или поэмы: «Старый Крым» и сатирическая «Неудачная прогулка Пушкина»; а еще лирико-психологическая повесть «Горизонт за карнизом» и много чего еще интересного...

Поэтому меня заинтересовала книга, оказавшаяся в руках. Посвящена она творчеству А. А. Яшина, вернее сатирическим моментам, которые пронизывают его книги.

Не могу сказать, что сия повесть «От сатирика слышу!..» читается легко. Совсем наоборот. Дело в том, что я попал прямо по Жванецкому про устриц. То есть Н. Квасникова описывает и разбирает ситуации из книг А. Яшина, а ты, читая все это, порой не понимаешь, о чем речь. Нет, в целом догадываешься и основную суть ухватываешь, тем более что все там о нашей жизни и окружающем мире, о взаимоотношениях между людьми и целыми системами. Но, не прочитав первоисточник, не совсем понимаешь, кто такой полковник Хмуров, и какова его роль во всем происходящем? Или почему Николай Данилович сросся со стулом? И что это за Болонский поход такой? И т. д. и т. п.

В какой-то момент ловишь себя на мысли, что это вовсе и не повесть, а скорее трактат или диссертация научного работника.

Все аспекты, охваченные в книге правильные, нужные, требующие неотлагательного решения. Чувствуется, что Алексей Афанасьевич пытается достучаться до умов и сердец чиновников разных уровней, показывая вопросы, на которые надо находить ответы. И выбрал он для этого сатирический путь. Может, хоть таким образом удастся зацепить наших правителей, и ситуация сдвинется с места...

Слабо в это верится, но кто его знает — всякое может быть. Зреет недовольство масс всякими нововведениями наших вышестоящих организаций — вроде ЕГЭ, сокращение уроков литературы... По радио и телевидению пускают лишь шумовой фон, называемый музыкой и низкопробные тупые сериалы, поощряющие насилие, жестокость, кровожадность, вселяющие в детские, неокрепшие души страх и ужас, или юмористические передачи, где отсутствует само понятие юмора, и люди, выступающие в них, не знают, что такое внутренний редактор и не знакомы с правилами приличия.

Происходит зомбирование молодого поколения, как на Западе, как в Америке. Знания не нужны. Не нужны люди думающие — нужны люди исполняющие. Чем меньше человек знает, тем проще им управлять. Вдалбливают в мозги из года в год всякую чушь, начиная от всевозможных религиозных течений и заканчивая утверждением, что какая-то раса лучше и главнее других.

Все прекрасно знают о последней капле, переполнившей чашу терпения,— капнула одна капля, а пролилась сотня этих самых капель.

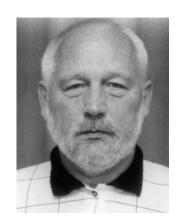
И все это Н. Квасникова находит в произведениях А. Яшина, показывая, как жилось людям в Советском Союзе, и что они получили взамен, после того, как развалили, наплевав на мнение народа, Великую державу. Как люди были защищены социально в то время и как они никому не нужны сейчас. Ты интересен, если у тебя есть деньги. А это прививается с ранних лет импортной заразой в виде американских мультфильмов про дядюшку Скруджа и ему подобных персонажей.

Выдавливаются понятия: нравственность, любовь, сострадание, честь, взаимовыручка, доброта... А без этого трудно удержать равновесие над пропастью. Но хорошо, что появляются такие размышления, как у Н. Квасниковой по поводу издающихся в наше время книг. Это здорово, что есть не равнодушные люди, пишущие об этом. А мы, прочитавшие повесть(?) Н. Квасниковой «От сатирика слышу!..» загорелись желанием отыскать в ворохе издающейся макулатуры все эти десять книг А. А. Яшина и окунуться в первоисточник. Значит не все еще потеряно!

GBOGEO GROOM

Алексей Яшин (г. Тула)

поэт из тольятти

Постоянный автор ордена Г. Р. Державина журнала «Приокские зори» поэт Сергей Александрович Лебедев представляет вам, дорогие читатели, четвертый сборник своих произведений, который выходит в серии «Приложение к журналу «Приокские зори». Сергей Александрович Лебедев — член Российского союза профессиональных литераторов, член Российского союза писателей.

Поэтический голос Сергея Лебедева негромок. Негромок от тихой откровенности, от душевности, не кричащей о своей неповторимости и необычности. Поэт раскрывается в создаваемых им поэтических образах. Он передает свои откровенные помыслы, настроение, жизненный опыт через поэтические образы, персонажи прозаических произведений.

Многие произведения Сергея Александровича Лебедева опубликованы в журнале «Приокские зори», с которым поэт поддерживает тесные контакты на протяжении почти пяти лет. Наряду со стихотворениями в журнале впервые вышли в свет и поэмы — «Ветлуга», «Ташкентский пленник», «Отче наш...», главы художественнопублицистической повести «Мой отец — офицер».

Новая поэма Сергея Александровича Лебедева «Воспоминание о деревне» опубликована в представляемой книге. И хотя по замыслу поэта произведение может звучать, как поэма-эпопея, вместе с тем это глубоко лирическое произведение. И оно пронизано эмоциональным настроем автора, который отражает эпоху двадцатого века через свои переживания. Скорее, это лиро-эпическое произведение.

Надо отметить, что поэт довольно успешно пробует свои силы и в прозе, порой органично сочетая труд поэта и прозаика. Особенно это заметно подтвердилось в изданной в 2011 году повести «Перечитывая письма», где в одном потоке воспоминаний о юности слились поэзия и проза автора. Вот и сейчас в свою книгу Сергей Александрович Лебедев включил два рассказа и эссе.

Значительное место в творчестве поэта занимает военная тема. Под впечатлением рассказов и воспоминаний фронтовиков, воинов-афганцев, Сергей Александрович Лебедев написал целый цикл произведений, изданных отдельным сборником в 2014 году. В новую книгу также вошло несколько стихотворений и рассказ военно-патриотической тематики.

Читая поэзию Сергея Александровича Лебедева, ощущаешь, что в основе многих из них лежит любовь к Родине, к матери, к любимой женщине. А такое стихотворение, как «Не продам я душу суете», не просто поэзия — это человеческий документ, в котором автор открыто определяет свою гражданскую позицию. Конечно, и факт поэзии в этом человеческом документе присутствует. О той же любви поэт пишет в своих стихах «Возвращение снов», «Поминальная свеча», «Детство», «Припадаю к Руси», «Зимняя сказка», «Воздух Жигулей», «На Самарской Луке осень...». И хотя

стихотворения вовсе не о любви, но образы любви живут в подтекстах. Особенно это чувствуется в пейзажных поэтических зарисовках, увиденных картин природы. Любовь присутствует и в патриотическом пафосе, который навеян сегодняшним нестабильным днем.

Стихи поэта просты по звучанию, просты и в понимании. Но было бы неверным путать устойчивую простоту поэзии Сергея Александровича Лебедева с упрощенностью. Ведь образы стихов — отражение мироошущения поэта, голос сердца поэта и слова, выражающие его общность с природой. Главное в устойчивой простоте его стихов — то чувство, с которым поэт отстаивает свою позицию и отражает ее в своей поэзии — человеческом документе души.

В книгу поэта Сергея Александровича Лебедева вошли стихотворения разных лет. Но это не избранные стихотворения, и по профилю своему они вполне могли бы быть полезны для юношеской аудитории. Для тех, кто завтра станет взрослым. Но вместе с тем и вдумчивый читатель найдет для себя немало стихотворений, наполненных смыслом жизни — во всем и всегда оставаться человеком. Невозможно ни пересказать, ни цитировать стихи, а нужно их просто прочесть...

(B) (B) (B) (B)

К ПРОШЕДШЕЙ ГОДОВЩИНЕ А. П. ЧЕХОВА

Перефразируя некогда широко известную фразу, можно сказать, что Антон Павлович и теперь живее всех живых. Его имя в представительстве русской литературы миру стоит рядом с именами Льва Толстого и Федора Достоевского. Репертуар мирового театра уже и в XXI веке нельзя представить себе без его пьес. Постановка их самыми модернистскими режиссерамине привело, по большому счету, к утрате ими неповторимого, только им, пьесам, присущего чеховского духа: ироничного, порой насмешливого, но всегда сочувственного к слабостям человека.

Сегодня на самом высоком уровне оценен не только драматический, но и беллетристический талант писателя. Рассказ с легкой руки Чехова, стал признанной литературной формой. А сам Антон Павлович обозначен его родоначальником.

Лауреатом Нобелевской премии по литературе 2013 стала канадская писательница Alice Ann Munro. В решении Нобелевского комитета она названа «мастером современного короткого рассказа». Член комитета Петер Энглунд сказал: «Монро работает в традициях, восходящих к Чехову». Русский критик Н. Александров: «Ее (А. М.) правильнее было бы сравнить с О. Генри». Литературовед А. Ливергант считает сравнение лауреата с Чеховым «смешным». Американская писательница Синтия Озик назвала Элис Монро «наш Чехов». New York Times поставила канадскую писательницу и русского классика «в ряд писателей, которые заставляют людей сочувствовать другим».

Не буду возражать против похожести творчества Э. Монро и О. Генри. С творчеством первой пока незнаком. О. Генри (1862—1910) и А. Чехов (1860—1904) почти ровесники и современники, разделенные океаном, поэтому не могли оказать влияние друг на друга и потому быть похожими.

Так либо иначе, имена Монро и Чехова поставлены рядом. Кому из них в большей степени это делает честь, думаю, ни у кого не вызывает сомнение.

* * *

Как и почему рассказ — короткое повествование с малым, иногда единственным, числом персонажей завоевал себе место под литературным солнцем?

Ответ, мне кажется, стоит поискать в изобразительном искусстве и, возможно, в музыке. Творческий процесс, по-видимому, подчинен каким-то общим временным и жанровым закономерностям.

Эпоха Возрождения в живописи характеризуется созданием больших, порой монументальных полотен. Герои их — мифологические персонажи, образы Христа и Богоматери, святых и апостолов. Эти произведения предназначены для церквей, дворцов вельмож. Их создатели — великие художники, творческие замыслы которых для воплощения требовали больших масштабов. Так во всей Западной Европе происходило до возникновения эпохи Реформации. Протестантизм, завоевавший, главным образом, север Европы — Нидерланды, Фландрию, германские герцогства, Британские острова, отказался от украшения своих молитвенных домов и кирх изображениями человека вообще, и святых в том числе. Великие и не очень художники этих стран лишились заказов на крупные полотна от протестантских пастырей и проповедников и их прихожан. Возникает класс буржуазии, бюргеров, буржуа. У них нет больших дворцов. Но потребность в изобразительном искусстве есть. Им хочется быть запечатленными в портретах, видеть себя изображенными на картинах своих жилищ. Изображения богов и античных героев, мифических существ сменяется портретами людей, вполне обычных, но значимых для себя и своих близких. Так ли-

бо иначе, в изобразительном искусстве появляются малые формы, картины размером, вполне приемлемым для небольшого собственного дома или особняка. В XVII веке в Голландии, Фландрии на смену титанам живописи Рембрандту, Рубенсу приходят художники, обозначаемые обычно термином — «малые голландцы». Так их назвали французы. Малыми не по таланту, отнюдь, а по приверженности к малым по размеру полотнам. Возникла бытовая, жанровая живопись, популярным стал, и до сих пор остается, натюрморт.

В изобразительном искусстве героями становятся простые люди. «Мальчик-рыбак» — Франс Хальс. «Игроки в карты» — Герард Терборх. Иногда изображение сцен, появление которых на картинах предшествующих веков невозможно представить: весьма натуралистичные, нисколько не эстетизированные сцены драк в кабаках — Адрианн Ванн Остаде, Адриан Броувер (фламандец). Такие бытовые сцены, как «Посещение врача», «Больная и врач» Яна Стена, или «Операция на спине» уже упоминавшегося А. Броувера. «Госпожа и служанка» Питера де Хоха, как отображение новых социальных явлений в жизни общества, но без карикатурности (она появиться потом, в творчестве Оноре Домье, например), вполне в духе нарождавшегося гуманизма.

Это были провозвестники нового жанра в живописи — жанра малых форм. Он не получил дальнейшего развития даже в самой Голландии и Фландрии. Но он был. В XIX веке и XX интерес к малым формам изобразительного искусства возрождается. Интерьеры частных домов украсили небольшие по размерам картины, которые охотно создавались художниками.

Появились малые художественные формы и в России. Нам хорошо знакомы масштабные полотна Карла Брюллова, Александра Иванова... Но у же в первой половине XIX века появляются и малые формы изобразительного искусства.

Кажется, на первое место зачинателя этого явления надо поставить П. А. Федотова (1814—1852). Небольшие по размерам его картины быстро привлекли внимание публики. Это «Завтрак аристократа», «Сватовство майора», «Анкор, еще анкор», «Игроки», «Разборчивая невеста», «Свежий кавалер». О последнем сюжете В. В. Стасов писал: «...злость, чванство, вконец опошлившаяся жизнь — все это присутствует в этом лице... и фигуре закоренелого чиновника». Резкое суждение. Изображен мелкий чиновник, надменно указывающий своей кухарке на крестик, только что полученную награду, прикрепленный к неряшливо надетому халату. Та не остается в долгу — указывает ему на стоптанные его старые башмаки. Может быть, это единственная из картин художника, носящая столь обличительный характер. В большинстве его картин в большей степени сочувственно и сопереживательно показаны обычные, не вельможи и министры, простые люди, его современники.

Творчество П. Федотова не осталось без внимания последующих поколений русских художников XIX века. В 70-х г.г. возникает Товарищество передвижников. И. Крамской, Г. Мясоедов, В. Перов объединяют вокруг себя большую группу художников, героями произведений которых становятся те самые, простые, люди, что появились на картинах П. Федотова. Достаточно вспомнить такие полотна, как «Земство обедает» Г. Мясоедова, «На бульваре» В. Маковского, «Курсистка» Н. Ярошенко. Знаменитая «Тройка» В. Перова и его же сатира на нравы церковников — «Чаепитие в Мытишах».

В картинах малых голландцев также выведены простые люди, их быт и нравы. Но что-то неуловимо отличает от них русских мастеров малых форм. Картины «голландцев» — как моментальный снимок персонажей и сцен быта, сделанный художниками, отстраненно наблюдающими изображенных на них людей. Мастеровито сделано художниками, до тонкостей освоившими свое ремесло, но теплого чувства, сопереживания изображенное не вызывает. Может быть, только лиризм некоторых картин, например, «Девушка с устрицами» Ян Стена.

В музыке тоже в XIX веке стали появляться музыкальные произведения небольшого формата. До того времени господствовали масштабные музыкальные полотна — оперы, симфонии, оратории. Если не считать «Застольную» Бетховена, песни в классической музыке ведут свое начало от Франца Шуберта. Лишенный поддержки семьи из-за выбора профессии композитора, остро нуждаясь, он взялся за сочинение коротких музыкальных сочинений на слова современных ему поэтов. Так появились чудесные песни Шуберта, исполняющиеся до сих пор. За ним последовал Роберт Шуман. У нас в России прекрасные образцы малых по объему вокальных произведений создал Александр Даргомыжский, А. Алябьев. Достаточно вспомнить их песни на стихи Беранже в переводе В. Курочкина; М. Михайлова: «Нищая», «Старый капрал», «Знатный приятель»... Вскоре появились романсы А. Гурилева, П. Булахова. Охотно писали романсы знаменитые русские композиторы. Первый из них — М. Глинка. Далее — П. И. Чайковский, Н. А. Римский-Корсаков, С. С. Рахманинов и многие другие. Русский романс от песен западных классиков отличают задушевность, глубокое чувство. Исполнение их требует от певца стать как бы самому героем романса, обладать пережитым опытом любви и измены, счастья и несчастья, горя и захватывающей радости. Это тоже рассказ, малый по форме, но насыщенный глубокими и сильными эмоциями.

Конечно же, нельзя не упомянуть расцвет в XIX веке малых инструментальных музыкальных форм — прелюдий, этюдов, фортепьянных циклов Р. Шумана, М. Мусоргского, П. Чайковского.

Они создавались для домашнего музицирования, исполнялись в салонах, пришли на концертную эстраду.

* * *

В русской литературе, а судя по высказываниям в связи присуждением премии Э. Монро, и мировой (может быть, наряду с О. Генри), Чехов был зачинателем новой литературной формы — маленький рассказ. До него (справедливости ради, до них) «настоящей» литературой были роман, новелла, сага. Рассказ считался пустячком и печатался только чаще как фельетон или юмореска в «легких» журналах. В европейской литературе были новеллы Мериме. У нас нечто подобное «Записки охотника» И. С. Тургенева. Еще раньше на рубеже XVI—XVII веков Мигель Сервантес со своими «Назидательными новеллами». Жанр новеллы восходит к эпохе Возрождения.

Наряду с большими литературными формами: романом, сагами, трилогиями, приходит «изобретение» XIX века — короткий рассказ с небольшим числом персонажей. Издательское дело становится прибыльным. Пушкин стал выпускать журнал «Современник». Во второй половине XIX века у нас появляются разнообразные «толстые» и «тонкие» журналы: «Нива», «Осколки» и т.д. Развивается журналистика. Журналисты становятся писателями, например, В. Гиляровский. Это явление продолжается до сих пор.

Появляется возможность сотрудничеством с журналами зарабатывать на «кусок хлеба». В «тонких» журналах «не развернешься». Приходится искать малые литературные формы. Возникает целая плеяда «малых» писателей, современников Антоши Чехонте, сотрудничавших в этих журналах: И. Потапенко, В. Билибин, Н. Ежов, К. Баранцевич и др.,— все они внесли свой, доступный их таланту, вклад в развитие нового жанра.

Сотрудничество Чехова с газетой А. С. Суворина «Новое время» с в журналом Н. А. Лейкина «Осколки» начиналось с малых, малюсеньких рассказов, с весьма причудливыми названиями, давших повод говорить, что он начинал как графоман. (Приободритесь, начинающие авторы, не гнушайтесь сим оскорбительным эпитетом. Ви-

дите, как дело обернулось.). Уже упомянутые современники Чехова и многие другие так и остались «малыми» писателями. Антону Павловичу же было суждено стать признанным новатором в разработке новой формы в литературе, что и привело к признанию жанра рассказа как полноправного участника литературного процесса.

Может показаться, что поиск аналогии между малыми формами живописи и музыки и малой же формы в литературе, рассказом, неуместен или надуман. Однако сопоставление сюжетов и персонажей, избранных авторами для своих творений, и чувства, вызываемые ими, во многом одни и те же. Федотовские «Завтрак аристократа» и «Свежий кавалер» носят сатирический характер. Нечто подобное есть и в чеховских «Хамелеоне» и «Унтере Пришибееве». Правда, в этих произведениях Чехова больше иронии, чем сатиры. Не был он склонен к осуждению своих героев.

Зато в произведениях художников-передвижников, современников Антона Павловича, можно найти целый ряд сюжетных совпадений и общих персонажей.

В. Маковский «Свидание». Мать навещает своего сына, по сути, еще ребенка, отданного в ученики-подмастерья. С жадностью голодный мальчик ест булку, которую принесла ему мать, бедно одетая, по виду деревенская женщина. Не вспоминается ли чеховский Ванька»? Тоже мальчик, отданный в ученье сапожнику. Терпит нужду и издевательства... «а она (хозяйка — авт.) взяла селедку и ейной мордой начала меня в харю тыкать». Единственное светлое воспоминание о дедушке и деревне, где ему жилось хорошо и весело.

Тот же автор, картина «На бульваре». Молодуха из деревни приехала повидаться с мужем, который когда-то уехал в город на заработки. На лавочке, на бульваре они сидят, и по всему видно, что муж, парень с гармошкой в руках, совершенно чужим стал для своей жены. Стесняется ее. Весь его вид говорит о его превосходстве на ней. Она уедет к себе в деревню, так и не испытав хотя бы сколько-нибудь теплого чувства от него.

«Егерь» Чехова. В этом рассказе тоже всего два персонажа, как и в картине Маковского. Социальное положение одинаковое. Она — деревенская женщина Пелагея, когда-то, в далекой молодости, выданная замуж за парня, егеря при барине. Она величает его «Егор Власыч». «Хоть бы денек со мной, несчастной, пожили»,— говорит равнодушному мужу. «Нешто ты мне пара?»,— отвечает муж. «Терпи, сирота». Он, исполненный чувства собственного достоинства, уходит. «Прощайте, Егор Власыч»,— шепчет Пелагея, когда белый картузик на голове ее мужа исчезает за поворотом дороги.

И еще один пример. Картина Н. Ярошенко «Курсистка». Последнее произведение Чехова называется «Невеста». Конец XIX века. Суфражистки в Америке, эмпансипе в Европе. Появляются девушки-горожанки, заявляющие о своей независимости от мужчин, не желающие ограничивать себя только чисто женскими обязанностями — быть женой, матерью. Жаждущие образования, профессии, самостоятельности, служения народу. У Н. Г. Чернышевского об этом — большой роман. У Ярошенко — небольшая картина с одинокой фигуркой молодой девушки с книжками под мышкой. У Чехова — небольшой рассказ о Наде, невесте, мечтавшей в прошлом о замужестве. Является Саша, молодой человек, погостить. Упрекает ее в «праздной жизни», «вы ничего не делаете». Зовет ее к другой жизни. И намерения ее меняются. Она мечтает о «жизни новой, широкой, просторной», отказывает жениху, уезжает в Петербург.

Если рассказы Элис Монро «заставляют людей сочувствовать другим», то сравнение ее с Антоном Павловичем Чеховым вполне оправдано. Как, впрочем, и присуждение ей Нобелевской премии.

(Примечание. Первая Нобелевская премия по литературе была присуждена в 1901 г. Чехов умер в 1904 г.)

Рудольф Артамонов, Москва

Ирина Николаева (г. Москва)

ЧТО НАША ЖИЗНЬ?

А. А. Яшин в своей новой книге «Административный восторг, или картинки с выставки» обратился к современной жизни российского общества.

Стиль изложения строится на единстве реалистичного, сатирой приправленного, взгляда писателя, и острой боли его сердца: в ходе общественных «перестроек-переделок», обещавших народу, в который уж раз, прекрасную жизнь, забыто то, чем гордились мы в советские времена, твердо убежденные, что социальная защита — самое значимое завоевание человечества. В то же время ново-созданное, что должно наилучшим образом отразиться на жизни народа, как убеждают нас идеологи, политики и разного уровня впереди идущие деятели, не только не улучшает жизнь, но активно ее ухудшает, упраздняя прежние достижения.

Книга объединяет девять новелл. Первая — о жизни поселкового народа, среди которого особо выделился, став главным персонажем, Прокофьич, человек сметливый, смелый в решениях, обладающий бойцовским характером. Когда-то служил Прокофьич во флоте, на крейсере «Киров», с тех времен и сформировался его взгляд на жизнь и окружающее. Обладая жизненной стойкостью и философским мироощущением, решил Прокофьич побороться с внезапно свалившейся на голову ситуацией — увеличением оплаты за газ, «затрачиваемый на содержание домашнего скота. Птицы тож» [с. 24].

Читая новеллу, не знала я, уважаемый читатель, плакать ли, жалея поселковых жителей, смеяться ли над подмеченной автором «находчивостью» местных чиновников, верить ли или не верить в реальность описываемых событий.

Увлекал задиристо-емкий яшинский слог. Остро-подмеченные характеристики, детали, описания действий разбросаны, будто словесные жемчужины, по всей книге. Прочти, читатель, несколько высказываний и реши сам, насколько тебе этот слог привлекателен: «Водовку с самогоновкой собственной выделки — чужой не доверял — конечно, мимо рта не проносил...» [с. 11]; «Любовной выделки самогонный аппарат, сверкавший никелем и нержавейкой...» [с. 13]; «...власть — существо себе на уме» [с. 14]; «...временно-постоянные трудности в экономике страны...» [с. 16]; «...сверхсчастливая дикторша в полном восторге...» [с. 17].

А еще данное в размышлениях героя новеллы описание многолетней, постоянно меняющейся в стране жизни, что, несомненно, хорошо (меняться — значит, развиваться, не стоять на месте), однако и утомительно, по причине вечного отсутствия надежности и устойчивости положения.

«Поселковый народ перешел на подножный корм, благо в шестидесятыесемидесятые годы вместо дедовских халуп все построили добротные, просторные

* Яшин А. А. Административный восторг, или картинки с выставки: Роман-новеллино. М.: Московский Парнас, 2014. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

дома, литые из дармового шлака...» [с. 10]; «В голодные девяностые годы жители подгороднего поселка вступили подготовленными...» [с. 10]; «На рубеже девяностых и двухтысячных годов, когда все что было в стране, стабилизировалось, а властями был взят курс на всемерное усиление среднего класса...» [с. 14]; «...уже двадцатый год подряд все обещают и обещают спустить со стапелей Северодвинска одну и ту же атомно-ракетную подлодку» [с. 16]; «...народ разбаловался, к порядку возвращать его надо, но разве так быстро и одними запретами?» [с. 19]; «все эти игры с водкой и табаком совсем недавно уже проходили. Понятно для чего: отвлечь народ от реальных трудностей жизни и малопривлекательных перспектив. И средний класс пора пришла поуменьшить» [с. 22].

Здесь бы, при этаких наблюдениях, посмеяться бы вволю, порадоваться меткости яшинского слова, да смеяться не хочется, поскольку каждый из нас, которое десятилетие, варится в новосчастливом и архиперспективном бульоне настоящего. К тому же и Прокофьич справиться с бюрократической машиной не смог, и кот его Мичман оказался-таки обложенным налогом «на домашних, несельскохозяйственных животных» [с. 49].

Вторая новелла, как мне увиделось, стала вводной для раскрытия одной из ведущих тем книги, которая тщательно раскрывается в последующих. А. А. Яшин — ученый и преподаватель, доктор наук и профессор, много лет и сил отдавший взращиванию в стране научных кадров и развитию отечественной науки. Не мог он обойти молчанием острейшие проблемы, связанные с состоянием отечественной науки и высшего образования.

Нам понятно, почему рядом с флотоводцем Прокофьичем оказался другой герой книги — Игорь Васильевич Скородумов, как мы думаем, явившийся по делу и мысли органичным двойником самого автора. Скородумов развернул свою производственную и научную деятельность в конструкторском оружейном НПО «Меткость». Доктором наук и профессором стал в сорок лет, «в закатные советские годы» [с. 51], когда еще степени и звания легко не давались. Внезапно его деятельность в НПО прекратилась по причине «мести посредственности людям умным и творческим» [с. 52]. Однако Скородумов удержался на плаву, поступил в НИИ экспериментальной и прикладной биофизикохимии, затем перешел на преподавательскую работу в вуз и выполнял все обязанности, которые обычно выполняют доктора наук и профессора.

Раскрывая жизнь, идеи, размышления своего героя-ученого, автор подробно описывает состояние современного высшего образования. В этом описании просматривается, прежде всего, боль профессионала, видящего разрушение хорошо слаженной системы образования, которая готовила в прежние времена высококлассных специалистов, способных выдержать конкуренцию в других странах, даже при том, что дипломы советских вузов в ряде стран не признавались. Дипломы не признавались, а специалисты из нашей страны в мире ценились.

Что же увидел автор в реформировании современной высшей школы? «Вопервых, никому она, кроме косящих от армии студентов, не нужна, — с горечью констатирует А. Яшин, — во-вторых, никому опять же не требуется вузовская наука, впрочем, и любая другая» [с. 59].

Заведующая кафедрой в современном вузе, подмечает автор, вместо того, чтобы все силы направить на развитие профессорско-преподавательского состава и совершенствование вузовского преподавания, выполняет роль «старшей училки» и «завхоза по совместительству». Писатель не выдумывает: не один завкафедрой мог бы с огорчением подтвердить сей факт.

Да и самим профессорам мало времени остается для собственного совершенствования. Обязанность представлять всевозможные справки — о состоянии здоровья

или об отсутствии судимости — добавляет им лишние треволнения. В одном из московских вузов получили недавно преподаватели распоряжение представить справки от разных медицинских специалистов: нарколога, психиатра, гинеколога, дерматолога, венеролога, стоматолога, отоларинголога, эпидемиолога и других. Забота о здоровье своих кадров выросла в огромную проблему для этих кадров. Большинство из указанных специалистов теперь, в пору преобразований медицинского обслуживания, работают платно и в разных медицинских учреждениях, разбросанных по городу или району.

Значительная часть времени уходит у преподавателя на составление бумаг. «Теперь вместо УМКД (не к ночи будь помянут) пишем Рабочие программы и Фонды оценочных средств (ФОС), а еще массу бумаг в новом формате типа Программы вступительных экзаменов, Программа ГИА с компетентностным подходом, Программа научно-исследовательской работы магистранта и прочее, что ранее было, но не требовалось, чтобы обязательно на каждый шаг и в четко определенных словах...» [с. 210]. Не любой читатель быстро сообразит, что такое УМКД, ФОС, ГИА, компетентностный подход, но любой точно поймет: самая важная часть современной работы вузовского преподавателя — это составление всевозможнейших бумаг, которые должны отвечать единым требованиям стиля и форматирования.

Жизнь преподавателей, отмечает далее автор, резко осложняется низким уровнем школьной подготовки студентов и доводит «до тихого помешательства и без того слабоуравновешенных училок — профессиональных преподов обоего пола» [с. 114]. Если же эти студенты набраны «из бывшей советской Средней Азии», тогда и уровень знания русского языка становится серьезной преградой для взаимопонимания преподавателя и студента.

Разумеется, качество школьной подготовки не для всех вузов является острой проблемой, однако для большинства из них, как и для многих преподавателей, постоянно встают вопросы: Кого мы учим? Чему? Как? И в погоне за компетенциями, которые преподаватели должны сформировать у бакалавров, те, в ответ на бурную деятельность преподов, посматривают, посмеиваются да поплевывают, мол, старайтесь, бедные, поглядим, что у вас получится.

В описании состояния современного высшего образования просматривается также обида человека, оказавшегося исключенным из системы высшего образования. Так сегодня происходит со многими представителями вузовской школы. Основная тому причина — возрастная. Однако широко известен такой факт: опыт вузовского преподавателя растет с многолетием деятельности, надо лишь этой деятельности найти наиболее подходящее применение: кто-то читает студентам лекции, кто-то ведет огромную работу посредством индивидуального общения, направленного на привлечение студента и аспиранта к науке.

Сколько сегодня многоопытных специалистов высшей школы узнают, что они устарели, не отвечают современным требованиям, не выпускают должного количества печатных работ в положенных журналах и издательствах. Не станем спорить: нужны современные преподаватели, владеющие компьютером, публикующиеся в изданиях международного уровня, участвующие в конференциях разных стран мира, обучающих не только отечественных, но и зарубежных студентов, разбирающиеся в таких понятиях как РИНЦ, Индекс Хирша, scince index, импакт-фактор и др. Однако есть ли в вузах условия для выполнения этих требований? Посылают ли вузы своих преподавателей на конференции в другие страны и обеспечивают ли такие командировки материальной поддержкой? Не являются ли публикации очередным сбором средств для «продвинутых» организаторов? Оплачивается ли ученому работа в диссертационном совете, требующая много сил и времени?

Перипетии, происходящие с вузовским профессором, интересны работникам высшей школы, однако в книге, в которой данная тема широко освещается, попутно, и в то же время весомо, раскрываются проблемы современного российского общества: выживание городского и сельского населения в сложнейших условиях перехода от социализма к обществу рыночной экономики; функционирование городской и районной власти; отношения друг к другу народа и чиновничества; разные пути достижения власти, причины и последствия ее потери; взаимоотношения поколений; отношения мужчины и женщины, которые, прожив вместе долгие годы, по-прежнему дарят другу заботу и добрые чувства. Это и в самом деле картинки с выставки жизни российского общества.

Своеобразно сочетаются в книге текст о жизни россиянина начала двадцать первого века и книжные иллюстрации из века девятнадцатого. Это сочетание — удачная находка автора, которая доказывает: сквозь века в жизни нашего Отечества просматривается тесная связь, и время от времени события повторяются, внося коррективы, связанные с новыми обстоятельствами. Смотришь «Картинку с выставки» [с. 170]: приятной наружности франт — с густой шевелюрой, внушительными усами и обаятельной улыбкой. Авторская подпись к иллюстрации гласит: «Гласный городской думы: «Жить хорошо! А хорошо жить еще лучше!». При такой надписи мы бы сослались на источник мысли о жизни хорошей и еще лучше. Помнится этот краткий диалог Георгия Вицина и Юрия Никулина, покоривший сердца зрителей фильма режиссера Леонида Гайдая «Кавказская пленница или новые приключения Шурика». «Точно!» — подвел итог диалогу друзей Евгений Моргунов.

Другая «Картинка с выставки» [с. 205]: стоит скромняга, сложив на поясе руки, на голове колпак, длиннополый халат прикрывает ноги в штанинах. И читаешь под картинкой текст, составленный А. Яшиным: «Опальный чиновник: воспоминания о будущем — как бы не забыть номер своего швейцарского счета?». Образ прошлого дополняется современным взглядом, в котором автор обнаруживает меткость возникшей ассоциации.

Или: молодой человек и девушка, в костюмах позапрошлого века, сидят друг перед другом в креслах [с. 325]. Он ее в чем-то активно убеждает (думается — в любви). Она опустила очи, чуть склонила голову, слушает. Авторская надпись такова: «Университетская идиллия. Влюбленные аспиранты юридического факультета обсуждают: у кого больше «навар» — у адвокатов или приставов?».

Недаром и предисловие книги написано самим А. П. Чеховым. Его рассказ «Хамелеон» наилучшим образом вводит читателя в яшинский текст. И хотя события, описанные в рассказе и новеллах, совершенно разные, в них есть общее — мимикрия власти: малозначительной и высокозначительной, прошлой и настоящей.

Связь современного яшинского текста просматривается не только с событиями жизни русского общества девятнадцатого века. На обложке книги помещен советский плакат второй половины сороковых годов. Один офицер говорит по телефону, другой нажимает телефонный рычаг, чтобы аппарат отключить. Плакатная надпись гласит: «Не болтай у телефона! Болтун — находка для шпиона».

Можно строить разные предположения об уместности этого плаката рядом с иллюстративным материалом книги и с ее заголовком. Возможно, А. Яшин, по своей привычке говорить и не договаривать, раскрывать тему с позиций, которые сразу непонятны, да, поразмыслив, понимаешь, что этот взгляд автора и есть самый точный. Может, содержание книги и есть то, что раскрывает один офицер и пытается скрыть другой?

Многостраничный эпилог, введенный в «Размышления профессора Скородумова на злобу дня», подводит обширные итоги всему, что сказано в рецензируемой книге, а

также тому, что происходит в нашем Отечестве, что является «движущей силой» современного общества. Здесь едкая и разносторонняя характеристика начальника, и отношение к начальствующей персоне, и способы спасения от начальствующего лица.

Рассмотрев содержание и достоинства книги А. А. Яшина, все же обратимся и к тому, что, на наш взгляд, следовало бы поправить. Мы уже обратили внимание на несхожесть иллюстративного материала: из девятнадцатого века и сороковых годов двадцатого. На наш взгляд, надо бы выдержать иллюстрирование в едином стиле.

Эпилог, столь необходимый и оправданный, занимает почти сто страниц. Четыреста семнадцать размышлений профессора Скородумова всесторонне раскрывают проблему начальствования, характерную для современного российского общества. Многие из этих размышлений-положений запоминающиеся и афористичные. Тем не менее, долгое чтение многословия размышлений становится делом утомительным. Начинаешь пролистывать и проскакивать. Даже сердишься на то, что автор столь ретиво взялся за раскрытие проблемы.

Полагаем также, что автору, при всей глубине освещения происходящего в высшем образовании, необходима некая личная отстраненность от событийного ряда. Отстраниться от того, что является смыслом твоей жизни, невозможно. Но вполне возможно прожить какое-то время, в которое боль случившегося утихнет, что даст возможность спокойней и рассудительней осветить избранное писателем для показа и анализа. Впрочем, одна из особенностей нашего писателя заключается в рассудительности и исследовании проблемы изнутри.

Книга получилась! Она — яркая, сочно-стилевая, остро-сатиричная. В ней заложен ген отечественных сатириков и бытописателей девятнадцатого века — М. Е. Салтыкова, Н. В. Гоголя, А. П. Чехова.

Эта книга заставляет читателя думать и анализировать, призывает к обсуждению негативных явлений нашего общества, к поиску путей искоренения недостатков и дальнейшего общественного развития. Пожелаем же ей вдумчивого и отзывчивого читателя!

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ!

Объявленный в России 2015-й год, как Год литературы, иронией судьбы совпал с прекращением — по финансовым причинам — печатания «бумажной версии» нашего журнала. В ряде наших циркулярных писем, разосланных авторам в январе-феврале с. г. мы всесторонне рассмотрели, объяснили и проанализировали переход в издании журнала к электронной форме. Получили много откликов от наших постоянных авторов и читателей. Большое Вам спасибо!

Достаточное число авторов согласились и с нашей традиционной, отчасти новой, редакционной политикой, суть которой состоит в следующем. Как и ранее, мы публикуем на сайте нашего журнала четыре номера в год — в последние дни каждого квартала. «Приокские зори» оставляют для себя статус всероссийского, а де-факто и международного, издания. Поэтому для публикации единственным критерием отбора было и остается: талант автора, истинный — не «квасной»! — патриотизм и народолюбие, воспитанный в нас советской властью искренний интернационализм. На том и стоим.

По просьбе авторов, желающих иметь бумажный вариант журнала с их публикацией, редакция высылает им файл издательского оригинал-макета нужного номера с обложкой в цвете. Поскольку теперь даже в небольших городах хорошо развита сеть мини-типографий с печатью на «электронке» от одного экз., то здесь авторы с какими-либо трудностями не столкнутся. Это принятая ныне во всем мире практика печатания «по заказу». Мы здесь Америку не открываем...

Редколлегия журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь». Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России. Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала, или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия книг в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частно-меценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные преимущества:

- это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;
- поскольку журнал выходит под эгидой Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к Академии;
- как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, если автор об этом позаботится;
- наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой в четырех номинациях за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 10 экз., если хочет, чтобы книга рассылалась вместе с очередным номером журнала по адресам обязательной рассылки.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие книги:

- 1. *Московский Парнас*. Независимый альманах.— М.: Изд-во Независимого литературного агентства «Московский Парнас».— 2014.— №№ 5—7.
- 2. Бийский Вестник: Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал (г. Бийск Алтайского края).— 2014.— № 3, 4
- 3. *Истоки*: Литературно-художественный и публицистический журнал (г. Красноярск).— 2014.— №22—23 (сдвоенный) в номере опубликован рассказ Алексея Яшина «Карантин и щи с бараниной».
  - 4. *Кулешов В. В.* Корни слова: Стихи.— Тула: Гриф и К., 2014.— 236 с.
- 5. *Ракитин Д. Е.* Верность: Повести.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2014.— 147 с.
- 6. Выводовская 3. Кто в океане видит только воду... Стихи и проза.— Тула: «Тульский полиграфист», 2014.— 76 с.
- 7. Трещев Е. И. Щекино в лицах: краткий биографический справочник Щекинского района Тульской области от времен древнейших до наших дней.— Тула: Издво Тульск. гос. ун-та, 2014.— 188 с. (Приведены биографии многих авторов «Приокских зорь» из Тулы и Тульской области).
- 8. *Артнохов Е. А.* Камуфлированная страна (Стихи мутного времени).— М.: Редакция «На боевом посту», 2014.— 144 с. (Постоянный автор «Приокских зорь»).
  - 9. *Кальянов Л. К.* Зимница: Сб. стихотворений.— Тула: Папирус, 2014.— 84 с.
- 10. *Нехамес И. М.* Когда вдохновляет время: Стихотворения.— М.: ИПО «У Никитских ворот», 2015.— 110 с. (Член редколлегии «Приокских зорь»; лауреат премии «Левша» им. Н. С. Лескова).
- 11. *Лукьянов И*. Высшая мера: Стихи из четырех десятилетий.— Воронеж: ИД ВГУ, 2014.— 154 с. (Постоянный автор «Приокских зорь»; лауреат премии «Левша» им. Н. С. Лескова).
- 12. Яшин А. А. Феноменология ноосферы: Струнный квартет, или аналоговое и цифровое мышление. Т. 10 монографии «Живая материя и феноменология ноосферы» (Предисл. В. П. Казначеева, В. Г. Зилова, А. И. Субетто.— Москва-Тверь-Тула: ООО «Издательство «Триада», 2014.— 513 с., ил.
- 13. *Герасимов И. Г., Яшин А. А.* Феноменология ноосферы: Память, или воспоминание о будущем. Т. 11 монографии «Живая материя и феноменология ноосферы» (Предисл. В. П. Казначеева, В. Г. Зилова, А. И. Субетто.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2014.— 438 с., ил.
- 14. *Субетто А. И.* Новая парадигма исторического развития и Манифест возрождения / Под ред. В. В. Лукьянова.— СПб: Астерион, 2014.— 52 с.
- 15. *Субетто А. И.* Системогенетика и тектология А. А. Богданова в контексте кризиса истории / Под ред. Л. А. Зеленова.— СПб: Астерион, 2014.— 40 с.
- 16. *Субетто А. И.* Идеология XXI века / Под ред. В. В. Лукьянова.— СПб: Астерион, 2014.— 92 с.
- 17. *Субетто А. И., Суворов В. П.* Стратегия России в XXI веке / Под ред. А. В. Воронцова.— СПб: Астерион, 2014.— 48 с.
- 18. Субетто А. И. Русский вопрос и борьба против глобального империализма в пространстве социалистической революции в XXI веке (в диалоге с Ю. П. Беловым).— СПб: Астерион, 2014.— 56 с.
- 19. *Субетто А. И.* Исповедь последнего человека (предупреждение из будущего): Научно-философское эссе. 2-е изд. / Под ред. В. В. Лукьянова.— СПб: Астерион, 2014.— 224 с.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

- 1. Яшин А. А. Пролегомены к новому русскому критическому реализму: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2015.— 533 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
- 2. Яшин А. А. Административный восторг, или картинки с выставки: Романновелино / Вместо предисловия: А. П. Чехов. Хамелеон: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2014.— 327 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
- 3. *Ковчег*: Литературно-музыкальный альманах ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори»: поэзия, проза, публицистика, критика и литературоведение, произведения о детях и для детей, песни. Вып. 4.— Тула: Изд-во «Папирус», 2014.— 328 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» — Приложение к журналу «Приокские зори» вышли следующие книги:

- 1. Лебедев С. А. Исповедь: Сборник стихотворений / Предисл. А. А. Яшина.— Тольятти: Типография ОАО «Куйбышев Азот», 2013.— 174 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).
- 2. Лебедев С. А. Чтобы память не гасла: Стихи и проза / Предисл. А. А. Яшина.— Тольятти: Типография ОАО «Куйбышев Азот», 2013.— 240 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).
- 3. Яков Шафран. Льется жизни стих: Стихотворения / Предисл. Г. Г. Мирошниченко.— Тула: Изд-во «Папирус», 2014.— 108 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова».

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

- проза, включая драматургию;
- поэзия;
- публицистика, включая историко-политическую;
- литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.

Звание лауреата — по номинациям — удостаиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, то есть главный редактор и его заместители, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место и страна проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений учредителей журнала. Читатели «Приокских зорь» также приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-й стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания; например, имена лауреатов 2014-го года уже объявлены в № 1, 2015 «Приокских зорь». Также имена лауреатов объявляются в «Литературной газете». Лауреатам вручаются дипломы. С укреплением материальной базы журнала возможно расширение наградной символики. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявляется конкурс на 2015-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

О НАС ПИШУТ, НАМ ПИШУТ

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ: ПИСЬМА НАШИХ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ В «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

В № 11(6454), 19—25 марта 2014 г. помещено интервью собкора «ЛГ» в США Ирины Тосунян с постоянным автором «Приокских зорь», нашим бывшим землякомтуляком, известным поэтом, публицистом, критиком и литературоведом, автором многих известных советских песен Владимиром Яковлевичем Лазаревым (вспомните знаменитые «Березы»!). Ныне он живет в США, Калифорния, Монтэй-Вью. Интервью заканчивается словами:

- Владимир Яковлевич, вам хотелось бы вновь начать печататься в России?
- А я уже начал это делать. На днях мне прислали журнал «Приокские зори», он издается в Туле. Я послал туда свою повесть в стихах «Егор Таланов тульский мастер». Набросок сделал еще в семидесятых годах, а закончил здесь. Это одна из моих любимых вещей. Она свободная, правдивая. Ее сразу напечатали. Я рад.
  - А последние ваши стихи?
- Я написал их в минувшем январе. Называются «Читая «Антологию русской поэзии XX века».

Как же много знакомых — исчезнувших лиц, Сколько горьких утрат в этом перечне длинном, Сколько много поэтов-самоубийц И погибнувших по неизвестным причинам. Сколько пало друзей по дороге под бременем Этой тяжкой поры духоломного времени.

ОБЩЕПИСАТЕЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА № 12(61) за 2014 год http://www.m-s-p-s.ru/

Вручена премия «Левша»

Названы имена лауреатов 2014-го года всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за лучшие публикации года во всероссийском литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори» (г. Тула)

Лауреатами премии стали: в жанре прозы и драматургии — Лариса Семенищенкова (г. Брянск); в жанре поэзии — Игорь Мельников (г. Тула) и Владимир Резцов (г. Калининград) — дважды лауреат «Левши»; в жанре литературоведения — Игорь Нехамес (г. Москва); в жанре публицистики — Виктор Буланичев (г. Бийск).

Глава муниципального образования город Тула

300041, г.Тула, пр.Ленина, д.2 тел.: (4872) 56-63-50, факс: (4872) 31-50-61, e-mail: duma@cityadm.tula.ru http://cityduma.tula.ru

Ha № 5/4 4 15 16.19

Главному редактору всероссийского литературно - художественного и публицистического журнала «Приокские зори» А.А. Яшину

Уважаемый Алексей Афанасьевич!

Искренне благодарю Вас за поздравления с назначением на должность Главы муниципального образования город Тула. Для меня большая честь руководить городом с богатой историей и, несомненно, великим будущим.

Журнал «Приокские зори» занимает одно из ведущих мест на медиарынке региона. Его страницы стали стартовой площадкой для многих восходящих писателей современности. Выражаю уверенность в дальнейшем процветании Вашего издания.

Желаю Вам и всему коллективу творческих успехов, новых проектов и вдохновения!

Глава муниципального образования город Тула

Ю.И. Цкипури

ИЗБОРСКИЙ КЛУБ В ТУЛЕ

Десятого октября 2014 года в Туле, в новом здании государственного исторического музея оружия состоялось заседание Изборского клуба. Перед началом заседания сопредседатели заседания руководитель Изборского клуба, главный редактор газеты «Завтра» Александр Андреевич Проханов и губернатор Тульской области Владимир Сергеевич Груздев, а также участники заседания, ознакомились со свежими номерами

«Приокских зорь» (см. ниже на фото Андрея Лыженкова). На заседании наш журнал представляла заведующая редакцией «Приокских зорь» Марина Баланюк.

ТВОРЧЕСКАЯ ВСТРЕЧА «ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» — 10 ЛЕТ В ЛИТЕРАТУРЕ»

Организатор: Центральная городская библиотека им. Л. Н. Толстого

В рамках начинающегося Года литературы в библиотеке состоялась творческая встреча с редакцией журнала «Приокские зори». В нашу библиотеку журнал «Приокские зори» безвозмездно передается редакцией в течение нескольких лет. На встрече присутствовали главный редактор журнала Алексей Яшин, заместитель главного редактора Яков Шафран, почитатели и друзья. Здесь были вручены благодарственные письма, дипломы и медали 2014 года «За верное служение литературе», а также нагрудных знаков «Союз писателей России» отдельным членам редколлегии журнала «Приокские зори».

наши поздравления

В связи с 60-летием Московской городской организации Союза писателей России (МГО СПР; 1954 - 2014 гг.) МГО СПР учредила медаль и наградной знак «Союз писателей России».

За верное служение отечественной литературе данных наград удостоены наиболее активные члены редколлегии и редакции «Приокских зорь»:

Баланюк Марина Григорьевна — зав. редакцией, член Союза писателей и переводчиков (СПП) МГО СПР;

Шафран Яков Наумович — зам. главного редактора — ответственный секретарь, член Союза писателей и переводчиков (СПП) МГО СПР;

Яшин Алексей Афанасьевич — главный редактор, член Союзов писателей СССР, России и Белорусского литературного Союза «Полоцкая ветвь».

Также на творческой встрече тульскому поэту *Игорю Мельникову* был вручен диплом лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Ниже помещены фото моментов награждения на творческом вечере.

«ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» В «ОБЩЕПИСАТЕЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ»

В № 6 (55), 2014 «ОПЛГ» (с. 10) опубликован материал Кирилла Усанина «Со-храняя традиции. Московский взгляд на «Приокские зори».

http://www.m-s-p-s.ru/data/2014/09-2014/10 OLG 655.pdf

Также в № 7—10 (56-59), 2014 «ОПЛГ» на стр. 6 опубликован рассказ члена редколлегии «Приокских зорь» Владимира Сапожникова «Последний бой»

(http://www.m-s-p-s.ru/data/2014/11--14/6 OLG 7-1056-59.pdf)

и в № 2 (66), 2015 на стр. 9 наш журнал представлен редакционной заметкой газеты «У нас в гостях — «Приокские зори» и опубликованы рассказы Якова Шафрана «Встреча» и Алексея Яшина «Гармония»

(http://www.m-s-p-s.ru/data/2015/03-2015/9_OLG_263.pdf).

ИЗ КРЫМА С ЛЮБОВЬЮ ЧИТАТЕЛЕЙ ВЕРНУЛАСЬ САМАРСКАЯ ПОЭТЕССА

C_Г PRESS.RU Самарская газета 29.09.2014

http://sgpress.ru/Sluzhba_informatsii/Iz-Kryma-s-lyubovyu-chitatelej-vernulas-samarskaya-poetessa57847.html

Наш постоянный автор — самарская поэтесса Ольга Борисова стала победителем на шестом международном фестивале литературы и культуры «Славянские традиции-2014»

На шестом международном фестивале литературы и культуры «Славянские традиции-2014» победителем конкурса читательских симпатий в номинации «Поэзия, свободная тематика» стала самарская поэтесса Ольга Борисова. Ее победа очень весома, ведь это один из крупнейших литературных форумов на пространстве СНГ — фестиваль литературы и культуры «Славянские традиции». В этом году он проводился на мысе Казантип.

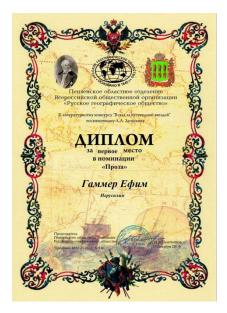
Фестиваль организован Европейским конгрессом литераторов, Союзом писателей России, Конгрессом Литераторов Украины, Межрегиональным союзом писателей Украины, Белорусским литературным союзом «Полоцкая ветвь», Крымской литературной академией, Литературным институтом им. А. М. Горького.

В этом году 136 авторов из 13 стран: России, Украины, Белоруссии, США, Дании, Израиля, Черногории, Сербии, Великобритании, Молдовы, Финляндии, Чехии, Бельгии приняли в нем участие. На конкурс поступило более тысячи произведений. В финал вышли 76 авторов из 12 стран по шести номинациям конкурса: «Поэзия, свободная тематика», «Стихотворение о любви», «Юмористическая поэзия», «Литературный перевод», «Малая проза», «Драматургия».

Жюри возглавлял главный редактор «Литературной газеты» Юрий Поляков.

ПИСЬМО ИЗ ИЕРУСАЛИМА

Друзья и коллеги! Получил Диплом Географического общества России за 1 место по прозе на международном литературном конкурсе 26 декабря 2014 года в израиль-252

ской газете на английском языке «Джерузалем пост» опубликована статья популярной в англоязычном мире журналистки Рут Корман о Иерусалимском боксерском клубе, возглавляемом братьями Люксембург — Элей и Гришей. И напечатана фотография старейшего в мире боксера, многократного чемпиона Иерусалима, 69-летнего Ефима Гаммера, широко известного в мире также как писатель, журналист, художник.

Ефим Гаммер (Иерусалим) — член редколлегии «Приокских зорь»

ПИСЬМО ИЗ МАПУТУ

21 января 2015 года в библиотеке Посольства России в Республике Мозамбик прошла творческая встреча с постоянным автором «Приокских зорь», лауреатом Всероссийской премии «Левша» И. В. Карловым. На литературный вечер собрались дипломаты, сотрудники Посольства, граждане РФ и Украины, работающие в Африке по частным контрактам, соотечественники, постоянно проживающие в Мапуту.

Давний сотрудник нашего журнала коротко рассказал о себе, ответил на вопросы собравшихся, высказал свое мнение о современном литературном процессе. По просьбе читателей в авторском исполнении прозвучало несколько лирических произведений и прозаических зарисовок.

Захотели высказаться и читатели. Выступавшие дали высокую оценку творчеству Игоря Карлова. Отмечена современность и актуальность его стихов, прозы, публицистики и литературоведческих статей. Прозвучали слова поддержки патриотических взглядов и убеждений писателя, который предстает в своих произведениях тонким психологом, философом, социальным критиком. Читатели обращали внимание на высокую степень художественной изобразительности, присущей нашему постоянному автору, на точность и красоту словоупотребления. Многим импонирует своеобразная манера письма И. Карлова: над какой-то страницей можно всплакнуть, а над следующей — улыбнуться.

В завершении вечера Игорь Викторович передал в дар библиотеке Посольства РФ в Мозамбике ряд журналов со своими публикациями (в том числе «Приокские зори» и «Ковчег»), а также экземпляр своей новой книги.

Ниже приведены фото с творческой встречи.

Игорь Карлов — наш постоянный автор

ИТОГИ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНКУРСА «СРЕДЬ МОРЯ ЗЛА ЕСТЬ ВЕЩИЙ ОСТРОВОК...»

Российский союз профессиональных литераторов Самарское отделение

Шорт-лист Международного конкурса «Средь моря зла есть вещий островок…»

(В конкурсе приняли участие сотрудники и авторы «Приокских зорь»)

Номинация «Русская поэзия»:

- 1. Наталья Иванова, Гомель, Белоруссия «День Победы».
- 2. Жилинская Татьяна Геннадьевна, Минск, Белоруссия «Вечерок у телевизора».
- 3. Владимир Белькович ,Тверская обл. Россия «Старая церковь».
- 4. Ольга Борисова, Самара, Россия «Три дороги».
- 5. Анатолий Лисица, Братск, Россия «Я не о том».
- 6. Аверьянова Любовь Николаевна, Волгодонск, Россия «У ворот».
- 7. Лилия Корытова, Холмогоры, Архангельская обл., Россия «Собирались в селе коммунисты...»
  - 8. Василий Миронов, Бобруйск, Беларусь «Красная рубаха».
  - 9. Яков Шафран, г. Тула, Россия «Полюшко поле...»

- 10. Сергей Лебедев, Тольятти, Россия «Воздух Жигулей».
- 11. Дмитрий Аравин, Россия, Рязань «Мыслитель древний и поэт...»
- 12. Лидия Боровкова, Рязань «Просил отец».
- 13. Лариса Грушевская, г. Отрадный, Самарской обл., Россия «На берегу Русалочьего Брода».
  - 14. Виктор Володин, Самара, Россия «Помню ее молодой».
  - 15. Наталья Колмогорова, Самара, Россия «Конь».
  - 16. Юрий Елизаров, Южноуральск, Россия «Умоюсь я ранними росами...»
  - 17. Александр Факеев, г. Отрадный Самарской области, Россия «Витии».
  - 18. Татьяна Кабанова, Волгодонск, Россия «Памяти заросшая дорога».
- 19. Ольга Мухина с. Пощупово Рыбновского р-на Рязанской обл.— «Тяжело ходить по краю».
  - 20. Наталья Ивахненко, Рязань, Россия «Старушка».
- 21. Сергей Васильевский п. Варские Рязанского р-на Рязанской обл., Россия «Духовный сонет».
- 22. Маргарита Кумирова, Похвистневский район, Самарской обл., Россия «Мой друг погиб сегодня на рассвете...»
  - 23. Юрий Шмидт, Россия, Москва «Что рисовал на жизненном холсте...»
  - 24. Сергей Ивволгин (Регекампф) Молдова, Бельцы «Подобно им».
  - 25. Александра Лесковец, Бобруйск, Белоруссия «Знакомые часы».
  - 26. Евгений Сидоров, Самара, Россия «Пересвет».
  - 27. Иван Мамалыга, Волгодонск, Россия «Тоска по Родине».

итоги:

Номинация «Песня»:

- 1 место Елена Полетаева, Самара «Древо жизни».
- 2 место Татьяна Мажорина, Россия, Волгодонск «Уголок моей России»; Кира Назарова Россия, Самара «Русь».
- 3 место Геннадий Зенков, Россия, Кемерово «Патриотическая песня Кузбасса»; Михаил Вселенский, Россия, Самара «Душа Земли».
  - Лауреат Ольга Быстрицкая, Волгодонск, Россия «Подруга».

Номинация «Малая проза»:

- 1 место Яков Смагаринский, Австралия, Сидней «Внуков зуб»; Вениамин Бычковский, Брест, Белоруссия «Стены, стены...»
- 2 место Людмила Краснова, Нефтегорский район, Самарской обл.— «Огурцы и волшебная палочка»; Надежда Дмитриева, Гомель, Белоруссия «Память, которая не стирается...»; Наталья Мери, Хельсинки, Финляндия «Тбилиси».
- 3 место Михаил Попковский, Могилев, Белоруссия «Зажигающему свет»; Татьяна Гриднева, Самара, Россия «Слепой пророк».

Номинация «Стихи на других языках»:

- 1 место Арлет-Ом, Франция, Кастр «Приглашение в сад»; Красимир Тенев, Болгария, Благоевград «Пустое село».
  - 2 место Юлиана Донева, Болгария, с. Бояново, Ямболской обл «Старый дом».
  - 3 место Анес Марен, Франция, Париж «Всем матерям на свете».

ЛАУРЕАТЫ:

Генка Богданова, Болгария, Ямбол — «Песня о Болгарии»; Илко Карайчев, Болгария, г. Тополовград — «Жажда весны» (посмертно); Антонина Димитрова, Болгария, с. Горски — «Сон»; Божедара Ангелова, г. Кырджали, Болгария — «Человек в тебе».

Номинация «Русская поэзия»:

- 1 место Василий Миронов, Белоруссия, Бобруйск «Красная рубаха».
- 2 место Ольга Борисова, Россия, Самара «Три дороги»; Наталья Колмогорова, Россия, Самара «Конь».
- 3 место Владимир Белькович, Россия, Тверская обл.— «Старая церковь»; Ольга Мухина, Пощупово Рыбновского р-на Рязанской обл.— «Тяжело ходить по краю»; Виктор Володин, Россия, Самара «Помню ее молодой».
- 4 место Сергей Лебедев, Россия, Тольятти «Воздух Жигулей»; Дмитрий Аравин, Россия, Рязань «Мыслитель древний и поэт».

ЛАУРЕАТЫ:

- 1. Наталья Ивахненко, Россия, Рязань «Старушка».
- 2. Наталья Иванова, Белоруссия, Гомель «День Победы».
- 3. Лидия Боровкова, Россия, Рязань «Просил отец».
- 4. Анатолий Лисица, Братск, Россия «Я не о том».
- 5. Лилия Корытова (Синцова), Россия, Архангельская обл. с. Холмогоры «Собирались в селе коммунисты...».
- 6. Маргарита Кумирова, Похвистневский район, Самарской обл., Россия «Мой друг погиб сегодня на рассвете...

ГРАМОТЫ:

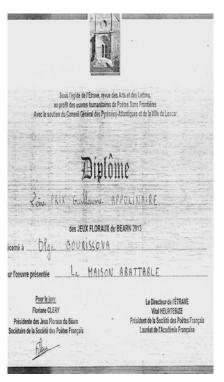
- 1. Сергей Васильевский п. Варские Рязанского р-на Рязанской обл., Россия «Духовный сонет».
  - 2. Юрий Елизаров, Южноуральск, Россия «Умоюсь я ранними росами...».
- 3. Лариса Грушевская, г. Отрадный, Самарской обл., Россия «На берегу Русалочьего Брода» .
  - 4. Яков Шафран, г. Тула, Россия «Полюшко-поле».
  - 5. Любовь Аверьянова, Волгодонск, Россия «У ворот».
  - 6. Александра Лесковец, Бобруйск, Белоруссия «Знакомые часы».
  - 7. Сергей Ивволгин (Регекампф) Молдова, Бельцы « Подобно им».
  - 8. Юрий Шмидт, Россия, Москва за цикл песен о РОДИНЕ и ВЕРЕ.
  - 9. Жилинская Татьяна Геннадьевна, Минск, Белоруссия «Вечерок у телевизора».
  - 10. Александр Факеев, г. Отрадный Самарской области, Россия «Витии».
  - 11. Татьяна Кабанова, Волгодонск, Россия «Памяти заросшая дорога».
  - 12. Евгений Сидоров, Самара «Пересвет».
  - 13. Ветеран ВОВ Иван Мамалыга, Волгодонск, Россия «Тоска по Родине».

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Здравствуйте, Яков Наумович! С праздником! Всего самого доброго! На днях, Володя Гудков принес мне Ваш поэтический сборник «Льется жизни стих». Получила удовольствие от прочтения! Хочется поделиться впечатлением. К какому бы тематическому направлению ни относились Ваши стихи, они (и в этом, на мой взгляд, их первостепенное достоинство) несут гармонию и позитив. Даже боль за свое Отечество Вы описываете не с агрессией, безысходностью, неуемным раздражением, как это просматривается у многих поэтов, а с искренним чувством досады и бесконечным желанием процветания своей родной земле и ее народу. Как и подобает человеку с тонкой душевной организацией, с гармоничным внутренним миром, духовно зрелому, да к тому же профессиональному психологу, в конце каждого Вашего стихотворного произведения присутствует ударная доза оптимизма, вера в то, что жизнь изменится к лучшему. Утонченность восприятия Жизни позволяет Вам очень нежно, трогательно, с любовью создавать пейзажную лирику. Чувствуется, что Вы едины с природой, умеете читать и ее душу. Одним словом. Ваш поэтический голос музыкален, ясен и красив.

С уважением Пенькова Людмила

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ИЗ САМАРЫ

Получила альманах. Спасибо! Это то, что мне и нужно. Чтение для души! Рада, что мои стихи попали в Ваш альманах! Один — отнесу в библиотеку.

Понимая, что альманах и журнал очень серьезные, то отправляю Вам диплом, как подтверждение, за второе место. Конкурс «21 игры цветов», проведенный журналом искусств и литературы, президентом Союза поэтов Франции — Виталием Ортебиз, под эгидой Генерального Совета Атлантических Пиренеев и города Лескар. (про эту победу писали в «Самарских судьбах»). Второе место за подборку моих стихотворений (не переводов).

И еще произошло маленькое изменение в моей биографии — теперь я председатель Самарского регионального отделения РСПЛ.

Ольга Борисова, г. Самара

ЧЛЕН РЕДКОЛЛЕГИИ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ» ТАМАРА БУЛЕВИЧ ПРЕДСТАВЛЯЕТ РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ ЗА РУБЕЖОМ

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ ЦЕНТРА-МУЗЕЯ-ТЕАТРА «БУЛГАКОВСКИЙ ДОМ»

Метро Маяковская, ул. Б. Садовая, д. 10, мимо театров Сатиры и Моссовета, ориентир — «Кофехаус», в арку и налево, 1 подъезд, http://www.dombulgakova.ru/8(495)6509553, куратор — Ирина Яковлевна Горпенко-Мягкова (8-962-931-03-06)

ТЕМЫ:

«РОССИЯ МИХАИЛА БУЛГАКОВА» ПОДМОСКОВЬЕ МИХАИЛА БУЛГАКОВА

Крюково, Архангельское, Иваньково, Загорянка, Звенигород, Николина Гора, Барвиха: известное и неизвестное в библиографии и топографии. Ведущая Ирина Яковлевна Горпенко-Мягкова.

Вход познавательный и литературно-топографический

ДЕНЬ СЕМЬИ: БЛАГОВЕРНЫЕ И ПРАВЕДНЫЕ ПЕТР И ФЕВРОНИЯ

«Духовный образ славянской культуры»

Дмитрий Николаевич Бакун — кандидат исторических наук. Литературномузыкальная программа поэтического дуэта Анатолия Пережогина и Раисы Криницкой.

Вход устремлено-благоговейный и благодарный

ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ «ЖУРАВЛИНАЯ РОДИНА»,

посвященный 125-летию со дня рождения С. А. Клычкова (г. Талдом)

ТРИ ГОЛОСА СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

125-летию Анны Ахматовой (1889—1966), 125-летие Сергея Клычкова (1889—1937), 125-летие Александра Вертинского(1889—1957). Литературно-музыкальная программа Ларисы Новосельцевой.

Вход по приглашениям и билетам (100 р.)

ЧЕХОВ И БУЛГАКОВ: МУЖЕСТВО ДОКТОРА Лекция-размышления Бориса Вадимовича Соколова

Программа, посвященная 110-летию со дня кончины А. П. Чехова (1860—1904) и авторскому проекту «Россия Михаила Булгакова»

Вход лично заинтересованный и благоговейный

РАВНОАПОСТОЛЬНЫЕ ОЛЬГА И ВЛАДИМИР Образ женщины и мужчины: испытание властью

Лекция Бориса Вадимовича Соколова. *Вход свободно осмысленный*

ЭКСКУРСИОННЫЙ ЛЕКТОРИЙ «БУЛГАКОВСКОГО ДОМА» «РОССИЯ МИХАИЛА БУЛГАКОВА»

Авторская программа Ирины Яковлевны Горпенко-Мягковой по материалам архива Б. Мягкова (1938—2003) — автора книг «Булгаковская Москва» (1993), «Родословия Михаила Булгакова» (2002, 2003), фотоальбом «Михаил Булгаков. Жизнь и творчество» (2006), «Булгаков на Патриарших» (2008); по материалам международных симпозиумов (Крым 2009—2013), по научно-практическим чтениям и конференциям (Москва, Евпатория, Симферополь, Судак, Коктебель, Вязьма, Каменец-Подольский: 2008—2013), по творческой командировкам в Великие Луки, Брянск, Александров, Таганрог, Шахматово, Судак, Феодосия, Симферополь, Калуга (2014 г.).

ПИСЬМО ИЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ ИЗРАИЛЯ, В КОТОРУЮ МЫ ВЫСЫЛАЕМ ВЫХОДЯЩИЕ НОМЕРА «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

«ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Тула, 2014.— № 1.

Газета «День литературы» Июль 2014 г. № 7 (213)

http://denlit.ru/index.php?view=numbers

«Колонка главного редактора» — это очередной крик боли А. А. Яшина за состояние российской литературы, которая как корабль в штормовом море глобализации может либо потонуть в его пучинах, либо выйти все-таки на присущий только ей свой вековой путь. Автор говорит и о роли в этом как самих литераторов, так и чиновников, да и простых людей.

180-летию со дня рождения Л. Н. Толстого посвящена работа Л. Е. Авдеевой об известном востоковеде И. П. Минаеве, который многое поведал писателю о буддизме, Непале и неварской литературе, и о влиянии Толстого, наряду с другими столпами русской литературы, на культуру этой гималайской страны.

Журнал, один из немногих, который публикует произведения драматургии.

В настоящем номере читатель познакомится с пьесой Л. Семенищенковой о Н. С. Лескове, по выражению главного редактора, добром гении «Приокских зорь».

В разделе «Современный русский рассказ» среди хороших произведений С. Крестьянкина, А. Яшина и других авторов особо можно выделить рассказ А. Сорокина «Врата адовы. Зарисовка с натуры». «Вот мы спорим, горячимся, утверждаем свою правоту, служим своим идеям, ругаем все, что видим вокруг. А главного не видим. Врата адовы закрылись. Это и есть главное. А остальное Господь управит». Эти слова поистине отражают суть нашего сегодняшнего времени.

Много хороших поэтов печатается в журнале. И на этот раз «Образы и тропы поэзии» и «Персоналии тульских поэтов» изобилуют их стихами. Среди авторов хочется отметить мэтров: В. Пахомова, С. Галкина и И. Лукьянова, а также В. Сапожникова, В. Иванова, И. Мельникова и И. Титкова.

Очередной рассказ о море и о любви к морю писателя, подводника-североморца О. Яковлева открывает раздел «От Волги до Амура...». Но изобилуют на этот раз здесь стихи. Задают тон в подборке поэтов Поволжья и Сибири строки С. Прохорова:

Чтоб под небесным светом без излучин Не распадалась, но крепчала Русь.

Глубиной веры наполнена поэма С. Лебедева, любовью к жизни искрятся свободно льющиеся лиричные стихи В. Корнилова, хорошо пишет О. Борисова.

«Русское литературное зарубежье» богато прекрасной образной лирикой И. Денисовой, впечатляет художественным мастерством зарисовки И. Карлова, обнаженностью души поэтических строк Е. Гаммера, качеством перевода стихотворений Д. Стефановой, поэтом А. Селичкиным.

Как всегда, радует своим профессионализмом «Тверской бульвар -25». На этот раз он представлен рассказом ведущей Клуба молодых прозаиков Литинститута А.Черновой «Самолет пролетел».

В номере большое место занимают краеведение, литературоведение, критика и рецензии. Н. Квасникова подводит итоги всероссийской и международной дискуссии «Не хватит ли сбрасывать Пушкина с корабля истории» (Что нам следует взять из русской литературы советского периода)». Емкие, основательные материалы к юбилею Тульского областного художественного музея подготовили М. Кузина, Е. Оленич и М. Баланюк. Н. Струна дал профессиональный обзор альманаха Тульской писательской организации СПР «Иван-озеро» за 2013 год. А Н. Попова свой труд посвятила гумилевским традициям в творчестве Владимира Федорова.

В «Хронике литературной жизни» приведена заметка из «Литературной газеты» (№ 46 (6439) 20.11.2013) «Объявлены лауреаты всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за лучшие публикации в журнале «Приокские зори» за 2013-й год: в жанре прозы — Я. Шафран (Тула); в жанре поэзии — О. Пантюхин (Щекино); в жанре литературоведения – И. Герасимов (Донецк, Украина); в жанре публицистики — В. Резцов (Калининград) и А. Субетто (Санкт-Петербург)». Редколлегия и редакция «Приокских зорь» поздравляет ответственного секретаря журнала Я. Шафрана с приемом в члены Союза писателей и переводчиков при МГО СПР, и авторов из Тульской области И. Пархоменко, Г. Лялину и Т. Шелепину с приемом в члены Академии российской литературы. Присоединяемся к этим поздравлениям!

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЧЛЕНА РЕДКОЛЛЕГИИ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ» ИГОРЯ МАВРОВИЧА НЕХАМЕСА (Г. МОСКВА) С НАГРАДОЙ!

ПОЗДРАВЛЕНИЯ С НОВЫМ ГОДОМ

Уважаемые коллеги! Желаем Вам счастливого Нового года, вдохновения, крепкого здоровья, пусть вам сопутствует удача и признание в вашей профессиональной творческой жизни! Надеемся на продолжение нашего плодотворного сотрудничества.

«Русский мир массмедиа» Прохоров Сергей **Уважаемые** Друзья и Коллеги! Позвольте поздравить Вас с наступающим Новым 2015 годом и пожелать Вам новых свершений, здоровья, счастья и творческих успехов!

С глубоким уважением, Гражданин Земли XXI Юнеско, Президент Совета Женщин ОО «Конгресс Азербайджанцев Мира» А. С. Меджидова.

Всю редакцию, а также получателей письма поздравляю с наступающими праздниками, Новыми Годом и Рождеством Христовым! Всего-всего наилучшего и никакого уныния!

Валерий Туловский

Дорогие друзья, всех поздравляю с наступающим 2015 годом! Хотелось бы встретить его на более оптимистичной волне, но такова се ля ви. Жизнь, а тем более литература — жестокая штука. Но как говорится, наш бронепоезд обязательно прорвется. ВЕРИМ! С уважением и пожеланием всем доброго Нового 2015 года!

Лебедев Сергей

Скоро Новый Год! И я от всей души желаю Вам в Новом году неиссякаемых сил для творчества, для выпуска нашего журнала, для дел профессиональных и личных! И чтобы Вы обязательно побеждали на конкурсах! А еще пусть дома всегда будет уютно и тепло! Здоровья Вам и светлой радости!

Ирина Николаевна Кедрова

С наступающим Новым Годом!

Ольга Борисова, Самара.

Всем радости творчества, в Новом году.

С уважением, Виноградов Василий

Поздравляю с Новым 2015 годом!

От всей души желаю здоровья, благополучия, исполнения всех заветных желаний, которые будут загаданы под Новый год! И пусть в Вашей жизни в 2015 году происходят только позитивные перемены, а новые страницы жизни, открытые в 2015 году, принесут много интересного и увлекательного!

Лебедев Сергей в роли Деда Мороза

С Новым Годом!

Николай Еремин

Редакции и коллективу авторов международного журнала «Приокские зори»

НОВЫЙ ГОД — 2015 выходит в путь.

Графическая работа Ефима Гаммера

С наступающим Новым годом. Удачи и здоровья.

Ефименко Любовь

Уважаемые коллеги! Поздравляю с наступающим Новым годом!

С почтением, профессор Алина Комарова

С **НОВЫМ ГОДОМ, ДРУЗЬЯ!** С Новым Годом, родные! С Новым Годом, страна! С Новым Годом, планета земля!

Емельянов В.

Дорогой Алексей Афанасьевич! С наступающим Новом годом. Вам здоровья, физических и творческих сил продолжать великое дело сбережения русской литературы. Славному «ПЗ» сохранения себя в бумажном формате, как наиболее приемлемом для художественной литературы, в котором есть зрительная привлекательность,— красота текста и букв, сохранность традиции накопления домашней библиотеки и культуры книгоиздания. Обнимаю. Будьте здоровы.

Ваш Р. Артамонов

Алексей Афанасьевич! Примите и мое поздравление Вам с Новым годом! Желаю успехов, новых достижений, признания!!!

С уважением, Б. А. Кобринский

Уважаемый Алексей Афанасьевич! С Новым годом! Крепкого здоровья и счастья! Удачи и успехов в Вашем нелегком редакторском деле. Процветания Вашему замечательному журналу!

Иосиф Рухович

Уважаемый Алексей Афанасьевич! От всей души поздравляю Вас с наступающим Новым Годом! Пусть он принесет здоровье, счастье, любовь, вдохновение и исполнение всех желаний! Мы поддержим Вас во всех начинаниях и творческих проектах. Всего самого доброго!

С уважением, Анна Барсова

Добрый день, Алексей Афанасьевич! Вас, Ваш коллектив и Ваших близких сердечно поздравляю Новым Годом!

Нина Попова

Многоуважаемый Алексей Афанасьевич! От все души поздравляю Вас с наступающим новым 2015 годом. Желаю творческих успехов в НАУКЕ и в Вашей литературной деятельности. Еще раз убеждаюсь в истине — талантливый человек проявляется во многом. Замечаю, что сам, с возрастом, все чаще задумываюсь о бытие окружающего мира. Иногда это провоцирует к стихам, например:

Мы в этот мир пришли и вдруг уйдем однажды..., Но смысл сего нам не дано познать, Для многих это вовсе и неважно, Хотя любой в душе хотел бы понимать...

С уважением, Ваш Лопин В. г. Курск.

Уважаемый Алексей Афанасьевич! Сердечно поздравляю Вас и ваших близких с Новым Годом и Рождеством Христовым! Желаю здоровья и благополучия!

С уважением, Виктор Буланичев

Уважаемый, дорогой Алексей Афанасьевич! С Новым 2015 годом!

Желаю Вам и всем Вашим близким большого счастья и исполнения всех желаний, а Вашим близнецам расти здоровыми и счастливыми. Душевной Вам бодрости, творческого вдохновения, больше единомышленников и новых книг, а нашему журналу «Приокским Зорям» держаться на плаву, возрастать читателями и авторами и сохранять высокий художественный уровень, достойный имени Державина. Еще раз всех Вам благ и успехов. Наилучшие пожелания всем коллегам и авторам. Долголетия и Вам, и «Приокским зорям».

С искренним уважением, Людмила и Геннадий Авдеевы

Дорогой Алексей Афанасьевич! От чистого сердца поздравляю Вас с наступающими праздниками: с Новым, 2015-м годом, и Рождеством Христовым! Желаю огромного семейного и творческого счастья, Мужского долголетия, надежных друзей, мирного неба и, конечно, всех земных благ в жизни! И высылаю Вам в качестве подарка к этим праздникам «Зимние мелодии».

С теплым дружеским приветом к Вам, Владимир Корнилов

Уважаемый Алексей Афанасьевич! Искренне поздравляю Вас и Ваших близких с новогодне-рождественскими праздниками! Всевозможных благ всем вам в 2015 году!

К ДРУЗЬЯМ НА НОВЫЙ ГОД

Друзья! Настал и новый год! Забудьте старые печали, И скорби дни, и дни забот, И все, чем радость убивали; Но не забудьте ясных дней, Забав, веселий легкокрылых, Златых часов, для сердца милых, И старых, искренних друзей.

Живите новым в новый год, Покиньте старые мечтанья И все, что счастья не дает, А лишь одни родит желанья! По-прежнему в год новый сей Любите шутки, игры, радость И старых, искренних друзей. Друзья! Встречайте новый год В кругу родных, среди свободы: Пусть он для вас, друзья, течет, Как детства счастливые годы. Но средь Петропольских затей Не забывайте звуков лирных, Занятий сладостных и мирных, И старых, искренних друзей.

(Дмитрий Владимирович Веневитинов. 1805—1827)

Игорь Топоров, г. Николаев

Доброго времени суток, Алексей Афанасьевич! Поздравляю Вас и весь коллектив «Приокских зорь» с наступающими праздниками — Новым годом и Рождеством Христовым! Пусть этот год в Ваш дом войдет с мешком стобаксовых банкнот, с секретом молодости вечной — творите много-бесконечно!

Ваш автор Федор Ошевнев

НОВОГОДНЕЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ СОВЕТУ И ЧЛЕНАМ БЕЛОРУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО СОЮЗА «ПОЛОЦКАЯ ВЕТВЬ»

ДОРОГИЕ ВЕТВЕВЦЫ, ДОРОГИЕ КОЛЛЕГИ, ДРУЗЬЯ!!!

В нынешнем, юбилейном для нас, году Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь» продолжил набирать «обороты», укреплять свои региональные структуры и наращивать ряды. В течение 2014 года прошло несколько значимых мероприятий, которые позволили упрочить литературный авторитет и поднять статус Беллитсоюза «Полоцкая ветвь» как на республиканском, так и на международном уровнях.

Прежде всего, таким солидным мероприятием, безусловно, стал Международный литературный форум «Славянская лира», который прошел 2—4 июня в гор. Полоцке. Как известно, в нем приняло участие 85 авторов из 6 стран мира. А в открытом заочном конкурсе, предшествовавшем самому форуму — около двухсот поэтов, прозаиков, драматургов, переводчиков из 17 стран мира. Размах поистине впечатляющий. Особенно, если учесть, что форум и конкурс проводились впервые. На него приехали, как российские гости из Союза писателей России, так и Союза российских писателей, Российского союза профессиональных литераторов из Москвы, Смоленска, Рязани, Самары, Волгодонска, Вязьмы, Калининграда, Липецка, Санкт-Петербурга, так и гости из Национального союза писателей Украины, Конгресса литераторов Украины, Межрегионального союза писателей Украины из Киева, Херсона, Белой Церкви, Артемовска. А еще писатели из Великобритании (Лондон), Финляндии (Хельсинки), Армении (Кировокан). Про нашу страну и говорить не стоит, так как были представлены все области Беларуси, включая многочисленные города и даже поселки, деревни. О форуме «Славянская лира» написали несколько десятков статей в

печатных и электронных СМИ, на просторах Интернета. В рамках форума прошли литературная конференция и круглый стол, конкурсы на приз зрительских симпатий и мастер-классы, выставка-ярмарка книг и экскурсии по памятным местам Полоцка, Дни национальных литератур и авторские вечера, презентации книг и литературных СМИ...

В этом же году прошел ежегодный Третий республиканский творческий турслет «Литературные встречи в Корсаково», собравший два десятка авторов из 9 городов республики. В рамках слета состоялись мастер-класс и конкурс литературных перфомансов.

Не менее представительно отмечал Беллитсоюз «Полоцкая ветвь» и свою 20-летнюю годовщину, а также провел очередной 5-й Съезд организации. Среди более четырех десятков авторов, съехавшихся со всех уголков республики, можно было увидеть и наших друзей из правления Смоленского отделения Союза писателей России. В рамках празднования 20-летия состоялось традиционное творческое состязание «Турнир поэтов», прозвучали музыкальные и вокально-инструментальные композиции, был продемонстрирован фильм, приуроченный к 15-летию «Полоцкой ветви» и слайд-шоу, посвященное последней пятилетке организации, презентация пилотного номера альманаха «Полоцкая ветвь-2014»...

Авторитет Беллитсоюза «Полоцкая ветвь» был упрочен и победами членов союза на шестом Международном фестивале литературы и культуры «Славянские традиции-2014» в городе Щелкино (Украина, Крым). Определились сильные авторы среди ветвевцев также в результате проведения Международного творческого конкурса «Литературная крона-2014». Отмечены дипломами и наградами, литературными премиями в нынешнем году оказались Наталья ИВАНОВА, Татьяна (Дарья) ДОРОШКО, Олег СЕШКО, Александр РАТКЕВИЧ, Людмила КРЫЖАНОВСКАЯ, Василий МИРОНОВ, Людмила САЛТЫКОВА, Олег ЗАЙЦЕВ, Рагим МУСАЕВ, Алексей БАНДОРИН, Леонид ВОЛКОВ, Александр КЛЮЧНИКОВ, Екатерина ДАБКЕНЕ, Василий МЕЛЬНИКОВ, Рита КРУГЛЯКОВА, Анна АВОТА (Наталья ГОЛОВА), Евгений ИВАЩЕНКО, Мария ЯМПОЛЬСКАЯ, Андрей ШУХАНКОВ, Михаил ШНИТКО, Дмитрий ЮРТАЕВ и некоторые другие авторы...

Многие из нас в текущем году смогли успешно реализовать свои творческие замыслы. Всего за нынешний год издано более двух десятков книг прозы, поэзии и художественного перевода общим тиражом почти 4 тыс. экземпляров — это один из наиболее «урожайных» годов за последнюю пятилетку (в этом году, как ни странно, пальму первенства поэты, пожалуй, впервые уступили прозаикам). Увидели свет книги поэзии Николая ВАСИЛЕВСКОГО (две книги), Вадима САЛЕЕВА, Валерия ТУЛОВСКОГО, Светланы КЛЕЦКО, Олега СЕШКО, Василия МЕЛЬНИКОВА, Александры КОВАЛЕВСКОЙ, Семена АРОНОВА, Натальи ИВАНОВОЙ, Дарьи (Татьяны) ДОРОШКО и Владимира ЧЕРЕУХИНА, Людмилы ЯСЬКОВОЙ, Галины РОГОВОЙ, коллективный альманах «Полоцкая ветвь-2014», в котором приняло участие 40 ветвевцев. Ветвевцы успели поучаствовать и в нескольких международных сборниках: Литературном альманахе «ЛитЭра» № 8 (Москва), сборнике поэзии «Есть только миг...» (Киев), поэтическом альманахе «Академия поэзии-2014» (Москва). Сдан в печать и планируется к выпуску в марте месяце «белорусский выпуск» литературно-публицистического журнала «Приокские зори», в котором нашло отражение творчество нескольких десятков наших поэтов, прозаиков, дарматургов, переводчиков, литературных критиков и литературоведов...

Будущий год для всех нас предстоит достаточно сложным. И не только потому, что перед активом творческого союза стоит задача организовать второй ежегодный Международный литературный фестиваль «Славянская лира» (который сейчас наши недруги из СП Беларуси пытаются подло украсть), возобновить выпуск литературнопублицистического журнала «Западная Двина», провести очередную Международ-268

ную литературную премию имени Симеона Полоцкого, выпустить литературный альманах ««Полоцкая ветвь»-2015». Но также и потому, что в 2015-й год мы с вами вступаем с потрясениями в отечественной, а также смежной с нашей экономиками двух славянских стран — России и Украины, — которые могут пагубно отразиться и на нашем материальном благополучии, и на наших творческих планах...

Дорогие соратники по литературному союзу, дорогие коллеги по творческому цеху, друзья, от себя лично, от имени Совета Беллитсоюза «Полоцкая ветвь» и от имени Международного сообщества писательских союзов (коллективным членом которого мы все являемся) спешу поздравить всех членов нашей организации с наступающим 2015-м годом и Рождеством Христовым! Хочу пожелать вам не бодаться в будущем году и не быть забоданным годом Деревянной Козы, а получать от нее полезное козье молоко! То есть из любых ситуаций выходить с плюсами! Доброго здоровья вам и вашим близким, счастья и благополучия в ваши дома, новых творческих свершений и находок, авторских и коллективных сборников, побед на литературных премиях, конкурсах и фестивалях вам, мои дорогие ветвевцы! Пусть и дальше живет и процветает Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь»!

Олег Зайцев, председатель Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», председатель Ревизионной комиссии Исполкома Международного сообщества писательских союзов, действительный член Крымской литературной академии, директор и главный редактор Учреждения (издательства) «Литературный свет», газеты «Слово писателя» и журнала «Западная Двина»

Дорогой Алексей Афанасьевич! В Новый год мы изо всех сих пытаемся хоть на минуту стать детьми. И не только потому что в детстве деревья были выше, а трава зеленее. В детстве мы точно знали, кто друг, а кто враг. Да и враги были детские. Мы верили в Деда Мороза, даже если у него был папин нос. Мы точно знали, что когданибудь обязательно заведем дома своего собственного слоненка, или хотя бы щенка. Мы верили в чудо и не знали силы денег, злобы, зависти. Перед нами не было преград, а потому мы были счастливы. Пусть этот волшебный праздник оживит наши детские воспоминания, наполнит наши линялые крылья воздухом и поможет всем нам стать хотя бы немного счастливее!

С уважением, Рагим Мусаев

Дорогой Алексей Афанасьевич! Пусть здоровье, настроение, силы и благополучие позволят Вам в Новом году радовать себя, коллег, читателей, друзей и близких новыми интересными встречами, проектами, поездками, выступлениями, публикациями и другими творческими успехами!

Елочка из окрестностей Королева.

С уважением, Анатолий Пережогин

ПАМЯТЬ ОБ УШЕДШИХ ДРУЗЬЯХ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

30 января 2015 года не стало нашего автора из Донецка, лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, профессора-биофизика, доктора биологических наук, кандидата химических наук, ученого с европейской известностью

ИГОРЯ ГРИГОРЬЕВИЧА ГЕРАСИМОВА

Его сердце не выдержало года фронтовой жизни в Донецке. Умер он скоропостижно за своим рабочим столом.

Скорбим.

СОБОЛЕЗНОВАНИЯ ПО ПОВОДУ КОНЧИНЫ Н. В. КВАСНИКОВОЙ

17 ноября от инсульта скончалась Наташа Квасникова. Вы же знаете ее целеустремленность и ответственность! Она — замечательный поэт, тонкий лирик, умеющий с улыбкой взглянуть на себя и на окружающий мир. Ее всегда отличала твердость духа, сила характера и серьезность отношения к людям и ответственность за дело — писательское, преподавательское, материнское. Будем держаться! И помнить замечательного человека, талантливого поэта и прозаика, добрую женщину!

Ирина Николаевна Кедрова (Москва)

Мои соболезнования по поводу преждевременной кончины зам. главного редактора.

Ваш автор Олег Корниенко (Сызрань)

Примите, пожалуйста, наши искренние соболезнования семье Натальи Валентиновны и редакции журнала «Приокских зорь».

Ольга Борисова (Самара)

Искренне соболезную и скорблю по поводу безвременного ухода Натальи Валентиновны Квасниковой!

Трусов Вадимир (Мончегорск)

Известие о смерти Натальи Валентиновны Квасниковой для меня тяжело, так как мы потеряли не только члена нашей редколлегии, а деятельного, талантливого человека. Буквально на днях я читал ее баллады в альманахе «Ковчег» № 4. Восхищался многогранностью ее таланта. Искренне скорблю и выражаю соболезнования родным Натальи Валентиновны Квасниковой.

Сергей Лебедев (Тольятти)

Искренне скорблю по поводу кончины Натальи Валентиновны Квасниковой, которую я очень хорошо знал, всегда с теплотой мы с ней общались. Она была очень ответственным и деятельным человеком, литератором с хорошим вкусом. Это очень грустно.

И. М. Нехамес (Москва)

9-го марта 2015 года на 86-м году ушел из жизни известный тульский писатель и публицист Николай Николаевич Минаков, долгое время являвшийся главным редактором газеты «Тульский литератор» и членом редколлегии журнала «Приокские зори». Сама идея издания журнала была предложена Николаем Николаевичем.

Редколлегия и редакция «Приокских зорь» глубоко скорбят по поводу тяжелой утраты. Выражаем соболезнования его родным и близким.

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

Литературно-художественный и публицистический журнал

Редакторы: Л. Д. Алтунина, А. А. Яшин, Я. Н. Шафран Корректоры: Л. Д. Алтунина, Я. Н. Шафран, А. А. Яшин Компьютерный набор: авторы, Я. Н. Шафран Компьютерная верстка и изготовление оригинал-макета: С. В. Никитин

16+

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для детей старше 16 лет.

Электронное издание (с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров)

Дата выхода в свет 30.03.2015 Формат 70×108/16. Печ. л. 17,00

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Наш журнал, как и большинство современных российских изданий, не имеет твердой финансовой базы. Издается он исключительно заботой и энергией редакционной коллегии. Кроме того, мы с самого начала издания журнала отвергли практику (порочную в своей основе) взимания оплаты публикаций с авторов.

Единственно, чем вы можете посильно помочь редколлегии — это снять с нее финансовую заботу по первоначальному компьютерному набору текстов ваших произведений. Понятно, что литератор любит писать «от руки», в лучшем случае — на пишущей машинке. Но, полагаем мы, все же задача компьютерного набора решаема каждым из вас: наверняка у каждого есть родственники, знакомые, друзья, владеющие компьютерной грамотностью. Наконец, сейчас широко развита сеть наборных услуг, вполне приемлемых по цене оплаты. В конце концов, каждый может позаботиться о судьбе своего детища — своего произведения.

Поэтому просьба предоставлять свои произведения в компьютерном наборе: CD-RW с файлом текста и 2 экземпляра распечатки. Набирать текст шрифтом Times New Roman Cir, размер 14 через 1,5 (компьютерных) интервала.

Обязательно приложите свое черно-белое или цветное фото и краткую биографическую справку.

Желательно все скомпоновать по образцу публикаций в «Приокских зорях». Просьба не присылать материалы «на выбор», а только то, что Вы хотите видеть опубликованным в одном номере журнала. Все материалы представляются в редакцию по «бумажной» почте: 300025, Тула, а/я 920, Яшину А. А. По электронной почте материалы высылать: прозу, включая публицистику и пр., по адресу: markingennady@yandex.ru — зав. отделом прозы Геннадию Николаевичу Маркину; поэзию — по адресу: struna43@yandex.ru — зав. отделом поэзии Константину Валерьевичу Струкову.

С признательностью — редколлегия журнала

ВРУЧЕНИЕ ДИПЛОМА ЛАУРЕАТА ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА

Диплом Ларисе Семенищенковой вручил 26 декабря 2014 года на общем собрании Брянской писательской организации Союза писателей России ее председатель поэт Владимир Сорочкин (слева на фото).

Представляем спецкорреспондента нашего журнала по российскому казачеству подъесаула Александра Саликова (в центре на фото); станица Есаульская Всевеликого Войска Донского

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» В 2014 ГОДУ

Лариса Леонидовна Семенищенкова — в жанре прозы и драматургии. Удостоена звания лауреата за пьесу «Лесков (портрет писателя)», опубликованную в «ПЗ» № 1, 2014. Член Союза писателей России, кандидат филологических наук. Живет и работает в Брянске.

Игорь Алексеевич Мельников — в жанре поэзии. Удостоен звания лауреата за цикл стихов, опубликованных в номерах «ПЗ» за 2014 год. Имеет гуманитарное и медицинское образование, член Союза писателей и переводчиков МГО Союза писателей России. Работает врачом-лаборантом, живет в Туле.

Владимир Вадимович Резцов — в жанре поэзии. Удостоен во второй раз звания лауреата «Левши» за эпическую поэму «Песня о Гришке Отрепьеве», публикуемую в «ПЗ» с продолжением с 2012 года. Член Союза писателей и переводчиков МГО Союза писателей России. Профессиональный лингвист. Живет и работает в Калиниграде.

Игорь Маврович Нехамес — в жанре литературоведения. Удостоен звания лауреата за очерк «Звучит ручьевская строка» («ПЗ» № 2, 2014) Член Союза писателей России и Союза журналистов России, действительный член Академии российской литературы и Академии гуманитарных наук, кавалер многих писательских орденов и медалей. Профессиональный юрист. Живет и работает в Москве.

Виктор Васильевич Буланичев — в жанре публицистики. Удостоен звания лауреата за очерк «Георгий Алексеевич и Виктория Викторовна Прибытковы» из цикла «Люди Сибири» («ПЗ» № 4, 2014). Главный редактор журнала «Бийский Вестник», известный в России писатель, публицист и организатор литературного процесса. Живет и работает в Бийске Алтайского края.

